КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

1906 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ 93-го ТОМА

май-іюнь и іюль-августъ.

Книга первая и вторая—май-іюнь.

Отдѣлъ I.

I ОТНОШЕНІЕ ВЕЛИКОРУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ 70-хъ ГОДОВЪ КЪ НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНІЮ . . . . . 1—42
II ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 43—62
III ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ КОНЦА 40-хъ ГОДОВЪ. *П. П. Сокальскій.* 63—71
IV ИЗЪ ЖИЗНИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ 1840-хъ ГОДАХЪ. *О. Левицкій* . . . 72—87
V ЖИТТЯ І ТВОРИ ВІКТОРА ЗАБІЛИ. *В. Мировця* . . 88—178
IV ТЕМНОТА *Ю. Будяка.* . . . . . 178—183
VII НЕ В РУКУ . . . . . 184—190
VIII ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ Н. И. КОСТОМАРОВА . . . . . 191—230

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Д. И. а) Яворницкій. Наша доля—Божа воля. Повисть. *Д-въ;* б) Украиньске весилля. Записавъ Ив. Демченко. *Владиміръ Даниловъ.*. . . . . 1—5
II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи матеріальнаго положенія малороссійскаго духовенства въ 18 вѣкѣ. Сообщ *Вл. П-ко*; б) Разведеніе табаку въ Малороссіи въ 1760 годахъ. Сообщ. *Вл. П-ко*; в) Къ исторіи Кіево-Софійскаго собора. Сообщ. *Вл. П-ко*; г) Къ народной демонологіи Сообщ. *Вячеславъ Каминскій*; г) Непонятная тревога. *О. Л.;* д) Стихотвореніе ссыльнаго украинца половины XVIII ст. *Г. Б.;* е) Маленькі додатки до матеріалів, записанных в с. Отаках. Сообщ. *В. Яблоновскій* ж) Изъ прошлаго Полтавщины: 1) Жалоба еврей-

скаго раввина въ думу о несоблюденіи евреями обрядовъ; 2) Договоръ между мѣщанами о добровольномъ поступленіи въ рекруты за плату. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* 6—21
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 22—50

Книга третья и четвертая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

I. О ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ВО 2-й ЧЕТВЕРТИ XIX ст. *Ор. Левицкаго.* . . . . 231—274
II. ПОЛЬСКАЯ И ВЕЛИКОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 70-хъ ГОДОВЪ ПО ВОПРОСУ О НАРОДНО-ФЕДЕРАЛЬНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ *М. П. Драгоманова.* . . . . . 275—337
III. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ НАРОДНИЧЕСТВѢ. (Опытъ программныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи). *Петра Одинца.* . . . 338—376
IV. ОТКРОВЕНІЄ СВ. СТЕПАНА. (Студія над одним мало відомим апокріфом). *Івана Франка* . . . . . 377—405
V. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА. (Продолженіе). . . . . 406—435
VI. РОЗГАРДІЯШ. Твора на 4 дії. *М. Кропивницького.* . 436—470
VII. ПРИЗНАКИ УКРАИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ НА УРАЛѢ. *Вл. Короленка.* . . . . . 476—482

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: Новый сборникъ пѣсенъ. „Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ". *Владиміра Данилова.* . . . . . 51—70
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720 г.) Сообщ. *Вл. Короленко;* б) Необходимое поясненіе. *Б. Гринченко;* в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* г) Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* д) *Изъ прошлаго Полтавщины.* I. Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола. II. Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст. Сообщ. *И. Фр. Павловскій;* е) Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* . . . . . 71—82

О положеніи крестьянъ Юго западнаго края во 2-й четверти XIX ст.

I.

Нѣтъ болѣе печальной исторіи, какъ исторія Украины; это—въ полномъ смыслѣ слова сплошная скорбная повѣсть о безпримѣрныхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ украинскаго народа. Но пока народъ имѣетъ возможность бороться за свои права и идеалы, то, какъ бы ни были велики его неудачи и несчастья, все-таки его положеніе нельзя признать совершенно безотраднымъ; у него не отнята надежда на возможность какого-либо благопріятнаго исхода борьбы, онъ еще воленъ въ выборѣ средствъ для такой борьбы, а въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ не задумается прибѣгнуть къ такому отчаянному средству, какъ поголовное выселеніе изъ родного края, но съ надеждою вновь вернуться въ него, какъ только измѣнятся неблагопріятныя обстоятельства. Въ такомъ именно положеніи очутилась правобережная Украина въ злосчастную эпоху „Руины". Отвергнутая московскимъ правительствомъ, по дипломатическимъ разсчетамъ вновь вернувшимъ ее Польшѣ, оставленная на произволъ судьбы лѣвобережными гетманами, она не захотѣла однако безропотно подчиниться своей горькой судьбѣ—снова вернуться въ польское ярмо и съ отчаянной рѣшимостью бросилась въ непосильную борьбу, результатомъ которой было полное запустѣніе края и уходъ населенія на лѣвый берегъ Днѣпра.

Но сто лѣтъ спустя та же правобережная Украина вступила въ иной фазисъ своей исторіи. Выдержавъ снова упорную борьбу за свою вѣру и вольность, она еще разъ потрясла пляхетную

Польшу отчаяннымъ взрывомъ гайдамачины и наконецъ, усталая, обезсиленная, поголовно закрѣпощенная все тѣмъ же польскимъ панствомъ, она дождалась „смутнаго часу," когда ея вѣковой врагъ Польша пала, а сама она, вмѣстѣ съ Волынью и Подольей, перешла подъ власть того самаго единовѣрнаго съ нею государства, покровительства котораго она такъ страстно всегда искала и подъ скипетромъ котораго уже полтораста лѣтъ жили ея братья, сыны бывшей Гетьманщины и Слободской Украины. Казалось, наступалъ великій и всерадостный для всѣхъ доселѣ разрозненныхъ, а отнынѣ вновь и уже навѣки объединенныхъ частей Украины, поворотный моментъ въ ея исторіи, моментъ исполненія вѣковыхъ чаяній украинскаго народа. Казалось, что теперь, подъ защитою русскихъ законовъ, „исконно-русское" населеніе старой Волыни, Подольи и Украины почувствуетъ себя свободными гражданами новаго отечества, а не рабами польской шляхты, и что, добровольно сбросивъ съ себя грубымъ насиліемъ навязанную ему унію, оно сброситъ и вѣковыя цѣпи личнаго порабощенія той самой шляхтѣ, которая во время польскаго господства такъ безчеловѣчно попирала его вѣру и народность и обратила его въ безотвѣтныхъ рабовъ. И по естественной логикѣ такъ бы оно и слѣдовало, чтобы оправдались эти справедливыя народныя чаянія. Но мы хорошо знаемъ, что они не оправдались, какъ не оправдались и опасенія поляковъ-помѣщиковъ, будто они, съ переходомъ края въ русское управленіе, потерпятъ какой-либо ущербъ въ своихъ сословныхъ, владѣльческихъ или хотя бы національныхъ привилегіяхъ и интересахъ. И надежды однихъ, и опасенія другихъ оказались одинаково напрасными: все осталось по старому, по прежнему, какъ было и „за Польщи". Да и какъ могло быть иначе, когда присоединеніе края совершено было той самой просвѣщенной императрицей, которая съ такимъ усердіемъ насаждала въ Россіи „шляхетскія вольности" и лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ формально ввела крѣпостное право въ бывшей Гетьманщинѣ! Правда, какъ русская государыня, Екатерина и въ „провинціяхъ отъ Польши присоединенныхъ" предпочитала бы видѣть въ роли помѣщиковъ русскихъ, а не польскихъ вельможъ, и съ этою цѣлью конфисковала громадныя имѣнія уніатскихъ кафедръ (даръ древнихъ русскихъ князей православной церкви) и роздала ихъ своимъ любимцамъ; при ней же и обширныя государственныя имѣнія (бывшія старостинскія и королевскія) въ Кіевщинѣ перешли въ собственность русскихъ вельможъ. Но ея ближайшіе преемники отказались даже отъ этой робкой полити-

ки—насажденія въ польскихъ провинціяхъ русскаго землевладѣнія" и заботливо оберегали и вновь расширяли прерогативы туземнаго дворянства. Такъ Павелъ I, желая исправить мнимыя неправды своей матери по отношенію къ Польшѣ, по вступленіи на престолъ велѣлъ немедленно освободить около 11,000 поляковъ, сосланныхъ за участіе въ возстаніи Костюшки, и возвратить имъ конфискованныя и уже розданныя русскимъ имѣнія, возстановилъ вновь католическія и уніатскія епархіи и даровалъ польскимъ дворянамъ присоединенныхъ отъ Польши областей право съѣзжаться на сеймики и избирать изъ своей среды губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ, генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, причемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ югозападныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками. Съ воцареніемъ Александра I для поляковъ западнаго края открывалась еще болѣе блестящая эра, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что молодой императоръ, благодаря вліянію друга своей молодости князя Адама Чарторыйскаго, преисполненъ самыми благожелательными чувствами по отношенію къ Польшѣ и искренно желаетъ облегчить ея „бѣдствія", и всѣ надѣялись, что онъ явится ея „воскресителемъ". Терпѣливо ожидая этого вожделѣннаго времени, поляки могли спокойно готовиться ко дню своего государственнаго возрожденія, пользуясь тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, какое они занимали въ новомъ отечествѣ, и проводя безпечальное житіе, какого не знали и въ прежнемъ. Совершенно свободные отъ податей и какихъ бы то ни было государственныхъ повинностей, они были во всемъ уравнены въ правахъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ, среди котораго тотчасъ заняли выдающееся положеніе; за ними охотно признавали довольно сомнительные графскіе и княжескіе титулы; въ ихъ рукахъ находился судъ, школа и уѣздная администрація, имъ открытъ былъ свободный доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ до губернаторскихъ и сенаторскихъ мѣстъ включительно. Ихъ вотчинная власть надъ милліонами коренного украинскаго населенія, подъ защитою русскихъ законовъ, выросла до размѣровъ, неизвѣстныхъ въ эпоху польскаго владычества, когда помѣщикамъ и во снѣ и наяву грезился страшный призракъ гайдамаки. Въ тѣ времена крайняго усиленія крѣпостничества въ самой Россіи никому, конечно, и на мысль не приходило, чтобы въ видахъ хотя бы политическихъ усилить и под-

держать въ новоприсоединенномъ краѣ единственный русскій элементъ—въ лицѣ милліоновъ закрѣпощеннаго народа. Еще со временъ Екатерины о немъ прилагали попеченіе только какъ о народѣ *единовѣрномъ* и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (наприм., въ манифестѣ о присоединеніи къ Россіи Юго-западнаго края по второму раздѣлу Польши) вспоминали и объ его *единоплеменности*, но для улучшенія быта этого единовѣрнаго и единокровнаго народа, такъ долго стенавшаго подъ ярмомъ шляхетскимъ и въ чаяніи лучшей доли неудержимо рвавшагося къ соединенію съ Россіею, не было предпринято ни одного шага; напротивъ, на его плечи легла теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей и въ числѣ ихъ самая тяжелая—рекрутчина, которой онъ не несъ „за Польши“ и отъ которой были освобождены не только поляки (въ томъ числѣ и самая мелкая, бездомная шляхта), но и евреи. Позволяя ничтожному числу пришлаго инороднаго дворянства безгранично эксплоатировать личность, трудъ и имущество милліоновъ коренного населенія, правительство Александра I, по какой-то непостижимой политической слѣпотѣ, равнодушно смотрѣло на энергичныя усилія поляковъ путемъ школьнаго обученія отнять у этого народа самую его душу — сознаніе своей національной индивидуальности; по крайней мѣрѣ не дѣлалось ничего для противодѣйствія открытой, систематической полонизаціи западно-русскихъ областей, которая съ такой энергіей начата была еще польской эдукаціонной коммиссіей и достигла въ нашемъ краѣ высшаго напряженія въ эпоху Чацкаго; напротивъ, русское правительство того времени открыто признавало законность этого явленія и содѣйствовало ему цѣлымъ рядомъ мѣръ не только школьнаго, но преимущественно административнаго характера. Всѣ эти странныя, противоестественныя на современный взглядъ явленія происходили отъ незнанія или нежеланія знать прошлое, отъ невниманія къ интересамъ народныхъ массъ и отъ распространеннаго тогда даже въ руководящихъ сферахъ нелѣпаго предразсудка, будто національность страны опредѣляется національностью „первенствующаго“ въ ней, т. е. дворянскаго сословія. Исходя изъ послѣдняго положенія, не одни поляки въ то время были убѣждены, что западно-русскій край есть органическая часть Польши, давно завоеванная силою ея цивилизаціи; то же убѣжденіе господствовало и въ русскомъ обществѣ и находило отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: вспомнимъ, что императоръ Александръ I имѣлъ серьезное намѣреніе, возстановивъ Польшу, возвратить ей русскія области по Березину и Днѣпръ.

Въ виду всего сказаннаго, читатель, надѣемся, согласится съ нашимъ заключеніемъ, что съ момента присоединенія къ Россіи западной Украины въ ея исторіи открывается самый безотрадный періодъ, болѣе печальный, чѣмъ даже злосчастная эпоха „Руины“. Нужды нѣтъ, что въ это время край не переживаетъ ни войнъ, ни народныхъ возмущеній, что его не терзаютъ татарскія орды или внутреннія усобицы, какъ бывало раньше. Но это „безмолвіе“ народа, эта нѣмая, чисто воловья покорность, съ какою онъ протянулъ шею въ прежнее крѣпостное ярмо,—о чемъ она свидѣтельствуетъ, какъ не о полномъ крушеніи его вѣковыхъ надеждъ, о потерѣ вѣры въ себя, въ свои когда-то могучія силы, о страшномъ процессѣ духовнаго омертвѣнія? Убѣдившись, что съ перемѣною политическаго подданства ничто не измѣнится въ его рабской долѣ, народъ сложилъ пѣсню:

„Була Польща, була Польща,
Та й стала Росия
Не заступить син за батька,
А батько за сина“...

т. е. какъ раньше „сина“ и „батька“ гнали батогомъ на „панщину“, такъ и теперь гонятъ. И всѣ сложенныя въ этотъ періодъ пѣсни народныя говорятъ объ одномъ—о тяжести „панщины“, о безчеловѣчіи панскихъ прислужниковъ, пригонявшихъ народъ къ невольничьей работѣ, и о злобѣ къ этимъ „недолюдкамъ“. И кажется дивомъ, что этотъ самый народъ именно въ этотъ ужасный періодъ духовнаго своего прозябанія могъ породить такого геніальнаго пѣвца, какимъ былъ великій нашъ Кобзарь.

Такъ продолжалось до вступленія на престолъ Николая I или, точнѣе, до польскаго мятежа 1830—31 гг., когда правительство горькимъ опытомъ должно было убѣдиться, насколько ошибочна была его прежняя политика на западно-русскихъ окраинахъ. Едва вспыхнуло возстаніе въ коренной Польшѣ, какъ тотчасъ въ разныхъ мѣстахъ юго-западнаго края польская шляхта стала организоваться въ вооруженные отряды и открыто выступать противъ русскихъ, и если бы генералу Ридигеру не удалось удержать Дверницкаго близъ австрійской границы, то послѣдній, двинувшись вглубь Волыни или Подоліи, встрѣтилъ бы здѣсь сильную поддержку среди мѣстныхъ повстанцевъ. Въ эту тревожную минуту русское правительство не безъ опасенія

увидѣло, что, кромѣ военной силы, ему не на кого больше опереться въ краѣ, такъ какъ почти все мѣстное дворянство и чиновничество принадлежало къ польской народности и въ большей или меньшей степени сочувствовало возстанію. Правда, въ краѣ жило свыше четырехъ милліоновъ коренного украинскаго населенія, питавшаго непримиримую вражду къ своимъ притѣснителямъ—той самой польской шляхтѣ, которая въ то время выступала подъ знаменемъ возстанія. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы правительство въ это время хотя косвенно дало понять народу, что не будетъ мѣшать и его содѣйствію въ усмиреніи мятежа, то народъ охотно поднялся бы противъ своихъ пановъ, и юго-западный край сдѣлался бы ареной такихъ же кровавыхъ событій, какія произошли въ 1846 г. въ Галиціи. Но правительство не могло рѣшиться на такую опасную мѣру, такъ какъ это должно было поколебать одинъ изъ коренныхъ устоевъ тогдашняго государственнаго быта—крѣпостное право. А искушеніе, видимо, было велико. Не рѣшаясь прямо призывать крестьянъ къ содѣйствію, ихъ все таки призывали косвенно—чрезъ посредство православнаго духовенства, которому конфиденціально было предписано „посредствомъ прихожанъ“ имѣть неослабное наблюденіе за поведеніемъ помѣщиковъ, ихъ управителей, посессоровъ и другой шляхты и о всякихъ подозрительныхъ, а тѣмъ болѣе явно преступныхъ дѣйствіяхъ ихъ тотчасъ доносить начальству. Одинъ только разъ—и то не отъ лица высшаго правительства, а отъ имени тогдашняго главнокомандующаго, фельдмаршала Остенъ-Сакена, издано было въ маѣ 1831 г. прямое воззваніе къ крестьянамъ юго-западнаго края, читанное въ церквяхъ, въ которомъ они открыто приглашались указывать правительству на мятежныхъ дворянъ и даже схватывать ихъ и доставлять по начальству, при чемъ имъ было обѣщано, что сами они никогда уже не будутъ принадлежать возмутившимся владѣльцамъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою готовностью народъ отозвался на эти приглашенія и какія неоцѣнимыя услуги оказалъ правительству въ дѣлѣ подавленія мятежа. Но какъ дорого пришлось ему же поплатиться за эти вѣрноподданническія услуги! По усмиреніи мятежа никто и не вспомнилъ обѣщанія Сакена, а съ мятежниками правительство поладило довольно мирно: одни изъ пановъ владѣльцевъ принесли повинную и были прощены, другіе разными неправдами вышли сухими изъ воды, третьи хотя и подвергались карѣ, но конфискованныя у нихъ имѣнія были переданы ихъ же родственникамъ—и всѣ они постарались стори-

цею воздать „песьей крови“ за недавнія услуги: мстили за себя мстили за своихъ покаранныхъ родственниковъ, мстили за неудачу „одбудованья ойчизны“, Многіе изъ крестьянъ были отданы въ рекруты, другіе въ кандалахъ, съ перебритыми головами, потянулись въ Сибирь, а оставшіеся на мѣстахъ подверглись повсемѣстно систематическимъ безчеловѣчнымъ преслѣдованіямъ, причемъ (по свидѣтельству самого Бибикова), подвергая крестьянъ истязаніямъ, имъ повторяли, „что таковыя дѣлаются имъ за вѣрность правительству“. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно увеличены были крестьянскіе отработки и повинности, что, помимо чувства мщенія, вызывалось и тѣмъ, что весьма многіе помѣщики и арендаторы хотѣли этимъ поправить свои состоянія, разстренныя революціей.

Но что же дѣлало русское правительство и почему оно не приходило на помощь своему естественному союзнику—народу? Увы, подобную здравую политику правительство усвоило болѣе или менѣе лишь послѣ второго польскаго мятежа, 1863 года, а въ то время она оказалась выше его разумѣнія. Императоръ Николай I имѣлъ очень своеобразный взглядъ на происхожденіе всякаго рода революціонныхъ движеній: причину ихъ онъ видѣлъ не въ извѣстныхъ общественныхъ или государственныхъ нестроеніяхъ, а исключительно въ злой волѣ и вредномъ образѣ мыслей мятежниковъ; поэтому и рецептъ для умиротворенія края и предупрежденія новыхъ возмущеній былъ у него очень простъ: вырвать съ корнемъ революціонную заразу, истребить злонамѣренныхъ людей и навести панику на всѣхъ, кто могъ бы имъ сочувствовать—и въ краѣ водворится миръ и благоденствіе. По этому рецепту былъ умиротворяемъ и юго-западный край послѣ мятежа 1831 года. Прежде всего пущены были въ ходъ мѣры карательныя и устрашительныя: казни, ссылки, розыски и всевозможныя репрессіи; затѣмъ слѣдовали мѣры предупредительныя: увидѣли источникъ заразы въ польскихъ школахъ, заведенныхъ Чацкимъ,—и всѣ школы моментально были закрыты; увидѣли заразу въ католическихъ монастыряхъ—и принялись тотчасъ закрывать ихъ, и т. под. Таковы же были и другія административныя мѣры, направленныя къ снесенію съ края польско-католической окраски и къ возвращенію ему „исконно-русскаго“ характера. Казалось бы, что эта послѣдняя цѣль легче всего была бы достигнута дарованіемъ милліонамъ коренного, „исконно-русскаго населенія гражданскихъ правъ и прекращеніемъ этого позорнаго для господствующаго племени порабощенія польскому

дворянству. Но развѣ подобная дерзкая мысль могла бы возникнуть въ царствованіе государя, который въ одномъ изъ засѣданій государственнаго совѣта (30 марта 1872 г.) опредѣлительно высказался, въ поученіе своимъ вельможамъ, объ этомъ предметѣ такъ: „я признаю, что въ настоящую эпоху *всякій помыселъ* объ освобожденіи крестьянъ былъ бы *преступнымъ посягательствомъ* на общественное спокойствіе и на благо государства". [1]) Въ этомъ своего рода идолопоклонническомъ преклоненіи предъ институтомъ крѣпостного права и суевѣрномъ опасеніи, какъ бы не поколебать этотъ краеугольный камень тогдашнаго государственнаго строя заключается разгадка и того на первый разъ страннаго явленія, что польскіе помѣщики въ юго-западномъ краѣ безнаказанно могли открыто мстить своимъ крестьянамъ за ихъ вѣрноподданническую услугу правительству, а мѣстная администрація была безсильна оградить ихъ отъ дикой мести, а равно и того, почему торжественныя завѣренія Остенъ-Сакена, что крестьяне не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ, остались неисполненными.

Къ чести извѣстнаго кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова нужно отнести то, что этотъ умный администраторъ имѣлъ смѣлость открыто выяснить правительству всю ненормальность тогдашняго положенія крестьянъ въ юго-западномъ краѣ и провести рядъ мѣръ, клонившихся хотя и не къ полному прекращенію ихъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, (объ этомъ нельзя было и заикнуться), то, по крайней мѣрѣ къ возможному огражденію ихъ отъ произвола владѣльцевъ.

II.

Въ то время, когда Бибиковъ вступилъ въ управленіе юго-западнымъ краемъ въ 1838 г., составъ его населенія былъ таковъ. Около 4.200.000 душъ составляли сельское населеніе, поголовно находившееся въ крѣпостномъ состояніи. Надъ нимъ возвышалось дворянское сословіе, числившее въ своихъ рядахъ около 100.000 душъ. Лишь ничтожную часть его составляли дворяне русскаго происхожденія, а остальные были поляки. Но и среди послѣднихъ не болѣе одной трети составляли собственно классъ

---

[1]) Записки барона М. Корфа.

помѣстныхъ владѣльцевъ или поземельную аристократію, а громадное большинство (около 64.000 душъ) принадлежало частью къ мелкопомѣстной, а чаще и совсѣмъ къ безпомѣстной и даже бездомной шляхтѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ классъ паразитовъ, вредныхъ тунеядцевъ, жадно высасывающихъ соки народные. Гордясь своимъ (часто очень сомнительнымъ) шляхетскимъ происхожденіемъ и пользуясь по праву дворянства и полною свободою отъ всякихъ податей и повинностей, такой шляхтичъ обыкновенно презиралъ всякій производительный трудъ и, поступивъ на службу къ богатому пану на должность эконома, управителя, писаря и т. под. или арендуя его имѣніе, являлся самымъ лютымъ мучителемъ и эксплоататоромъ несчастнаго „хлопа“; другіе же изъ шляхты наполняли ряды низшаго чиновничества или, наконецъ, толпились около патрона-магната въ роли нахлѣбниковъ („печеняжей“) или шутовъ. Городское населеніе (около 341.000 д.), за исключеніемъ незначительнаго числа украинскихъ мѣщанъ, составляли главнымъ образомъ евреи; они держали въ своихъ рукахъ почти всю мелочную и оптовую торговлю въ городахъ и мѣстечкахъ, арендовали у помѣщиковъ шинки и корчмы, мельницы, заводы, рѣчные перевозы, а иногда и цѣлые фольварки и разныя доходныя статьи, снабжали и пановъ, и крестьянъ кредитомъ и за безцѣнокъ скупали у нихъ разные продукты, а болѣе состоятельные изъ евревъ брали въ аренду даже казенныя имѣнія съ правомъ требовать отъ крестьянъ барщины.

Таковъ былъ въ то время классовой составъ населенія края, въ которомъ милліоны рабовъ выбивались изъ силъ въ невольномъ трудѣ ради благоденствія ничтожной горсти эксплоататоровъ. Конечно, крѣпостное право существовало тогда во всей Россіи и возмущало совѣсть лишь весьма немногихъ передовыхъ людей; но здѣсь всякаго разумнаго наблюдателя, а тѣмъ болѣе государственнаго дѣятеля, рьянаго поборника „русскихъ началъ,“ какимъ былъ Бибиковъ, должна была поразить вопіющая политическая аномалія, что милліонная масса народа, искони русскаго и православнаго, принадлежавшая и по историческому праву, и по только что совершившемуся факту завоеванія къ племени коренному, господствующему, къ племени побѣдителей,—въ силу крѣпостнаго права, установленнаго Богъ вѣсть когда, въ эпоху еще польскаго господства, отдана была въ полное порабощеніе ничтожному по численности классу инородцевъ и иновѣрцевъ, принадлежащихъ къ племени пришлому и побѣжденному, и по-

чему такое порабощеніе остается въ полной силѣ и послѣ того, какъ этотъ же народъ съ такимъ усердіемъ помогъ правительству усмирить мятежъ, поднятый въ краѣ тѣми же рабовладѣльцами? Народъ этотъ былъ доведенъ до крайней степени забитости и духовнаго обнищанія, у него не было никакой интеллигенціи, если не считать таковой сельское духовенство, столь же убогое, невѣжественное и зависимое отъ помѣщиковъ и ихъ управителей, какъ и его пасомые; однако для просвѣщенія этого народа правительство ровно ничего не дѣлало. Оно устраивало новыя школы взамѣнъ закрытыхъ польскихъ, но предназначало ихъ для польскаго шляхетства, открыло въ Кіевѣ даже университетъ, но тоже „для поляковъ югозападнаго края;“ доступъ же въ эти школы простолюдину былъ закрытъ попрежнему, а объ заведеніи спеціально народныхъ училищъ никто и не думалъ. Но что и говорить объ этомъ, когда законъ той эпохи не обезпечивалъ крестьянину самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ и отдавалъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, въ полное и безотчетное распоряженіе помѣщика, предполагая, что самъ владѣлецъ въ собственныхъ интересахъ станетъ щадить своего раба, какъ добрый хозяинъ щадитъ рабочую скотину. По закону помѣщики имѣли право ссылать непокорныхъ крестьянъ въ Сибирь, сдавать безъ зачета въ рекруты, сажать въ тюрьмы и наказывать когда и какъ пожелаютъ, лишь бы не было увѣчья. А ужъ какъ помѣщикъ пользовался трудомъ и имуществомъ крестьянина, какими работами и повинностями обременялъ его, какъ подрывалъ въ корнѣ его семейный бытъ, произвольно женя и выдавая замужъ его дѣтей, раздаривая и распродавая отдѣльно членовъ одной семьи и т. под.—до этого рѣшительно никому не было дѣла. Можно представить, какъ безчеловѣчно злоупотребляли этимъ всевластіемъ обозленные на своихъ „хлоповъ“ шляхтичи западныхъ губерній!

На это прежде всего обратилъ вниманіе Бибиковъ и въ первомъ же всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ государю въ 1839 г. о положеніи края доводилъ до его свѣдѣнія, что „здѣшніе помѣщики и посессоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.“ И точно, онъ зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы помѣщики не угнетали крестьянъ и не злоупотребляли своей властью и постоянно предписывалъ уѣздной администраціи строжайше

слѣдить за этимъ и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить ему непосредственно. И Боже, какія потрясающія донесенія тучами сыпались отовсюду! Въ архивахъ мѣстнаго управленія и теперь хранятся фоліанты старыхъ дѣлъ, при чтеніи которыхъ такъ и кажется, будто читаешь акты мучениковъ временъ Діоклитіана. Для образца возьмемъ опись такихъ дѣлъ за одинъ лишь 1840 годъ и приведемъ нѣсколько заглавій: „Дѣло о крестьянинѣ Григоріѣ Бирмѣ, умершемъ послѣ наказанія колючими сливяными розгами по приказанію эконома Ведмедскаго;“ „дѣло о крестьянкѣ Параскѣ Петренковой, повѣсившейся послѣ наказанія ея шляхтичемъ Ольшевскимъ“, и затѣмъ—длинный перечень дѣлъ о скоропостижныхъ смертяхъ и самоубійствахъ послѣ тяжкихъ истязаній, или о преждевременныхъ родахъ вслѣдствіе наказаній беременныхъ крестьянокъ. А сколько потрясающихъ драмъ можно найти въ дѣлахъ, носящихъ шаблонное заглавіе: „О жестокомъ обращеніи NN съ крестьянами“, „объ угнетеніи крестьянъ“ и т. под.! Такихъ дѣлъ цѣлыя тысячи. Или вотъ другая серія дѣлъ: „о растлѣніи помѣщикомъ Страшинскимъ шести крестьянскихъ дѣвочекъ“; „объ изнасилованіи помѣщикомъ Прушинскимъ пяти крестьянскихъ дѣвочекъ“ и т. под. Этому развлеченію очень охотно предавались тогдашніе шляхтичи,—и замѣтьте, что ихъ вовсе не привлекали къ отвѣтственности за то, что они содержали цѣлые гаремы изъ крестьянокъ или вообще развратничали съ ними, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они переходили мѣру и насиловали малолѣтнихъ. И любопытно, какъ безсиленъ былъ въ борьбѣ со всѣми этими злоупотребленіями даже такой всемощный администраторъ, какимъ былъ Бибиковъ! Дѣло въ томъ, что хотя законъ и угрожалъ взятіемъ въ опеку имѣній помѣщиковъ, изобличенныхъ въ угнетеніи крестьянъ, но эта мѣра могла быть осуществлена лишь въ томъ случаѣ, если дворянское собраніе признаетъ ее необходимой, какъ и вообще надзоръ за обращеніемъ владѣльцевъ съ крестьянами возлагался на предводителей дворянства, а на нихъ Бибиковъ могъ дѣйствовать лишь морально, а не силою власти. И начиная съ первыхъ лѣтъ управленія краемъ, онъ то и дѣло обращался къ нимъ съ циркулярными убѣжденіями и просьбами „объ оказаніи съ ихъ стороны содѣйствія къ прекращенію злоупотребленій помѣщичьей власти въ обращеніи съ крестьянами.“ Но предводители были тѣ же поляки и помѣщики; они и сами такъ же обращались съ крестьянами и всѣми средствами выгораживали своихъ собратій, когда

администрація привлекала ихъ за это къ отвѣтственности. Не большее содѣйствіе ей оказывали и производившіе дознаніе по такимъ дѣламъ полицейскіе чиновники, въ большинствѣ люди продажные и часто тѣ же поляки, и уѣздные суды, гдѣ членами состояли лица, выбранныя дворянствомъ, намѣренно тормозили подобныя дѣла и затягивали ихъ въ безконечность, если уже нельзя было обѣлить собрата, что такъ легко было сдѣлать при рѣшающемъ значеніи формальныхъ доказательствъ въ тогдашнемъ судопроизводствѣ. Такъ напр., почти всѣ дѣла объ изнасилованіяхъ оканчивались обыкновенно такимъ чисто Шемякинскимъ рѣшеніемъ: „Поелику помѣщикъ N до изнасилованія и растлѣнія означенныхъ дѣвокъ не повинился и при томъ въ поведеніи одобренъ, то на основаніи 1169 ст. XV т. св. зак. оставить его отъ дѣла свободнымъ; а понеже означенныя дѣвки, по удостовѣренію свидѣтельствовавшаго ихъ лѣкаря и собственному сознанію, лишены дѣвства и подверглись противозаконному сожитію, то предоставить духовной консисторіи подвергнуть ихъ церковной епитиміи.“ Спрашивается, что могъ сдѣлать при этомъ даже всемогущій Бибиковъ? Единственное: могъ вызвать насильника къ себѣ для начальственнаго разноса, могъ удалить его изъ имѣнія въ уѣздный городъ подъ надзоръ полиціи или даже подъ арестъ впредь до окончанія слѣдствія по его дѣлу, могъ даже административно выслать его во внутреннія губерніи, а однажды такой помѣщикъ-угнетатель „для примѣра“ былъ преданъ военному суду и посаженъ въ крѣпость. Но это значило лишь сорвать злость на одномъ изъ тысячи, и такія экстраординарныя мѣры, какъ сознавалъ и самъ Бибиковъ, „принося пользу частную, не сильны были отвратить зла общаго.“

Требовались другія мѣры общаго характера, которыя, не подрывая открыто принципа крѣпостного права, клонились бы къ обезсиленію шляхетскаго сословія и къ облегченію крестьянъ. Такія мѣры можно было провести въ то время только подъ флагомъ правительственной борьбы съ полонизмомъ и польской революціей.

Легче всего Бибикову удалось подорвать силу и значеніе той многочисленной мелкой шляхты, которая, окружая польскую аристократію и служа какъ-бы посредницею между нею и крестьянствомъ въ роли управителей, повѣренныхъ, арендаторовъ и приживальцевъ, а также выступая, по праву дворянства, арендаторами и администраторами казенныхъ имѣній, съ особенною жестокостью угнетала крестьянъ и выжимала изъ нихъ послѣд-

ніе соки. Изъ этой же толпы тунеядцевъ польская революція 1831 года рекрутировала главныя силы повстанцевъ; поэтому тотчасъ послѣ усмиренія мятежа послѣдовалъ высочайшій указъ, повелѣвавшій привести въ извѣстность всю польскую шляхту, провѣрить ея права на дворянство и тѣхъ, кто его не докажетъ, причислить къ податнымъ сословіямъ. Но такъ какъ главная роль въ этой провѣркѣ была предоставлена дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ, охотно признававшимъ доказательную силу за документами, сфабрикованными въ Бердичевѣ, то дѣло тянулось безрезультатно около девяти лѣтъ. Тогда, по ходатайству Бибикова, учреждена была въ 1840 г. въ Кіевѣ особая ревизіонная комиссія, которая должна была дѣйствовать подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-губернатора. Результатомъ ея дѣйствій было исключеніе изъ дворянскаго сословія 64,000 шляхтичей, не доказавшихъ своихъ дворянскихъ правъ, и причисленіе ихъ къ податнымъ классамъ—однодворцевъ въ селеніяхъ и гражданъ въ городахъ. Впослѣдствіи эта бывшая шляхта, принужденная заняться производительнымъ трудомъ, почти вся слилась съ кореннымъ населеніемъ, усвоивъ его образъ жизни, языкъ и обычаи.

Труднѣе было Бибикову провести законодательнымъ путемъ другую, болѣе важную мѣру, прямо клонившуюся уже къ изъятію изъ панскаго порабощенія хотя части мѣстнаго крестьянства: разумѣемъ его проектъ о переводѣ государственныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Дѣло въ томъ, что въ Югозападномъ краѣ было много имѣній, перешедшихъ въ казну путемъ конфискаціи бывшихъ владѣній упраздненныхъ католическихъ монастырей и частныхъ лицъ, осужденныхъ за участіе въ возстаніи. Имѣнія эти обычно сдавались казною въ аренду съ торговъ, при чемъ арендаторами бывали обыкновенно польскіе шляхтичи, а часто и евреи. Въ теченіе арендnаго срока они облекались всей полнотою всевластія по отношенію къ крестьянамъ и, конечно, заводили тѣ же порядки, какіе практиковались и въ частныхъ имѣніяхъ; а такъ какъ арендаторы были лишь временными владѣльцами, то они старались извлечь побольше доходовъ изъ имѣнія и потому угнетали крестьянъ еще хуже, чѣмъ обыкновенные помѣщики. Ненормальность этого положенія сознавало и само правительство; 1839 г. оно задумало замѣнить систему арендъ отдачей казенныхъ имѣній благонадежнымъ лицамъ въ безотчетную администрацію на 12 лѣтъ изъ платежа исчисленнаго по люстраціи дохода, и требовало отъ Кіевскаго генералъ-

губернатора указать такія благонадежныя лица. Бибиковъ рѣшительно заявилъ, что у него въ краѣ нѣтъ такихъ лицъ, коимъ можно было бы съ пользою довѣрить администрацію казенныхъ имѣній, ибо русскихъ помѣщиковъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, а поручить имѣнія полякамъ онъ находитъ совершенно неудобнымъ по политическому положенію края и его жителей. Вообще же администраціонную систему въ политическомъ отношеніи онъ признаетъ вреднѣе даже арендной, такъ какъ она вручаетъ на гораздо болѣе продолжительный срокъ судьбу русскихъ крестьянъ въ безотчетное управленіе администраторовъ, которыми въ здѣшнемъ краѣ могуть быть только поляки. Поэтому Бибиковъ первоначально проектировалъ образовать изъ конфискованныхъ имѣній майораты и раздать ихъ русскимъ заслуженнымъ людямъ, чтобы тѣмъ создать въ Югозападномъ краѣ русское поземельное дворянство въ противовѣсъ польскому. Когда же этотъ проектъ, къ счастью, встрѣтилъ въ Петербургѣ сильное противодѣйствіе, тогда Бибиковъ предложилъ другую, болѣе раціональную мѣру: перевести казенныхъ крестьянъ на оброчное положеніе. Его знаменитое представленіе объ этомъ министру было составлено въ такомъ смѣломъ и рѣзкомъ тонѣ, что многіе, читая его, (по свидѣтельству современника) „оглядывались съ большимъ страхомъ, чѣмъ оглядываются въ наше время люди, читающіе какое-нибудь запретное произведеніе лондонской русской прессы.“ [1]) Къ сожалѣнію, этотъ интересный документъ до сихъ поръ остается неопубликованнымъ, и мы принуждены изложить его содержаніе по пересказу того же современника. „Генералъ-губернаторъ, изображая въ живыхъ краскахъ печальное положеніе закрѣпощеннаго русскаго мужика подъ гнетомъ враждебнаго ему по народности и религіи посессора-поляка и подъ экономическимъ гнетомъ высасывающаго изъ него всѣ силы арендатора еврея, выставлялъ вопіющею потребностью, чтобы казна перестала сдавать свои имѣнія въ аренду съ правомъ барщины, чтобы казенные крестьяне немедленно были переведены на оброчное положеніе и чтобы отдача всѣхъ имѣній въ посессіи была прекращена.“ [2])

Этотъ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, указывавшемъ на неприго-

---

[1]) В. Шульгинъ, Югозападный край, 89—90.

[2]) Тамъ же, 90—91.

товленность крестьянъ къ отбыванію денежной повинности, на ущербъ для казны отъ возможныхъ недородовъ, на трудность опредѣлить оброкъ, не измѣривъ и не оцѣнивъ земель, и т. под. Но Бибиковъ этимъ финансовымъ соображеніямъ энергично противоставлялъ другія, политическія; онъ утверждалъ, что отъ рѣшенія даннаго вопроса зависитъ цѣлость имперіи, судьба края, искони русскаго, судьба населенія, единокровнаго и единовѣрнаго, которое, связанное по рукамъ и ногамъ, правительство передало во власть врагамъ его вѣры и народности, и что „нѣтъ иного средства немедленно улучшить хозяйственный бытъ крестьянъ, поднять ихъ духъ и оправдать ихъ *угасающія надежды на правительство.*“ Эти настойчивыя представленія наконецъ превозмогли министерскія колебанія, и проектъ получилъ силу закона, но только для Югозападнаго края, хотя онъ одинаково былъ бы справедливъ и для сѣверозападныхъ губерній.

Такимъ образомъ половина дѣла была сдѣлана: одинъ разрядъ крестьянъ (хотя и не особенно многочисленный), именно—казенныхъ, былъ вырванъ изъ порабощенія арендныхъ владѣльцевъ, гнетъ которыхъ былъ не легче помѣщичьяго. Оставалось подумать о томъ, какъ облегчить горькую участь несравненно болѣе многочисленнаго класса такихъ же горемыкъ—крестьянъ частновладѣльческихъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Бибиковъ часто задумывался надъ этимъ вопросомъ, только не зналъ, какъ подойти къ нему, не потрясая принципа крѣпостного права. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, будто Бибиковъ былъ народникомъ и врагомъ крѣпостничества; нѣтъ, онъ былъ сыномъ своего вѣка и убѣжденнымъ крѣпостникомъ, но, какъ умный человѣкъ, прекрасно понималъ, что съ государственной точки зрѣнія крѣпостной институтъ въ коренной Россіи и на западныхъ ея окраинахъ—не одно и тоже, что главная сила полонизма въ Югозападномъ краѣ заключалась въ польскомъ дворянствѣ, безотчетно владѣвшемъ милліонами коренного русскаго населенія, и что здравая правительственная политика должна заключаться въ огражденіи законодательными мѣрами этого населенія отъ помѣщичьяго произвола. Но какъ предложить подобныя мѣры, въ какой формѣ? И какъ расположить къ нимъ государя, который могъ прійти въ ярость при одномъ подозрѣніи, что кто-либо покушается на незыблемость крѣпостного права? Нуженъ былъ удобный случай, благовидный предлогъ; нужно было, чтобы раздался чей-либо авторитетный голосъ въ защиту крестьянъ и

чтобы онъ благосклонно былъ выслушанъ съ высоты престола. И такой голосъ раздался какъ-разъ въ нужный моментъ, и его благосклонно выслушали: то былъ голосъ кіевскаго митрополита Филарета, одного изъ вліятельнѣйшихъ архипастырей того времени.

Не знаемъ, извѣстенъ ли присяжнымъ біографамъ митр. Филарэта этотъ благородный его поступокъ, столь выгодно его отличающій отъ сонменнаго ему московскаго митрополита. Въ Кіевѣ сохранилась память о Филаретѣ, какъ о человѣкѣ святой жизни. Его записка объ улучшеніи положенія крестьянъ свидѣтельствуетъ, что онъ хорошо зналъ народный бытъ, глубоко сострадалъ народному страданію и имѣлъ мужество громко заявить царю, что „столь гибельное состояніе крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вопіетъ къ небесамъ". Правда, желая какъ бы усыпить подозрительность Николая I, будто совершается покушеніе на священный въ его глазахъ институтъ крѣпостного права, митр. Филаретъ употребляетъ тонкій дипломатическій пріемъ: онъ старается его убѣдить, что крѣпостное право по русскимъ законамъ и по Литовскому статуту—двѣ разныя вещи: въ Россіи помѣщикъ—отецъ, а крестьяне—любимыя дѣти, тогда какъ въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, крестьяне—полные рабы своихъ господъ, и потому русское правительство имѣетъ право и долгъ выступить на ихъ защиту. Затѣмъ авторъ предлагаетъ рядъ практическихъ мѣръ къ постепенному высвобожденію крестьянъ изъ польской крѣпостной неволи и къ улучшенію ихъ быта, при чемъ пускается въ такія тонкія финансовыя и политико-экономическія соображенія, что читателю по временамъ просто не вѣрится, что все это пишетъ духовная особа. Вообще записка митр. Филарета настолько интересна и сама по себѣ, и еще потому, что она послужила какъ-бы первымъ толчкомъ къ проведенію въ Югозападномъ краѣ знаменитой *инвентарной реформы*, что мы признаемъ умѣстнымъ привести ее здѣсь полностью. Судя по тому, что она была представлена царю какъ разъ въ нужное для Бибикова время (въ началѣ 1840 г.), можно предполагать что она и составлена не безъ его вліянія или, по крайней мѣрѣ, по взаимному его соглашенію съ митрополитомъ; но это не болѣе, какъ догадка.

„Объ улучшеніи положенія крестьянъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ“.

Огромное пространство земли, обтекаемое Днѣпромъ, Бугомъ, Нѣманомъ, Двиною и Великою, издревле обитаемо было сынами Россіи, славившими Бога и Христа Спасителя на отечественномъ языкѣ, по обрядамъ восточной церкви. Война и политика отторгли ихъ отъ единоплеменниковъ; но ни обольщенія, ни кровавыя средства, ужасающія воображеніе, не отвлекли ихъ отъ вѣры праотцевъ. Наконецъ хитрость, придумавъ Унію, коварно устремилась подкапывать твердое основаніе православія.

„Россійскіе государи, съ самаго отторженія Западной Руси, непрерывно помышляли исхитить ее изъ власти чуждой; осуществить эти четырехвѣковые помыслы предоставлено Екатеринѣ II. Мудрая и рѣшительная государыня не ограничилась только возвращеніемъ присвоенныхъ Польшею областей: она поставила ихъ на равныхъ правахъ съ великороссіянами [1]). Къ сожалѣнію, созиданіе ея въ послѣдствіи времени разрушено: Литовскій Статутъ, снова введенный тамъ въ дѣйствіе, вытѣсня наши законы, разъединилъ въ нѣкоторомъ отношеніи Западъ Россіи отъ Сѣвера и Востока.

„Благость Божія не переставала, однако, осѣнять нашихъ единовѣрныхъ собратій: она внушила крѣпкому духомъ Императору Николаю отторгнутыхъ уніею чадъ православной церкви возвратить православію. Такъ сыны Западной Россіи соединены теперь съ своимъ великимъ отечествомъ неразрывными узами—единствомъ правительства и вѣры; но народъ не пользуется еще вполнѣ тѣми благами, какихъ могъ ожидать отъ сего соединенія. Мѣра страданія его не окончилась: помѣщики, почти всѣ католическаго исповѣданія, и жиды притѣсняютъ и разоряютъ его.

„Россійскіе помѣщики, по самому духу нашего законодательства, суть отцы своихъ поселянъ, лучшіе агенты правительства, лучшая земская полиція: они направляютъ нравственность ихъ, пекутся о благосостояніи, снабжаютъ землями и угодьями, даютъ лѣса, руководствуютъ въ трудахъ, помогаютъ въ нуждѣ, охраняютъ отъ притѣсненій и ходатайствуютъ за нихъ въ су-

---

[1]) Маниф. 27 марта 1793 г.

дахъ [1]). Это не рабы, какъ нѣкоторые иностранцы считаютъ нашихъ крестьянъ; нѣтъ! это — дѣти, половинщики, которые, въ воздаяніе получаемаго отъ помѣщиковъ, посвящаютъ имъ половину времени своего или, соразмѣрно тому, платятъ оброкъ. Неоспоримо, бываютъ злоупотребленія; но въ какой же странѣ земного шара и нѣтъ ихъ? Наши законы и тутъ на стражѣ: они повелѣваютъ имѣнія забывшихъ свой долгъ помѣщиковъ брать въ опеку [2]).

„Напротивъ, по духу литовскихъ законовъ, коими руководствуются въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, господскіе крестьяне почитаются не только рабами, но даже вещьми. Господа пользуются безусловнымъ правомъ располагать личностію и собственностію своихъ подданныхъ [3]). Литовскіе законы не опредѣляютъ времени работы крестьянъ на помѣщиковъ; они не ограждаютъ поселянъ ни отъ притѣсненій ихъ, ни отъ своевольствъ. Отсюда происходитъ:

1-е) Крестьяне, можно сказать безъ преувеличенія, въ нужное для земледѣлія время заняты безпрестанно господскими работами, оставляя поля свои худо воздѣланными и, слѣдовательно, приносящими плохую жатву.

2-е) Помѣщики отдаютъ на аренду удои крестьянскихъ коровъ; и такъ поселяне, не пользуясь молокомъ отъ своего скота, лишены единственной приправы скуднаго ихъ стола.

3-е) Крестьяне не могутъ располагать своимъ имуществомъ: они обязаны обмолывать свой хлѣбъ не иначе, какъ на мельницахъ своего арендатора, продавать избытки своихъ произведеній тому же арендатору; должны пить вино въ корчмѣ только своего арендатора.

„Извѣстно, что въ западныхъ губерніяхъ арендаторами бываютъ почти всегда евреи. Эти пронырливыя созданія хитростію, насиліемъ и прельщеніями всякаго рода не только присвояютъ себѣ имущество крестьянъ, содержатъ ихъ въ неоплатныхъ долгахъ, но и сильно развращаютъ нравственность; особенно вино, до котораго тамошняя чернь чрезвычайно падка, служитъ главнымъ орудіемъ сихъ алчныхъ корыстолюбцевъ. Такимъ образомъ

---

[1]) Св. Зак. т. X. ст. 595 и 596. Т. IX, ст. 630. ст. 631 и 632. ст. 627, 629 и т. XIV. ст. 234.

[2]) Т. IX, ст. 633, 635—637 и т. XIV, ст. 326—328.

[3]) Лит. Ст. разд. III, арт. III-й и разд. VIII, §§ 3 и 4.

болѣе 2,300,000 душъ мужескаго пола помѣщичьихъ крестьянъ преданы на жертву корыстолюбія жидовъ, безжалостно высасывающихъ благосостояніе православныхъ, коимъ въ удѣлъ оставлены кровавые труды, нищета и жестокіе побои. Были примѣры, обнаруженные изслѣдованіями, что арендаторы наказывали безвинно крестьянъ плетьми адскаго изобрѣтенія — съ желѣзными концами [1]).

„Полуразвалившіяся хижины, жители въ лохмотьяхъ, запачканныя и голодныя дѣти—вотъ очевидныя вывѣски помѣщичьихъ деревень въ западныхъ губерніяхъ. Исполненныя довольства и благовидныя селенія, да и то казенныя или удѣльныя, проглядываютъ тамъ, какъ оазисы на степяхъ Аравійскихъ и Африканскихъ.

„Конечно, правительство предпринимало уже нѣкоторыя мѣры, чтобы поставить преграду и своевольству, и алчности [2]). На сей конецъ предполагалось опредѣлить дни панщины (впрочемъ, только въ казенныхъ имѣніяхъ, отдаваемыхъ въ аренду, а не въ помѣщичьихъ) и запрещено евреямъ торговать горячими напитками; но угодливость панамъ со стороны земской полиціи, составленной единственно изъ партіи поляковъ, и пронырство евреевъ разрушаютъ благія намѣренія правительства, а между тѣмъ народъ православный страдаетъ.

„Столь гибельное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вопіетъ къ небесамъ о пощадѣ. Здѣсь предлежитъ важный вопросъ: какимъ образомъ помочь несчастнымъ?

„Первое средство представляется: по слѣдамъ Екатерины II, поставить возвращенныя отъ Польши губерніи на однихъ правахъ съ великороссійскими. Если сія великая монархиня рѣшилась сдѣлать это при самомъ присоединеніи къ Имперіи отторженныхъ отъ Польши областей [3]), то какое опасеніе повторить то же въ царствованіе Николая? Кажется, теперь они, какъ снова покоренные и виновные въ недавнемъ бунтѣ, должны съ благоговѣніемъ принять милосердіе правительства, поставляющее ихъ на равной степени съ вѣрными сынами Россіи. Можетъ быть, нѣкоторые, закоренѣлые въ старыхъ обычаяхъ паны и поморщатся; но что за бѣда! Народъ будетъ благословлять руку, из-

---

[1]) Ук. 31 мая 1806 г.

[2]) Ук. 10 апр. 1798 и 17 іюня 1803 г.

[3]) Маниф. 27 апр. 1793 г.

влекшую его изъ ничтожества и угнетенія, а кичливые поговорятъ, поропщутъ, да и умолкнутъ.

„Но если столь рѣшительная мѣра покажется смѣлою по какимъ-либо политическимъ отношеніямъ, то можно дѣйствовать исподоволь другимъ способомъ.

„На Кіевскихъ контрактахъ ежегодно продается много имѣній, лежащихъ въ западныхъ губерніяхъ. Для чего не пріобрѣтать ихъ покупкою для Императорской фамиліи? Въ удѣльномъ вѣдомствѣ есть свободные капиталы, которые выгоднѣе обратить въ недвижимость, нежели помѣщать въ кредитныя установленія изъ 4%. Имѣнія эти пойдутъ въ надѣленіе членовъ Императорскаго Дома, который благоволеніемъ Божіимъ распространяется, а бѣдные помѣщичьи крестьяне оживутъ и расцвѣтутъ подъ благодѣтельнымъ и попечительнымъ правленіемъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ средство легкое, удобное! Что можетъ быть простѣе покупки по добровольному соглашенію? Здѣсь ничьи и никакія права не нарушаются.

„Можно также покупать имѣнія западныхъ губерній, заложенныя въ кредитныхъ установленіяхъ и продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ за невзносъ занятаго капитала. Если же за нихъ не будетъ на торгѣ предложено суммы, соразмѣрной долгу, то еще простѣе обращать ихъ въ казну съ переводомъ долга на министерство государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе коего должны поступать тѣ имѣнія. Тутъ равнымъ образомъ нѣтъ никакого насилія; такъ поступаютъ и частныя лица: должникъ не платитъ,—имѣніе продается съ аукціона; не выручится должная сумма—кредиторъ въ правѣ имѣніе должника удержать за собою.

„Надобно сознаться, что въ западныхъ губерніяхъ причиною бѣдности крестьянъ служатъ сколько угнетенія помѣщиковъ и жидовъ, столько же несчастная, отъ унынія происходящая склонность черни къ пьянству. Развитію и расширенію этого порока въ особенности содѣйствуетъ свободная продажа вина по весьма низкой цѣнѣ.

„Правительство неоднократно помышляло ввесть повсюду одну систему винныхъ откуповъ, но не привело этого въ исполненіе, вѣроятно, по двумъ причинамъ: а) чтобы не нарушить правъ, дарованныхъ западнымъ губерніямъ, и б) чтобы не произвесть затрудненія въ сбытѣ хлѣба, долженствующаго остаться отъ уменьшенія винокуренія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ урожаи изобильны.

„На первое опасеніе отвѣчать легко. Было время, когда и въ Великой Россіи позволялось всякаго званія людямъ курить вино къ праздникамъ и торжественнымъ домашнимъ днямъ [1]), потомъ одному только помѣстному дворянству предоставлено выкуривать по 90 ведеръ для своего домового обихода [2]); потомъ тихо и безъ возгласовъ уничтожено это обольстительное право, такъ сказать, распорядительною мѣрою: Уставомъ о питейномъ сборѣ [3]), а потомъ и право это изгладилось изъ памяти, оставаясь только въ исторіи россійскаго законодательства. Когда такъ поступлено съ дворянствомъ великороссійскихъ губерній, дворянствомъ, почти около того времени грудью отстоявшимъ отечество отъ несмѣтныхъ вражьихъ полчищъ; то неужели полупольскіе паны, безпрестанно злоухищряющіе противъ Россіи, заслуживаютъ болѣе благоснисхожденія правительства? Примѣръ есть; остается подобное уставу о питейномъ сборѣ, при будущихъ торгахъ на винные откупа, помѣстить въ кондиціяхъ и въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Это будетъ такъ же имѣть видъ финансовыхъ распоряженій—и дѣло съ концемъ. Для русскаго правительства давно миновало время бояться ропота недовольныхъ; при томъ, многіе благонамѣренные помѣщики сами радоваться будутъ введенію системы, столь полезной для благосостоянія ихъ крестьянъ,

„Обращаясь ко второй причинѣ, что при введеніи откупной системы вино должно продаваться дороже, слѣдовательно и мѣстное потребленіе его будетъ менѣе, винокуреніе сократится и множество хлѣба останется безъ сбыта,—нельзя не замѣтить:

a) Винокуреніе и при откупной системѣ можетъ производиться въ теперешнемъ размѣрѣ, потому что избытки вина, за мѣстнымъ продовольствіемъ, могуть быть поставлены въ другія губерніи, гдѣ урожаи столь обильны. Тогда откроется еще новый источникъ промышленности—отвозъ, который доставитъ значительный доходъ туземнымъ жителямъ.

b) Если нѣкоторыя губерніи, по мѣстности своей, не нашли бы выгоды курить вино для поставки откупщикамъ или въ казну, то они могутъ отпускать избытки своего хлѣба въ порты для продажи заграницу. Здѣсь опять отвозъ и опять новый доходъ,

---

[1]) Улож. гл. XXV, ст. 130.

[2]) Двор. грамота 21 апр. 1785 г.

[3]) Уст. 2 апр. 1807 г.

превосходнѣе того, какой получается отъ истребленія хлѣба на пьянство и развращеніе собственныхъ крестьянъ.

с) Найдутся губерніи, напримѣръ: Волынская и Каменецъ-Подольская, откуда и въ порты отвозить хлѣбъ неудобно; но тамъ могуть развиться другія отрасли сельскаго хозяйства. Въ наше время отвергнуто мнѣніе физіократовъ, что благоденствіе народовъ зависитъ единственно отъ взодѣлыванія земли. По сухопутной западно-европейской границѣ отпускается въ Австрію скота на 3 милліона рублей [1].) Продажа его и нынѣ производится главнѣйше въ м. Влодавѣ, Гродненской губерніи. Пусть пограничныя съ Австрійскими владѣніями губерніи, изобилующія хлѣбомъ, сократя хлѣбопашество, размножаютъ скотоводство, пусть продаютъ заграницу и скотъ, и кожи. Если этого не достаточно, то пусть устроятъ заведенія для выварки свекловичнаго сахара. Важныя произошли бы выгоды для Россіи, когда бы наши губерніи, хотя только удаленныя отъ водяного сплава и способныя для произрастенія свекловицы, довольствовались бы своимъ сахаромъ, а еще важнѣе, когда угощали бы имъ и пограничныхъ сосѣдей. Можно бы указать и другіе источники промышленности, но это выходить изъ передѣловъ настоящаго предмета. Довольно сказать, что когда могучую силу паровъ приноровили къ машинамъ, тогда вся Европа закричала: пропали бѣдные работники—они останутся безъ пропитанія! Время опровергло напрасное опасеніе. У насъ сдѣланъ опытъ желѣзной дороги отъ С.-Петербуга до Царскаго Села и Павловскаго; филантропы завопили: пропали бѣдные питерскіе извощики! Что же вышло? Они еще болѣе катаютъ городскихъ жителей, а въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ возникъ новый промыселъ извозничества, весьма прибыльный для окрестныхъ крестьянъ.

Доказавъ, что распространеніе системы виннаго откупа на западныя губерніи улучшитъ благосостояніе крестьянъ не только помѣщичьихъ, но и всѣхъ вообще, и принесетъ значительный доходъ казнѣ, остается сказать о жидахъ. Они такъ впились въ тотъ край, что въ нихъ сосредоточивается вся народная промышленность. Отдѣлить ихъ вдругъ или разорвать соотношенія ихъ съ помѣщиками и народомъ безъ явнаго вреда или, по крайней мѣрѣ, безъ замѣшательствъ, на первый разъ не возможно. Въ законахъ существуютъ уже важныя ограниченія, долженствующія ослабить

---

1) Виды торговли, издаваем. Министерствомъ Финансовъ.

пагубное ихъ вліяніе, какъ то: запрещеніе евреямъ: а) брать въ аренду имѣніе съ крестьянами; б) содержать корчмы въ арендныхъ и старостинскихъ имѣніяхъ; в) нанимать христіанъ въ работники; г) управлять помѣщичьими деревнями, [1]) и проч. Строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ отвратитъ много золъ, а уничтоженіе свободной продажи хлѣбнаго вина лишитъ евреевъ главнѣйшаго орудія, которымъ они дѣйствуютъ на развращеніе и пагубу туземныхъ жителей. Тогда евреи по необходимости должны будутъ, оставя кантрабанду, факторство и другія позорныя средства стяжанія, обратиться къ честнымъ промысламъ или хлѣбопашеству. Въ Россіи еще довольно земель, впустѣ лежащихъ: тамъ могутъ возникнуть селенія сыновъ Израиля, которые изъ тунеядцевъ сдѣлаются полезными недѣлимыми государства. Они восчувствуютъ блага, доставляемыя трудолюбіемъ; они восчувствуютъ милости гусударя христіанскаго, а черезъ Него познаютъ неизреченную благость отринутаго ими Іисуса; они найдутъ въ Россіи обѣтованную землю, найдутъ новый Іерусалимъ и—мысль утѣшительная!—поревнуютъ быть истинными сынами призрѣвшаго ихъ отечества и господствующей въ немъ церкви Христа Спасителя.“—

Записку эту Бибиковъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, получилъ 19 марта 1840 г. при слѣдующемъ письмѣ оберъ-прокурора синода графа Н. А. Протасова:„ Преосвященный Филаретъ, митрополитъ кіевскій, сообщилъ мнѣ проектъ объ улучшеніи положенія крестьянъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ. По всеподданнѣйшемъ докладѣ объ ономъ государю императору, его величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить сей проектъ къ вашему превосх-ству для внесенія на разсмотрѣніе комитета о западныхъ губерніяхъ съ вашимъ заключеніемъ. Сообщая о таковой высочайшей волѣ вамъ, милост. государь, и препровождая при семъ означеный проекъ, имѣю честь быть“ и проч

Бибиковъ на другой же день, 20 марта, отвѣчалъ графу Протасову слѣдующимъ письмомъ:

„Разсмотрѣвъ проектъ (Филарета) и находя, что въ главнѣйшихъ основаніяхъ своихъ онъ совершено сходенъ съ тѣми предположеніями, кои въ общемъ обзорѣ губерній Кіев., Под. и Волынской я намѣреваюсь, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе Е. И. В-ва, я бы усердно просилъ

---

1) Св. Зак. Т. IX. ст. 870, т. VIII, ст. 57, т. VIII, стр. 120, Т. X, ст. 1404, Т. XIV, ст. 86, Т. IX, ст. 871, и. Т. X, ст. 1442.

ваше с-ство испросить высоч. соизволеніе гусударя императора о представленіи сего проекта въ Комитетъ зап. губерній вмѣстѣ съ тѣми бумагами, кои я буду имѣть счастье всеподданнѣйше доложить Его В-ву, дабы Комитетъ не въ отдѣльныхъ, но общихъ видахъ положенія помянутыхъ губерній, происходящаго отъ многихъ причинъ, не вошедшихъ въ помянутый проектъ, могъ во всей полнотѣ обсудить предлагаемыя онымъ улучшенія, кои при томъ не иначе могуть быть дѣйствительны и полезны, какъ въ соединеніи со прочими улучшеніями и измѣненіями".

И Бибиковъ немедленно принялся за подготовку матеріаловъ, необходимыхъ для задуманнаго имъ обширнаго доклада поупомяну тому вопросу. Прежде всего ему нужно было собрать свѣдѣнія о евреяхъ. населявшихъ Югозап. край, и вотъ 2 апр. того же 1840 г. онъ пишетъ управляющему минист. внутр. дѣлъ графу Александру Григорьевичу: Строганову „Государь Императоръ, какъ извѣстно вашему с-ству. въ засѣданіи Комитета по дѣламъ зап. губерній, 30 прошедшго марта высочайше повелѣть соизволилъ собрать о евреяхъ статистическія свѣдѣнія.

Полагая, что по сему предмету должно быть сдѣлано какое-либо общее распоряженіе, я долгомъ моимъ поставляю просить ваше с-ство, не изволите-ли сообщить мнѣ какую-либо форму, по которой помянутыя статистич. свѣдѣнія могли бы быть собраны".

Формы были сообщены, и въ Югозап. краѣ тотчасъ было приступлено къ собранію подробныхъ статистическихъ и др. свѣдѣній о еврейскомъ населеніи, составившихъ скоро огромные фоліанты.

Но еще нужнѣе было имѣть точныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ въ отношеніи къ помѣщикамъ. Но какъ ихъ собрать, не возбудивъ опасныхъ толковъ среди крестьянъ и тревоги среди рабовладѣльцевъ? Здѣсь обычный статистическій пріемъ былъ не примѣнимъ; поэтому Бибиковъ употребилъ иной способъ: онъ изъ Петербурга же 2 апрѣля разослалъ губернаторамъ Югозападнаго края слѣдующія „весьма секретныя и конфиденціальныя" письма:

„Мнѣ весьма нужно, по одному дѣлу, имѣть копіи съ такого рода трехъ инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ управляемой вами губерніи, изъ которыхъ бы я могъ видѣть: изъ 1-го самую большую и отяготительную для крестьянъ повинность, которую они своему помѣщику отбываютъ; изъ 2-го среднюю таковую же повинность, и изъ 3-го самую легчайшую ,или такую по-

винность, по которой крестьяне находятся въ найлучшемъ положеніи и нисколько работами и поборами не отягощены.

„Сего отношенія моего прошу въ канцелярію вашу не передавать; копіи съ помянутыхъ инвентарей списать подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ, какъ будто собственно для васъ, и прислать мнѣ ихъ такимъ образомъ, чтобы въ требованіи оныхъ мною отъ вашего пр-ства никто никакимъ образомъ не могъ быть извѣстенъ.

„Если бы вы могли достать сіи инвентари и доставить ко мнѣ къ 1 мая, то прошу ихъ прислать въ С.-Петербургъ, въ противномъ случаѣ прошу доставить въ Кіевѣ на мое имя, съ подписью: „въ собственныя руки". Впрочемъ, я надѣюсь, что ваше пр-ство постараетесь для меня исполнить эту просьбу какъ возможно поспѣшнѣе, чѣмъ особенно одолжите имѣющаго честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ" и проч.

Спустя три недѣли начали поступать отвѣтныя донесенія губернаторовъ. Первымъ отозвался Волынскій губернаторъ Гр. Лашкаревъ конфиденціальнымъ письмомъ отъ 23 апр. того же 1840 г.

М. Г. Дмитрій Гавриловичъ! Желая сколь можно съ лучшимъ успѣхомъ исполнить порученіе вашего высокопр-ства, я возложилъ на Новоградволынскаго Земскаго Исправника Козаревича доставить мнѣ требуемые вами инвентари, зная, что этотъ чиновникъ скорѣе и лучше прочихъ выполнить волю начальства. Въ слѣдствіе сего я получилъ отъ Козаревича 21-го числа сего мѣсяца 4 разныхъ инвентаря, при чемъ онъ въ донесеніи своемъ прописываетъ, что большая часть помѣщиковъ имѣютъ по одной формѣ инвентари, но допускаютъ разныя измѣненія, подъ разными предлогами, и обременяютъ крестьянъ въ повинностяхъ и налогахъ подъ видомъ удовлетворенія ихъ при разсчетахъ, коихъ или никогда съ ними не дѣлаютъ, или хотя и дѣлаютъ, то сбиваютъ разными претензіями; есть и такой обычай, что крестьяне отбываютъ повинность за тѣхъ изъ своего семейства, кои находятся въ отлучкахъ неизвѣстныхъ или по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ не отрабатываютъ барщины; ихъ вызываютъ съ цѣлыми семействами въ полевыя работы подъ названіемъ *гвалту*, и за это иногда кормятъ во время работы, но въ письменныхъ разсчетахъ не показываютъ. Другіе и многіе помѣки инвентарей совсѣмъ не имѣютъ, а ведутъ разсчеты посредствомъ деревянныхъ *карбовъ*, изъ коихъ одинъ у экономa, а другой у крестьянина, отбывающаго работу. *Данины* или *дурницы* берутъ съ пло-

довъ и со всего мелкаго скота и птицъ. *Прядиво* показываютъ или малое количество, или вовсе ничего, а подъ видомъ *дурницы* женщины прядутъ иногда цѣлую зиму безъ всякаго щету и платы. Къ *дурницамъ* принадлежитъ: бѣлить дворъ помѣщика и посессора, мостить гати, полоть пшеницу и огороды и прочія мелочныя работы, то же безъ зачета барщины. *Дурницами* преимущественно обременяются женщины и малолѣтніе мальчики. Крестьянъ посылаютъ въ отдаленныя мѣста съ транспортами, назначая имъ по 60 верстъ за одинъ день барщины, тогда какъ на подводѣ съ волами 20 и не болѣе 30 верстъ могутъ въ день сдѣлать, и не считаютъ за барщину время, потерянное на угрузку продуктовъ на возы или лѣсныхъ матеріаловъ, при чемъ иногда по недѣлѣ проходитъ время, смотря по количеству продуктовъ. Работа, назначаемая на одинъ день, называется *день оранья,* но количество этой земли едва въ полтора дня выпашутъ. *День жатвы* считается полторы копы, которой никогда въ одинъ день не сдѣлаютъ; да иногда приказываютъ вязать такъ велики снопы, что одинъ рабочій полмѣры (полторы копы?) жнетъ два дни, а барщины выписываютъ одинъ день.

„Показанная въ инвентаряхъ *даремщина* значитъ, что крестьянинъ обязанъ платить по 8-ми злотыхъ за пару воловъ, которыхъ имѣетъ; иногда назначаютъ эту же плату и за 4 вола, но за то прибавляютъ барщины. Инвентари большею частію стараются вести ограниченно, дабы, при случаѣ слѣдствій, можно было оправдаться. — Самый легкій инвентарь — генералъ-майора Уварова С. Несолонь, и прочихъ Уваровыхъ тоже.

„Еще есть одинъ родъ работы, который вообще не показывается по инвентарямъ: это *шарварки*: здѣсь раздѣляются по числу душъ хозяевъ на домъ по 12, 8 и 6 дней въ годъ и по надобности сгоняютъ крестьянъ безъ всякаго удовлетворенія. Въ инвентаряхъ № 1 и 3 это значится [1]) Однодворцы и шляхта платятъ отъ 10 до 6 рублей сер. въ годъ чиншу и отбываютъ безъ щету подводную повинность и употребляются на посылки.

„О всемъ этомъ имѣю честь донести вашему высокопр-ству съ представленіемъ упомянутыхъ четырехъ инвентарей“.

Въ началѣ мая получено своеручное письмо кіевскаго губернатора Фундуклея:

---

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ инвентарей, а равно и другихъ, о коихъ упоминается въ донесеніяхъ губернаторовъ, въ дѣлѣ не оказалось.

„Имѣю честь представить три инвентаря и выписку изъ оныхъ о работахъ, изъ коей видно, до какой степени крестьяне обременяются поборами. Свѣдѣнія сіи не вполнѣ удовлетворятъ требованію вашему, но мнѣ нельзя исполнить это въ короткое время, потому что у всѣхъ различны инвентари, и тамъ, гдѣ предполагалъ ихъ отяготительными, оказалось противное. Для лучшаго же усмотрѣнія прилагаю еще два инвентаря, кои, по мнѣнію моему, не столь обременительны. По минованіи въ оныхъ надобности покорнѣйше прошу возвратить ко мнѣ."

Тогда же поступило и „весьма секретное" письмо подольскаго губернатора П. П. Петрова.

„Исполняя волю вашего высокопр-ства, честь имѣю представить копіи трехъ инвентарей помѣщичьихъ имѣній, заключающихъ въ себѣ: 1) въ мѣстечкѣ Балинѣ и селеніи Цыгановкѣ — самую большую повинность крестьянъ къ помѣщику; 2) въ селеніи Савинцахъ — среднюю, и 3) въ м. Купинѣ съ деревнею Левадою — легчайшую. Для большей ясности присовокупляю подробное описаніе барщины въ Балинѣ и общій выводъ повинностей по каждому изъ трехъ инвентарей.

„Въ м. Купинѣ повинности весьма легки, но для этого нужно принять въ соображеніе, что крестьяне тамъ имѣютъ мало земли. Не ручаюсь, можетъ быть въ губерніи найдутся инвентари еще обременительнѣе Балинскаго, въ которомъ однако же крестьяне не ропщутъ на помѣщика потому именно, что въ этомъ имѣніи хорошъ порядокъ: ихъ не заставляютъ работать лишняго, разсчетъ дѣлается правильно, они успѣваютъ обрабатывать и собственныя поля.

„Существенное угнетеніе крестьянъ состоитъ не въ количествѣ, а въ неопредѣлительности рабочаго времени. Въ инвентаряхъ не говорится, сколько должно работать каждую недѣлю, и крестьяне, не огражденные въ правахъ своихъ, бываютъ принуждены работать недобрымъ помѣщикамъ въ посѣвѣ, жатвахъ, сенокосахъ и т. под. всякой день бепрерывно въ ясную погоду; случится ненастье, такіе дни считаются крестьянскими; время болѣзни крестьянинъ обязывается отработать по выздоровленіи. Ежели владѣлецъ заставляетъ работать болѣе положеннаго инвентарнаго количества дней, то платитъ по установленнымъ еще при бывшемъ польскомъ правительствѣ цѣнамъ, которыя тогда могли быть удовлетворительны, теперь же ничтожны; напримѣръ: работнику съ парою воловъ даютъ 40 коп. мѣдью въ день. При такомъ управленіи крестьяне нищаютъ, у нихъ недостаетъ не только на собственные посѣвы, но и на продовольствіе хлѣба, кото-

рый помѣщики даютъ имъ въ ссуду и они за то отрабатываютъ по выше сказанной ничтожной цѣнѣ. Платить казенныхъ податей крестьяне не въ состояніи; помѣщикъ вноситъ, а они опять отрабатываютъ. Результатъ всѣхъ этихъ разсчетовъ, въ которыхъ экономы, рахмистры, комиссары обманываютъ безграмотныхъ и беззаботныхъ мужиковъ, выходитъ, что послѣдніе почти круглый годъ работаютъ на господъ своихъ. Въ инвентаряхъ этого не видно, но на дѣлѣ есть. Само собою разумѣется, что изъ сего общаго очерка должно исключить добрыхъ помѣщиковъ, пекущихся о своихъ крестьянахъ. Къ сожалѣнію, число такихъ не велико".

Пока Бибиковъ собиралъ инвентарныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ и отработкахъ, оказалось, что тѣми жъ свѣдѣніями интересуется и министерство внутр. дѣлъ. 30 Апр. въ Петербургѣ Бибиковымъ было получено отъ управляющаго министерствомъ слѣдующее секретное предложеніе:

„Для нѣкоторыхъ соображеній министерству внутр. дѣлъ необходимы сколь можно вѣрныя свѣдѣнія по губерніямъ Кіевской, Подольской и Волынской: 1) какія главнѣйше существуютъ распораженія по хозайственной части въ помѣщицкихъ имѣніяхъ относительно выгодъ, предоставляемыхъ владѣльцами крестьянамъ, и взаимно — обязанностей сихъ послѣднихъ по исполненію повинностей въ пользу помѣщиковъ? 2) Исполняются ли въ семъ отношеніи постановленія, изображенныя въ статьяхъ 589 и 590 IX тома Св. Зак. о состояніяхъ? 3) какіе введены въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, особенно благомыслящими помѣщиками, инвентари? 4) Установляются ли таковые инвентари при отдачѣ имѣній въ аренду и нѣтъ ли оныхъ и въ такихъ вотчинахъ, кои управляются самими владѣльцами?

„Сіи свѣдѣнія не могутъ быть собраны обыкновеннымъ порядкомъ, ибо въ такомъ случаѣ нельзя избѣгнуть всегда вредной огласки и повода къ ложнымъ о цѣли требованія толкамъ; а потому я имѣю честь обратиться къ Вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи мнѣ собственно вамъ извѣстныхъ свѣдѣній и о присылкѣ нѣсколькихъ нынѣ уже существующихъ инвентарей по помѣщичьимъ имѣніямъ, какъ отдаваемымъ въ аренду, такъ и управляемымъ самими помѣщиками.

„Вообще ваше пр—во много меня обяжете сообщеніемъ вашихъ мыслей, на мѣстныхъ соображеніяхъ и обстоятельствахъ основанныхъ, о нынѣшнемъ состояніи въ помянутыхъ губерніяхъ помѣщичьихъ имѣній, а также о видахъ и средствахъ къ возможному улучшенію".

„Ожидая отзыва вашего сколь можно въ непродолжительномъ времени, имѣю честь быть...и пр. Гр. Строгановъ".

Въ отвѣтъ на это предложеніе Бибиковъ послалъ гр. Строганову 12 разныхъ инвентарей, изъ числа введенныхъ помѣщиками въ Кіев., Под. и Вол. губерніяхъ, приложивъ къ нимъ записку по инвентарямъ Подольской губ., и выписку [1]) изъ инвентарей Кіевской губ. при чемъ въ письмѣ объяснялъ:

„Изъ инвентарей сихъ ваше С—ство изволите усмотрѣть самую большую и отяготительную для крестьянъ повинность, какую они отбываютъ своему помѣщику, среднюю таковую же повинность и самую легчайшую. Считаю долгомъ только присовокупить при семъ, по секретнымъ донесеніямъ ко мнѣ губернаторовъ, что большая часть помѣщиковъ стараются вести инвентари ограниченно, дабы, при случаѣ слѣдствій, можно было оправдаться, и почти всѣ они на самомъ дѣлѣ допускаютъ различныя измѣненія инвентаряхъ въ подъ разными предлогами къ отягощенію крестьянъ".

Не ограничиваясь опросомъ губернаторовъ и истребованіемъ инвентарей, Бибиковъ выбралъ болѣе умныхъ и достойныхъ довѣрія чиновниковъ уѣздной полиціи и стряпчихъ и далъ имъ секретное порученіе собрать свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ ихъ уѣздахъ. И надо отдать имъ справедливость—записки этихъ агентовъ отличаются особенною полнотою, наблюдательностью и дѣльностью сужденій. Вотъ для образца записка Радомысльскаго исправника, полковника Рузы, представленная въ іюнѣ того же 1840 года:

„При безпрестанныхъ посѣщеніяхъ по дѣламъ службы ввѣреннаго мнѣ уѣзда, я не упускалъ изъ виду входить въ подробное положеніе крестьянъ—однихъ довольныхъ своимъ состояніемъ, другихъ ропщущихъ на бытъ свой, а третьихъ утруждающихъ частыми своими жалобами высшее начальство. Стараясь раскрыть всѣ обстоятельства въ самой справедливѣйшей мѣрѣ, безъ малѣйшаго пристрастія, я извлекалъ секретнымъ образомъ, какъ самъ лично, такъ и посредствомъ ближайшихъ мнѣ подчиненныхъ, гг. становыхъ приставовъ, должныя свѣдѣнія на счетъ барщины, податей, „даровщины", „данинъ" изъ разнаго рода продуктовъ, произрастеній и прочаго. Счелъ необходимымъ составить *вѣдомость цѣлаго уѣзда владѣльческимъ экономіямъ* съ поясненіемъ,

---

[1]) Этой записки и выписки тоже нѣтъ въ дѣлѣ.

въ какой, сколько и чѣмъ обложены крестьяне, какъ барщиною, такъ равно и данинами ежегодныхъ сборовъ. Многотрудную сію статью едва лишь успѣлъ окончить къ 22-му генваря сего 1840 г., почему таковую нынѣ имѣю честь вашему выскопр-ству представить, докладывая:

А) Изъ табели сей видно, сколь много различны барщины въ одномъ и томъ же уѣздѣ, въ коемъ нѣтъ и понынѣ настоящаго введенія (?) сообразнаго законамъ, въ отработываніи барщины существующимъ. Хотя въ сводѣ законовъ сказано: крестьяне работаютъ своему владѣльцу три дня, но за всѣмъ тѣмъ не пояснено: съ *души*, или со *двора*; ибо въ Статутѣ Литовскомъ, въ коемъ и по сіе время въ нѣкоторыхъ случаяхъ остались не измѣнены правила, касающіяся до западныхъ губерній, опредѣлена была работа трехдневная со *двора*, а слѣдовательно, при несохраненіи сего положенія, необходимо нужно положить одно правило таковымъ работамъ.

Б) Въ той же табели ваше высокопр-ство усмотрѣть изволите, какими обложены крестьяне данинами и сколь различнаго рода, а также и то, что многіе владѣльцы вовсе ничѣмъ не пользуются, напротивъ же, большею частію другіе требуютъ неупустительно сего налога, помимо отработыванія трехдневной съ души барщины.

В) Теченіе давняго времени перемѣнило положительность мѣстъ и преобразовало большею частію лѣса въ поля, луга въ болота, а оныя въ сухія заросли, а тѣмъ самымъ лишило крестьянъ прежде обитавшихъ въ лѣсахъ, возможности продолжать данину, состоявшую изъ лѣсныхъ произрастеній, какъ наприм., грибы, коихъ цѣнность въ сихъ двухъ годахъ въ довольно дорогомъ видѣ, а равно и прочіе значащіеся въ табели продукты.

Г) Г. начальникъ губерніи распоряженіемъ своимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ тѣмъ болѣе усилилъ бдительность мою на счетъ обремененія крестьянъ владѣльцами; я, желая положить конецъ справедливыми мѣрами жалующимся, счелъ за необходимое имѣть всѣ свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи оныхъ. Почему священнымъ долгомъ поставляю, при донесеніи моемъ о всѣхъ подробностяхъ, присовокупить и мнѣніе; что крестьяне, будучи обременены какъ работою, такъ и данинами, болѣе противу другихъ, взирая на лучшій бытъ своихъ сосѣдей, вовсе тѣмъ не обложенныхъ, не преисполняются ли чувствомъ ропота и зависти? а усматривая благоденствіе ихъ, яко одноуѣздцовъ, считаютъ себя несчастливыми и довольно часто чрезъ сіе обращаются съ

жалобами высшему начальству. Хотя, по мѣрѣ предоставленной мнѣ власти, стѣсненіе нѣкоторыхъ крестьянъ преграждается правомъ закона, но оправданіе владѣльцевъ всегда почти основывается на введеніи давности и переданіи инвентарей преждебытнаго постановленія. А потому тѣмъ болѣе есть необходимость—введеніе единообразной барщины и устороненіе [1]) данинъ.

и Д) Денежные поборы съ крестьянъ такъ многоразличны, изъ коихъ, ежели только не противно правиламъ законамъ, то должны бы только существовать подушные и рекрутовые, и то по мѣрѣ опредѣленія барщины, если таковая уравниться можетъ".

Къ этому полковникъ Руза приложилъ свое *Мнѣніе* о томъ, какъ слѣдовало бы урегулировать крестьянскія повинности, причемъ онъ высказываетъ много интересныхъ фактовъ и наблюденій.

„Весьма достаточно, если съ души будутъ работать крестьяне своему владѣльцу *два* дня въ недѣлю.

Примѣч. а) Сторожа, пастухи, подводы подъ проходящія войска, исправленіе не только большой дороги, расчисленной на участки по числу душъ, но и собственно сельскія, отъ стана въ станъ и до города,—безспорно составятъ *третій* день съ души въ каждую недѣлю, а потому крестьянину также останется только 3 дня въ недѣлю на собственную работу, изъ коей извлекаетъ онъ подати, рекрутовые, и еще болѣе, работая собственнымъ скотомъ своимъ какъ господину, такъ себѣ, самъ заботится о перемѣнѣ усталаго, а въ случаѣ падежа, изкупленіемъ другого скота; ибо хотя многіе помѣщики даютъ таковой онымъ, но напослѣдокъ или вычитаютъ деньгами, или за отработываніе лишнихъ дней сверхъ барщины отчисляютъ его стоимость, чрезъ что всякій крестьянинъ состоитъ въ долгу у своего господина.

б) При наступленіи сборовъ съ полей хлѣба и сѣнокосовъ позволительно было бы, въ теченіе 6—7 недѣль, вмѣсто двухъ дней съ души въ недѣлю, употреблять три дни, но съ тѣмъ, чтобы таковые отчислены были изъ дней зимовыхъ или же приняты въ число подушной подати.

в) На сплавы лѣсныхъ товаровъ, отправляемыхъ рѣками въ города: Николаевъ, Севастополь, Херсонъ и др. мѣста, куда пускаются плыты и байдаки съ половины мая, а люди возвращаются назадъ уже при замерзаніи водъ, необходимо положить нижеслѣ-

---

[2]) Т. е. устраненіе.

дующее правило: Какъ крестьяне употребляются по предмету сему не только для продажи собственно помѣщичьихъ лѣсовъ, но даже нанимаютъ ихъ и для евреевъ, торгующихъ лѣсною промышленностью, да при томъ наряжаются съ хатъ безъ всякаго разбора состоянія ихъ семейства, то допустить только можно, дабы избираемые были въ сію командировку изъ числа семейныхъ фамилій, гдѣ есть въ хатѣ не менѣе трехъ мужскаго пола рабочихъ душъ, дабы остающіяся двѣ души неупустительно успѣвали, при отбываніи барщины, быть полезными и для своей земли. Ибо находящемуся на сплавномъ промыслѣ половина времени отсутствія засчитывается на барщину, а за остальную половину получаетъ отъ владѣльца весьма умѣренную заплату, несмотря на то, что одежда его въ одно лѣто отъ дождей совершенно истреблена и что одинъ день сихъ трудовъ стоитъ гораздо болѣе, чѣмъ 2 дня настоящей барщины.

Я лично удостовѣрился, что сего года наняты крестьяне на сплавной лѣсъ до г. Николаева однимъ помѣщикомъ подрядчику по 26 р. съ души. Цѣна сія—умѣренная, ибо бываетъ и гораздо дороже. Слѣдовательно, какъ по Инвентарямъ у многихъ считается день пѣшій по 10 коп. сер., то въ 5 мѣсяцевъ одна душа составляла бы помѣщику, хотя бы и по 3 дня въ недѣлю, 6 р. сер.; а потому изъ остальныхъ 20 р. можно бы опредѣлить для крестьянина половину, т. е. 10 р. сер. въ заработокъ, а не 6 р., за каковой другіе и сего не даютъ.

г) Заведеніе трехъ-дневной барщины *съ хаты* болѣе выгодно для помѣщика, нежели облегчительно для крестьянина.

Счастливъ тотъ, у кого въ хатѣ есть 10 душъ рабочихъ, ему легко 3 дни сіи отбыть, хотя бы и урочную барщину; но какъ бѣденъ тотъ, у кого только 2 души, а тѣхъ же 3-хъ дней урочныхъ не избѣгнетъ! Сверхъ же сего, гдѣ работаютъ съ хаты, тамъ существуетъ *подорожчина* и иные денежные наклады и сверхъ сего безъ зачета должны отработать лѣтнихъ дней 12 и шарварковъ 12. Время сіе есть весьма дорого для земледѣльца, ибо если бы онъ пожелалъ кому-либо наняться, то получилъ бы на день по 20 коп. сер. и болѣе, что составило бы въ 24 дни 4 р. 80 коп. сер., и оными деньгами уплатилъ бы подушные и другую повинность.

Семейныхъ хатъ нынѣ очень мало существуетъ, ибо онѣ раздроблены на 3 или 4 хозяина, что и составитъ уже, вмѣсто трехъ дней, 12 въ недѣлю.

д) Многіе помѣщики полагаютъ, что плата винокуреннаго отяготительна для нихъ, потому что якобы таковую собственностію своею удовлетворяютъ. Напротивъ того, не только богатые крестьяне, но и самые бѣдные суть плательщиками винокуреннаго, ибо они за установленную цѣну помѣщикамъ, вознаграждающую ихъ въ четверо, платятъ арендарю его за горячее вино, даже и фабрикованное.

е) Лѣсная промышленность время отъ времени въ семъ уѣздѣ истощается, ибо приозводившаяся торговля въ значительномъ количествѣ корабельныхъ потребностей, доставляемыхъ какъ выше сказано, нынѣ оказались на пристани Рутицкой, по освидѣтельствованію моему, въ маломъ количествѣ, кромѣ дровъ сосновыхъ и въ небольшомъ числѣ березовыхъ и ольховыхъ, дегтю, смолы, привозимой на плытахъ въ мѣста сей губерніи, а частію далѣе. А потому открывшіяся поля, по истребленіи лѣсовъ, остаются безъ необходимой попечительности земледѣльческой и, къ большому сожалѣнію, таковыя находятся въ забвеніи; осиротѣлыя поля, лишенныя рукъ земледѣльца, дичѣютъ, ибо наемъ хлѣбопашцевъ на плыты, за готовыя деньги, слишкомъ выгоденъ помѣщикамъ для временнаго извлеканія доходовъ, а мысль о будущемъ остается усыпленною. А отъ сего хлѣба въ семъ уѣздѣ весьма мало, запасные магазейны пусты, крестьяне терпятъ нужды, помощь владѣльческая своимъ крестьянамъ слабѣетъ, ибо уже и нынѣ корецъ ржи 20 злотыхъ, а въ Чернобылѣ дороже. Неурожаи почти ежегодные, не съ причины атмосферы, и непостоянныхъ погодъ, но отъ неупотребленія рукъ въ должномъ количествѣ на выработаніе земель подъ засѣвъ, а даже и огородовъ, на самыхъ пескахъ поселенныхъ.

ж) Рабочаго скота весьма мало; вѣроятно, онъ лишній для крестьянъ, плавающихъ на байдакахъ и плытахъ по шести мѣсяцевъ въ годъ въ отдаленныя мѣста, хотя оттого не оранными и одичалыми остаются поля или, по силѣ возможности, кое-какъ засѣяны оставшимся дома малымъ семействомъ, но, не будучи удобрены гноемъ, едвали произростаютъ 2 зерна, а иногда одинъ лишь только отсѣвъ возвращаютъ за труды несчастнаго земледѣльца, который съ наступленіемъ зимы уже хлѣба не имѣетъ; а недостатокъ сей называютъ „неурожаемъ“.

з) Весьма удивительно, почему въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ очень мало лѣсовъ или вовсе ихъ нѣтъ, тамъ крестьянскія избы похожи на порядочные домы; здѣсь, напротивъ того, деревни поселены въ лѣсахъ, но несчастные земледѣльцы живутъ въ

малыхъ лачугахъ, ветхихъ, на избы не похожихъ, а у нѣкоторыхъ даже и необгороженныхъ. Сіе доказываетъ, что крестьяне времени не имѣютъ и что, по истребленіи лѣсовъ, будутъ обитать въ шалашахъ, если нынѣ упустятъ изъ виду обезпечить свою будущность.

Примѣч. Нигдѣ столь много рабочихъ крестьянъ, съ лопатами, топорами и безъ сихъ орудій, шатающихся въ столь дорогое время, я не видѣлъ, какъ въ г. Радомыслѣ, въ коемъ, изъ сожалѣнія, я самъ лично нанималъ изъ числа ихъ по нѣскольку на день за очень умѣренную цѣну для обработки домашняго огорода и др. потребностей, и узнавалъ, что причиною ихъ скитанія—недостатокъ хлѣба и нужда въ подушныхъ. Это заставило меня войти въ тончайшую подробность быта крестьянъ и составить Вѣдомость совокупно съ мнѣніемъ моимъ, при оной прилагаемымъ".

Изъ составленной Рузою подробной Вѣдомости по Радом. уѣзду можно извлечь слѣдующія свѣдѣнія:

Всѣхъ помѣщичьихъ имѣній въ уѣздѣ было въ то время 135. Изъ нихъ (судя по фамиліямъ) русскихъ около 15 помѣщиковъ. Казенныя имѣнія (конфискованныя отъ католич. монастырей) всѣ находились въ администраціи поляковъ.

1) *Барщина* въ недѣлю: въ 26-ти имѣніяхъ—съ *души* (по 3 дня съ мужчины и по 3 дня съ женщины), въ остальныхъ—со *двора* (тоже по 3 дня а въ иныхъ пѣшіе и одинокіе—по 2 дня мужч. и 2 дня женщины).

2) *Шарварки и лѣтнія:* Сверхъ барщины въ 98 имѣніяхъ крестьяне отбываютъ 12 дней шарварковъ и 12 лѣтнихъ (въ рѣдкихъ случаяхъ 12 шарв. и 8 лѣтнихъ; еще рѣже: 6 шарв. и 6 лѣтнихъ).

3) *Данины денежныя*: Въ 56 имѣніяхъ есть эти данины разнаго количества: $52^1/_2$ коп. мѣдью до 2 р. 40 сереб. (въ одномъ имѣніи 2 р. 55 к. сер). Замѣтить какое-либо соотношеніе между денежными данями, шарварками и барщиной нельзя: высшая денежная дань 2 р. 40 к. встрѣчается въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ шарварковъ 12, лѣтнихъ 12 и по 3 дня барщины съ хаты. Можно лишь сказать: въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ барщина съ *души*, тамъ почти нѣтъ денежной дани и шарварковъ.

4) *Данины вещественныя*:

Орѣхи: взимались въ 8 имѣніяхъ по 1-му гарнцу, а въ двухъ по 2 гарнца.

Клюква: въ 6 имѣніяхъ по 1 гарнцу.

Черника: въ 7 имѣніяхъ по 1 квартѣ, по $1^1/_2$ кварты. и по 2 кварты.

Брусника: въ 3-хъ имѣніяхъ по 1 гарнцу.

Червецъ: въ 28 имѣніяхъ, по 1—2 ложкѣ, или 2 рюмки.

Хмѣль: въ 50 имѣніяхъ, по 8 гарнцевъ, по 10, по 16, 32 гарнца, или по 20—40 фунтовъ.

Медъ: въ 12 имѣніяхъ отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ гарнца, въ 2-хъ имѣніяхъ по 1 пуду.

Грибы: въ 85 имѣніяхъ, въ среднемъ—по 1 сотнѣ.

Калина: въ 3-хъ имѣніяхъ, по 1 пучку.

Лучина: въ 2-хъ имѣніяхъ, по 1 возу.

Дрань: въ тѣхъ-же 2-хъ имѣніяхъ, по $^1/_2$ копы.

Каплуны: въ 41 имѣніяхъ, по 2 каплуна (очень рѣдко по 1-му).

Куры: въ 122 имѣніяхъ, обыкновенно по 2 курицы (рѣдко по 3 и по 1).

Яйца: въ 127 (тѣхъ же, гдѣ и куры, обыкновенно по 24 яйца (рѣдко по 5, 10 и 15).

Мотки: въ 93 имѣніяхъ, обыкновенно по 2, 3, 4 и рѣдко по 6 мотковъ.

Вѣдомость Радом. исправника такъ понравилась Бибикову, что онъ велѣлъ снять съ нея форму и послать наиболѣе довѣреннымъ исправникамъ: Гайсинскому и Влад.-Волынскому, при весьма секретномъ предписаніи: „собрать по прилагаемой формѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія объ отбываемой крестьянами барщинѣ, данинахъ и проч. съ объясненіемъ: въ какой мѣрѣ исполняются со стороны владѣльцевъ обязанности ихъ въ отношеніи крестьянъ, и не обременяются ли гдѣ-либо крестьяне излишними повинностями, и въ какой именно степени. Свѣдѣнія сіи должны быть собраны вами самымъ секретнымъ образомъ и доставлены ко мнѣ въ скорѣйшемъ времени, такъ что о донесеніи вашемъ мнѣ по сему предмету никто знать не долженъ".

23 іюля Гайсинскій исправникъ Прокоповичъ прислалъ вѣдомость при рапортѣ, въ коемъ писалъ: „При семъ доложить честь имѣю, что крестьяне обременяются работами въ имѣніяхъ: графа Холонѣвскаго, графа Мощинскаго, помѣщика Франца Ярошинскаго. Въ остальныхъ во всѣхъ имѣніяхъ посессоры и владѣльцы, соблюдая свои выгоды, назначаютъ крестьянамъ работы *уроками* (какъ то: жать хлѣбъ и молотить и пр.), отмѣчая имъ барщину только въ недѣлю *по 3 дня на душу;* но они таковой назначенной срочной работы въ 3 дня сдѣлать не могутъ, а едва

и въ 5 дней по назначенію то отрабатываютъ, а въ особенности въ осеннее и зимнее время. Деньги же они берутъ съ крестьянъ тѣхъ, кои имѣютъ свой плугъ и волы, разнообразно, какъ-то: съ пароваго по 2 р. и болѣе, съ поединка по 1 рублю, а съ пѣшаго по 50 коп. сер."

Вѣдомость по Гайсинскому уѣзду:

Всѣхъ имѣній въ уѣздѣ 117. Русскихъ совсѣмъ не видно, одно лишь имѣніе православнаго монастыря.

1) *Барщина* въ недѣлю: въ 105 имѣніяхъ *съ души*: по 3 дня съ мужчины и по 3 съ женщины. (Очень рѣдко—по 2 съ того и др.) но въ имѣніяхъ графа Холонѣвскаго (въ мѣст. Зятковцахъ и 3-хъ селах)—по 4 съ мужской души и по 4 съ женской. Въ остальныхъ 12 имѣніяхъ—*со двора*: по 3 дня съ мужч. и столько же съ женщинъ, или по 3 или 2 дня, оч. рѣдко по 2 и 2 д., въ имѣніяхъ графа Михаила Мощинскаго 5 м, и 5 ж. дней.

2) *Шарварки* [1]) практиковались во всѣхъ почти имѣніяхъ, но не равномѣрно: чаще всего по 12 дней, рѣдко по 10, по 8, по 6, и—лишь въ 3-хъ имѣніяхъ по 3 дня, и въ одномъ по 2 дня, а у гр. Холонѣвскаго (въ м. Зятковцахъ)—по 15 дней.

3) *Денежныя повинности:* въ 43-хъ имѣніяхъ крестьяне платили отъ 90 коп. до 2 р. 10 коп. (это средняя), а у помѣщ. Фр. Ярошинскаго (въ м. Кутъ и трехъ селахъ) по 3 р. 30 коп. серебромъ.

4) *Натуральныхъ данинъ:* орѣховъ, клюквы, черники, брусники, червца и хмелю—вовсе нѣтъ въ уѣздѣ. Есть лишь *медовая* дань: обыкновенно 10-ая колодка пчелъ, лишь въ имѣніяхъ графини Александры Потоцкой—деньгами по 40 коп. сер. (отъ колодки или отъ пасѣки—не ясно).

Грибовъ, калины, лучины и драни тоже нѣтъ; каплуны, куры и яйца—почти во всѣхъ имѣніяхъ; обыкновенно: 2 каплуна, 2 курицы и 30 яицъ, но есть болѣе и менѣе.

Мотки—вездѣ, отъ 2 до 4-хъ и рѣдко (у Мощинскаго) по 5 мотковъ.

21 окт. Владимірскій исправникъ Леляковъ, прислалъ вѣдомость по своему уѣзду.

Всѣхъ имѣній въ уѣздѣ 156. Русскихъ помѣщиковъ не видно. Повинности крестьянъ:

---

[1]) „Лѣтнихъ" здѣсь нигдѣ нѣтъ.

1) *Барщина* отбывалась здѣсь съ *двора*, а не съ души. Въ отношеніи ея отбыванія крестьяне дѣлились на 3 группы: *полногрунтовыхъ*, *полугрунтовыхъ* и *одноогородныхъ*. Первые работали по 3 или по 4 дня въ недѣлю, и сверхъ того 12 дней „шальварковъ“ и отъ 6 до 20 дней „лѣтнихъ;“ вторые—по 2—3 дня въ недѣлю, отъ 6 до 12 „шальварковъ“ и по 5—6 „лѣтнихъ; третьи—по 1 и рѣдко по 2 дня въ недѣлю и отъ 7 до 10 дней „лѣтнихъ“. Женщины лишь въ рѣдкихъ имѣніяхъ отбывали барщину, и то преимущественно лѣтомъ, по 12—16 дней за лѣто. Одногоородные тоже рѣдко ходили на барщину, замѣняя ее денежной уплатой отъ 1 р. 5 коп. до 3 и до 4-хъ рублей.

2) *Денежная повинность:* почти всюду отсутствуетъ. Лишь въ одномъ имѣніи грунтовые платили 8 р. 70 к. а полугрунтовые 4 р. 35 к., но за то не работали ни барщины, ни шарварковъ, ни лѣтнихъ. Еще: въ Любомильскомъ имѣніи граф. Браницкаго (14,888 душъ) крестьяне работали: по 2 дня въ нед. со двора, по 6 шарв. дней и по 12 лѣтнихъ и сверхъ того платили по 1 р. сер. Кое-гдѣ, впрочемъ, крестьяне, сверхъ 3-хъ дней недѣльныхъ со двора и 12 шарварковыхъ, платили по 1 р. 30 коп.

3) *Натуральныя дани:* очень рѣдки. Лишь кое-гдѣ давали:

Черники по 2—3 кварты, или по 1 гарнцу.

Брусники по 1 гарнцу, а кое-гдѣ и по 3.

Клюквы по 1 и по 2 гарнца.

Орѣховъ по 1 гарнцу, или по 1, 2 и 3 кварты.

Хмелю лишь въ одномъ имѣніи по 16 гарнцевъ, а въ другихъ меньше.

Меду лишь въ четырехъ имѣніяхъ по 20, 30 и 60 фунтовъ.

Грибовъ по 25, 50, 100 и до 120 штукъ.

Калины по нѣсколько пучковъ.

Лучины по $^1/_2$ и $^3/_4$ воза.

Драни по 1 копѣ.

Дровъ по 6 возовъ.

Каплуны по 1 или по два.

Куры отъ 1 до 5 штукъ.

Яйца отъ 10 до 18 штукъ.

Мотки отъ 1 до 20.

Послѣднія 4 дани практиковались почти во всѣхъ имѣніяхъ въ уѣздѣ.

Весьма дѣльную записку сообщилъ Бибикову Проскуровскій уѣздный стряпчій Савченко при рапортѣ отъ 20 окт. 1840 г.,

подъ заглавіемъ: „*Замѣчанія изъ собранныхъ подъ рукою свѣдѣній о образѣ управленія помѣщиковъ крестьянами.*“ Въ предисловіи авторъ говоритъ о себѣ, что онъ состоитъ на службѣ 24 года, болѣе 10 лѣтъ—стряпчимъ въ разныхъ уѣздахъ Подольской губ., всегда присматривался къ быту крестьянъ и „вполнѣ удостовѣрился подъ рукою, что отеческія намѣренія правительства, при настоящемъ образѣ управленія помѣщиками крестьянъ, не могутъ имѣть полнаго успѣха“. Вотъ содержаніе его записки:

„Всѣ вообще крестьяне Под. губ. раздѣляются на 5 разрядовъ: *паровыхъ*, *поединковъ* и *тышихъ*, которые содержатъ помѣщичьи земли для хлѣбопашества, *халупниковъ* и *коморниковъ*, которые живутъ только въ помѣщичьихъ домахъ. Всѣ эти разряды платятъ помѣщику за земли и за „халупы“ или хаты извѣстное количество денегъ (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ) и вездѣ отрабатываютъ положенное инвентарями число дней барщины. Сверхъ того, они обязаны платить за себя казенныя подати.

„Но крестьяне съ давнихъ временъ, по бѣдности своей, оказались несостоятельны къ платежу за себя казенныхъ податей, и отъ сего проистекла необходимость платежъ таковыхъ возложить на самихъ помѣщиковъ. Сіи же послѣдніе уплаченныя деньги налагали на каждаго хозяина въ отработокъ, и такимъ образомъ бѣдность крестьянъ, происходящая отъ самихъ же помѣщиковъ, сдѣлалась для первыхъ источникомъ новаго неудобства, сопряженнаго съ выгодою для вторыхъ. Бѣдные крестьяне, нуждались въ хлѣбѣ и прочихъ хозяйственныхъ потребностяхъ, обращались къ помѣщикамъ, которые снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ по своему усмотрѣнію, но опять налагали за долгъ отработокъ. Такимъ образомъ крестьяне, дѣлая долги у своихъ помѣщиковъ, принимали на себя новую обязанность работать сверхъ барщины; но этимъ причинамъ составилось два рода барщины: по инвентарю и на пополненіе долга по займамъ хлѣба и прочаго и по казеннымъ податямъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе болѣе порядочное, тамъ ведется правильный расчетъ съ крестьянами за всѣ отработанные ими дни; но, къ сожалѣнію, есть имѣнія, гдѣ и того поверхностнаго обряда удовлетворенія крестьянъ не соблюдается. Въ сказанныхъ расчетахъ дни, по инвентарю назначенные, зачисляются въ панщину безплатную, а переработанные противу инвентарного назначенія обращаются на пополненіе долговъ крестьянъ. Но расчеты эти, дѣлаемые управителями и приказчиками, не всегда бываютъ совѣстны; кромѣ того, цѣны на занятое крестьянами и цѣна за работу устанавли-

вается произвольно, безъ всякаго спроса крестьянъ, согласны ли они, или нѣтъ на подобную оцѣнку. Обыкновенно продукты, занимаемые крестьянами, оцѣняются самою высшею цѣною, въ то время существующею, а плата за рабочій день полагается иногда въ 5 коп. сер., тогда какъ вольный рабочій стоитъ здѣсь въ день отъ 15 до 20 коп. сер. Это чувствительно тягостно крестьянамъ. Я замѣчалъ такую систему разсчета даже въ такихъ имѣніяхъ, конхъ помѣщики слывутъ человѣколюбивымъ съ своими крестьянами обращеніемъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне впали въ неоплатные долги, которыхъ имъ никогда не отработать. Слѣдствіемъ этого было, что помѣщики начали считать себя въ правѣ, для выручки долговъ, употреблять крестьянъ въ работу отъ воскресенія до воскресенія, дозволяя не иначе, какъ съ ихъ же разрѣшенія, въ дни, свободные отъ помѣщичьихъ работъ, обработку ихъ полей, которыя отъ того, почти никогда въ свое время незапаханныя и незасѣянныя, ничего или очень мало приносятъ крестьянамъ пользы въ своемъ урожаѣ. Проѣзжая въ лѣтнее время по полямъ, можно издали различить крестьянскіе хлѣба отъ помѣщичьихъ—такъ они всегда плохи.

„Право употреблять крестьянъ во всегдашнія работы породило новое, очень ощутительное угнетеніе: помѣщики выгоняютъ ихъ на нѣсколько недѣль съ своими транспортами хлѣба, или за доставкою лѣса, камня, извести и т. под., считая имъ дни, въ пути проведенные, за дни отбытой барщины. Крестьяне, отдаленные отъ домовъ, отбывая подобную барщину, должны на свой счетъ продовольствовать свой скотъ, и кромѣ этихъ издержекъ, крайне ихъ разоряющихъ, которыхъ бы они не несли, отрабатывая на мѣстѣ два или три дня въ недѣлю,—очень часто теряютъ отъ изнуренія свой скотъ, составляющій все ихъ достояніе. Разумѣется, помѣщики вмѣсто павшаго даютъ вновь свой скотъ на счетъ отработки. На основаніи подобномъ помѣщики, имѣющіе въ разныхъ уѣздахъ имѣнія, перегоняютъ на цѣлыя недѣли крестьянъ изъ одного въ другое имѣніе на работу. Вдобавокъ къ тому всему, заведено еще во многихъ мѣстахъ весною, когда чувствуется крестьянами общій недостатокъ хлѣба, продовольствіе ихъ *за гарнцы*; тогда не считается уже барщины, которая остается за крестьянами въ долгу, а только за всякій день работы дается имъ яроваго хлѣба въ цѣнѣ отъ четырехъ до пяти копѣекъ сер. Все это, угнетая крестьянъ до крайности, освящено стародавнимъ обычаемъ и не почитается за проступокъ помѣщикомъ, хотя отъ того проистекаютъ для крестьянъ невыгоды очень явныя, имѣющія вліяніе на ихъ нравственность.

„Безпрестанное употребленіе крестьянъ въ работы для отбытія барщины, положенной инвентарями, для отработки долговъ ихъ и для зарабатыванія даваемаго имъ продовольствія, лишаетъ ихъ возможности самыми тяжелыми трудами пріобрѣсти какое-либо состояніе. Работанные ими дни, очень низко оцѣненные въ сравненіи съ понесенными трудами, не удовлетворяя въ долгахъ помѣщиковъ, удерживаютъ крестьянъ въ такомъ положеніи, что они всегда работать обязаны и отлучиться для заработковъ изъ селенія не въ правѣ, гдѣ работа ихъ, противъ платы помѣщика, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ въ три раза принесла бы имъ выгоды. Напримѣръ, и настоящею весною многіе помѣщики крестьянамъ своимъ за молотьбу хлѣба давали за день гарнецъ овса и гарнецъ ячменя, что, по существовавшимъ цѣнамъ, составляло до 4-хъ коп. сер.: между тѣмъ чужимъ крестьянамъ, прибывшимъ для заработковъ, помѣщики давали по 4 гарнца озимаго хлѣба, что составляло отъ 20 до 24-хъ коп. серебромъ: разница очень ощутительная и видимо убѣждающая, сколько обижаются крестьяне своими помѣщиками какъ при дачѣ имъ продовольствія, такъ равно и при расчетахъ за дни, работанные сверхъ инвентарнаго положенія.

„Безнадежность улучшить когда-либо свое состояніе, при безпрестанномъ обремененіи работами, должна была непремѣнно поселить въ крестьянахъ то убѣжденіе, что ихъ назначеніемъ по рожденію есть печальная участь—вѣчно работать въ чужую пользу. Поэтому крестьяне, не видя пользы отъ своихъ трудовъ, къ трудамъ даже при обработкѣ своихъ собственныхъ полей не имѣютъ никакой охоты и ко всему понуждаемы должны быть напоминаніями или даже самымъ наказаніемъ. Оттого не видно между здѣшними крестьянами никакой наклонности къ промыслу, каковой и быть не можетъ при безпрестанномъ обращеніи ихъ въ помѣщичьей работѣ; а освобожденные воскреснымъ или торжественнымъ днемъ отъ барщины, они не въ состояніи думать о чемъ-либо другомъ, какъ о непріятныхъ трудахъ для чужой пользы, и дабы забыть это, предаются пьянству. Собранный съ полей своихъ хлѣбъ, который почти вездѣ воспрещается имъ продавать, тайнымъ образомъ вывозятъ они въ мѣстечка или почти безъ цѣны заставляютъ въ корчмахъ за водку — особенно тамъ, гдѣ арендаторами евреи, — привыкши уже къ мысли, что помѣщики, употребляя ихъ въ работу безпрестанно, должны пещись также и о оплаканномъ ими кормѣ и одѣяніи. Самый даже призывъ къ расчету съ помѣщи-

ками крестьяне исполняютъ съ такою неохотою, какъ бы онъ былъ обыкновеннымъ выгономъ на барщину, потому что они удостовѣрены уже, что во всякомъ случаѣ,—останутся ли должными, или имъ будутъ должны,—порядокъ безпрестанно работать будетъ ихъ удѣломъ; кромѣ того, послѣ расчета ежели кому изъ нихъ слѣдуетъ деньги (это случается только самымъ достаточнымъ), то таковыя имъ не уплачиваются никогда, а оставляются до забора продуктами заведеннымъ порядкомъ.

„Подобнымъ образомъ въ настоящее время управляется большая часть имѣній, въ здѣшнемъ краѣ состоящихъ. Управленіе это, очень обидное для крестьянъ, дѣлается еще тягостнѣе, ежели помѣщики, сохраняя только обычай выгонять крестьянъ на барщину отъ воскресенья къ воскресенью, не ведутъ никакого расчета съ ними за дни переработанные и не соблюдаютъ этого даже поверхностнаго вида—удовлетворять ихъ за труды, которые отъ нихъ не слѣдуютъ. Съ такихъ имѣній крестьяне уходятъ въ степныя мѣста на заработки и даже заграницу и тамъ остаются, а люди дурной нравственности отваживаются даже на преступленія.

Земскія полиціи, имѣя порученный отъ правительства надзоръ за благосостояніемъ крестьянъ, не вникаютъ, повидимому, во внутренній образъ управленія помѣщиковъ крестьянами; ежели же съ общаго взгляда и замѣтно, что помѣщики свыше инвентарнаго положенія употребляютъ крестьянъ въ работу, то замѣтно также, что помѣщики уплачиваютъ за нихъ подати, даютъ имъ въ отработокъ хлѣбъ и т. под., что они исполнить обязаны. Впрочемъ, обыкновеніе употреблять крестьянъ въ работы болѣе, чѣмъ въ инвентарѣ положено, очень давнее и никогда воспрещено помѣщикамъ не было. Дѣла, производимыя по сему предмету, обыкновенно заводятся по жалобамъ и при случающихся произшествіяхъ; крестьяне почти всегда жалуются только на жестокое ихъ наказаніе, на угнетеніе же жалобъ они не заносятъ, потому что имъ не извѣстны обязанности ихъ къ помѣщикамъ и за тѣмъ не извѣстно, сколько они работать должны и какъ за переработокъ должны быть удовлетворяемы. Можно также полагать, что крестьяне того не показываютъ изъ опасенія (которое отчасти справедливо) по великимъ правамъ помѣщиковъ надъ ними, представленнымъ законами. Производство же дѣлъ о наказаніяхъ крестьянъ, заключая въ себѣ частные случаи, не ограждаетъ крестьянъ отъ угнетенія общаго.

„Изъ всего мною описаннаго видно, что общее угнетеніе крестьянъ, исключая нѣкоторыхъ въ меньшей части имѣній, заключается въ томъ:

а) Что, при платежѣ помѣщиками за крестьянъ податей и положеніи уплаченныхъ денегъ въ отработокъ, крестьяне эти подати уплачиваютъ вдвойнѣ и втройнѣ по причинѣ низкой цѣны, назначаемой за день работы.

б) Что на забранный хлѣбъ и прочее, занятое у помѣщиковъ, цѣны назначаются помѣщиками безъ согласія крестьянъ высокія, а цѣна за дни, переработанные противу инвентаря, очень низкія и также безъ согласія крестьянъ, отъ чего крестьяне такъ же вдвойнѣ или втройнѣ уплачиваютъ за данное имъ.

в) Что крестьяне принуждаются работать болѣе, какъ по инвентарю положено, отъ чего, кромѣ выше изъясненныхъ уже отъ того потерь, лишаются возможности какъ должно запахивать и удобрять свои земли, не приносящія имъ должнаго урожая, и тѣмъ самымъ вовлекаются въ новыя займы у помѣщиковъ, за которые болѣе, какъ выше изъяснено, уплачиваютъ.

г) Что при употребленіи крестьянъ для разныхъ доставокъ въ дальнія мѣста не наймомъ и безъ ихъ согласія, а въ видѣ барщины, выставляя крестьянъ на разорительныя издержки и потери скота, разоряются не только частныя семейства, но даже приходятъ въ общую бѣдность цѣлыя имѣнія.

д) Что отъ безпрестаннаго употребленія крестьянъ въ работу проистекаетъ вредное вліяніе даже на нравственность крестьянъ, препятствующее имъ обратиться къ промыслу и къ улучшенію жалкаго ихъ состоянія. Сверхъ же описаннаго, зачисляется въ долгъ барщина, не отработанная по случаю ненастной погоды и даже болѣзни крестьянина, которая (барщина) взыскивается въ очень экстренное для помѣщика время, т. е. во время жатвы и молотьбы проданныхъ продуктовъ.

„Всѣ эти обстоятельства, противустоящія благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства въ отношеніи крестьянъ, я, стремясь къ пользамъ службы, необходимымъ счелъ, по долгу присяги, совѣсти и чести, изложить здѣсь съ предоставленіемъ благоуваженію начальства.

„Ежели правительству, по соображеніи этихъ обстоятельствъ, благоугодно будетъ перемѣнить настоящій образъ управленія помѣщичьихъ крестьянъ, то я полагалъ бы, въ отвращеніе подобнаго угнетенія на будущее время, не нарушая коренныхъ правъ помѣщиковъ, постановить:

1) Платежъ казенныхъ податей, въ отвращеніе неисправнаго ихъ взноса самими крестьянами, оставить на обязанности помѣщиковъ; но дабы послѣдніе не могли расчетами по сему предмету обижать крестьянъ, добавить къ инвентарной повинности для отработка крестьянами помѣщикамъ число дней, какое по расчету прійдется, принявъ въ соображеніе цѣну, какая обыкновенно полагается при отдачѣ имѣній въ поссесіонное владѣніе помѣщиками.

2) Объявить всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, что они болѣе, какъ по инвентарямъ положено, работать не обязаны; ежели же будутъ приглашены къ тому или обяжутся отработать нѣсколько дней свыше положенія за что-либо занятое, то должны условиться за плату вольными цѣнами.

3) Воспретить помѣщикамъ употреблять крестьянъ болѣе назначенія на барщину и заводить долги барщинныхъ дней, равно высылать ихъ въ дальнія дороги съ транспортами, такъ, чтобы посланный за барщину куда-либо крестьянинъ не отвлекался изъ дому на большее количество дней, какое положено ему въ недѣлю въ отработокъ по инвентарю.

4) Обязать помѣщиковъ, чтобы они наблюдали, дабы слѣдуемая по инвентарю барщина отбываема была понедѣльно, не перенося отнюдь таковой не только съ зимы на лѣто, но даже съ мѣсяца въ мѣсяцъ, и ведя съ крестьянами каждонедѣльно расчеты.

и 5) Остающуюся по настоящее время въ долгу на крестьянахъ барщину исключить и удовлетворенія за оную отъ крестьянъ не требовать."

Здѣсь, къ сожалѣнію, прерывается та часть оффиціальной переписки, которая была въ нашемъ пользованіи, и дальнѣйшее продолженіе ея намъ неизвѣстно. Но и то, что мы здѣсь извлекли изъ нея, достаточно полно и ярко рисуетъ безотрадную картину тогдашняго положенія крестьянъ въ Югозападномъ краѣ. Предъ этой картиной положительно блѣднѣютъ тѣ ужасы крѣпостной эпохи, о какихъ мы слышали по свѣжему преданію въ лѣвобережной Украинѣ: тамъ все-таки они помнятся, болѣе или менѣе, какъ частныя злоупотребленія, здѣсь же—сплошная, систематическая эксплоатація крестьянъ, безсмысленно жестокое выжиманіе изъ нихъ послѣднихъ соковъ, наглое обсчитываніе ихъ на каждомъ шагу и явное трактованіе крѣпостного человѣка совершенно на-

равнѣ съ рабочей скотиной, у которой не должно быть никакихъ помысловъ, кромѣ одного, что ея удѣлъ—вѣчно работать на господина. Вникая во все это, прямо недоумѣваешь, какъ могли милліоны людей, предки которыхъ вѣками боролись за свою свободу, переносить это каторжное существованіе. И не диво, что само правительство постоянно было въ опасеніи, какъ бы между крестьянами Югозападнаго края не вспыхнули волненія или даже открытое возмущеніе противъ своихъ притѣснителей. И такія волненія по временамъ и возникали въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ подольской губ.,—можетъ быть оттого, что здѣсь помѣщичій гнетъ былъ едвали не тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-либо,—но власти крутыми мѣрами подавляли безпорядки въ самомъ ихъ зародышѣ.

Собравъ подробныя свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, Бибиковъ возбудилъ вопросъ объ улучшеніи ихъ участи инвентарнымъ положеніемъ, въ которомъ были бы точно опредѣлены права и обязанности крѣпостныхъ по отношенію къ владѣльцамъ. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе этого дѣла, матеріалы для котораго все еще мирно покоятся въ архивныхъ подвалахъ. Скажемъ лишь, что не смотря на крайнюю скромность предложенной Бибиковымъ реформы, бережно охранявшей всѣ прерогативы помѣщичьей власти, его проектъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ и вызвалъ настоящій переполохъ среди мѣстныхъ пановъ, объявившихъ Бибикова чуть не опаснымъ демагогомъ, стремящимся воскресить въ краѣ ужасы былой гайдамачины. И потребовались вся энергія и настойчивость Бибикова, чтобы послѣ семилѣтней борьбы съ министерствами внутр. дѣлъ и госуд. имуществъ настоять таки на своемъ: составленныя имъ инвентарныя правила были наконецъ введены въ дѣйствіе въ 1847 г. Въ этомъ большая заслуга Бибикова. „Каковы бы ни были недостатки инвентарныхъ правилъ и еще болѣе ихъ примѣненія на дѣлѣ, нужно помнить, что это, все-таки, самая энергичная мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху императора Николя I: относительно великороссійскихъ помѣщиковъ государь никода не рѣшался на регулированіе положительнымъ закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ“. Такъ справедливо оцѣниваетъ значеніе инвентарной реформы Бибикова извѣстный историкъ В. И. Семевскій.

Ор. Левицкій.

Польская и великорусская политическая печать 70-хъ годовъ по вопросу о народно-федеральномъ направленіи *).

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ народамъ бывшей Польши и нынѣшней Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной, потому что только въ ней политическіе вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не всѣ мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессисткихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокрытое, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполнѣ опредѣленными и обдуманными въ подробностяхъ интернаціональными, народно-федеративными стремленіями, но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а вмѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно - національныхъ, централистическихъ

*) См. Кіев. Стар. 1906 г., № 5—6. Настоящая статья является естественнымъ продолженіемъ статьи „Отношеніе великорусскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ народно-федеральному направленію“, помѣщенной въ указанныхъ номерахъ.

стремленіяхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, ее населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ M. G., неизвѣстному автору брошюрки „Glos z Korony, natchniony rokiem 1872“, изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусскаго, и русскаго и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли (Короною называютъ поляки край Варшавскій), онъ скорѣе, чѣмъ шляхетскіе „перевертни“ непольскихъ земель, сумѣлъ отдѣлаться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о „такъ называемомъ западномъ краѣ“ или, какъ пересчитываетъ г. M. G., „Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны“, авторъ говоритъ: „мы уже намекнули, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіе столѣтія условій и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхъ русинскою народностью, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилія. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться на полученіе гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школѣ и церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ фактическихъ основахъ. Во всякомъ случаѣ до XVI вѣка языкомъ администраціи и дипломатическимъ въ Литвѣ былъ языкъ бѣлорусскій, а не польскій. Оставимъ же малоруссамъ и бѣлоруссамъ разрѣшеніе вопроса: станетъ ли языкомъ ихъ будущаго въ области литературы, администраціи и церкви прекрасный, мелодическій языкъ народныхъ пѣсенъ, Шевченко, Падуры, языкъ, который трудомъ интеллигенціи русинской, по примѣру западныхъ и южныхъ славянъ, скоро могъ бы распустить крылья до полета наравнѣ съ потребностями времени, или же языкомъ этимъ долженъ быть языкъ великорусскій, постепенно, вслѣдствіе вліянія университетовъ кіевскаго и харьковскаго, вытѣсняющій языкъ малорусскій изъ употребленія въ кругахъ болѣе образованнаго малорусскаго населенія.

„Это вопросъ, по истинѣ, чрезвычайно важный, особенно для русинскаго народа, потому что рѣшеніе его окончательно въ пользу великорусскаго языка надолго придавитъ просвѣщеніе среди русиновъ и установитъ перегородку между образованнымъ классомъ и народомъ, который не перестанетъ тянуть пѣсни на языкѣ, такъ имъ любимомъ, такъ гибкомъ къ тонамъ грустной мелодіи; мы должны, однако, стать въ сторонѣ этого вопроса, и непрошенные не брать въ немъ участія, а тѣмъ болѣе не дѣлать, какъ теперь, натиска, въ пользу одной стороны въ рѣшеніи этого вопроса“ [1]). (Op. cit. 28—30).

Мысли въ такомъ духѣ мы встрѣчали въ двухъ-трехъ корреспонденціяхъ изъ Царства Польскаго въ петербургскія газеты, но ни у кого онѣ не доходили до такой категоричности, какъ у вышеупомянутаго автора. Равнымъ образомъ въ послѣднее время въ журналахъ молодой польской партіи въ Варшавѣ, какъ напримѣръ въ „Przegląd Tygodniowy“ можно было встрѣчать статьи довольно симпатичныя, напр., къ украинскому движенію въ Галиціи. Въ духѣ примиренія съ русинами высказывался и „Dziennik Poznanski“ и другіе познанскіе журналы (напр. „Przehląd Slowianski“), напуганные натискомъ германизаціи. Но ни въ одномъ еще журналѣ польскомъ мы не встрѣтили систематически проведеннаго новаго взгляда на отношенія поляковъ къ непольскимъ народамъ бывшаго польскаго государства, взгляда, исходящаго изъ полнаго отрицанія историческаго польскаго патріотизма и изъ признанія полной самостоятельности и отдѣльности вышеупомянутыхъ народовъ отъ Польши. Напротивъ того, вполнѣ непримиримыя идеи стараго польскаго историческаго патріотизма находятъ себѣ органы во всѣхъ польскихъ центрахъ, а особенно въ „самой свободной странѣ бывшей Польши“, какъ называла Галицію соціалистическая „Równość“. Обстоятельство это показы-

---

[1]) Послѣднія слова для насъ не совсѣмъ ясны, а что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря, что поляки наклоняли вѣсы спора между „русинскимъ“ и великорусскимъ языкомъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своимъ противодѣйствіемъ русинамъ въ Галиціи они препятствуютъ наклону вѣсовъ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ совѣтуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ „Короны“, то съ этимъ можно еще согласиться, но образованные поляки на Украинѣ и Бѣлоруссіи, а также въ Литвѣ и Лагышіи, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитетъ, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

ваетъ, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сихъ поръ еще не нашла себѣ достаточнаго количества приверженцевъ въ польскомъ обществѣ. А безъ этой мысли, развѣ могутъ быть сдѣланы совершенно новые шаги къ политическому и національному освобожденію поляковъ, при посредствѣ широкаго федеральнаго движенія на Востокѣ Европы?

Безъ этой мысли невозможна и организація соціалистической пропаганды въ странѣ между Вислою и Карпатами, съ одной стороны, и Днѣпромъ и Десною — съ другой, на началахъ дѣйствительно интернаціональныхъ. А между тѣмъ и въ новыхъ соціалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сихъ поръ не встрѣтила себѣ много сочувствія. До сихъ поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существованіе признанія подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) соціалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котурницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику, въ каковомъ письмѣ, между прочимъ, высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе украинскихъ соціалистовъ къ польскимъ: „польскіе соціалисты должны съ перваго же раза заявить, что ихъ цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть возстановленіе стараго польскаго государства 1772 г., даже соціалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими соціалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ“.

Участвовавшіе въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положенія, а заявилъ, что только на почвѣ соціализма состоится примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго „кружкомъ“ соціалистовъ польскихъ изъ подъ русскаго захвата“ (kòlko socyjalistòw Polskich z pod zaboru Moskiewskiego) на митингъ, созванный редакціей „Ròwnosci“ въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину возстанія 1830 г., 30-го ноября 1880 года: „Вамъ искренне и по-братски протягиваемъ руку нашу, братья соціалисты, къ какой бы народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди,

соціалисты, украинскіе, великорусскіе и нѣмецкіе" (socyjaliscì russcy, rosyjscy i niemieccy. Bibliot. „Rὸwnosci", I, 9 [1]).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ, хотя все-таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой обѣщанной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ вполнѣ интернаціональныя, федеральныя идеи въ приложеніи къ населенію одной изъ частей исторической Польши, такъ и соотвѣтственно имъ, раціональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ соціалистовъ.

„Польско-украинская рабочая партія не можетъ имѣть ничего общаго съ тою партіею, которая стремится къ возстановленію Польши эпохи Ягеллоновъ, „отъ моря до моря". Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федераціи и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вмѣстѣ съ такимъ развитіемъ пойдетъ уничтоженіе національныхъ антипатій, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческія стремленія. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитіи обнаруживаетъ стремленіе къ сложенію оригинальныхъ національныхъ индивидуальностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію (do potegowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человѣчество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальною природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальною природою соединенными силами цѣлаго рода людского.

„По тѣмъ же самымъ основаніямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракціи у русиновъ, которая стремится къ слитію народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть національныя черты русиновъ и посѣвая вражду между русинами и поляками. Эта агитація поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

---

[1]) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологію, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ „русская" публика.

„Народная партія русиновъ, такъ наз. украинофиловъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремленія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

„Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (ludowego stronnictwa). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, несмотря на неоднократныя попытки, организовать партію: эти демократы, разъсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направленіе недемократическое, идутъ съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

„Такъ называемый „еврейскій вопросъ“ для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской буржуазіи, не потому, что она еврейская, а потому, что она буржуазія; мы соединяемся съ пролетаріатомъ еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполнѣ на точку зрѣнія украинскихъ соціалистовъ и что если бы эта точка зрѣнія была усвоена соціалистами поляками, напримѣръ, въ Варшавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Житомірѣ и т. п., то мы бы увидѣли въ тамошнихъ соціалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ. Польская соціалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польскаго населенія, вполнѣ отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы была сразу же высказаться въ пользу необходимости такой вполнѣ интернаціональной работы. А, между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати соціалистическаго направленія, не только не высказалась въ такомъ духѣ, а показала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стариннаго историческаго польскаго централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявленій, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концовъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: „Socyjalism jako konieczny objaw dziejowego rozwoju“ и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить

основаніемъ для польскихъ соціалистовъ, заявленіе демократовъ 1846 г., которое, между прочимъ, насчитало 20 милліоновъ поляковъ, а дальше разсматриваетъ „Русь", какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ „Листкѣ Громады" г. Лимановскій прислалъ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ, правда, что признаетъ самостоятельность „русиновъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской уніи 1569 г. Мы вообще не понимаемъ, какое значеніе для соціализма, какъ „конечнаго результата историческаго развитія", можетъ имѣть эта полувынужденная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ частности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда польскіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой, по крайней мѣрѣ, украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сошлемся, напримѣръ, хоть на протестъ галицкихъ „народовцевъ" противъ польской демонстраціи въ память этой уніи въ 1869 г.) Г. Лимановскому слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое-либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ, онъ продолжаетъ въ „Jahrbuch für Sozialwissenschaft" третировать, по крайней мѣрѣ, землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-соціалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій соціалистическій патріотъ жалуется европейской публикѣ, что „нѣкоторые русинскіе соціалистическіе писатели обращаютъ болѣе вниманія на проведеніе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность" и т. п. (Jahrbuch, III, 261.) Какъ будто записывать въ Польшу, напр., галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно невѣрную, между ними и ихъ братьями приднѣпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ навязываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, которое такъ имъ опротивѣло?!

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ конгрессъ въ Хурѣ (между прочимъ и польской газетѣ „Przedswit"), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости возстановленія польскаго государства при помощи даже польскихъ демократовъ старой школы, конечно, въ границахъ, какія угодно будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ разсказываетъ „Przedswit", г. Лимановскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу [1]). Повторяемъ, если все, разсказанное о поведеніи г. Лимановскаго на конгрессѣ въ Хурѣ, правда, то, конечно, такое поведеніе одного изъ самыхъ плодовитыхъ польскихъ писателей соціалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленіями г. Лимановскаго въ пользу необходимости возстановленія Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому опредѣленію границъ его, въ которыя онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой федераціи поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой

---

[1]) Судя по письму къ намъ изъ Галиціи отъ лица вполнѣ компетентнаго, программу эту постигли презлополучныя приключенія: она была озаглавлена „Program socyjalistow polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji" и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для напечатанія. Но здѣсь (Impimerie Polonaise, Chemin Neuf, 13) „по ошибкѣ типографщика", она явилась подъ именемъ „Program soc. polskich" и пр. и въ такомъ видѣ была пущена въ ходъ (она попалась съ такою „опечаткою" и въ руки австрійской полиціи). Опечатка была опротестована изъ Галиціи, и тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое было составлено на мѣстѣ, а опять другимъ: „Program socjalistów galicyjskich". Новая „опечатка" снесла и слово „polskich", но скрыла опять и слово „ruskich". Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершеніе г. Лимановскій явился на конгрессѣ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о возстановленіи Польши, отъ которой отреклась эта программа.

была въ рукахъ г. Лимановскаго, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ. [1])

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени соціалистическаго общества. „Людъ Польскій", котораго программа была недавно перепечатана въ „Вольномъ Словѣ". Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго даетъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость „устраненія политическо-національнаго гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) національной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія" (dobrowolnego ciężenia,—во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: dans les frontiéres de libre fédération, а въ русскомъ: „добровольнаго союза").

Что должно разумѣть подъ словами: „dobrowolne ciężenie"? Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ „добровольнаго тяготѣнія", такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польскаго государства, которое предположило возстановить общество „Людъ Польскій", и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участіе и непольскія населенія. Но если такъ, то почему же это будетъ всетаки Польша, Людъ Польскій? Очевидно, что вся выше писанная темная формула есть ничто иное, какъ порожденіе страха признаться въ историческомъ польскомъ патріотизмѣ и страха или нежеланія отказаться отъ него рѣшительно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что съ такими темными формулами нельзя освобождать ни народъ польскій, ни сосѣдніе съ нимъ народы [2]).

---

[1]) Г. Лимановскій заявилъ въ письмѣ въ „Общее Дѣло" (№ 46), что онъ не предъявлялъ „мандата" отъ „Люду Польскаго". (См. „Вольное Слово", № 23.)

[2]) Единственно для полноты мы должны упомянуть о статьѣ г. Лимановскаго въ „Precurseur" 1881, № 29, 31 и сдѣд. Статья эта представляетъ возраженія на нашу статью въ „Revue Socialiste" „Les nations de l'Europe orientale et le socialisme international", основныя мысли которой руководятъ нами и при составленіи настоящаго труда. Мы должны сказать, что вообще г. Лимановскій напрасно поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья наша не окончена печатаніемъ, а въ частности, что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г. и теперешнихъ соціалистахъ, мы не можемъ понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отношеніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ бывшей „Рѣчи Посполитой“ и среди другой фракціи польскихъ соціалистовъ, той, которая теперь въ „Przedswit“-ѣ сама полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей „Люда Польскаго“. Какъ видно и изъ подписи посланія „Przedswit“-а „къ русскимъ товарищамъ соціалистамъ“, фракція эта та же самая, которая издавала прежде „Równosć“. Эта „Równosć“ напечатала было въ 1879 г. свою „программу польскихъ соціалистовъ“, изъ которой былъ вполнѣ исключенъ политическій вопросъ объ освобожденіи Польши, но въ которой не было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія избираютъ себѣ „польскіе соціалисты“, ни объ отношеніяхъ ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствительнаго польскаго народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ передъ публицистами „Równosci“ и ихъ соплеменниками и сосѣдями, но они предпочли уклониться отъ всякаго отвѣта на него [1]). Можно бы было думать, что такое уклоненіе произошло отъ того, что на той высотѣ интернаціональнаго міровоззрѣнія, на какую стала программа „Równosc“, такой отвѣтъ

не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ европейскою публикой знамя исторической Польши и призналъ въ концѣ статьи, что и бѣлоруссы, и литвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться самостоятельно отъ Польши. А если такъ, то зачѣмъ же г. Л. поднялъ споръ противъ нашей критики программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ соціалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьею Лимановскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаетъ къ слишкомъ адвокатскимъ пріемамъ. Такъ, напр., г. Л—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украйны къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣетъ болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ Россіи. Но г. Л., который самъ жилъ въ Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него, а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятія французскихъ читателей, которые не въ состояніи провѣрить его?!

[1]) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковскаго процесса сторонниковъ „Równosci“ находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ, въ которой находимъ такія слова: „свобода политическая и національная, обезпеченная федераціей производительныхъ группъ народа польскаго въ границахъ этнографическихъ“ (Wolnosc polityczna i narodowosciewa, zapewniona przez federacye wysworczych grup ludu Polskiego w granicach narodowosci). Программа эта была составлена въ Галиціи, какъ видно изъ процесса, лицами, находящимися въ сношеніяхъ съ „Równość“ и съ г. Лимановскимъ, тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была ими принята во вниманіе.

или самъ собою подразумѣвался, или самый вопросъ представлялся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отношеніи „Rownosci“ и ея французскаго бюллетеня въ Галиціи (и западной, и восточной), которую редакція изображала, какъ часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала русинскій элементъ, каковой былъ упомянутъ только разъ, какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовымъ, а не въ самомъ Львовѣ, и упомянутъ въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, можно видѣть, что причины вышеупомянутаго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція — Польша, нѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кромѣ польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы „Rownosci“, какъ и г. Лимановскій въ названной выше брошюрѣ, всякій разъ, когда имъ приходилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (rossyjskiem) народѣ, какъ будто народовъ промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно возваніи фракціи „Rownosci-Przedswita“ къ „русскимъ (по-польски—rossyjskim, т. е., великорусскимъ) товарищамъ“, видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политическаго вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ „сорганизовать одну общую соціалистическую партію“, въ составъ которой вошли бы соціалистическія организаціи различныхъ національностей въ предѣлахъ русскаго государства и „выработать общую политическую программу для всѣхъ соціалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ“ и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совмѣстно съ нею выработать такую программу, даже не боясь „обвиненій въ централизмѣ“. Да! фракція „Rownosci“, прежняго органа „польскихъ соціалистовъ“, теперь уже не признаетъ надобности существованія „польскихъ соціалистовъ“, какъ чего то цѣлаго, хотя и съ оговоркой, которая возстановляетъ эту цѣлость. [1])

---

[1]) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: „Польская соціальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имъ мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими соціалистическими организаціями.“

Но при этомъ и польская фракція соціалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ соціалистическихъ организацій различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значитъ ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для соціалистовъ всѣхъ національностей Россіи?? Не беремся отвѣчать. Но это обращеніе польской фракціи и это умолчаніе остается всетаки фактомъ характернымъ и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи „Przedswita".

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность вполнѣ раціональнаго выхода. Это — отнестись серьезно съ поставленному наконецъ и ею самою вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польскаго конца. Правда, авторамъ декларацiи сейчасъ же придется расширить ту узковатую рамку, которую поставляютъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой декларацiи, вообще довольно торопливо редижированной. Декларація эта говоритъ только о необходимости слитія существующихъ въ Россіи „соціалистическихъ организацій различныхъ національностей" для достиженія политической свободы, а изъ способовъ этого достиженія говоритъ только о „террористической борьбѣ". Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою", т. е., убійствами, или, если угодно, „казнями", политическая свобода не можетъ быть достигнута, такъ и одно слитіе существующихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи, да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которыя будутъ признаны за таковыя единомышленниками „Przedswita" (который, напр., отрицательно относится и къ „Люду Польскому"), не составитъ еще очень важнаго дѣла, даже на столько важнаго, чтобъ о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политическаго переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ „соединенія" массъ „различныхъ національностей русскаго государства" для борьбы за такую по-

литическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи,—если уже говорить о національностяхъ,—а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различныя подробности даннаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности, или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды, требующія удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобъ вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобы привлечь къ борьбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. п. На польскихъ членахъ желаемой общей организаціи наиестественнымъ образомъ лежитъ задача подобнаго изслѣдованія мѣстности національности польской, а затѣмъ, конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ, не исключая и фракціи „Rownosci", выходили и выходятъ изъ мѣстностей и собственно польскихъ, и литовско-латышко-бѣлорусско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если только они пожелаютъ отнестись серьезно къ предложенной фракціей „Przedswita" работѣ, придется, быть можетъ, прежде всего поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли считать за національности населенія вышеупомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Россіи или нѣтъ? и каковы при томъ и другомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ могутъ быть способы для привлеченія и этихъ населеній къ участію въ борьбѣ за политическую свободу? равно, каковы должны быть формы этой свободы, которыя бы оградили интересы этихъ національностей, если ихъ существованіе признается? Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе необходимъ, что исторія большихъ державъ западной Европы, не исключая на этотъ разъ и англійской, научила насъ, что отъ такой или иной постановки подобныхъ вопросовъ зависѣло то, что послѣ длиннаго ряда политическихъ переворотовъ извѣстныя націи попали въ столь свободныя политическія формы, что иныя даже не безъ основанія стали вздыхать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда при несомнѣнныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, становиться орудіями для контръ-революцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу „русскихъ товарищей „Przedswita", мы всетаки считаемъ себя не только въ правѣ, но

даже въ обязанности, просто по положенію публициста поставить группѣ „Przedswita“ изложенные выше вопросы и ждать на нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Иначе,—да простятъ намъ откровенность,—будетъ основаніе считать новую постановку вопроса о роли поляковъ въ революціонномъ движеніи въ Россіи или за поверхностную, минутную вспышку, или за новое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта на „проклятые вопросы“: что же такое Польша? т. е.—гдѣ ея границы? и каково должно быть отношеніе къ плебейскимъ націямъ бывшей исторической Польши ихъ ополяченной интеллигенціи? Вѣдь при извѣстномъ, напр., набатскомъ взглядѣ на данный вопросъ новый оборотъ извѣстной польской фракціи, которая, вмѣсто признанія раздѣла исторической Польши между ея дѣйствительными націями, признаетъ раздѣлъ ея между государствами, съ оговоркою, однакожъ, что части ея могутъ входить между собою въ союзы, можетъ оказаться только новою попыткою доѣхать плебейскія націи, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при томъ псевдо-интернаціонализмѣ, о которомъ мы говорили выше, „у имущаго и будетъ и преизбудетъ, а у неимущаго, если что и имѣетъ быть, отнимется“. Напомнимъ, что устроенная на государственномъ началѣ нѣмецкая соціально-демократическая партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ, ничего не упѣла сдѣлать для пропаганды соціализма среди польскаго населенія Германіи. Равнымъ образомъ и венгерская соціально-демократическая партія ничего не дѣлаетъ для пропаганды соціализма среди слявянскихъ и румынскихъ населеній Венгріи, потому что не рѣшается вырваться за перегородки государственно-національныхъ предразсудковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому что она также игнорируетъ не-мадьяровъ и не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польскіе и великорусскіе дѣятели игнорируютъ плебейскія націи Россіи.

Обращаясь теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ,[1]) мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстницѣ революціон-

---

[1]) Напоминаемъ читателямъ, что статья М. П. Драгоманова писалась въ 1880 году.

ной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень", о той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, но расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ". Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, объяснять цѣли и средства, формулировать программы, теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большой части провозглашаются чрезвычайно догматически и непремѣнно отъ „партій" и даже до самаго недавняго времени непремѣнно отъ всей русской соціально-революціонной партіи, какъ чего то единаго и нераздѣльнаго, тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто несмотря на излишнюю длинноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слишкомъ конкретно и мелочно, и часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на разспросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія". Затѣмъ, нерѣдки случаи дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ дѣлѣ, совершенно противномъ сдѣланнымъ печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципіальной стороны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ пріемовъ дѣйствія, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохою великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по край-

ней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливые идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя, и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непремѣнное общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельродомъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія.“

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. н. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинизма. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые видные члены партіи признаютъ себя федералистами. Такимъ заявилъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство,—письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, но изъ котораго считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ [1])... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнительнаго комитета постановила ближайшею цѣлью). Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная комиссія, а во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги?

---

[1]) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „народниковъ“ и „украинцевъ“; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ.

Гдѣ наши фенiи, Парнель? Таково положенiе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденiе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшею задачей требованiя политическiя; видишь спасенiе въ распаденiи имперiи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранiя! Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли быть мiрянами." (12 мая 1880 г.)

Изъ этихъ словъ видны какъ федеративныя стремленiя самого Желябова, такъ и то, что эти стремленiя встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ". Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшiе къ нему русскiе революцiонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основанiе предполагать послѣднее, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнiя о необходимости признанiя со стороны русскихъ политическихъ революцiонеровъ нацiональнаго разнообразiя Россiи и заявленiя ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженiя, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ", или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ" и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго" общества „ожесточенныхъ враговъ" федерализма, и притомъ вполнѣ сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ нацiональногосударственномъ великорусскомъ централизмѣ, находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революцiонныхъ, и крайне характерно, что люди, вродѣ Желябова, которые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предразсудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ" федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортюнистически считаться съ „ожесточенными врагами" децентрализацiи. Желябовъ также оппортюнистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россiи, имѣя въ виду преимущественно Украйну, которую такъ часто сравнивали съ Ирландiею. Гдѣ украинскiе фенiи? Парнель?—спрашиваетъ Желябовъ,—и очевидно, хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованiемъ созванiя Учредительнаго Собранiя для единой и нераздѣльной Россiи, а поставили бы въ свою программу и

требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго россійскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Украины феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода феніевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появится на ихъ родинѣ home-rulers, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобританской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украинѣ, напримѣръ, обрусѣлая „интеллигенція“, даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстно-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстно-народномъ элементѣ, или, при всей благосклонности къ нему, не идетъ далѣе полускептическаго ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, соціализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто-ни будь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ массою сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ—изъ „ожесточенной вражды“ къ федерализму однихъ, изъ непониманія его настоятельной нужды другими, изъ уступокъ вышеупомянутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка иниціативы для энергическаго разрыва съ сословнымъ и государственнымъ воспитаніемъ четвертыхъ и т. п., и т. п.,—и складывались вездѣ на материкѣ Европѣ тѣ якобинскія теченія, которыя давали даже революціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за желанія доставить населеніямъ всяческія свободы, такое направленіе, которое только переносило самодержавную власть надъ населеніями изъ рукъ одного центральногосударственнаго учрежденія въ руки другого,—почти не расширяя реальныхъ правъ лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти населенія. Вотъ почему такъ насъ и пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ начинающемся русскомъ революціонномъ движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ настаивать на необходимости по крайней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ радикальнаго разрыва со всѣми централистическими, государственно-національными идеями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „террористовъ“ почти не замѣтно желанія поучиться на горькомъ опытѣ другихъ европейскихъ революцій, а напротивъ того, слишкомъ много видно признаковъ фатальнаго увлеченія на тѣ дороги, которыя принесли такъ много бѣдствій другимъ европейскимъ странамъ. Какъ еще ни тѣсны предѣлы дѣятельности русскихъ политическихъ революціонеровъ, но на нихъ уже видна справедливость замѣчанія, что „во всякой странѣ опозиція прежде всего складывается по типу того правительства, съ которымъ она борется.“

Сложившееся въ послѣднее время активное революціонное движеніе въ Россіи проявило себя прежде всего убійствами, которымъ и соціалисты считаютъ возможнымъ придавать имя казней! (И это послѣ Р. Оуена и другихъ отцевъ соціализма и ученія о невмѣняемости!). Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни, приняла имя „исполнительнаго комитета соціально-революціонной партіи“, между тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отнимали всякую возможность организаціи единомышленниковъ какого бы то ни было направленія, выбора ихъ представителей, совмѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ говорятъ слова: партія, комитетъ исполнительный. Очевидно, что кружокъ, назвавшій себя, „исполнительнымъ комитетомъ р. с. р. партіи“, былъ просто кружкомъ волонтеровъ, члены котораго могли представлять только самихъ себя. Даже для самаго успѣха дѣла, и въ интересахъ партіи онъ и долженъ бы былъ выступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ, дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ на свои личныя совѣсти дѣйствія, по всякой человѣческой логикѣ, а особенно по соціалистической, явно ненормальныя, объясняемыя только анормальностью же и системы русскаго правительства. Но такъ поступила только одна карательница агентовъ этого правительства, Вѣра Засуличъ. Непосредственныя ея послѣдователи сочли за лучшее назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой партіи, и приняли на себя видъ своего рода правительственнаго трибунала, а потомъ и своего рода правительства; они дошли даже до употребленія въ своихъ изданіяхъ словъ „агенты исполнительнаго комитета“! Больше года не только исполнялись ими отъ имени партіи разные судебные приговоры, основаній которыхъ никто, кромѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣрить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія: о европейскомъ соціализмѣ и русскомъ народничествѣ (о

необходимости снять съ соціализма въ Россіи нѣмецкую его одежду и одѣть его въ русскую сермягу и взять себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и монархіи (съ которою думала мириться прокламація „Смерть за смерть", а особенно г. Мирскій) и т. п.,—мнѣнія, весьма и весьма спорныя, и часто противорѣчивыя, но всегда заявляемыя торжественно отъ имени цѣлой русской соціально-революціонной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи" существовали крупныя разногласія,—которыя наконецъ вышли и въ печать, именно тогда, когда „террористы" стали выбираться изъ противорѣчій и тумана руссофильскаго народничества первыхъ номеровъ „Земли и Воли" къ болѣе опредѣленной постановкѣ вопроса о политической свободѣ на общеевропейскихъ основаніяхъ. „Народники" рѣшились отдѣлиться, и такимъ образомъ въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р. партіи оказалось два: „Народная Воля" и „Черный Предѣлъ", при чемъ первая, органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи" должна была объявить, что „исполн. комитетъ" вовсе не представляетъ собою всю партію, а есть „совершенно самостоятельное тайное общество" т. е., другими словами, что это и не „исполнительный", и не „комитетъ". А между тѣмъ, имя это за нимъ осталось; почему?—Потому что оно уже имѣло за собой извѣстную традицію! Соображеніе чисто династическаго, а не революціоннаго характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ исполнительнаго комитета принялъ названіе „Народная Воля". Мы помнимъ смущеніе, какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ русской эмиграціи, болѣе образованныхъ политически и сохранившихъ память объ анархическихъ идеяхъ,—когда телеграммы въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о выходѣ въ Петербургѣ „Народной Воли" и перевели это имя словами: „La volonté du peuple" „Der Volkswile". Эмигранты находили переводъ неправильнымъ и съ своей стороны понимали слово „Воля", какъ Вольность, Свобода,—почему и въ нѣсколькихъ печатныхъ заявленіяхъ около того времени и въ „Revolté" (1 г., № 25) переводили имя новой газеты „La liberté du peuple." Скоро однакожъ подтвердилось, что издатели „Народной Воли" разумѣютъ послѣднее слово дѣйствительно въ смыслѣ „желанія", „рѣшенія",—„La volonté du peuple", какъ началъ переводить даже анархическій „La Revolté."

„Народная Воля" и прокламаціи исполнительнаго комитета не разъ объявляли, то что они провозглашаютъ „волю народа",

то что они имѣютъ цѣлью добиться для народа возможности провозгласить свою волю, передъ которой сами заявляли (и за себя, и даже за партію) готовность преклониться. И при этомъ партія „Народной Воли" заявляла, что она стремится къ установленію въ Россіи „политической свободы".

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ" почти противоположно понятію о „политической свободѣ!"

Политическая свобода это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа, потомъ правъ группъ, самоуправленіе общинъ и областей. Союзъ общинъ и областей, въ предѣлахъ одного народа (націи) или нѣсколькихъ, только и необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, требующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ) для охраны названныхъ выше видовъ свободы,—каковая цѣль лучше всего достигается, если и этотъ союзъ, обыкновенно называемый государствомъ, будетъ основанъ на началѣ выборнаго, народнаго, представительства. Но уже изъ сейчасъ сказаннаго видно, что въ такимъ образомъ построенномъ (снизу вверхъ) политически свободномъ государствѣ сама „народная воля" получаетъ весьма ограниченную роль, но зато народная свобода, или лучше свобода всѣхъ живыхъ составныхъ частей народа сохраняетъ самое широкое значеніе. Совсѣмъ иное получается, если мы начнемъ построеніе государства сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта послѣдняя на практикѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только волею большинства, а въ государствахъ большихъ, столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ общинныхъ или кантональныхъ, ничѣмъ инымъ, какъ волею большинства представителей большинства народонаселенія. Очевидно, что самодержавіе такой „воли" тѣмъ болѣе часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ съ интересами значительной части населенія и существеннѣйшими правами лицъ, группъ, областей и даже націй. Прибавимъ, что самодержавіе народное,—прямое (въ общинахъ и кантонахъ) и представительное,—не исключаетъ учрежденія диктатуры, на которую переносятся права народнаго самодержавія, какъ это понималось и въ древнихъ общинно-кантональныхъ республикахъ, и въ римской имперіи, и во французской якобинской республикѣ съ ея коллегіальной диктатурой Comité du salut publique, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ это понимается и легитимистами новой Европы, и въ Россіи, наприм., великороссійскими

славянофилами, и мы тѣмъ яснѣе увидимъ все различіе понятій „народная воля“ и „политическая свобода.“

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно разъяснено цѣлою литературою, которая образовалась послѣ якобинской революціи въ XVIII вѣкѣ, трудами европейскихъ политическихъ писателей разныхъ направленій, консервативнаго, либеральнаго и соціалистическаго, писавшихъ о „государствѣ и его предѣлахъ.“ Но эта литература, кажется, столь же мало извѣстна революціонерамъ, какъ и правителямъ въ Россіи, которые, каждый по своему, говорятъ во имя народа, его блага, воли и т. п. Только этимъ незнаніемъ, да недостаточнымъ анализомъ настроенія дѣйствительнаго „народа“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа ея господствующей національности, можно объяснить то, что „исполнительный комитетъ“ обѣщаетъ за себя и, можно сказать, за своихъ наслѣдниковъ подчиниться „народной волѣ“, какова бы она ни была, лишь бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ подобныя обѣщанія, опасность отъ необходимости исполнять ихъ еще не очень близка. Практическій вредъ подобныхъ обѣщаній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ и государственныхъ пріемовъ „русскихъ террористовъ“, заключается въ томъ, что они вовсе не колеблютъ идеи государственно-централистическаго самодержавія, а только переносятъ его въ другія руки. Отсюда происходитъ и та робость покуситься на радикальное отрицаніе существующихъ политическихъ отношеній, какая видна и въ письмѣ Желябова, въ слабомъ развитіи идеи областной свободы въ „программѣ исполнительнаго комитета“, въ совершенномъ умолчаніи ею вопроса о правахъ національностей и въ сокрытіи разнообразнаго населенія Россіи подъ именемъ русскаго народа. [1]) Можно бы было

---

[1]) Въ „Программѣ исполнительнаго комитета“ находимъ, правда, въ раздѣлѣ Б. замѣчаніе, что въ народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, традиціонныхъ принциповъ,.. зачатки федеративнаго устройства“, а въ разрядѣ Г. желаніе „широкаго обласнаго самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа“, но тутъ „область“ какъ то смѣшана съ „міромъ“ (общиною), къ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разговоры о самоуправленіи великорусскіе революціонеры, а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по которому „постоянному народному представительству“ (т. е. центральному парламенту) предоставляется „полная власть во всѣхъ общегосударственныхъ (?) вопросахъ“ Во всей программѣ нѣтъ ни слова о разнонаціональности областей Россіи и о правахъ національныхъ, а цѣлью теперешней революціонной дѣятельности поставлено: „отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію.“

подумать, что русскіе террористы желаютъ сохранить централизованную машину русской имперіи для того, чтобы „на другой день переворота“ ею воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это было столько разъ съ революціонерами двугихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее, это то, что неподорванная даже въ теоріи эта машина,—даже въ случаѣ созыва Учредительнаго Собранія или просто всероссійскаго Земскаго Собора,—можетъ послужить совсѣмъ не революціонерамъ, болѣе или менѣе соціалистамъ, а кому нибудь другому, напр. консервативно-бюрократической диктатурѣ съ легкими починками, какъ это сталось, напр., въ Австріи послѣ 1849 г. Вотъ почему и желательно было бы, чтобы въ числѣ другихъ общественныхъ элементовъ и „русскіе террористы“ поразмыслили болѣе систематически надъ вопросомъ о дѣйствительной политической свободѣ, которой нѣтъ безъ децентрализаціи общинной, областной, національной. Вопросы о національностяхъ имѣютъ ту полезную сторону, что они разлагаютъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства, противодѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію идей о народѣ (націи) и государствѣ и такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ о децентрализаціи и о предѣлахъ власти вообще.

Въ самое послѣднее время „исполнительный комитетъ“ показалъ, что и онъ не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о національномъ и областномъ разнообразіи населенія Россіи. Крупный фактъ антиеврейскаго движенія среди украинскаго населенія подѣйствовалъ и на него, а съ другой стороны, и до него проникла идея, которая начинаетъ ходить и среди русскихъ революціонеровъ, исходя преимущественно изъ южныхъ кружковъ,— о необходимости воспользоваться для борьбы противъ монархическаго строя всѣми остатками свободныхъ учрежденій и воспоминаній въ населеніи различныхъ областей Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и соображеній исполнительный комитетъ въ послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторону признанія національнаго и областного разнообразія того, что онъ называлъ безразлично „народомъ русскимъ“, но, къ сожалѣнію, эти шаги отличаются все-таки отрывочнымъ, несистематическимъ характеромъ и не показываютъ должнаго знанія даже тѣхъ населеній, къ которымъ обращается „исполнительный комитетъ.“ [1])

[1]) Со временъ извѣстнаго „упраздненія наукъ“, а особенно наукъ, которыя казались великорусскимъ революціонерамъ „національностическими“, всѣ ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эмпирическимъ характеромъ, „на ощупь“, нежели систематическимъ, основаннымъ на синтезѣ. Пополнить этотъ недостатокъ лежитъ

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „исполнительнаго комитета“,—одну къ украинцамъ по поводу противуеврейскаго движенія, другую—къ „славному войску козацкому“. Первая замѣчательна главнымъ образомъ по своему языку: это первый опытъ обращенія „исполнительнаго комитета русской с. р. партіи“ къ части населенія Россіи на языкѣ неоффиціальномъ. Но, по своему содержанію, прокламація эта представляетъ или увлеченіе народничествомъ за предѣлы, дозволительныя для соціалистовъ интернаціональнаго направленія, или показываетъ въ авторахъ незнакомство съ условіями жизни всѣхъ частей Украины: прокламація не знаетъ вовсе евреевъ не-эксплуататоровъ, а рабочихъ, которыхъ точно очень мало въ лѣвобочной и степной Украйнѣ, но которыхъ довольно много въ Украйнѣ правобочной. Далѣе прокламація эта не предлагаетъ украинскому народу вмѣсто теперешняго правленія „московского царя“ ничего кромѣ правленія всероссійской „Палаты Депутатовъ“, которая будетъ управлять (всероссійскимъ) народомъ по его „Народной Волѣ:“ перспектива столь же мало соблазнительная для уркаинцевъ сознательныхъ, сколько и мало вразумительная для украинцевъ необразованныхъ. И тѣмъ, и другимъ слѣдовало показать возможность органовъ самоуправленія помельче и вмѣстѣ съ тѣмъ поближе къ ихъ странѣ, чѣмъ всероссійская Палата Депутатовъ, которая будетъ „управлять“ Украйной и въ которой представители хотя бы и народной воли 16—17 милліоновъ украинцевъ будутъ въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями „народной воли“ 40 милліоновъ великорусовъ. Какъ бы украинскому народу не пришлось сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „La forme change, la tyrannie est immuable!“ Въ прокламаціи къ казакамъ намъ бросилось въ глаза незнаніе того, что большая часть кубанскихъ козаковъ—недавніе Черноморцы, наслѣдники Запорожцевъ, которымъ совсѣмъ ничего не говорятъ имена Разина и Пугачева, какими только и довольствуется прокламація, ни слова не говорящая о Сѣчи Запорожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно знать прошлое разныхъ областей, если уже признано за нужное къ нимъ обращаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго, но вообще приспосо-

---

на тѣхъ поколѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ движеніемъ и находятся въ школахъ, если только эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодости на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій разныхъ краевъ Россіи.

биться надлежащимъ образомъ къ условіямъ каждой области могутъ только мѣстныя организаціи, которыя поставятъ себѣ цѣлью организацію широкаго политико-соціальнаго движенія, а не одни только политическія убійства. Но о такихъ организаціяхъ, которыя могутъ надлежащимъ образомъ сфедерироваться только снизу вверхъ, органы великорусскихъ террористовъ еще не говорили, а потому и мы должны оставить эту фракцію великорусскихъ революціонеровъ на слабыхъ попыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности, которыя сейчасъ упомянуты и которыя не измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго и якобинскаго характера. [1])

О необходимости мѣстныхъ организацій говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ соціалистовъ, „Черный Передѣлъ“, называвшій себя „органомъ соціалистовъ-федералистовъ“. Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ федерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ.—къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прикладывается пословица: „далъ Богъ копѣечку, а чортъ дырочку, и пошла божья копѣечка въ чортову дырочку!“

Въ первомъ номерѣ „Чернаго Передѣла“ мы прочитали слѣдующія слова, которыя заставляли ожидать многаго:

„Что касается названія нашего изданія органомъ соціалистовъ-федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа [2]), только полное устраненіе принудительнаго начала на которомъ основаны современныя государства,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что ограниченіе революціонной борьбы (практическое, если не теоретическое) на т. наз. „террористическихъ“ предпріятіяхъ способствуетъ развитію централистическихъ наклонностей, а дальше и теорій. Дѣйствительно „террористическія“ предпріятія требуютъ своего рода централизаціи и даже диктатуры, особенно предпріятія, направленныя противъ главы государства. Затѣмъ, при извѣстной кружковой близорукости, сначала кажется, что и все дѣло революціонное сосредоточивается въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ кружокъ, а потому у него и является желаніе подчинить себѣ всѣ остальные революціонные кружки, а дальше является и мысль о томъ, что если признать федеративную теорію и въ принципѣ, то это можетъ повлечь за собою разложеніе той централизаціи, которая установилась уже для данныхъ „террористическихъ“ предпріятій.

[2]) Мы бы сказали и „освобождающагося“ народа (а въ Россіи народовъ), такъ какъ историческіе примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соедин. Штаты) показили, что только тамъ установилась федерація, гдѣ самый процессъ освобожденія велся по федеративному способу.

и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, побѣдоноснымъ революціоннымъ движеніемъ, невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія къ обезпеченію его торжества, и соціально-революціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія,—каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія".

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже 1 № „Чернаго Передѣла" открывается уже та „дырочка", въ которую должны были уйти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намѣренія. Остановившись, напр., на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имя ея, очевидно, областное даже изъ областныхъ. „Черный Передѣлъ"—терминъ великорусскій и даже въ Великороссіи преимущественно лѣсной, верхневолжской, т. е. той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. „черные", т. е. вольные крестьяне, какъ противоположность крестьянъ владѣльцевъ освобожденныхъ (обѣленныхъ) отъ повинностей государству. [1]) Такимъ образомъ,—оставляя даже въ сторонѣ полное несоотвѣтствіе термина „Черный Передѣлъ" съ идеей соціализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ,—имя это могло бы быть названіемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультранароднической въ одной изъ областей Россіи, каковою, напр., для Украйны могла бы служить газета съ именемъ напр., „Слушний Час." А между тѣмъ издатели „Чернаго Передѣла"

---

[1]) Вотъ опредѣленіе понятія о „черномъ передѣлѣ" въ книгѣ г. Якушкина „Обычное право": „Можно положительно сказать, что идеалъ ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а такъ называемый здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ... Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передъ кончиною міра воцарится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми." Въ 6 № „Народной Воли" корреспондентъ изъ Воронежской губерніи пишетъ, что въ той мѣстности „черный передѣлъ" названіе не особенно употребительное и что въ Тамбовской губ. вмѣсто него говорятъ „литургія" (!!).

предназначили ему быть, во первыхъ, газетой для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № „Ч. П." читаемъ:

„Въ виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляетъ задачу будущаго, „Черный Передѣлъ" по необходимости (?) является органомъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ соціальнаго вопроса и практическихъ пріемахъ партіи всегда найдетъ самый радушный пріемъ на страницахъ нашего изданія".

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоотвѣтствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить опредѣлительное прилагательное (напр., русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: „органъ соціалистовъ-федералистовъ", тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно „великорусскихъ", подобно, напр., заглавію: „Der Socialdemocrat, Internationales Organ der Socialdemocratie deutscher Zunge" 1880. Въ 1881 г. — „D. Soc. Dem. Zentral-Organ der deutschen Socialdemocratie."

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализація матеріала и способа изложенія, локализація программы о способахъ дѣятельности придали бы изданію и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусскихъ членовъ кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники большею частью не великоруссы) заставляла группу „Ч. П." погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла въ началѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія „народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ". Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ „Чернаго Передѣла" и столько же рабочей газеты „Зерно" исключительно на великорусскомъ языкѣ и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языкѣ уже и не упоминаетъ.

Такая же участь постигла и заявленныя въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ „Ч. П." дифференціаціонныя намѣренія основателей „Русской Соціально-Революціонной Библіоте-

ки", въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которыя выступали публично, какъ члены редакціи „Ч. П." „Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-Революціонной Библіотеки [1]) признало недостатокъ дифференціаціи въ прежней дѣятельности „русскихъ" соціалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „До появленія „Паровой Машины" на малорусскомъ языкѣ, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской Имперіи. [2]) Предназначая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. „Сказку о четырехъ братьяхъ" могли понимать только великоруссы; „Емелька Пугачевъ" считался годнымъ для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжьи, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практичнѣе, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святаго духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ". Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія все-таки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей, но съ раздѣленіемъ на два отдѣла: „1. Для интеллигенціи, т. е. для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2. для народа, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудомъ первой категоріи (оригинальное опредѣленіе народа!). Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и. т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б." по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи".

Мы уже намекали выше, что такое раздѣленіе народа и интеллигенціи и недемократично, и непрактично. На основаніи

---

[1]) Оно никѣмъ не подписано, но въ числѣ объявленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполнѣ раздѣлили его идеи, находимъ имена гг. Гартмана, Морозова, Лаврова, Павловскаго. Плеханова и др.

[2]) Издатели „Паровй Машины" всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣленіе, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть тоже одна изъ тѣхъ „дырочекъ", въ которыя уходятъ „божьи копѣечки." При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-національный элементъ непремѣнно поѣдаетъ элементы народно-областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, какъ элементарной, такъ и высшей, развитіе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отмѣриваемо сверху представителями центральнаго элемента и учрежденія), такою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ соображеній мы еще передъ выпускомъ „Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библіотеки", которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности „всѣхъ фракцій русскаго соціализма", считая за фракцію его и украинскихъ соціалистовъ, группы „Громада" (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою „Громадьского Друга"), предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ печатныхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ Восточно-европейской интернаціональной федераціи", которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгріи (поляки, украинцы, румыны) и Румыніи (румыны, украинцы и великоруссы—въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для соціалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы, плебейскихъ, какъ и государственно аристократическихъ.

Предполагая, что и замыселъ изданія „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки" можетъ быть всетаки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но всетаки въ направленіи народно-областномъ, мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библіотеку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія „Библіотеки" недостаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана,

мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: „Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи.“ Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе собранія эмигрантовъ въ Женевѣ (великороссовъ, евреевъ, поляковъ, украинцевъ и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1. объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу соціализма въ Россіи и 2. о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ соціалистической пропаганды въ Восточной Европѣ. Вотъ эти положенія:

„1. Собраніе отдаетъ предпочтеніе соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

„2. Собраніе считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ соціализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

„3. Въ интересахъ пропаганды соціализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ существенною необходимостью организацію соціалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

„4. Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы соціалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, а также приспособленіе нѣмецкой соціалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

„5. Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національныхъ) соціалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь“.

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Женевѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей „Równosci“, „органа польскихъ соціалистовъ“, которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной

основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности, и „Чернаго Передѣла“, органа „соціалистовъ-федералистовъ, которымъ принадлежатъ выписанныя выше слова о необходимости считаться съ этнографическимъ составомъ населенія и пр. Громаднымъ большинствомъ наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ съ самой идеей существованія какихъ либо естественныхъ областей, кромѣ государствъ, которыя и признаны были единственными основами для организаціи соціалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣетъ въ виду посланіе группы „Przedswita“: „Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“, когда говоритъ о „рѣшеніи бывшей группы „Równość“, принятомъ на основаніи переговоровъ съ русскими товарищими въ прошедшемъ году, а именно, что

a) на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно общеэкономическіе интересы и политическія условія.

b) что организація соціалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной стороны, и фактически существующихъ государственнополитическихъ—съ другой, причемъ этнографическія границы національности никакъ не могутъ служить базисомъ для организаціи и т. п. [1])

---

[1]) Замѣтимъ при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей „Równosci“ прекрасно понимаетъ, что значитъ слово „базисъ“, между тѣмъ какъ еще въ 1880 г., когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international“ въ „Revue Socialiste“ что всѣ государственныя основы (bases) польскихъ и русскихъ соціалистовъ находятся въ противорѣчіи съ революціей, а особенно соціальною, то группа „Równosci“ приписала намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ соціалистовъ нѣтъ соціально-революціонныхъ идей (principes), и подняла противъ насъ крестовый походъ, напечатавъ, вмѣстѣ съ представителемъ „Черн. Перед,“, противъ нашей статьи протестъ [!] отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ соціалистовъ въ Женевѣ.“ Протестъ этотъ давая ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и, главное, намѣреніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ, подрывалъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организаціонномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedswita.“ Надѣемся, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ примѣчаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личныя. Ихъ всегда непріятно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера; если откуда, то именно изъ революціонныхъ сферъ, слѣдуетъ изгонять неискренность пріемовъ и всякое политиканство, дѣйствія, инсинуаціями, анафемами и т. п. способами „стараго міра“, лучшее средство изгнанія которыхъ—гласное на нихъ указаніе.

Даже и изъ выписанныхъ выше положеній нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значеніе обще-экономическихъ или политическихъ условій, но только мы не придаемъ этимъ условіямъ (да и никакимъ другимъ) исключительнаго значенія. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условій каждой области, между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынковъ обмѣна, опредѣляющихъ расположеніе и движеніе населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни нравственныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія національностей, которыя образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организаціи. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложненій обще-экономическихъ и политическихъ условій, если въ извѣстныхъ областяхъ распластованіе населенія на аристократію, буржуазію, бюрократію и рабочіе классы сотвѣтствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Днѣпра.

Между тѣмъ „переговоры бывшей группы „Równosci“ съ русскими товарищами“ прошли губкою по всѣмъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей, признавъ только условія обще-экономическія и государственныя. [1]) Но такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, какъ мы уже не разъ говорили, фактическія условія сложили національный централизмъ, то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организаціи, кромѣ государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національнаго централизма, т. е., въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи нѣмецкаго, въ Галиціи (такъ какъ о всей Австріи серьезно и рѣчи быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленною изъ этихъ „переговоровъ.“ А кромѣ того, какъ мы уже показали, въ третьемъ пунктѣ соглашенія „бывшей группы „Równosci“ съ русскими товарищами“, послѣ рѣшительныхъ словъ: с) „что слѣдовательно польская соціалистическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существо-

---

[1]) Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюрѣ Шэфле „Сущность соціализма.“—„Національный вопросъ въ соціализмѣ“, изданномъ и въ „Русс.-Соц.-Рев. Библіотекѣ“ и по-польски въ „Biblioteka Równosci.“ Мы имѣемъ основаніе считать это примѣчаніе до извѣстной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

вать не можетъ, а могутъ быть только польскія соціальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, [1]) которыя, сообща съ соціальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, [2]) создаютъ органическій союзъ", поставлена оговорка: „что не можетъ мѣшать имъ (польскимъ группамъ) входить въ связь между собой." [3]) Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ прошлогоднихъ переговоровъ вышли побитыми только національности плебейскія и области ими населенныя, что мы напередъ и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національныхъ организацій даже такое, повидимому, безспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдоинтернаціоналистовъ, но и, въ частности, члены группы „Чернаго Передѣла" и „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки", не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды соціализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, была бѣлорусская брошюрка „Про багатство та бьедносць", изданная украинскими соціалистами, которые остались въ такомъ поразительномъ меньшинствѣ на женевскихъ „переговорахъ" и противъ идей которыхъ высказался и г. Лавровъ въ одномъ изъ изданій „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки."

Побитою оказалась на прошлогоднихъ переговорахъ группы „Ròwnosci" и „русскихъ ея товарищей" и идея областныхъ организацій вообще. А между тѣмъ, въ одной изъ областей Россіи уже показывались признаки крупныхъ народныхъ движеній. Мы говоримъ объ области украинской, въ которой въ послѣдніе 70-ые годы произошли весьма многочисленныя аграрныя волненія и

---

[1]) А польскія группы—это такое же понятіе, этнографическое или общеэкономическое или политическое? Или только „этнографическія" границы народа польскаго для польскихъ группъ не могутъ служить базисомъ для организаціи??!!

[2]) Какихъ національностей?—всѣхъ, или только государственныхъ и аристократическихъ??

[3]) Въ какихъ границахъ опять?

нѣсколько городскихъ „безпорядковъ“ и готовилось произойти противоеврейское движеніе. Это послѣднее было предвидѣно небольшою группою украинскихъ соціалистовъ, которые, стоя на своемъ областномъ базисѣ, видѣли осложненія „обще-экономическихъ условій“ національными отношеніями евреевъ и украинцевъ и указывали на необходимость принять во вниманіе эти осложненія. Между прочимъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ польскіе соціалисты группы „Równosci“ порѣшили вмѣстѣ съ ихъ „русскими товарищами“, что „на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно обще-экономическіе интересы и политическія условія“, трое изъ украинскихъ соціалистовъ сочли необходимымъ выступить съ поддержкою мысли объ образованіи спеціальной группы соціалистовъ евреевъ, которая бы имѣла цѣлью пропаганду среди еврейскаго населенія въ Восточной Европѣ на живыхъ его языкахъ, и мотивировали эту поддержку слѣдующимъ образомъ:

„В области, заселенной украинским народом в Россіи и Австріи, живет теперь болѣе 1 милліона евреев. С другой стороны, вряд ли гдѣ нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, как в Украйнѣ XVII и XVIII ст., в которой евреи являлись органами противнаго народу государственнаго и соціальнаго порядка.

„В настоящее время только треть евреев украинской области может быть причислена к явно эксплуататорскому классу, другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно как и значительная часть из остальной трети,—помощников и прислуги у первой,—далеко не пользуется выгодами доходов, извлекаемых, хотя бы и при помощи ея членов, еврейскими капиталистами, и живет в нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанскаго пролетаріата“. Между тѣм, старая соціально-національная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомков обѣих сторон, и память эта удаляет одни от других и такіе слои обоих элементов населенія, которые принадлежат к одинаково рабочим и одинаково терпящим от теперешних экономических порядков. При тепершнем отношеніи между украинским народом и евреями можно ожидать, что всякое движеніе перваго против этих порядков будет сопровождаемо кровавыми сценами еврейскаго избіенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣм сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизм между евреями и нееврейскими массами народа в Украйнѣ служит одною из причин солидарности между такими

слоями населенія самих евреев, которыхъ интересы в сущности противоположны между собою.

„Вот почему для соціалистов Украинской области представляется дѣлом особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣленіе рабочих еврейских масс от еврейских капиталистов, а с другой,—соединеніе еврейских рабочих с рабочими других племен. Так как одним из самых дѣйствительных средств для начала этой пропаганды может служить соціалистическая печать на разговорных языках евреев, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи в украинской области окажут поддержку вышеизложенному предпріятію товарищей-евреев.“ [1])

Встрѣченный враждебно какъ польскими и русскими псевдо-интернаціоналистами, такъ и украинскими націоналистами, замыселъ этотъ не привелъ пока ни къ чему, если не считать заявленія къ нему сочувствія со стороны львовскихъ польско-украинскихъ рабочихъ кружковъ [2]). Противоеврейскій погромъ на Украйнѣ засталъ врасплохъ тамошнихъ соціалистовъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ, далеко не малочисленныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобъ принятіе въ самое послѣднее время предложенія небольшихъ женевскихъ группъ, еврейской и украинской, могло оказать существенное вліяніе на ходъ послѣднихъ противоеврейскихъ демонстрацій. Для такого вліянія необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшія проявленія новаго отношенія къ еврейскому вопросу на Украйнѣ, вродѣ одной-двухъ прокламацій и къ евреямъ, и къ украинцамъ, попытокъ удержанія христіанской массы отъ нанесенія вреда евреямъ-рабочимъ (которые такъ пострадали, напр., въ Кіевѣ), участіе хоть нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ въ демонстраціяхъ противъ еврейскихъ эксплуататоровъ, все это могло бы послужить зерномъ для новаго, раціональнаго направленія движенія, проявившагося въ „разгро-

---

[1]) Послѣ проявленія антиеврейскаго движенія въ Польшѣ, все, сказанное о необходимости пропаганды солидарности между еврейскимъ и христіанскимъ пролетаріатомъ на Украйнѣ, получаетъ значеніе и для Польши.

[2]) Параллельно этой, пока чисто теоретической, попыткѣ еврейскихъ и украинскихъ соціалистовъ въ Женевѣ, на самой Украйнѣ попробовали сблизиться между собою „братчики-штундисты“ украинскіе и еврейское „братство“ въ Елизаветградѣ, обсуждая съ обѣихъ сторонъ возможность соединенія евреевъ и украинцевъ въ совмѣстномъ производительномъ земледельческомъ трудѣ. Это—слабыя теперь зерна будущаго крупнаго движенія, которое одно въ состояніи гуманно рѣшить еврейскій вопросъ на Украйнѣ.

махъ евреевъ". Но ничего подобнаго не случилось на Югѣ Россіи главнымъ образомъ потому, что тамошняя масса русскихъ соціалистовъ, родомъ изъ евреевъ, поляковъ и украинцевъ, отвлекаемая абстрактными формулами и централистическими тяготѣніями, оказалась неприготовленною къ пониманію мѣстныхъ соціально-національныхъ отношеній въ ихъ конкретныхъ формахъ. Во время самаго разгрома соціалистическіе кружки оказались совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣйствія, а послѣ погрома (или, лучше сказать, послѣ перваго акта его) „русскіе соціалисты" попробовали сказать о немъ свое слово, но, какъ видно по примѣрамъ прокламацій, между прочимъ, и „Народной Воли", не совсѣмъ удачно. Судя по газетнымъ о нихъ извѣстіямъ, прокламаціи эти или идутъ совершенно въ разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ, но даже и съ дѣйствительностью, отрицая совершенно еврейскій вопросъ, какъ осложненіе общаго вопроса объ эксплуататорахъ народнаго труда, или же совершенно становится на точку зрѣнія тѣхъ, кто „разгромлялъ евреевъ". А между тѣмъ истинная точка зрѣнія заключается не въ этихъ двухъ отношеніяхъ, а въ третьемъ. Но эта третья точка можетъ получиться только изъ детальнаго изслѣдованія дѣла съ его общими и частными, экономическими и національными подробностями. Эти подробности проскальзываютъ въ послѣднее время и въ великорусскихъ соціалистическихъ газетахъ, только очень отрывочно. Такъ, напр., въ № 4 „Чернаго Передѣла" находимъ такое, для многихъ не желающихъ признавать что-либо, кромѣ „обще-экономическихъ отношеній", еретическое сообщеніе одного корреспондента съ лѣваго берега Днѣпра. „Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ,—говорятъ крестьяне. Вообще, противъ пановъ нѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся", говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ иновѣрецъ, далѣе кулакъ православный, но изъ чужой народу среды, баринъ, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колупаевъ, т. е. свой же братъ мужикъ [1]). Еврейскій разгромъ—

[1]) Ср. въ украинской брошюрѣ „Як наша земля стала не наша", 1876 г., стр. 55. Кстати, замѣтимъ, что такъ любимое въ русской народнической литературѣ слово „кулакъ" въ переносномъ смыслѣ, очень мало распространено въ народѣ и въ самой Великороссіи. На Украйнѣ никто его не пойметъ.

прелюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію". Послѣднія строки наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія размышленія. Теперешнее положеніе Россіи многіе не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянъ - помѣщиковъ и потомъ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колупаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи въ селахъ. Почему не повториться тому же самому и въ Россіи? Далѣе, если въ народѣ существуетъ градація враговъ, то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народный разгромъ направиться, напр., на правобочной Украйнѣ на пановъ-поляковъ, въ другомъ мѣстѣ на полицейскихъ чиновниковъ и т. п.[1]) Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ мѣстныя варіаціи обще-экономическихъ и политическихъ условій, съ тѣмъ, чтобъ не быть вѣчно захватываемыми врасплохъ событіями, какъ это постоянно случается съ русскими революціонерами, которыхъ захватило врасплохъ и польское возстаніе 1863 г., и сербско-болгарская война 1875—1878 гг., и противоеврейское движеніе 1881 г., только и могутъ областныя соціально-политическія организаціи, конечно, вооруженныя политическимъ образованіемъ. О такихъ организаціяхъ и слѣдовало бы прежде всего позаботиться [2]).

---

[1]) И самые евреи — теперь агенты фиска въ шинкахъ и при изысканіи недоимокъ.

[2]) Что незнаніе великорусскими революціонерами положенія дѣлъ на Украйнѣ было причиною ошибокъ ихъ въ польскомъ вопросѣ и неприготовленности во время еврейскаго погрома, это видно съ перваго раза. Не такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время послѣдней восточной войны съ отсутствіемъ достаточно сильной опозиціонной организаціи въ украинской области. Дѣло въ томъ, что съ Украйны,—которая своимъ присоединеніемъ къ Московіи навязала послѣдней антитурецкую политику,—виднѣе жизненныя подробности восточнаго вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и подробности эти чувствуются болѣе съ народной, а не съ православно-государственной точки зрѣнія, какъ въ Москвѣ. Вотъ почему небольшая группа сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ годовъ почувствовала близкую неизбѣжность взрыва на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вниманіе, кого слѣдовало, на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики Россіи и убѣждать оппозицію, которою руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ, движеніемъ, обративъ его столько же противъ турокъ константинопольскихъ, сколько и противъ московско-петербургскихъ, изъ которыхъ послѣдніе теряютъ послѣдній свой raisou d'être послѣ ниспроверженія первымъ. Изученіе украинскаго народа, напр., его преданій и политической поэзіи, подтвердило предположеніе о

Надо сказать, что въ теченіе 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ „Черному Передѣлу“, мысль о мѣстныхъ организаціяхъ, очевидно, ставилась на очередь, но, къ сожалѣнію, опять находились „дырочки“, въ которыя уходила эта мысль. Лѣтомъ 1880 г. намъ сообщенъ былъ проектъ программы „Великорусскаго“ общества „Земля и Воля“ при письмѣ отъ „украинскихъ“ членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украйны, сочли нужнымъ, по временному нахожденію своему въ Великороссіи, присоединиться къ великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполнѣ народно-областное, ясно-національное, разрывавшее со всякими государственными стремленіями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № „Чернаго Передѣла“ (вышедшемъ за границей) въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто „Великорусскаго“ общества названо „Сѣверорусскимъ“, съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: „Называя себя Сѣверорусскимъ, общество „Земля и Воля“ относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера“. Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово — „Великорусское“. Къ чему и почему была сдѣлана замѣна? Почему? — объ этомъ можно догадываться; потому, что названіе „Великорусское“ устрашало многихъ своимъ „національ-

---

томъ, что противотурецкое движеніе можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитаціи и среди украинскаго населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и овеликорушенной демократіи оказались напрасными. Даже, когда въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи лилась кровь, публицисты и ораторы великорусскаго соціализма продолжали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгаръ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи соціальная революція, и тогда-де они разомъ получатъ и соціальную, и національную свободу. (Впередъ.) Нельзя было убѣдить великорусскихъ соціалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ долженствовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи, которыя бы были приспособлены для этой арміи, т. е. такія, которыя бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько-нибудь систематическая посылка революціонныхъ публикацій въ Румынію началась только со второй половины военнаго періода, а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеписанномъ смыслѣ соціально-политическіе вопросы, это долженъ знать и самъ читатель.

лизмомъ" и находилось въ противорѣчіи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говоритъ посланіе „Przedswit"'а „къ русскимъ товарищамъ". Привести же подобная замѣна не могла ни къ чему, какъ только къ затемненію идеи о необходимости соціально-политическихъ организацій, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества „Земля и Воля", какъ „полученную отъ Петербургско-Московской организаціи", заграничная редакція „Чернаго Передѣла" предпослала ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія такихъ же обществъ и в провинціях.

„Концентрація революціонных сил в столицах погубила бы движеніе, и если до сих пор никакія правительственныя репрессаліи не в силах были его задушить, то единственно благодаря децентрализаціонному его характеру.

„Провинціи должны явиться такими же революціонными пунктами, как и столицы. Названіе общества „Земля и Воля" Сѣверно-русским .доказывает, что товарищи наши не упускают изъ виду этой необходимости. Неизбѣжным дополненіем Сѣверно-русской организаціи должна явиться организація Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе революціонных групп окажет им несомнѣнную пользу в смыслѣ большаго знанія экономических особенностей и бытовых привычек различных мѣстностей Россіи." („Ч. П." II, 4—5).

Но никакихъ ожидаемыхъ „провинціальныхъ" организацій не воспослѣдовало, исключая „Южно-русскаго Рабочаго Союза". Такъ какъ программа этого „Союза" не обнародована, и ни мы сами, ни кто-либо изъ лицъ намъ знакомыхъ не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которыя, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого „Союза", то мы и не можемъ судить ни объ его характерѣ, ни объ его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, заявившимъ себя въ послѣднее время въ соціально-революціонныхъ кругахъ въ Россіи. Мы не имѣемъ ровно никакихъ матеріаловъ для того, чтобъ судить о практической сторонѣ дѣятельности „Южно-русскаго Рабочаго Союза"; что же касается до теоретической его стороны, то на нее даетъ нѣкоторое указаніе его имя: „Южно-русскій",—имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности „Союза" былъ, кажется, Кіевъ, одинъ изъ центровъ

среди населенія украинскаго. Прими союзъ названіе „Украинскаго", тогда понятно было бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но „Союзъ" или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ,—которыя главнымъ образомъ и обусловливаютъ необходимость и особой организаціи,—или тоже убоялся показаться націоналистическимъ, а потому выбралъ себѣ блѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имена правительство, желающее затереть все, что противорѣчитъ идеѣ „единства и нераздѣльности" государства: „Привислянскій край", „Х-й военный округъ" и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двуногихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никая нравственная работа среди него не можетъ быть успѣшна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кіевскій „Южно-русскій Рабочій Союзъ" врядъ ли можетъ быть признанъ зародышемъ для развитія такой успѣшной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ всетаки почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организацій, наряду съ „Южнорусскимъ Рабочимъ Союзомъ", пробовавшимъ не безъ успѣха организоваться въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ „Сѣверно-русскимъ Рабочимъ Союзомъ" 1879 г., но вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организаціи областныхъ политическихъ партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственнаго централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители „Великорусскаго Общества Земля и Воля", превратившагося въ Сѣверно-Юго-Восточно-Русское. Послѣ напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія „Общества Земля и Воля", уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 г. прокламаціи, газеты („Черный Передѣлъ" и „Зерно"), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаются заявленія о необходимости децентрализаціи, но зявленія эти не идутъ дальше общихъ словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣтельствуютъ о крѣпости совершенно централизаторскихъ, національно-

государственныхъ—если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, „привычекъ мысли“ дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 „Чернаго Передѣла“ находимъ заявленіе отъ имени „прежнихъ издателей“ „Ч. П.“ съ слѣдующими весьма радикальными словами:

... „Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, „Черный Передѣлъ“, думаемъ мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россіи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ остаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской Имперіи на самостоятельные организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающійся съ другой стороны—„Всероссійскій Земскій Соборъ.“ („Ч. П.“, 1881. № 3).

Какъ видитъ читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ „переговоровъ“, о которыхъ говоритъ посланіе „Przedswita“ къ „русскимъ товарищамъ“, отвергнуть при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ „прежнихъ издателей“ „Ч. П—ла“ заграницей. Во всякомъ случаѣ это заявленіе можно было бы привѣтствовать, если бы оно повело за собою сознательно-послѣдовательные практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что такихъ шаговъ не только совсѣмъ не видно, по крайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссійскаго общества „Земли и Воли“, но даже видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заявленія слишкомъ абстрактны, а потому уже и неясны. Иногда же они редижированы до того сбивчиво, что со стороны совсѣмъ трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Такова, напр., редакція „Программы Народной Партіи“, перепечатанной между прочимъ и въ „Вольномъ Словѣ“. Въ программѣ этой между прочимъ читаемъ слѣдующія, съ перваго раза очень радикальныя въ федеративномъ направленіи, слова:

„Въ виду того, что разрушеніе идеи царизма въ народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго опредѣленнаго политическаго идеала, Народная Партія выставляетъ слѣдующіе основные принципы общественаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній

русскаго народа, которые и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

„а) независимость національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую Имперію; б) автономія обшинъ; в) свободная федерація общинъ. [1])

Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ національностей, какія теперь связаны въ Всероссійскую Имперію, на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу „Народнаго Дѣла.“ Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представленія о Россіи (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно Всероссійской Имперіи), какъ о чемъ то, если не единообразномъ, то органическомъ („Въ Россіи только одно крестьянство обладаетъ вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ „Земли и Воли“, расходящимся съ принципами современнаго государственнаго и общественнаго порядка“), а также потому, что программа ставитъ свои „основные принципы общественнаго порядка“ — не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ „правъ человѣка“, основныхъ правъ“ и т. п., а какъ „логически вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) русскаго народа“, хотя при этомъ и считаетъ еще „необходимымъ усиленно ихъ пропагандировать“ (кому?). Что же такое эта Россія „Народной Партіи“? что такое ея русскій народъ? какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русскаго парода??—Все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобъ федеративная программа „Народной партіи“ получила какое нибудь реальное значеніе. [2]) Покамѣстъ же, даже такъ неясно изложенныя анти-

---

[1]) Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ—уѣздовъ, областей, пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она можетъ охранить автономію общинъ отъ слишкомъ большого давленія на нихъ центральнаго представительства.

[2]) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофильскаго народническаго мессіанизма въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ „народомъ“ и его „идеалами“, не смотря на то, что

всероссійскія федеративныя стремленія не нашли себѣ приложенія даже въ такой неширокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ „Земли и Воли".

Передовая статья № 4 „Чернаго Передѣла" посвящена доказательствамъ необходимости „единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ". Забота нѣсколько странная для „органа соціалистовъ-федералистовъ"! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ „раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи", говоря словами примѣчанія редакціи № 2 „Ч. П." къ программѣ „Земли и Воли", нежели „сосредоточеніемъ." Раздѣленныя группы, если только онѣ состоятъ изъ искреннихъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественнаго расширенія круга работы, непремѣнно придутъ между собою къ резонному соглашенію, между тѣмъ какъ „сосредоточенная" организація имѣетъ свойство сопротивляться расчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять не только для себя, но и для другихъ, что такое „самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа." Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ соціально-революціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русской соціально-революціонной партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 „Чернаго Передѣла"—„Нѣсколько словъ объ организаціи партіи". Но, напр., группа „Громады", которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ „русскихъ" группъ, считаетъ, что украинцамъ, какъ соціалистамъ, „насущная работа" въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи, хотя при этомъ признаетъ, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожащимъ національной свободой своего народа, въ Россіи самая насущная работа—борьба съ абсолютизмомъ и централизаціей политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставитъ вопросъ и редакція „Чернаго Передѣла" и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, но все-таки только въ предѣлахъ Россіи, для украинскихъ, напр., дѣятелей равно-

---

программа полагаетъ нужнымъ поставлять народу временныя правительства и признаетъ, что народъ еще не выработалъ, напр., ни политическаго идеала, ни „широкаго коллективизма" и т. п. О „самодержавіи народа" хлопочетъ и „Зерно" (передовая статья, № 4).

сильно связываніе, если не обѣихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полякахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самихъ великоруссовъ проповѣдь „сосредоточенія“ не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники-„террористы“ будутъ считать „насущной работой“ политическія убійства, тогда какъ другіе революціонеры, политическіе и соціально-экономическіе, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о „сосредоточеніи“, а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ „насущную работу“, по ея усмотрѣнію, лишь бы направленіе этой работы было полезно для дѣла освобожденія человѣка отъ ига умственнаго, національнаго, политическаго, экомомическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое „плодотворное“ будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національныхъ организацій, которыя однѣ могутъ положить основу и для „независимости, національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую Имперію“, и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссійское общество „Земля и Воля“ рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“. Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ,—великоруссы и украинцы,—не составили себѣ яснаго понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, „Зерно, рабочая газета“, должна издаваться для великороссовъ; особенно хроника, озаглавленная: „Русская жизнь“, пишется вполнѣ простонароднымъ, и даже простонародничающимъ великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громили, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ „Зерно“ даетъ петербургскимъ рабочимъ превратное понятіе, такъ какъ оно называетъ украинское населеніе безразлично „русскимъ“ народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ „Черномъ Передѣлѣ“ говорится, что мысль о „черномъ передѣлѣ“ сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ, какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не пойметъ, что это такое „черный передѣлъ“ и почему это ка-

кой-нибудь передѣлъ можетъ называться по цвѣту. Словомъ сказать, безразличное смѣшеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссійскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ №№ 3 и 4 „Чернаго Передѣла“ есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украйны, преимущественно тѣхъ сотрудниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинскаго населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе усиливается понять условія и явленія окружающей его соціально-политической жизни и что ему немногаго не достаетъ, чтобы понять эти условія вполнѣ вѣрно, что оно поняло бы ихъ до конца и поднялось бы для ихъ измѣненія, если бы на помощь ему явились организованные и умѣлые люди изъ интеллигенціи. Но именно всероссійство и мѣшаетъ организаціи такихъ людей, и отнимаетъ у нихъ возможность явиться умѣлыми пропагандистами здоровыхъ соціально-политическихъ идеаловъ, отнимаетъ даже у тѣхъ, кто берется быть такимъ пропагандистомъ. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, которые находимъ въ „Черномъ Передѣлѣ“, остановимся на одномъ изъ № 3-яго. Корреспондентъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ молодой отставной солдатъ, изъ сословія „малороссійскихъ казаковъ“, додумался до мысли о томъ, что „не нужно ни пановъ, ни поповъ, ни царя“, только все-таки смущался, какъ же это можно жить безъ царя (какъ правителя). „Я слыхалъ, говоритъ онъ, какъ былъ въ солдатахъ (у москаляхъ), что есть такая распублика, гдѣ царя нѣтъ; только не знаю, какъ тамъ живутъ“. Я объяснилъ ему, говоритъ корреспондентъ, какъ можно обойтись безъ царя. „Да, такъ.... оно выходитъ, какъ мы вотъ старшину выбираемъ, такъ и тогда вмѣсто царя — начальство; какъ плохо будетъ, то перемѣнить можно и выбрать другое“. Такъ говоритъ мужикъ изъ „малороссійскихъ казаковъ“, и корреспондентъ народнической газеты не догадывается сказать ему, что еще 120-ти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика, конечно, со своими несовершенствами, но въ которой по принципу волость (казацкая сотня) выбирала свое правительство (старшинъ), уѣздъ (полкъ) — свое, а вся федерація (казацкая рада) выбирала президента и министерство (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существо-

вала даже до половины XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнитъ вся Украйна, какъ панскую покровительницу, только въ 1764 г.; въ Харьковской и прилегающихъ частяхъ Курской и Воронежской губерній полковыя республики отмѣнены тою же царицею только въ 1765 году, а республика Запорожская — только въ 1775 г. Напомнимъ, что однихъ „малороссійскихъ казаковъ“ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ около 1000000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700000 душъ, да во всей Украйнѣ помнятъ о запорожскихъ казакахъ [1]).

Рѣшительное раздѣленіе политико-соціальной оппозиціи въ Россіи по областнымъ организаціямъ повело бы за собою сначала изученіе областныхъ и національныхъ особенностей жизни, преданій и настроенія разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наилучшихъ способовъ проведенія въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинскаго населенія, то въ немъ послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь многіе среди него говорятъ,что „не надо ни пановъ, ни поповъ, ни царей“ и что „вѣрно не обойдется безъ того, чтобъ не взяться за дубье, да взбунтоваться“. А потому украинскіе члены всероссійской „Земли и Воли“, поддерживающіе „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“, сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали спеціальное украинское общество и начали издавать спеціальные листки или газету на украинскомъ языкѣ и это косвенно имѣло бы полезное вліяніе, напр., и на самое „Зерно“, которое, ставъ тоже спеціально великорусскимъ листкомъ, выиграло бы въ опредѣленности и матеріала, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены „Земли и Воли“, обратившіеся къ намъ съ письмомъ въ публичномъ дѣлѣ, за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику

---

[1]) Другой корреспондентъ „Чернаго Передѣла“ разсказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожьи, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: „а слышно, вновь будетъ Запорожье“. — „Зачѣмъ же?“ — „Да, говорятъ: чтобъ землю отъ пановъ отбирать!“ — Прибавимъ отъ себя, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда объявлена была общая воинская повинность, то во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ казаками и будутъ имѣть землю, а въ Екатеринославской губерніи говорили, что Катерина на сто лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть возстановлено: всѣ будутъ казаками и получатъ назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

государственно-централистическаго всероссійства въ стремленіяхъ русскихъ народниковъ или „соціалистовъ-федералистовъ".

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Спеціально и сколько-нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльныя же замѣчанія, въ родѣ, напримѣръ, рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засуличъ и разныхъ представителей „Чернаго Передѣла"), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е. по отношенію къ полякамъ соціалистамъ, о естественной области для приложенія ихъ труда. Въ одномъ случаѣ „Черный Передѣлъ" явно склонился къ польскимъ историческимъ стремленіямъ. Мы разумѣемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № „Чернаго Передѣла" статьи, которая трактовала, подобно „Równosci", соціалистическое движеніе въ Галиціи, какъ „польское соціалистическое движеніе", и признавала Галицію за „австрійскую часть Польши". Послѣднее есть, прежде всего, ошибка противъ школьной географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, но нѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которыя въ томъ же № „Чернаго Передѣла" заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе „Чернымъ Передѣломъ" вышеупомянутой статьи въ духѣ „Równosci" объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій, которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестахъ, и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западъ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Покамѣстъ же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы „Чернаго Передѣла" съ группою „Równosci", о которомъ говоритъ посланіе „Przedswita" „Къ русскимъ товарищамъ", слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіями въ 3 № „Чернаго Передѣла" и въ программѣ „Народной Партіи", которыя высказываются противъ государственныхъ основъ соціальныхъ организацій и за „распаденіе Всероссійской Имперіи на естественныя области и за независимость ея національностей". Впрочемъ, судя по посланію „Przedswita", можно думать, что теперь группа его обращается съ предложеніемъ союза больше къ

„русскимъ террористамъ“, чѣмъ къ „народникамъ“, хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать проникли извѣстія о томъ, что сами русскіе „народники“ теперь соединились съ „террористами“. На чемъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или оффиціально,—по крайней мѣрѣ, намъ, у которыхъ нѣтъ подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Равнымъ образомъ, неизвѣстно пока, какого рода отвѣтъ дали соединенныя фракціи „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“ или каждая порознь на предложеніе группы „Przedswita“. Вполнѣ обстоятельный отвѣтъ на это и подобныя предложенія, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ быть данъ только въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса объ областной свободѣ и самоуправленіи негосударственныхъ народовъ. Въ частности же, когда дѣло идетъ о полякахъ, то всякія „русскія“ группы могутъ дать не только справедливое мнѣніе, но даже сколько-нибудь логическое, только тогда, когда бы они высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи: латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великорусскими революціонерами за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнитъ, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

Мы окончили историческій обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ котораго читатель можетъ видѣть, насколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фикціи былого и теперешняго государствъ и государственныхъ національностей, нежели представленія о реально-существующихъ народахъ, которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, насколько эти фикціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фикцій и основанной на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-національностяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ

выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія. Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теорій и дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо больше, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца, положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ собой болѣе всего типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ,а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергическая, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привилегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительныхъ элементовъ въ національстяхъ привилегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на востокѣ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти организованные въ политическомъ отношеніи, потрясли существованіе польскаго государства; въ XIX в. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно), принадлежитъ самая видная роль въ поднятіи общаго федеративнаго вопроса въ восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Наконецъ, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Иловайскій, видятъ въ немъ преимущественно „украинскую интригу“, то огромное процентное отношеніе украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явленіе во всякомъ случаѣ весьма характерное и обѣщающее важныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время едва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событіями массы народа украинскаго. Вотъ почему думается намъ, что примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій къ положенію народа украинскаго имѣетъ интересъ и теоретическій, и практи-

ческій, не только частный, но и общій для мыслящихъ людей всѣхъ націй восточной Европы.

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польскій вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революціонное и вообще сколько-нибудь активно-оппозиціонное движеніе въ Россіи не имѣетъ должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки, что польскій вопросъ не поставленъ въ настоящее время никѣмъ съ достаточной энергіей. Если бы теперь среди поляковъ проявилось движеніе хоть въ такой же степени сильное, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, то борьба съ существующимъ порядкомъ въ Россіи вообще была бы облегчена въ значительной степени, конечно, если бы при этомъ не были повторены тогдашнія ошибки.

Признаемся откровенно, что, говоря о польскомъ движеніи, мы разумѣемъ преимущественно движеніе національно-политическое. Какъ ни рады мы появленію среди поляковъ зачатковъ соціалистическаго движенія, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣетъ значительнаго количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что соціальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ, но вопросъ не самаго непосредственнаго ощущенія голода, а организаціи постояннаго спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему придется еще долго ждать, пока польское соціалистическое движеніе станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное время это движеніе гораздо болѣе имѣетъ шансовъ развитія въ Познани и въ Галиціи, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское національно-политическое движеніе, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ, если не милліоны, народа, такъ какъ трудно себѣ представить мило-мальски нравственно-развитого поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто соціалистическомъ, экономическомъ, движеніи въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ — „Польскія соціалистическія программы и и принципъ государственности“. и остановимся исключительно на вопросѣ объ участіи поляковъ въ предетоящемъ по-

литическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія о себѣ въ печати фракціи польскихъ соціалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа „Przedswita“: „политическая свобода“, тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ: и областная, и національная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость извѣстной области и націи можетъ быть достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправленія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической или этнографической? Примѣръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявленіе въ пользу возстановленія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ россійской деспотіи. Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической, т. е. когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрессувкѣ, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польскаго государства входилъ въ составъ Литвы. [1]) Края, лежащіе за границами этнографической Польши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь раціональнѣе для полученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистическій или федералистическій? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислянской Польши показала, что государственное ея отдѣленіе отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того, оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсильны побѣдить Россійскую Имперію, а на иностранную помощь теперь раз-

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что послѣднія мѣры русскаго правительства къ овеликорушенію холмско-сѣдлецкихъ руссиновъ и насильственное ихъ обращеніе изъ уніатовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ въ польскую сторону, который, еще неизвѣстно, къ чему приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди забужанъ украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

считывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и захотѣла отдѣлить Варшаву отъ Россіи, то для германизаціи отторженной области, чего не желаютъ сами поляки. Остается, слѣдовательно, путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить извѣстную автономію или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было сталъ онъ получать ее при марк. Вѣлепольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ увѣряютъ насъ панегирики марк. Вѣлепольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь „смуты“ въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не прямыми заявленіями легальнаго и даже консервативнаго направленія, то просто выжидательнымъ сохраненіемъ спокойствія, можно, наконецъ, дождаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Вѣлепольскаго. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно историческіе патріоты польскіе, такъ какъ она ни къ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ непольскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрессувки (все-таки свого рода исторической, а не этнографической Польши), мечтается, послужитъ первымъ камнемъ для отстройки всего зданія Польши 1772 г. [1])

Но дѣло въ томъ, что всякія разсчеты на уступчивость петербургскаго правительства теперь мало основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управленіе маркиза Вѣлепольскаго было результатомъ агитаціи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что петербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаній великорусско-нѣмецкихъ

---

[1]) Характерно, что недавно одинъ изъ біографовъ марк. Вѣлепольскаго, при всемъ сочувствіи къ идеѣ демократіи и національности, счелъ нужнымъ бросить нѣсколько намековъ противъ „расчленителей“ Конгрессувки, сообразно принципу національностей же.

централизаторско-обрусительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще въ добавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета. [1]) Такимъ образомъ, польскій край въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ разные края въ Россіи только посредствомъ дружнаго натиска на правительство, произведеннаго съ ясно-сознаною программою. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежатъ цѣлыя нація болѣе или менѣе плебейскія, федеральная программа должна принять въ себя непремѣнно демократическія стремленія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи аристократическій федарализмъ не имѣетъ большой силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя хоть относительнымъ, буржуазнымъ демократизмомъ, то въ Россіи аристократическій федерализмъ совершенная невозможность. Онъ не только не встрѣтитъ къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшей и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдетъ себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой вдобавокъ всѣ централистическіе элементы, не только бюрократическіе, но и помѣщичьи, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ разсчетомъ не показывать его на востокъ Днѣпра), чтобы только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократическій принципъ приводитъ къ соціализму, но мы совершенно понимаемъ, что

---

[1]) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, „Times“ очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая „старорусская партія“ въ правительственныхъ кругахъ Россіи есть собственно „нѣмецкая партія.“ Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ дипломатамъ, остзейскимъ генераламъ и русскимъ бюрократамъ съ катковскими теоріями присоединились и московскіе славянофилы, которые еще въ 1863—1864 гг. ссвѣтовали рѣшать польскій вопросъ не по-прусски, а по-славянски, но которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обрусительной бюрократіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣщичьимъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность есть теперь не только дѣло извѣстной искренности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политическаго образованія, т. е., въ суммѣ качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія-либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная, должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила диллему: или принять искренно демократическую программу (хоть бы на первыхъ порахъ и не соціалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ вопросахъ политическихъ, или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значитъ, надъ самими собою, чужуюдиктатуру, въ большей или меньшей степени, грубую и деспотическую.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько-нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ образованіи въ Россіи федерально-демократической партіи. Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей политическихъ обществъ. Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя, по крайней мѣрѣ, извѣстную часть для образованія или для усиленія кадровъ національныхъ партій среди народовъ плебейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣмъ нова для польскаго общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направленія, и научно-литературнаго, и даже политическаго характера,[1]) только эти пробы

[1]) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже „Human“ въ память „уманской рѣзни“, произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество въ дѣятельности для этой цѣли обнаружило богатство энергіи до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага русскаго деспотизма, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напримѣръ, черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патріоты. Почему то, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патріотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ востока Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нормальный патріотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, то же выдѣленіе изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овеликорушенной интеллигенціи невеликорусскихъ областей, на Украйнѣ, въ Бессарабіи и друг. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобъ ее могла представлять одна, „единая и нераздѣльная“ политическая организація.[1])

Когда, такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально-демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е. въ федерацію.

Преобразованіе это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея именно о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же сознанная, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся приступить къ организаціи правильныхъ политическихъ обществъ, а эти послѣднія уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Цѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену

[1]) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

изъ самаго теперешняго общества, воспитаннаго въ идеяхъ государственно-національной централизаціи. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть, по крайней мѣрѣ, заложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онѣ были твердо положены и искренно усвоены обществомъ такъ, чтобъ стать безповоротными, какъ, напримѣръ, безповоротны реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіи ея силъ, которыя иначе должны будутъ затрачиваться на періодическія революціи и реакціи, было бы направленіе исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправленія, а не къ одному только установленію центральнаго представительнаго собранія по примѣру французскихъ конституцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конституцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи, и все-таки она вытерпѣла три солдатскихъ переворота, и едва съ недавняго времени имѣетъ слабые и неупроченные зачатки муниципальнаго самоуправленія, все еще не полную свободу печати и сходокъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: во Франціи даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и—что всего характернѣе—существованіе этихъ ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свободъ, противно именно законамъ, изданнымъ во время великой революціи (1791—1796) въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію старыхъ и установленію контръ-революціонныхъ ассоціацій! Вотъ что значитъ заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того, что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учрежденій, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Очень можетъ быть, что дѣло установленія политической свободы въ Россіи начнется съ созыва центральнаго Земскаго Собора—который, каковъ бы онъ ни былъ, даже какъ далегація существующихъ земствъ, все таки будетъ лучшимъ иниціаторомъ реформъ, чѣмъ царскіе чиновники съ свѣдущими людьми или безъ

оныхъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что дѣло политической свободы, — которую мы, вслѣдъ за Прудономъ (qui dit liberté, dit fédération, ou ne dit rien), считаемъ невозможною безъ федераціи,— тогда только вышло бы на вѣрную дорогу, когда бы оно было начато провинціальными движеніями и, если нужно, возстаніями. Но какъ бы ни началось это дѣло, желательно было бы, чтобы устраненія царско-чиновническаго самодержавія не ограничились устройствомъ Всероссійскаго Земскаго Собора, а чтобы тотчасъ же было обращено особенное вниманіе на установленіе законовъ и учрежденій, которые бы обезпечивали: a) свободу личную (неприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свобода слова и печати, свободу сходокъ, безоружныхъ манифестацій, прошеній, свободу ношенія оружія и военно-гимнастическихъ упражненій, и законные интересы лица), b) свободу товариществъ,— частныхъ, культурно-національныхъ и политическихъ, c) самоуправленіе общинъ, сельскихъ и городскихъ, d) самоуправленіе областныхъ единицъ, начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ, до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организація самоуправленія провинціальнаго самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ въ періодъ московко-петербургской централизаціи, которая прибѣгла даже къ пріемамъ ассирійской деспотіи,—умышленному опустошенію областей и переселенію ихъ жителей,—естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзды, губерніи и генералъ-губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя—уѣзды, хотя бы только потому, что онѣ наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціальнаго самоуправленія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направленіи какъ можно болѣе демократическомъ и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбираемы дворянами). Губернскія учрежденія вообще должны быть организованы такъ, чтобъ они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не являлись надъ ними начальствующею инстанціей. Что касается до губернскаго управленія собственно, то мы думаемъ, что Россіи долго еще не удастся избавиться отъ „помпадуровъ“, называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, со-

хранило бы, въ своихъ разсчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только выставить теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ давленія и теперешней почти кассаціонной власти губернаторовъ, сохранивъ за ними только одно административно-полицейское значеніе, обставивъ ихъ коллегіями съ участіемъ избираемыхъ членовъ и оградивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиціи отъ произвола губернаторовъ несмѣняемостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду.[1]) Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставленно право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ, равно какъ и земствамъ губернскимъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которыя могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы,—области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлитъ и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Возможно (и даже желательно), что нормальная организація уѣздовъ поведетъ къ совершенной атрофіи губерній и къ установленію только двухъ автономныхъ единицъ: уѣзда и области собственно, съ ихъ двойнымъ представительствомъ. Во всякомъ случаѣ, двойственное ли, или тройственное, областное представительство послужитъ прочною гарантіей не только противъ произвола центральной администраціи и ея агенствъ, но и противъ стремленій центральнаго представительства къ господству надъ областями, при твердомъ установленіи принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣетъ власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ кругѣ дѣлъ, завѣдываніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только опираясь на свободныя областныя учрежденія, Всероссійскій Земскій Соборъ получитъ прочное существованіе и избѣгнетъ опасности быть игралищемъ дворцовыхъ реакцій партіонныхъ революцій и контръ-революцій и солдатскихъ переворотовъ,—ка-

---

[1]) Право иска передъ судомъ противъ всѣхъ чиновниковъ со стороны лицъ, корпорацій и мѣстныхъ представительствъ за дѣйствія незаконныя и за исполненіе незаконныхъ предписаній высшаго начальства (подобно праву существующему въ Англіи), помогло бы огражденію столько же мѣстнаго самоуправленія, сколько и личныхъ правъ.

кимъ игралищемъ служили съ 1789 г. да служатъ отчасти и до сихъ поръ Національныя, Учредительныя, Законодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ западной Европы.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго и мѣстнаго самоуправленія служитъ лучшею гарантіей и правъ національныхъ, которыя, въ сущности, суть не что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обезпеченіе для этихъ лицъ наиболѣе естественныхъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимаго въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ею населяемой, такъ что въ государствахъ разнонаціональныхъ національные бассейны,—особенно, когда они не слишкомъ велики (а это имѣетъ мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественныя области, которыя мы назвали третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что апріорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ на области, съ созданіемъ для каждой изъ нихъ своего рода центральнаго представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ, особенно, принимая во внимая, что и національныя границы теперь не вездѣ совпадаютъ съ границами экономическихъ бассейновъ. Апріорное же вырѣзываніе провинцій по преобладающимъ численно національностямъ, могло бы теперь создать въ каждой своего рода національные централизмы, въ родѣ тѣхъ, какіе замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгріи. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построеніе зданія снизу вверхъ. Фундаментомъ для огражденія неприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ. свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устраивать свои дѣла, въ томъ числѣ и дѣла народнаго образованія, въ которомъ національность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губернскихъ земствъ входить между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ завѣдываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно. [1])

---

[1]) Напомнимъ, что Швейцарія, въ которой пользуются неприкосновенностью не только три крупнѣйшія національныя разновидности: нѣмецкая, французская и

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно безспорнаго въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія на своемъ языкѣ обставлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единственно результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической политики, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно случайнымъ, занять привилегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверхъ,—отъ образованія элементарнаго, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образованіе на національныхъ языкахъ должно быть вводимо, по мѣрѣ ихъ литературнаго развитія.

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образованія въ границахъ этнографической Польши и въ тѣхъ общинахъ за этими границами, которыя того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ провинцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполнѣ обезпеченное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ, которые могутъ постепенно войти и въ университетстое образованіе. Языкъ румынскій имѣетъ всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составитъ большой трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназіи (вмѣстѣ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣетъ въ Австріи свои гимназіи (въ Львовѣ

итальянская, но и мелкія: т. наз. ладинская и романская (въ Граубюнденѣ)—не только не разрѣзана на сплошныя національныя области, но даже имѣетъ кантоны съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ Швейцаріи національная равноправность гарантирована неприкосновенностью личныхъ правъ во всей федераціи и общинныхъ въ каждомъ кантонѣ.

полную, въ другихъ мѣстахъ — религію и украинскую литературу) и университетскія каѳедры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), но мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназіи южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями, а потому это введеніе должно быть предоставлено естественному теченію жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ, съ той только разницею, что введеніе этихъ языковъ, по крайней мѣрѣ въ гимназіи, представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго. Вообще же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ уваженіе теперешняго положенія вещей, языкомъ средняго и высшаго образованія нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до большаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ въ заведеніяхъ частныхъ и общинныхъ, а также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя каѳедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ приватъ-доцентамъ, такъ и штатнымъ профессорамъ открывать курсы на какомъ имъ угодно языкѣ (штатнымъ, конечно, за исключеніемъ общеобязательнаго курса). Затѣмъ, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго употребленія того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ аналогическою съ проектируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно оффиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи, и никто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употребленіи разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться далѣе, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языкѣ, на которомъ будутъ переписываться между собою разныя присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло канцеляристовъ, чѣмъ населенія собственно.

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ чего нибудь неудобоисполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сложившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить,—это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія,—что по большей части не удается и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортюнизмъ, т. е. уступчивость качественную, а не количественную, сколько яснымъ опредѣленіемъ направленія, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ насъ вопросахъ для насъ важно, чтобъ различные политическіе дѣятели въ Россіи искренно признали несоотвѣтствіе централистически-національныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ и областей бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности. и, наконецъ, на планахъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ соображенія и о томъ, кто собственно теперь можетъ взяться за осуществленіе желаемаго нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что, правду говоря, всѣ заявившіе себя въ послѣднее время общественные элементы, правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ насъ оптимистическихъ ожиданій. Правительство, даже послѣ того какъ всяческіе громы, отъ плевненскаго до взрыва бомбы надъ Екатерининскимъ каналомъ и еврейскихъ погромовъ, пробили его толстокожесть, очевидно, старается только „время провести.“ Степень его реформаторской искренности видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣдѣнію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давитъ и существующія покушающіяся быть независимымы изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ,—преимущественно юношескомъ и безпрофессіональномъ,—и на теперешней степени своего политическаго образованія, безсильны провести что либо, кромѣ „террористическихъ“ опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ, которые, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валятъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперешніе революціонеры въ Рос-

сіи не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ такъ называемой интеллигенціи, ни въ такъ называемомъ народѣ. „Земцы“ въ массѣ своей слишкомъ пассивны, и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематическаго идеала, но даже унижались до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ „крамолою“, чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политическаго строя Россіи, нужны совсѣмъ новые люди. Слѣдуетъ надѣятся, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и національныхъ политическихъ обществахъ, составленныхъ изъ лицъ зрѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ „прекраснаго далека“, было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченною, если намъ удалось критикою политики и стремленій до сихъ поръ заявившихъ себя дѣятелей изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ поръ наиболѣе зависѣлъ ходъ дѣлъ на востокѣ Европы, указать на то, что, по нашему мнѣнію, было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся, наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго направленія усилій къ установленію хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны, возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ. Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соціальныхъ отношеній, какія установились теперь на востокѣ Европы и, въ частности, въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти, будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія желанія, всегда найдутъ себѣ внѣшнюю форму выраженія и средства для исполненія, какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но не вооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, всегда приводитъ только къ болѣе или менѣе безплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

М. П. Драгомановъ.

Къ вопросу объ украинскомъ народничествѣ.

[Опытъ программныхъ вопросовъ для изученія украинской національной идеи].

Извѣстный профессоръ М. М. К. говорилъ намъ, что сколько онъ ни встрѣчался съ такъ называемыми украинскими патріотами, никто изъ нихъ не могъ цѣльно и ясно изложить основаній своихъ воззрѣній, за исключеніемъ лишь В. Б. А., патріотизмъ котораго держится на строго проведенныхъ научныхъ доказательствахъ.

Намъ лично приходилось участвовать въ одномъ засѣданіи, въ которомъ принимали участіе тотъ-же М. М. К., нынѣ покойный А. А. Потебня, и другіе ученые и умные люди, обсуждавшіе вопросъ о программѣ предполагавшейся къ изданію мѣстной газеты съ украинскимъ направленіемъ. Но на этомъ засѣданіи обнаружилось, что о такомъ важномъ предметѣ, какъ ихъ собственное украинофильство, они очень мало знаютъ, потому что мало думали, мало занимались имъ, а серьезному изученію его никто себя не посвящалъ, поэтому высказывали весьма поверхностныя и весьма противорѣчивыя мнѣнія, такъ что не могли прійти ни къ какому серьезному заключенію и согласному рѣшенію.

Вообще наблюденія показываютъ, что украинское народничество держится, или, вѣрнѣе, покоится, болѣе на чувствѣ любви къ родинѣ, возбужденномъ большею частью впечатлѣніями, полученными въ дѣтствѣ отъ украинской деревни, и отчасти мѣстной поэзіей, преимущественно Шевченка, а также болѣе или менѣе случайнымъ знакомствомъ съ отдѣльными произведеніями укра-

инской литературы [1]). Но строго продуманнаго украинскаго направленія, основаннаго на изученіи національнаго вопроса вообще, и въ частности украинскаго, на изученіи дѣйствительной жизни и потребностей украинскаго народа и общества, не существуетъ; по крайней мѣрѣ оно не раскрыто передъ нами даже такими корифеями, какъ покойный М. П. Драгомановъ, наиболѣе поработавшій надъ тѣмъ, чтобы осмыслить украинское дѣло.

Отъ нѣкоторыхъ націоналистовъ можно слышать даже такія разсужденія, что въ теоретической разработкѣ украинскаго вопроса нѣтъ надобности; достаточно одного патріотическаго чувства, чтобы, при добромъ желаніи и умѣньи, сдѣлать многое на пользу своего народа.

Это воззрѣніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ пріемами другихъ направленій, которые затрачиваютъ много силъ и средствъ для того, чтобы по возможности научнѣе обосновать свое ученіе и выснить свои задачи и въ тоже время по возможности доступнѣе популяризировать ихъ. Понятное дѣло, что такія ученія болѣе выигрываютъ, шире распространяются, занимаютъ первенствующую роль въ борьбѣ за существованіе.

Между тѣмъ націоналистическому направленію, къ какимъ принадлежитъ наше украинское народничество, наиболѣе необходимы научное обоснованіе и популяризація, такъ какъ націонализмъ вообще не въ чести у русской публики. И это понятно: наше общество имѣетъ дѣло съ государственнымъ, „кулачнымъ“ націонализмомъ, имѣетъ нѣкоторое представленіе, хотя по наслышкѣ, о нѣмецкомъ пангерманизмѣ того же свойства, о французскомъ націонализмѣ, направленномъ къ возвращенію стараго, отжившаго порядка; оно отвращается отъ націонализма, какъ отъ всего консервативнаго или даже реакціоннаго; общество наше не имѣетъ понятія о національно-демократическихъ направленіяхъ вообще и въ частности объ украинскомъ. Если бы общество было освѣдомлено о немъ, то, можетъ быть, иначе относилось бы къ нему, нежели теперь относится, а можетъ быть, почувствовало бы, что и само оно, это общество, причастно кулачному патріотизму. Если чистая идея націонализма загрязнена привнесеніемъ въ нее идей государственности, господства сильныхъ и пр., то въ этомъ, конечно, въ значительной степени виноваты сами націоналъ-демократы...

---

[1]) Интересно было бы собрать свѣдѣнія о причинахъ и способахъ пробужденія національнаго чувства у отдѣльныхъ лицъ изъ украинцевъ.

Изъ изложеннаго, кажется, ясно, какъ необходимо систематическое изученіе націоналъ-демократизма вообще и въ особенности украинскаго, и популяризація его.

Какъ это осуществить? Мнѣ кажется, что, при отсутствіи всесторонникъ спеціалистовъ, это возможно лишь коллективнымъ трудомъ.

Нужно сначала составить программу вопросовъ, обнимающихъ всѣ стороны предмета, издать ее, а затѣмъ просить лицъ, изучающихъ ту или другую сторону украинской жизни и прошлаго, составить, соотвѣтственно программѣ, очерки, болѣе обширные — для журнальныхъ статей, а сжатые — для книги которая служила бы, такъ сказать, руководствомъ для украинскихъ демократовъ и замѣняла бы для нихъ безчисленныя научныя изслѣдованія и популярныя изложенія ученій другихъ направленій. Во всякомъ случаѣ безъ программы не можетъ быть планомѣрной общественной дѣятельности.

Опытъ такой программы мы и желаемъ дать въ настоящей статьѣ.

ГЛАВА 1-я.

Соціальныя ученія, исходящія изъ основаній психическихъ (нравственнаго начала, требованій разума или науки) или изъ основаній экономическихъ (т. е. изъ необходимости удовлетворенія экономическихъ потребностей), изъ правъ личности, государственнаго начала, — всѣ они односторонни, а потому неудовлетворительны. Такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ заключается лишь доля истины, то необходимо точкой отправленія въ нашемъ общественномъ міросозерцаніи принять такое начало, въ которомъ могло бы найти свое мѣсто и оправданіе все то, что справедливо въ этихъ разнородныхъ началахъ.

Нужно, поэтому, въ нашихъ воззрѣніяхъ исходить изъ потребностей большого соціальнаго цѣлаго, чувствующаго и сознающаго себя таковымъ. Такимъ цѣлымъ, представляющимъ изъ себя нѣкоторое подобіе организму, есть нація съ ея общими свойствами, потребностями, духовными, правовыми, экономическими и проч.

Благополучіе націи, съ уравновѣшеннымъ, гармоническимъ развитіемъ всѣхъ сторонъ и потребностей жизни (личностиъ и общественности) есть цѣль надъ цѣлями.

Нація (но не раса) есть большая соціальная группа людей, чувствующая или сознающая свое племенное отличіе и своеобразіе, проявляющееся въ общности признаковъ духовныхъ, этнологическихъ, правовыхъ и проч., въ извѣстной степени проникнутая чувствомъ солидарности и общности интересовъ, связанная единствомъ происхожденія, имѣющая, поэтому, въ своемъ прошломъ, въ своей исторіи, общій запасный духовный фондъ, словомъ группа, которая составляетъ отдѣльную единицу по отношенію къ окружающимъ подобнымъ же группамъ и стремится къ единому будущему. Другими словами: нація есть соціальная единица, объединенная однородной и типичной культурой, или, по крайней мѣрѣ, чувствующая себя, какъ культурная особь и стремящаяся къ духовной самобытности.

Политическое устройство націи въ данный моментъ нельзя признавать кореннымъ началомъ народности, такъ какъ это устройство подлежитъ значительнымъ и нерѣдко быстрымъ измѣненіямъ, въ смыслѣ улучшенія или даже ухудшенія формъ; наприм., переходъ во Франціи отъ монархіи къ республикѣ, а въ древнемъ Римѣ, наоборотъ, отъ республики къ самодержавію, или переходъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ и въ Россіи отъ ограниченной королевской и великокняжеской власти къ самодержавію. Это произошло на Западѣ подъ вліяніемъ борьбы съ феодалами, а въ Московскомъ государствѣ вслѣдствіе усвоенія деспотически-родовыхъ формъ правленія отъ Монголовъ. Между тѣмъ народоправства Новгорода и Пскова наиболѣе сохранили древнихъ русскихъ и даже общеславянскихъ чертъ, въ видѣ вѣчевого самоуправленія или совѣщанія князя съ вѣчемъ.

Отсутствіе единообразія въ томъ или другомъ изъ факторовъ, на первый взглядъ кажущемся очень важнымъ, наприм. единообразія въ религіи, не устраняетъ единства національнаго; примѣромъ могутъ служить нѣмцы, исповѣдующіе католическую вѣру и лютеранство; малороссы—православные и уніаты и т. п.

Соединять понятіе религіи съ народностью возможно развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что на религіозныхъ формахъ жизни въ нѣкоторой степени отражается характеръ націи или, по крайней мѣрѣ, государственный строй. Наприм., въ Россіи церковь всецѣло подчиняется тѣмъ тяжелымъ ограниченіямъ, какія на нее налагаетъ государственная власть; послѣдняя отняла у церкви возможность вселенскаго представительства, право самоуправленія, отмѣнивъ соборы и патріархатъ и замѣнивъ ихъ казеннымъ учрежденіемъ съ генераломъ во главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, издавая

законы, ограничивающіе свободу совѣсти и даже примѣняя въ дѣлахъ вѣры полицейское начало и допуская по отношенію къ иновѣрцамъ и сектантамъ гоненія, вплоть до ссылки и заточенія, власть внесла принципъ насилія или, говоря иначе, „духъ антихристовъ“ въ ученіе евангелія о любви къ ближнему. Конечно, для самодержавія было весьма выгодно изъ религіи и церкви сдѣлать орудіе своего преобладанія и оправдать свое господство надъ религіей [1]). На западѣ, напротивъ, свободная католическая церковь обратилась было сама въ самодержавіе и до сихъ поръ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ сферу вѣдѣнія свѣтской власти и даже во внутреннюю и внѣшнюю политику государствъ. И такъ, ни политическія формы, ни религію нельзя признавать коренными основами національности.

Преобладающимъ признакомъ національности слѣдуетъ считать языкъ, который служитъ главнымъ выразителемъ народной мысли и разума.

Хотя и при атрофированіи родного языка долго могутъ сохраняться прочія типическія черты національности, антропологическія и психическія, но это явленіе составляетъ рѣдкое исключеніе, при томъ же у народовъ діаметрально противоположныхъ съ окружающими (примѣръ, семиты—евреи, и кельты, ирландцы—усвоившіе англійскій языкъ).

Значеніе языка, какъ выразителя національно-народной психики, по ученію нѣмецкихъ и русскихъ филологовъ.

Лучшимъ средствомъ для обезпеченія народностей, для истощенія духовныхъ силъ народа, даже для духовнаго убійства націй представляется ограниченіе ихъ правъ на родной языкъ.

Бельгійскій депутатъ фламандецъ Ванъ-Беэрсъ въ 1873 г. въ рѣчи на литературномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ высказался: „велико значеніе народнаго языка: онъ пробуждаетъ дремлющія творческія силы, онъ ведетъ по единственному пути сближенія интеллигенціи и народа, онъ даетъ естественныя формы воплощенію общечеловѣческихъ идей... Слово,—это, такъ сказать, кристаллизированная мысль. Стараться замѣнить языкъ народа языкомъ чуждымъ, значитъ то-же, что стараться задушить всякую оригинальность идей, то же, что задушить, убить мысль въ самой

---

[1]) Новый Путь, 1903 г. № 3-й Докладъ кн. Волконскаго и пренія въ религіозно-философскомъ обществѣ.

душѣ; это все равно, что совершить нравственное убійство цѣлаго народа".

Главнымъ хранителемъ національныхъ началъ служитъ простой народъ; оттого замѣна слова „нація" „народомъ", употребленіе вмѣсто слова „государственный" словъ „національный, народный", передергиваніе у поляковъ словъ нація и narod (шляхетный классъ).

Народъ, какъ первоначальный творецъ языка (духа языка), литературы (не письменной), правовыхъ понятій и обычаевъ и проч. Обновленіе литературныхъ языковъ народными во многихъ литературахъ.

Народъ, какъ запасный капиталъ націи, изъ котораго она черпаетъ свои силы, по мѣрѣ вырожденія культурныхъ классовъ.

Народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ, какъ представитель истинно производительнаго труда, по сравненію съ прочими классами.

Состояніе духовныхъ силъ и матеріальнаго пользованія массъ должно считаться настоящимъ мѣриломъ національной культуры и благосостоянія націи, такъ какъ при невѣжествѣ и бѣдности народа нѣтъ истиннаго благополучія націи. Богата, наприм., не англійская нація, а государство.

Тѣмъ не менѣе національное начало наибольшую степень сознанія получаетъ въ культурныхъ слояхъ, а не у народа, иногда лишь у единичныхъ личностей изъ интеллигентныхъ классовъ.

Познаніе національныхъ чертъ, духовныхъ началъ и идеаловъ, т. е. выясненіе національнаго самосознанія; знакомство съ духовными и матеріальными потребностями своей страны; развитіе культурно-національное, т. е. на собственныхъ началахъ, не противорѣчащихъ общечеловѣческимъ идеямъ справедливости; развитіе духовныхъ силъ населенія, въ частности поддержаніе и развитіе національнаго творчества, самодѣятельности народа, энергіи, духа единенія; внесеніе въ народную массу знаній и идей; развитіе эстетическаго чувства народа; защита матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ низшихъ классовъ, какъ угнетенныхъ; урегулированіе классовыхъ интересовъ, съ ограниченіемъ опаснаго для націи принципа экономической свободы (т. е. свободы въ эксплоатированіи труда и въ распредѣленіи богатствъ). Вотъ основныя задачи націоналъ-демократовъ.

Но какъ отдѣльныя національности значительно отличаются не только по своимъ основнымъ чертамъ, а также по развитію въ нихъ сословныхъ отношеній, по распредѣленію матеріальнаго благосостоянія, по ихъ отношеніямъ къ государству, къ религіи, къ церкви, къ разнымъ соціально-политическимъ партіямъ и направленіямъ, то, кромѣ общекультурныхъ задачъ, у каждой націи въ отдѣльности могутъ быть свои спеціальныя задачи, разъясненіе которыхъ также должно входить въ программу націоналистовъ, въ видахъ установленія національной политики, а у угнетенныхъ націй, сверхъ того, ставится вопросъ о выясненіи способовъ для осуществленія своихъ попранныхъ національныхъ правъ.

Кромѣ указанныхъ выше задачъ, необходимо также изученіе другихъ націй съ данной точки зрѣнія, т. е. ознакомленіе съ ихъ національно-демократическими и государственно-національными стремленіями, задачами и соціально-политическими теоріями. Далѣе, изученіе націй вообще, съ раздѣленіемъ ихъ, по характеру взаимныхъ отношеній, на націи хищныя, паразитныя, активныя и пассивныя. Уясненіе роли тѣхъ и другихъ. Пониманіе того, какъ часто въ основу права въ отношеніяхъ междунаціональныхъ, какъ и государственныхъ, принимается безнравственное правило: „кто силенъ, тотъ и правъ“. Уясненіе часто повторяющагося стремленія поглотительныхъ націй оправдать свои своекорыстные дѣйствія высокими цѣлями: колонизаціонными, цивилизаторскими, служеніемъ государственнымъ интересамъ и т. п. Вообще тѣневая сторона націонализма, за которой нужно слѣдить: самомнѣніе и самовосхваленіе, національный эгоизмъ, исключительность и нетерпимость, идеализація своей національности и своего прошлаго, признаніе за собой превосходства надъ другими народами, даже особой миссіи и т. д.

Изученіе того, какъ на Западѣ подавленныя національности возвращали себѣ утраченныя права и въ какой мѣрѣ. Поучительные примѣры національнаго пробужденія и возрожденія на Западѣ. Состояніе самосознанія и національнаго возрожденія въ Россіи, у разныхъ народностей. Положеніе литературы у такихъ народностей. Поддержаніе правительствомъ нѣкоторыхъ народностей, лишь какъ средство для возбужденія національнаго антагонизма (у эстовъ и латышей противъ остзейскихъ нѣмцевъ; у финновъ противъ шведовъ). Высокая задача угнетенныхъ націй раскрывать истинныя побужденія угнетателей и способствовать сплоченью между собою первыхъ на братскихъ началахъ (взаим-

наго воздѣйстія и поддержки). Устройство междунаціональныхъ съѣздовъ для взаимнаго уясненія своихъ задачъ и выработки общей программы дѣйствій.

Замѣчанія къ нѣкоторымъ пунктамъ 1-й главы.

Классифицирующая и біологическая соціологіи отождествляютъ человѣческое общество съ организмомъ или группой организмовъ, называемой видомъ. Выводы изъ такого отождествленія ведутъ къ грубымъ ошибкамъ. Такъ, примѣняя къ обществу законъ органическаго развитія, отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному, раздробленному, при чемъ каждый органъ вѣчно отбываетъ свою, присущую ему, функцію, они возводятъ въ соціальный законъ раздѣленіе или спеціализацію труда, забывая, что человѣкъ не клѣточка и не собраніе клѣточекъ, составляющихъ органъ, а есть нѣчто болѣе самостоятельное и можетъ, по мѣрѣ развитія въ себѣ сознанія, опредѣлять самого себя и перераспредѣлять свой трудъ по своему усмотрѣнію, а также стремиться къ всестороннему использованію своихъ силъ и способностей. Слѣдовательно, спеціализація труда въ человѣческомъ обществѣ не имѣетъ того безусловнаго значенія, какъ въ біологіи. Изъ отождествленія же общества съ группой организмовъ, съ видомъ, выводятъ необходимость въ человѣческомъ обществѣ борьбы за существованіе, съ подборомъ болѣе сильныхъ, съ гибелью болѣе слабыхъ, считая даже, что „безъ борьбы нѣтъ прогресса“ (выраженіе К. Маркса). Между тѣмъ въ соціальномъ обществѣ часто беретъ верхъ не болѣе высокій въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ, а болѣе низкій и грубый, что обладаніе сословными привилегіями и капиталомъ способствуетъ побѣдѣ счастливца надъ болѣе честнымъ, умнымъ и развитымъ. Такимъ образомъ борьба, какъ между отдѣльными особями, такъ и между классами и націями, часто ведетъ къ гибели лучшихъ и къ побѣдѣ худшихъ и также можетъ приводить къ регрессу, какъ и къ прогрессу. Другіе соціологи думаютъ, что прогрессъ является не вслѣдствіе борьбы за существованіе, а помимо ея, что причина соціальнаго прогресса заключается не въ борьбѣ, а въ кооперації, въ присущей человѣку способности къ единенію, къ сознанію рода, къ соціальному устройству.

Надо полагать, что объ силы дѣйствовали одновременно, но въ болѣе раннія эпохи преобладала первая, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія сознательныхъ элементовъ и роста духовной энергіи, человѣческое общество пріобрѣтало характеръ иного соединенія, съ преобладаніемъ психическихъ силъ, такъ что борьба за существованіе отступала на второй планъ, и формы ея облагораживались.

Поэтому переносить на человѣческое общество исключительно формы и законы біологическаго развитія нѣтъ достаточныхъ основаній: законы соціальнаго развитія въ значительной степени самостоятельны, хотя далеко еще не раскрыты наукой. Если бы соціальные факты были надлежащимъ образомъ собраны и обобщены, то, конечно, не явилось бы столько шаткихъ теорій развитія, сколько ихъ предъявляютъ соціологія и исторія философіи, и, конечно, уменьшилось бы количество соціальныхъ воззрѣній за счетъ ихъ качества. По словамъ историка германскаго народа Лампрехта, „теперь въ исторіи необходимо исходить отъ націи (а не создавать исторіи личностей, государствъ, человѣчества), носительницы культуры, изслѣдовать смѣну ея состояній, сравнивать ее съ другими націями, устанавливать типическія черты и такимъ образомъ подняться до исторіи человѣчества". Этотъ же методъ, вѣроятно, былъ бы плодотворенъ и для соціологіи.

Противъ націоналистическихъ взглядовъ возражаютъ съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія и, кажется, главнымъ образомъ, съ слѣдующихъ.

Говорятъ, что націонализмъ препятствуетъ развитію индивидуализма, что онъ мѣшаетъ усвоенію и осуществленію космополитическихъ идей и идеаловъ, общечеловѣческой культурѣ, общечеловѣческому прогрессу, что, будучи односторонне направленнымъ на защиту національныхъ правъ, отвлекаетъ людей отъ болѣе существенныхъ, экономическихъ интересовъ и отъ соціально-экономическаго переустройства общества, что онъ защитой національныхъ правъ вноситъ племенную вражду въ государства смѣшаннаго характера, что онъ особенно вреденъ, когда занятъ ненужными дѣлами, напримѣръ — искусственнымъ созданіемъ отдѣльной литературы.

Противъ этого слѣдуетъ возражать: націонализмъ не только не препятствуетъ развитію личности, но, напротивъ, способствуетъ этому; что безъ раздробленія человѣческаго общества на націи не было бы прогресса и, стало быть, индивидуальнаго

расчлененія, а все приняло бы однообразную физіономію. Все существо индивидуума создано при посредствѣ націи, т. е. его духовныя, умственныя и нравственныя способности, изобрѣтательность, искусство, оригинальныя соціальныя стремленія и проч.

Правда, что побужденія къ дѣйствіямъ, по мѣрѣ развитія общества, все менѣе проистекаютъ извнѣ, изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и все болѣе извнутри, изъ мысли, такъ что даже немалая часть человѣческой борьбы совершится уже въ видѣ умственной, потому что прежнему исключительно „природному" направленію развитія народа противополагается новое направленіе— „духовное" (указывающее на ростъ духовной энергіи), возникшее въ высшей средѣ и проникнутое гуманизмомъ. Но, во 1-хъ, національное развитіе можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и идейно-національнымъ; во 2-хъ, относительно общечеловѣческихъ, космополитическихъ идей и идеаловъ человѣчество не сговорилось и врядъ ли когда либо сговорится, кромѣ общихъ моральныхъ началъ и второстепенныхъ требованій и установленій, на счетъ которыхъ можно всегда придти къ соглашенію и усвоить ихъ со стороны. Такъ какъ развитіе изъ себя предполагаетъ развитіе всѣхъ національныхъ свойствъ и особенностей, то стремленіе къ космополитическимъ идеаламъ должно осуществляться своеобразно у каждой отдѣльной націи, не разрушая все національно-самобытное, слѣдовательно, и общечеловѣческое будетъ перерабатываться и осуществляться каждой націей по своему, и это будетъ естественное развитіе или, иначе говоря, развитіе по равнодѣйствующей этихъ двухъ силъ. Но если бы все соціальное развитіе приняло однообразныя формы у всѣхъ народовъ, сгладивъ ихъ національныя черты, это былъ бы вѣнецъ для развитія, за которымъ послѣдовалъ бы вѣчный застой. Но тамъ, гдѣ на національное развитіе наложено veto, тамъ оно должно совершаться болѣзненнымъ путемъ: должно вызывать припадки общественнаго умоизступленія или же влечь за собой духовное разслабленіе и упадокъ національныхъ силъ въ разныхъ сферахъ жизни, въ особенности въ области духовнаго творчества. Появляющіеся въ такихъ краяхъ народные дѣятели, обыкновенно называющіе себя космополитами, интернаціоналами и даже народниками, служатъ идеѣ государственнаго націонализма, т. е. тѣмъ, „кто давитъ чужія народности, а не тѣмъ, кто отбивается отъ давленія", и помогаютъ такимъ образомъ разрывать пропасть между интеллигенціей и народомъ.

Для того, чтобы не поддерживать междуплеменной вражды и не возбуждать ненависти къ насиліямъ, производимымъ со стороны государствъ со смѣшаннымъ составомъ населенія, необходимо переустройство такихъ государствъ на федеративныхъ началахъ и предоставленіе равноправности народамъ и языкамъ, такъ какъ каждое государство, возникшее не изъ добровольной организаціи массъ, а изъ эгоизма властолюбивыхъ натуръ, по словамъ соціолога Уарда, представляетъ собою паразитъ, питающійся на счетъ подчиненныхъ народностей.

Что касается вопроса объ искусственномъ созданіи литературъ родственными народами и объ обязательномъ усвоеніи языка и литературы господствующаго племени, то, во 1-хъ, всякое развитіе литературы на первыхъ порахъ носитъ искусственный характеръ; во 2-хъ, рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть литературѣ у родственнаго народа, нужно предоставлять не государству и не филологамъ, а обществу и народу, такъ какъ все дѣйствительно искусственное, несоотвѣтствующее духовнымъ потребностямъ націи, будетъ ими отвергнуто. Напротивъ, мы имѣемъ живые и назидательные примѣры отвращенія отъ родственныхъ языковъ и литературъ къ роднымъ; такъ въ Швеціи и Норвегіи — отъ датскаго къ шведскому и норвежскому языкамъ, хотя между этими языками не больше различія, чѣмъ между русскимъ и украинскимъ; у лужичанъ, которые предпочли собственное нарѣчіе, а не сербскій языкъ; у словаковъ и пр.

Признавая общечеловѣческіе идеалы истины, добра и справедливости, выраженные Кантомъ въ общей формулѣ, что „всякое разумное существо никогда не должно быть вещью или орудіемъ чужой воли, а лишь цѣльной личностью, человѣчность которой должна быть священной“, и считая за высшій такой соціальный порядокъ, въ которомъ господствуютъ равныя права и обязанности, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что осуществленіе общечеловѣческихъ идеаловъ находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: природы страны, свойствъ человѣка, психическихъ особенностей, степени его культуры, его прошлаго—исторіи. Такимъ образомъ общечеловѣческіе идеалы истины, добра и справедливости облекаются въ національныя формы, опредѣляющія то, что достижимо, и то, что можетъ быть.[1])

[1]) Не надобно забывать того, что такъ называемые космополитическіе идеалы сложились лишь у одной части индоевропейскихъ народовъ и что вообще мораль находится въ зависимости отъ расъ.

Признавая, напримѣръ, форму государственной жизни, считаемъ однако, что цѣль государственности не въ господствѣ надъ людьми, а въ постепенномъ проведеніи началъ равенства и справедливости, сообразно съ мѣстными условіями; равно признаемъ и то, что человѣческое общежитіе должно быть регулируемо законами. Между тѣмъ, государство въ большей или меньшей степени является организаціей господства меньшинства надъ большинствомъ: въ сферѣ классовыхъ отношеній оно поддерживаетъ интересы сильныхъ и богатыхъ, въ сферѣ законодательства вообще защищаетъ преимущественно интересы привилегированныхъ сословій, въ томъ числѣ капиталистовъ, насилуетъ часто такія неприкосновенныя права, какъ право каждой народности на родной языкъ, право религіозной свободы и пр. въ международныхъ отношеніяхъ; усвоивъ правило, что „политика не этика", примѣняетъ грубо-эгоистическое начало насилія, открыто попирая высоконравственные мотивы, проведенные въ ученіи Христа, деморализируя тѣмъ собственныхъ гражданъ и такимъ образомъ подрывая авторитетъ власти (напримѣръ войны съ Китаемъ, съ бурами и мног. др.).

Наши взгляды на соціальныя отношенія яснѣе выразятся, если мы въ общихъ чертахъ укажемъ на эволюціонное развитіе соціальнаго строя человѣческаго общества вообще.

Первоначальное общество вездѣ возникало и держалось на племенномъ или родственномъ началѣ, на единствѣ происхожденія, а также чувствъ, мысли, вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, на единствѣ формъ общественной жизни, безъ раздѣленія труда, безъ сословности, съ властью родоначальниковъ, съ общимъ правомъ племени на занимаемую имъ территорію, слѣдовательно безъ частной земельной собственности; при чемъ трудъ направлялся исключительно на добываніе себѣ пищи, на борьбу съ природой. Вторая стадія развитія общественности выражается началомъ борьбы человѣка съ человѣкомъ и, слѣдовательно, возникновеніемъ насилія, появленіемъ рабства, въ формѣ захвата плѣнныхъ изъ чужихъ племенъ, неодинаковымъ распредѣленіемъ труда между рабами и ихъ господами, при чемъ на рабовъ и женщинъ возложенъ болѣе тяжелый трудъ, а занятіемъ свободныхъ, а потому благородныхъ, сдѣлалась война, развивавшая алчность и хищничество. Въ дальнѣйшемъ слѣдовало порабощеніе цѣлыхъ племенъ однихъ другими, что вызвало усиленіе родовой власти и ея органовъ (для порабощенныхъ племенъ это не была уже власть родовая), усложненіе соціальнаго неравен-

ства и санкцированіе его властью; изъ военнаго сословія образовался правящій классъ, а изъ подчиненныхъ и побѣжденныхъ разные производительные классы. Насиліе распространялось не только на захватъ имущества и женщинъ, но и на духовную сторону жизни: на языкъ, нравы, обычаи, вѣрованія и проч. На порабощеніи личности, на эксплоатаціи однихъ сословій другими, на завоеваніяхъ народовъ и націй, на захватѣ земельной собственности и распредѣленіи ея между завоевателями, выросли государства и государственная власть, приписавшая себѣ божественное происхожденіе; а затѣмъ развилась культура: знанія, искусства, техника и проч. Позднѣе всего народился капитализмъ съ товарнымъ производствомъ, зиждущійся на эксплоатаціи рабочаго сословія и пріобрѣвшій себѣ защитника и слугу въ лицѣ государственной власти. Всѣ эти виды порабощенія закрѣплены правомъ, первоначально обычнымъ, потомъ положительнымъ, и освящены религіей.[1])

Страницы всемірной исторіи полны повѣствованіями о попыткахъ противодѣйствія всѣмъ указаннымъ видамъ насилій, въ формѣ возстаній и войнъ (возстаній рабовъ, крестьянъ, борьбы бѣдныхъ съ богатыми, войнъ за возвращеніе національной независимости и пр.), но привитой тысячелѣтіями принципъ жизни, т. е. порабощенія человѣческой личности, сословій, народовъ, господствуетъ и теперь. Казалось бы, дѣло религіи и церкви стоять за права угнетенныхъ личностей, сословій и націй, но она, проповѣдуя личное самоусовершенствованіе, предпочла принять принципъ непротивленія злу и приладилась къ существующимъ формамъ жизни и даже поддерживала ихъ во имя божіе; только наука, въ лицѣ греческой философіи и средневѣковаго гуманизма дѣлала попытки теоретической защиты разныхъ видовъ свободы.

Но принципъ порабощенія въ значительной мѣрѣ поколебленъ въ эпоху новой исторіи революціями, въ особенности великой французской революціей, какъ въ сознаніи интеллигентныхъ классовъ провозглашеніемъ „естественныхъ правъ“ человѣка и началъ свободы, равенства и братства, такъ и въ жизни наро-

---

[1]) Даже нѣкоторые современные ученые хотятъ признать насиліе за справедливое начало. Такъ историкъ Трейчке говоритъ: „Законъ природы неизмѣненъ: только незначительное меньшинство должно пользоваться благами культуры. Культура немыслима безъ прислуги... Господство одного класса надъ другими вытекаетъ изъ природы общества,—такой порядокъ вещей справедливъ и необходимъ.

довъ завоеваніемъ политической свободы, хотя и не полной, и отмѣной крѣпостной зависимости крестьянъ, хотя съ потерей земли, какъ въ Англіи. Однако, даже французскій конвентъ не понималъ того, что провозглашенные имъ принципы требуютъ отмѣны всеневиллирующей централизаціи и введенія спасительнаго федеративнаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ признанія за порабощенными націями правъ на родной языкъ и на свободную группировку людей по національностямъ.

Въ новѣйшую эпоху беззавѣтной и безпощадной реакціей старому строю явилось ученіе соціалистовъ, въ особенности систематически разработанное Карломъ Марксомъ и марксистами (соціалъ-демократами). Основной принципъ этого ученія —„поставить каждому въ обязанность трудиться и обезпечить за каждымъ право на существованіе". Для осуществленія этого требованія предлагается однообразная общественная организація труда и замѣна теперешней капиталистической формы производства для рынка крупнымъ общественно-государственнымъ производствомъ продуктовъ для собственнаго потребленія, съ отмѣной правъ собственности на землю и на капиталъ; за государствомъ оставляются однѣ лишь хозяйственныя функціи.

Но противъ соціалистическаго ученія относительно экономическаго перерожденія общества нео-кантеіанцы возражаютъ, что не одни экономическіе интересы и формы производства являются главными факторами жизни человѣческой и первенствующими двигателями прогресса; а въ соціальной исторіи развиваются самостоятельныя идеальныя потребности и интересы (духовный процессъ жизни), которые все болѣе становятся самодовлѣющей цѣлью и поднимаются надъ классовыми интересами; что подлежитъ большому сомнѣнію то, какъ замѣна одного способа производства другимъ должна отразиться на личномъ и общественномъ благополучіи: приведетъ ли она къ осуществленію завѣтнѣйшихъ идеаловъ, или, наоборотъ, уничтоживъ стремленіе личности къ дѣятельности, повлечетъ за собой физическое и духовное оскудѣніе, такъ какъ безъ личной инициативы утрачивается связь между призваніемъ человѣка и его работой, и слѣдовательно—не можетъ быть экономическаго прогресса: человѣкъ средняго шаблона, обезпеченный въ средствахъ къ существованію, потеряетъ побужденія къ духовному совершенствованію. Рѣзче формулируется этотъ скептицизмъ выраженіемъ: „утверждать, что на основаніи экономическихъ измѣненій должно неизбѣжно вырости соціалистическое общество—это діалекти-

ческій самообманъ". По Штамплеру же, соціальный идеалъ не можетъ мыслиться достигнутымъ, такъ какъ движеніе къ нему безконечно; полное осуществленіе этой задачи („рай на землѣ") не мыслимо, потому что это означало бы конецъ всякой исторіи, неподвижность смерти или же абсолютное совершенство, которое недостижимо въ условіяхъ эмпирическаго бытія.

Другіе утверждаютъ, что соціализмъ имѣетъ уже за собой длинную исторію: сто лѣтъ прошло, какъ Бабефъ впервые опредѣленно высказалъ идеи общенія имуществъ и палъ, какъ глава коммунистическаго заговора; 50 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ соціалистическое ученіе обосновано научнымъ образомъ Карломъ Марксомъ, и столько же времени минуло, какъ организація труда на соціалистическихъ началахъ, приведенная въ исполненіе французскимъ правительствомъ, потерпѣла крушеніе, а человѣчество нисколько не измѣнило своихъ эгоистическихъ свойствъ. Сами теоретики соціализма не знаютъ, какимъ чудомъ капиталъ и средства производства перейдутъ въ руки рабочихъ: сами ли собой, по законамъ экономическаго и даже діалектическаго развитія, путемъ ли революціи рабочаго сословія, или же законодательнымъ, парламентскимъ порядкомъ. Указываютъ также на неразработанность такихъ коренныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о принципѣ раздѣленія въ будущемъ государствъ продуктовъ производства—по мѣрѣ ли труда, или по способностямъ и знаніямъ, или по потребностямъ каждаго, или же поровну между членами общинъ или государства.

Но сомнѣніе вторгается и въ душу соціалъ-демократовъ. Болѣе умѣренные марксисты (беренштеніанцы) признаютъ недостаточность системы „одной защиты рабочихъ", отрицаютъ возможность повсемѣстной гибели крупнаго и въ особенности мелкаго крестьянскаго хозяйства, признавая въ крестьянинѣ не предпринимателя, получающаго прибыль и капиталистическую ренту, а лишь рабочаго, который живетъ не доходомъ со своей собственности, но результатами своего труда (рабочая рента), придаютъ большое значеніе постепенному измѣненію условій теперешняго строя, а не быстрому созданію новыхъ формъ, считаютъ, что для предполагаемыхъ измѣненій должны быть изучены и приняты во вниманіе природные, историческіе, политическіе и національные факторы каждой страны и народа въ отдѣльности; они выдвигаютъ также на первый планъ широкое развитіе сельско-хозяйственныхъ товариществъ, не только потребительныхъ, но и производительныхъ.

Однако такъ называемые правовѣрные марксисты, вѣря, что дни частной земельной собственности сочтены, до послѣдняго времени отстраняли себя отъ участія въ крестьянскихъ интересахъ и партіяхъ и даже возставали противъ такихъ предпріятій, какъ поддержка производительныхъ земельныхъ товариществъ, какъ противорѣчащихъ ихъ принципу. Вся дѣятельность ихъ сужена была до служенія лишь интересамъ сословно фабричныхъ рабочихъ, при посредствѣ которыхъ они только и считали возможнымъ получить всѣ блага будущаго строя. Но и для рабочихъ собственно они сдѣлали немного, кромѣ введенія организаціи и дисциплины партіи и формулировки ея требованій. Если они въ отдѣльныхъ мѣстахъ добились нѣкоторыхъ облегченій для фабричныхъ рабочихъ, то и капиталисты успѣли въ то же время обезпечить интересы своего класса распространеніемъ синдикатовъ, для смягченія вредныхъ послѣдствій отъ конкурренціи и перепроизводства, и это въ то время, когда соціалъ-демократы заявили о скоромъ паденіи капиталистическаго строя.

По теоріи историческаго матеріализма К. Маркса и марксистовъ, опредѣленное состояніе техники и формы производства обусловливаетъ опредѣленный порядокъ имущественныхъ и классовыхъ отношеній, опредѣленное политическое устройство и опредѣленныя общественныя формы сознанія; стало быть развитіе сознанія, общественное развитіе, борьба классовъ, всѣ общественныя измѣненія и политическіе перевороты основаны на экономическомъ базисѣ и составляютъ результатъ хозяйственной техники. Но другіе экономисты и историки утверждаютъ, что это ученіе въ цѣломъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ оно не въ состояніи объяснить даже главнѣйшихъ формъ общественнаго развитія отъ способовъ хозяйства, а тѣмъ болѣе объяснить историческія событія въ жизни народовъ, хотя бы крупнѣйшія, или же раскрыть причины детальныхъ соціальныхъ перемѣнъ, хотя, можетъ быть, и найдена связь между отдѣльными историческо-соціальными явленіями и измѣненіями экономическаго характера.

Очевидно, что здѣсь, какъ и въ осуществимости скораго переустройства общества, марксисты зашли очень далеко. Стало быть, между теоріей соціализма и осуществленіемъ его такое же, если не большее, разстояніе, какъ между теоріей Христа о любви къ ближнему и христіанской практикой. Слѣдовательно, для воспріятія соціалистическаго ученія необходима спеціальная вѣра въ то, что капиталистическій строй въ болѣе или менѣе близ-

комъ будущемъ исчезнетъ и неизбѣжно приведетъ къ идеальному строю, въ которомъ не будетъ мѣста ни печали, ни воздыханію. Разумѣется, блаженъ, кто вѣруетъ: безъ соціальной вѣры нельзя существовать человѣку соціальнаго типа.

Что касается насъ, націоналъ-демократовъ, то мы, прежде всего, считаемъ идеалъ марксистовъ, устроеніе матеріальнаго благополучія народовъ, одностороннимъ. Нашъ идеалъ—благополучіе націи, какъ матеріальное, такъ и духовное, предписываемое намъ чувствомъ любви къ родинѣ. Что касается капитализма въ теперешней его формѣ, то мы, конечно, считаемъ его большимъ зломъ, но не видимъ никакихъ симптомовъ для его разложенія и полагаемъ, что паденіе его будетъ совершаться вѣками, такъ же, какъ столѣтіями совершалось его зарожденіе и развитіе, и при томъ при постепенномъ накопленіи обусловливавшихъ его разнородныхъ причинъ (развитіе пролетаріата, промышленной техники, свободы промышленности, открытія новаго свѣта и др.) Полагаемъ, что и обобществленіе народнаго труда будетъ осуществляться постепенно, подъ вліяніемъ многихъ измѣненій, и при томъ въ различныхъ формахъ и въ разной степени у каждой націи въ отдѣльности.

Между прочимъ важную роль могутъ играть въ будущемъ среднія или переходныя формы кооперації между капиталистическими и рабочими, съ участіемъ рабочихъ или капиталистовъ въ прибыли.

Съ прочими пунктами демократическо-радикальной программы Маркса и Лассаля мы согласны, но также думаемъ, что на всѣ усваиваемыя второстепенныя формы жизни и учрежденія націонализмъ наложитъ свою печать, и каждая нація усвоитъ ту или другую форму по своему. Вотъ эти пункты: коренныя реформы въ защиту трудящихся классовъ; уменьшеніе рабочаго дня; широкое развитіе, при содѣйствіи государства, всякаго рода рабочихъ и крестьянскихъ ассоціацій, до заведенія рабочихъ фабрикъ и земледѣльческихъ артелей включительно; введеніе прогрессивнаго налога на имущество и наслѣдство; отмѣна вѣроисповѣдныхъ привилегій; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; отмѣна сословныхъ и экономическихъ привилегій (мы, конечно, понимаемъ, что полной гармоніи интересовъ различныхъ классовъ и общественныхъ единицъ быть не можетъ; поэтому противоположность и борьбу различныхъ соціальныхъ группъ надлежитъ лишь смягчить до возможной степени); равно-

правность мужчинъ и женщинъ; свобода печати, союзовъ и собраній.

Въ тоже время, въ отличіе отъ соціалистовъ, мы признаемъ необходимость государства и законовъ, и требуемъ широкаго права автономіи націямъ (федерація), простора развитію мѣстной жизни и народныхъ языковъ, развитію каждой народности на собственныхъ національныхъ началахъ, если онѣ оказываются жизнеспособными.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что наше сочувствіе не можетъ быть ни на сторонѣ землевладѣльца, ни на сторонѣ капиталиста, поскольку они являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями опредѣленныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ; ни на сторонѣ бюрократіи, по скольку она является представителемъ организаціи господства меньшинства надъ большинствомъ. Еще менѣе мы можемъ мириться съ такъ называемыми духовными пастырями народа, такъ какъ духовенство вноситъ въ общество не духъ примиренія, а духъ розни, нетерпимости, насилія надъ человѣческой совѣстью, а въ послѣднее время оно приняло у насъ роль сыщиковъ и доносителей въ средѣ своей паствы [1]). Но мы, конечно, должны предоставить отдѣльнымъ лицамъ право на участіе въ общемъ національно - демократическомъ дѣлѣ, если они по симпатіямъ къ своей народности и по воззрѣніямъ примкнутъ къ намъ. Что касается до соціалистовъ, хотя бы и государственниковъ и космополитовъ, то, въ виду высоко гуманныхъ задачъ ихъ, мы не можемъ относиться къ нимъ, какъ къ врагамъ, а лишь какъ къ друзьямъ человѣчества, но при условіи, если и наши задачи—служить интересамъ родины — будутъ ими также уважаемы, какъ преслѣдующія гуманныя цѣли, хотя имъ и кажется, что мы идемъ болѣе узкимъ путемъ.

Хотя наши симпатіи всецѣло лежатъ на сторонѣ крестьянскаго, земледѣльческаго сословія, какъ наиболѣе демократичнаго и болѣе другихъ слоевъ сохранившаго національныя черты,

---

[1]) Указомъ Св. Синода отъ 1902 г. священникамъ поставлено въ обязанность заниматься политическимъ сыскомъ между пасомыми, въ томъ числѣ и между крестьянами, для чего избраны изъ нихъ инквизиторы на каждый уѣздъ, которымъ приходскіе священники обязаны доносить о всѣхъ свободомыслящихъ, для производства предварительнаго дознанія съ передачей потомъ дѣла подлежащимъ свѣтскимъ властямъ. Дальше такой деморализаціи пастырей идти некуда.

но мы относимся и къ рабочему сословію вообще съ подобающимъ уваженіемъ и съ надеждой, что оно послужитъ лучшимъ проводникомъ національнаго сознанія въ народъ, если національ - демократы обратятъ на него надлежащее вниманіе.

Воля человѣческая, управляющая личными и общественными дѣйствіями людей, руководится, съ одной стороны, чувствами (по словамъ Паскаля, серце имѣетъ свои основанія, которыхъ не знаетъ разумъ), съ другой—представленіями и понятіями. Подъ вліяніемъ массы впечатлѣній, складывается у насъ неопредѣленное чувство патріотизма, но оно можетъ долго, а иногда и навсегда, находиться въ инертномъ состояніи. Великій польскій поэтъ сказалъ о чувствѣ патріотизма: „отечество, ты подобно здоровью,—лишь тотъ тебя сумѣетъ оцѣнить, кто потерялъ тебя". Но это чувство можно возжечь, воздѣйствуя на впечатлѣнія, преимущественно искусствомъ, въ особенности поэзіей, и сдѣлать вполнѣ сознательнымъ, если обосновать его соотвѣтственными познаніями и укрѣплять частыми повтореніями, такъ какъ, говоря словами одного ученаго, только найболѣе выдающееся, т. е. только то, что путемъ разнообразнаго, все усиливающагося повторенія, пріобрѣло найбольшее значеніе въ нашемъ сознаніи, только это побуждаетъ насъ къ дѣятельности. Имѣя такой прочный фундаментъ, наше ученіе будетъ сильнѣе самыхъ утопическихъ теорій, имѣющихъ цѣлью осчастливить разомъ все человѣчество, вогнавъ его въ однообразныя рамки.

Работа въ указанномъ направленіи нужна самая энергическая, такъ какъ національнизмъ извращенъ не только его врагами, но и многими его представителями, поэтому многіе считаютъ, что съ точки зрѣнія культуры онъ суживаетъ горизонтъ мысли и даже способствуетъ нравственному огрубѣнію. И такъ, нужно дружное усиліе для того, чтобы пробудить усыпленное патріотическое чувство и осмыслить его научными началами, очистивъ отъ наростовъ, привитыхъ ему смѣшеніемъ съ государственными и сословными идеалами и племенной враждой.

Мы должны здѣсь указать еще на благопріятный фактъ, на болѣе ясную и соотвѣтствующую требованіямъ жизни постановку русскими соціалъ-демократами соціальнаго вопроса. Въ недавно изданныхъ программахъ Искры и Жизни признается, что отмѣна капиталистическаго строя можетъ наступить не такъ скоро, какъ первоначально предполагалось, что соціальное развитіе должно совершаться въ каждой странѣ по своему и что въ Россіи соціальному переустройству общества должно предшествовать поли-

тическое переустройство. Даже національный вопросъ разрѣшается справедливо. Впрочемъ, уже на Брюннскомъ съѣздѣ австрійскихъ соціалъ-демократовъ разрабатывался этотъ вопросъ съ благопріятнымъ рѣшеніемъ для націоналистовъ. Въ проектѣ программы Искры внесенъ такой пунктъ: „признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства". Относительно политической формы: демократическая конституція съ правомъ всеобщей подачи голосовъ, т. е. республика. Латышскіе соціалъ-демократы въ Жизни (1902 г. № 4-й стр. 167) предлагаютъ вмѣсто словъ „самоопредѣленія націй" замѣнить „самоуправленіе территоріальное"; „тамъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ націй, право самоопредѣленія возможно было дать географическимъ округамъ, а не этнографическимъ единицамъ". Очевидно, здѣсь подразумѣвались евреи, которые въ Польско-Литовскомъ государствѣ, не имѣя территоріальной обособленности, тѣмъ не менѣе имѣли свой сеймъ, собиравшійся черезъ 3 года, изъ представителей кагаловъ. Въ программѣ Жизни первое требованіе такое: Народная союзно-областная (федеративная) республика; дѣленіе Россіи на области, согласно національнымъ и историческимъ особенностямъ земель, входящихъ въ составъ современной русской имперіи или съ нею соединенныхъ; предоставленіе полнаго самоуправленія каждой изъ областей въ ея внутреннихъ дѣлахъ; право области, въ случаѣ требованія ея жителей, выраженнаго всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ, на полное государственное отдѣленіе; равноправность всѣхъ языковъ". Тамъ же, въ статьѣ „Къ Армянскому вопросу" пояснено: „нужно создать для отдѣльныхъ національностей такія условія, чтобы онѣ имѣли возможность сохранить свою самобытность и жить культурной жизнью. Всеобщая россійская конституція съ центральнымъ парламентомъ, который неизбѣжно попадетъ въ руки консервативныхъ и буржуазныхъ партій, не только не уничтожитъ экономическаго гнета, но и не дастъ одинаковой культурной свободы всѣмъ національностямъ Россіи, а культурная свобода является первымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія рабочаго вопроса; примѣромъ могутъ служить всѣ конституціонныя государства Европы, особенно Австрія и Германія, гдѣ парламенты различными исключительными законами притѣсняютъ мелкіе народы не меньше, чѣмъ въ теперешней Россіи" (стр. 29).

Если соціалъ-демократическая партія начала разрѣшать національный вопросъ въ смыслѣ полной автономіи каждой отдѣль-

ной націи (чего раньше не было замѣтно, а напротивъ обнаруживалась явная нетерпимость къ требованіямъ націоналистовъ), то мы, націоналъ-демократы, конечно, должны привѣтствовать ихъ поворотъ въ этомъ направленіи.

Идеаломъ русскихъ соціалъ-демократовъ въ политическомъ отношеніи служитъ республика. Въ теоретическомъ смыслѣ мы ничего не имѣемъ противъ такой политической формы жизни, но въ смыслѣ практическомъ, т. е. со стороны осуществимости, считали бы прогрессивной формой и ограниченную монархію, но ни въ какомъ случаѣ не самодержавно-бюрократическій строй. При послѣднемъ не могутъ осуществиться ни культурная свобода народовъ, о которой сказано выше, ни коренныя экономическія реформы въ интересахъ низшихъ классовъ, а „народное благо“ будетъ оставаться лишь на бумагѣ, ни широкое распространеніе демократическо-экономическихъ идей, ни сознаніе необходимости служенія интересамъ массъ. Примѣръ Запада показалъ, что и при улучшенныхъ политическихъ формахъ, при конституціонной монархіи и даже при равноправной республикѣ, возможно принятіе односторонникъ мѣръ въ пользу однихъ сословій и въ ущербъ другимъ и, слѣдовательно, для усиленія разстройства мелкаго хозяйства и даже обезземеленія крестьянскаго населенія.

Не можемъ закончить нашихъ замѣчаній, не указавши на фальшивую постановку, которая даетъ себя знать въ аграрной программѣ Искры. Этотъ органъ соціалъ-демократовъ, съ одной стороны, желаетъ увеличенія благосостоянія крестьянъ на счетъ дополнительнаго надѣла крестьянъ владѣльческой землей, на счетъ удѣльныхъ и казенныхъ земель и на счетъ возвращенія плательщикамъ выкупныхъ платежей, съ другой—проектируетъ отмѣну общиннаго землевладѣнія и свободное обращеніе въ продажу земельныхъ надѣловъ! Это все для того, чтобы способствовать развитію земельнаго неравенства между крестьянами и развитію пролетаріата, который нуженъ для полнаго расцвѣта капитализма, безъ чего невозможно водвореніе соціализма! Здѣсь люди приносятся въ жертву послѣдовательной, но не гуманной теоріи. Какъ будто соціалъ-демократы не знаютъ того, что у насъ капитализмъ въ значительной мѣрѣ насаждается искусственно (правительственной поддержкой, широкимъ государственнымъ кредитомъ, казенными заказами, вывозной преміей и т. п.) и что даже въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ пролетаріата накопилось достаточно, наприм. въ центрально-черноземномъ районѣ или въ

Полтавской губ. (20% безземельныхъ крестьянъ), капиталистическій строй промышленности не развивается, а населеніе или вымираетъ, или стремится переселяться на свободныя земли.

Литература по вопросу о національномъ.

Считаю нужнымъ для лицъ, которыя задумаютъ заняться этимъ предметомъ, указать хотя часть литературы по данному вопросу. Я, какъ составитель программы, счелъ возможнымъ лишь комбинировать и привесть къ единству положенія и мысли разныхъ авторовъ, писавшихъ на указанную и сродныя съ ними темы.

Основанія соціологіи Гиддинеса, перев. Лучицкаго К. 1898 г.

Основы соціологіи Гумпловича, пер. Гессена. Спб. 1899 г.

Философія исторіи какъ соціологія Барта, пер. Моделя Спб. 1902. 9-е приложеніе къ ж. Самообразованіе.

Общій ходъ всемірной исторіи Карѣева. Спб. 1903. Приложеніе къ Вѣстнику Самообразованія.

Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ. А. Градовскаго Спб. 1873 г.

Національный вопросъ въ Россіи В. Соловьева. Изд. 3-е.

Россія и Европа Данилевскаго. 3-е изд. Спб. 1888.

Исторія русской литературы Пыпина Спб. 1898 г. Изложеніе теоріи культурнаго типа Данилевскаго, Страхова, и Соловьева.

Что такое нація, Ренана, русскій перев. Спб. 1888.

Вопросы психологіи и философіи 1901 г. кн. 4-я. Ст. Борисова. Въ чемъ же истина націонализма.

Основы народничества Юзова (Каблица) 2 кн.

Рус. Мысль 1885 г. №№ 3—4 Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX вѣка. С. Южакова.

Рус. Мысль 1880 г. №№ 1—3 Основы ученія славянофиловъ. Миллера.

Вѣст. Европы 1895 г. № 9 Потебни. Языкъ и народность.

Слово 1878 г. № 3 Кулаковскаго. Наука о языкѣ и ея отношенія къ антропологіи и соціологіи.

Макса Миллера — Языкъ и мысль.

Потебни — Мысль и языкъ.

Новое Дѣло 1903 г. № 3. О народности. К. Румынскаго.

Аграрный вопросъ Гертца, 2 изданія.

Индивидуализмъ и субъективизмъ Н. Бердяева.

Эрфуртская программа соціализма К. Маркса и Лассаля.

Опытъ программы русской соціалъ-демократической партіи Искры и Жизни 1902 г.

Лацаріусъ и Штейнталь. Психологія народовъ.

Рус. Мысль 1903 г. № 1 Историческій матеріализмъ Климентова.

Жизнь 1900 г. № 12. Неокантеніанское теченіе въ марксизмѣ. Лозинскаго.

Рус. Мысль 1900 г. № 12. Всемірный языкъ и народные языки Лесевича.

L' Evolution du droit et la conscience sociale, par Tanon. Paris 1901.

Лампрехтъ. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berl. 1896.

John Haykraft. Naturliche Auslese und Rassenverbesserung. 1895.

Dr. Alfred Plontz Die Tuchtigkeit unserer Rasse und der Schütz der Schwachen 1895.

Pelman. Bonn Rassenverbesserung und natürliche Auslese; Centralblatt für allgem. Gesundheitspflege.

Максъ Веберъ. Die Nationalität und die Volkswirtschaftspolitick. Freiburg. 1895.

ГЛАВА 2-я.

„Что-бы тамъ ни говорили космополиты, народы имѣютъ свои типичныя особенности, свои историческіе пути и свои неприкосновенныя права, и каждая отдѣльная личность тысячами невидимыхъ путей и властныхъ безсознательныхъ инстинктовъ связана со своей націей, какъ ничтожная частица великаго цѣлаго, какъ живой продуктъ тысячелѣтней борьбы милліоновъ единокровныхъ предковъ въ прошломъ и какъ носитель какого-то заповѣднаго тягла по отношенію къ поколѣніямъ будущаго. И раздѣленіе человѣчества на расы и націи, и борьба между ними, и союзничество единокровныхъ, и рожденная изъ пролитой крови нравственная связь личности съ націей—все это совершенно объективные факты, существованіе которыхъ не можетъ игнорировать никакая теорія, никакая живая мораль, не опирающаяся на абсолютный догматъ. Національнизмъ есть реальный историческій законъ общественной и нравственной жизни народовъ.

И. Гофштеттеръ.

Каждая народность представляетъ одну или нѣсколько главныхъ чертъ, а затѣмъ уже и второстепенныя, опредѣляющія ея культурный типъ. Но раскрыть эти основныя черты довольно трудно, въ особенности если народность продолжаетъ еще существовать и развиваться. Да и наука, занимающаяся этимъ дѣломъ, новая, неустановившая окончательно своихъ пріемовъ. Вотъ почему, если о народахъ, закончившихъ свое существованіе и оставившихъ достаточно матеріала, установились опредѣленныя мнѣнія на счетъ ихъ основныхъ свойствъ и типическихъ чертъ (наприм.—въ заслугу евреямъ ставятъ то, что они выработали монотеизмъ, римлянамъ разработку права, грекамъ развитіе философіи и искусства и общественнаго начала), то сужденія о каждомъ изъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ народовъ въ отдѣльности не такъ уже рѣшительны, хотя всѣмъ имъ вмѣстѣ приписываются слѣдующія внесенныя ими начала: свободное развитіе личности и общественная самодѣятельность, научное знаніе и техника, промышленность, богатство и капиталъ. На счетъ же славянъ, и въ частности русскихъ, мнѣнія значительно расходятся. Западно-европейскій ученый Гобино говоритъ, напримѣръ, что „славяне, поселившіеся въ восточной Европѣ, образуютъ стоячее болото, въ которомъ тонутъ болѣе развитые народы. Славяне изъ всѣхъ существующихъ народовъ представляютъ собою самое старое, истрепанное, смѣшанное, а значитъ и выродившееся племя. Только пришедшіе съ сѣ-

вера германцы внесли въ ихъ среду нѣкоторый порядокъ". Это сужденіе, конечно, нѣсколько одностороннее (хотя бы уже и потому, что нынѣ скрещиванію породъ приписываютъ оживляющее значеніе) похоже на то, какъ одинъ соціологъ (фонъ-Лиліенфельдъ) выводилъ русское самодержавіе изъ характера великорусскаго народа вмѣсто того, чтобы приписать его вліянію монгольскаго ига.

Впрочемъ, и сами русскіе соціологи не нашли еще своихъ основъ и только дѣлаютъ попытки къ ихъ раскрытію. Но все же довольно часто высказывается мнѣніе, что русскому міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни, служеніе добру, благу. Еще менѣе можно поставить въ вину малороссамъ то, что они не раскрыли основъ своей жизни, обнаруживающихся въ народномъ бытѣ и исторіи. Представляя изъ себя паріевъ, съ одной стороны утратившихъ связь съ собственнымъ народомъ, съ другой стороны не слившихся всецѣло съ господствующимъ племенемъ, наши интеллигенты какъ-бы потеряли способность къ самоопредѣленію. Но, можетъ быть, намъ самъ народъ поможетъ въ этомъ самоопредѣленіи: нужно порыться въ его прошломъ и настоящемъ. Вѣроятно, наша основная черта и есть *демократизмъ*; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ народъ въ замѣчательной по краткости и выразительности пословицѣ: „у ляхивъ *паны*, у москаливъ *ребята*, а у насъ *браты*".

Будемъ же разумнѣе, систематически, изучать свою землю и свой народъ, чтобы разрѣшить вопросъ: нація ли мы, т. е. обладаемъ ли мы особенными антропологическими, психическими соціальными и проч. свойствами, подъ вліяніемъ какихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій складывались эти свойства и чьи руки помѣшали ихъ естественному самостоятельному развитію...

Настоящая 2-я часть программы указываетъ эти соціально-психологическіе и внѣшніе факторы, характеризующіе нашу жизнь или вліяющіе на нее, которые подлежатъ изученію. Разумѣется, мы можемъ представить здѣсь лишь простой перечень этихъ сторонъ, съ нѣкоторыми поясняющими вопросами и замѣчаніями. Кто будетъ разработывать каждую отдѣльную сторону, тотъ будетъ въ состояніи составить болѣе обстоятельную программу и указать необходимые источники. Какъ извѣстно, нѣкоторыя части предмета уже достаточно разработаны, напримѣръ, очерки по исторіи украинскаго народа, по исторіи литературы,

такъ что ихъ легко приспособить для нашей цѣли, другія же представляютъ лишь обработанный матеріалъ или даже кучу сырого матеріала, надъ которымъ нужно не мало потрудиться. Но при живой любви и умѣньи нельзя отказываться отъ полезнаго для родины дѣла.

Антропогеографическій очеркъ. Характеръ территоріи, занимаемой малорусскимъ народомъ (открытыя границы и ихъ значеніе въ политическомъ отношеніи и вліяніе на національную неустойчивость). Поверхность территоріи въ отдѣльныхъ частяхъ или районахъ: степной, лѣсной, болотной и нагорной. Почвенныя и климатическія особенности и ихъ вліяніе на характеръ населенія и производительность страны.

Количество малорусскаго населенія и инородной примѣси въ нашемъ краѣ. Рождаемость, смертность и естественный приростъ населенія. Увеличивается или уменьшается приростъ и отчего? Отличіе въ этомъ отношеніи отъ сосѣдей и причина различія (можетъ быть, отъ разницы въ размѣрѣ надѣльной и пр. земли)? Преобладаніе въ составѣ семей числа мужчинъ надъ женщинами, въ противоположность съ великорусскимъ населеніемъ. Дѣйствительный приростъ населенія и вообще плотность и уплотненіе населенія. Антропологическія особенности населенія. Процентъ примѣси инородческаго элемента въ расѣ для опредѣленія чистоты типа: процентъ круглоголовыхъ, брюнетовъ и пр. [1]). Нормальное ли развитіе желудка и живота (въ противоположность съ болѣзненнымъ расширеніемъ живота у сосѣдей (великороссовъ и бѣлоруссовъ), питающихся хлѣбомъ съ отрубями или картофелемъ („картофельные животы“ у нѣмцевъ). Правильное ли развитіе таліи у женщинъ (противоположность съ великорусскими крестьянскими женщинами, у которыхъ обнаруживается отсутствіе таліи, а для прикрытія этого недостатка служитъ сарафанъ). Средній ростъ населенія; не замѣчается ли уменьшенія въ числѣ способныхъ къ отбыванію воинской повинности? Вырожденіе.

---

1) Хотя въ составъ малорусскаго народа вошла нѣкоторая часть инородческаго начала въ лицѣ плѣнныхъ и поселенныхъ внутри страны торковъ, берендѣевъ, черкесъ и проч., но примѣсь эта незначительна по сравненію съ количествомъ финскаго, чудскаго и тюркскаго элемента въ великорусскомъ народѣ, такъ какъ вся страна сѣвернѣе Москвы заселена была финнами: самое слово Москва—угорское (грязная вода). См. изслѣдованія Д. Европеуса въ журн. Мин. Нар. Просв. съ 1868 г. кн. 7-я о народахъ въ средней и сѣверной Россіи до славянъ и въ трудахъ казанскаго археологическаго съѣзда.

Темпераментъ малорусскаго народа: отношеніе впечатлительности нервовъ къ ихъ реакціи—какъ эти отношенія выражаются въ разныхъ функціяхъ жизни и въ разныхъ сферахъ дѣятельности. Національный характеръ и вообще племенная психологія.

Очеркъ этнографическихъ особенностей народа, въ особенности типическія черты, какими онъ изображается въ памятникахъ народной словесности. Этнографическія границы малорусскихъ и сосѣднихъ племенъ. Легко ли смѣшиваются сосѣднія племена и что этому препятствуетъ: не болѣзненныя ли физіологическія уклоненія? Извѣстно, что малороссіяне не женятся на великороссіянкахъ даже смежныхъ селъ, считая ихъ „кислыми", какъ они выражаются. Вѣроятно, это обусловливается развитіемъ животовъ и частыми болѣзнями искривленіи матки.

Денаціонализація, ея размѣры и причины. Образованіе средняго языка (образцы новообразованій: саратовскаго, воронежскаго и др. говоровъ).

Особенности племенныя, выраженныя въ правовыхъ понятіяхъ и обычаяхъ народа. Очеркъ юридическихъ обычаевъ. Пагубное вліяніе земскихъ начальниковъ на извращеніе правовыхъ обычаевъ и понятій у народа. Общественные нравы: отношенія къ личности, къ собственности.

Религіозныя особенности народа. Сектантство. Народная нравственность; порча ея и причины. Нравственные идеалы по сравненію съ великороссами и поляками. „Стыденье передъ снохами" у малороссовъ еще со временъ лѣтописца Нестора и современное снохачество и деверство (сожительство свекровъ съ женами сыновей и деверей) у великорусскихъ крестьянъ, какъ остатокъ древней поліандріи (многомужества) у нѣкоторыхъ сѣверо-русскихъ племенъ.

Малорусскій языкъ. Мнѣнія о его самостоятельности и древности на ряду съ великорусскимъ. Воззрѣніе противниковъ. Нарѣчія малорусскаго языка и главныя ихъ особенности. Очеркъ исторіи языка. Старинный литературный и юридическій языкъ. На сколько имъ возможно воспользоваться для пополненія новаго. Необходимость систематическаго изданія памятниковъ на этомъ языкѣ. Необходимость выработки правильнаго украинскаго литературнаго и научнаго языка, а не такого безобразнаго, какимъ часто говорятъ и пишутъ наши патріоты; для этого нужно основательное знакомство съ нашими лучшими авторами, въ особенности съ Кулишомъ, научный языкъ котораго образцовый.

Очеркъ исторіи древней и новой литературы.

Развитіе народнаго театра и драматической литературы. Ея достоинства и недостатки. Отсутствіе или скудость драматическихъ произведеній изъ быта интеллигенціи, хотя бы галицкой, и изъ прошлаго; недостатокъ переводной литературы).

Взглядъ на исторію малорусскаго народа, главнымъ образомъ, бытовую и культурную; на сколько въ ней проявляются основныя національныя черты.

Проявленіе національныхъ особенностей въ искусствахъ: музыкѣ, пѣніи, живописи, архитектурѣ и въ кустарныхъ издѣліяхъ.

Экономическая жизнь территоріи, земледѣльческая и промышленная; ея особенности. Причины, обусловливающія характеръ хозяйства и промысловъ. Развивается или падаетъ хозяйство и промышленность.

Въ виду важности этой стороны жизни, помѣщаемъ подробную экономическую программу.

Общее количество земли по губерніямъ. Распредѣленіе земельной собственности по сословіямъ и по угодьямъ и количество паровой земли. Населеніе вообще и населеніе земледѣльческое. Преобладаніе сельскаго населенія надъ городскимъ и въ какой мѣрѣ послѣднее усиливается и отчего. Количество удобной земли на 1 человѣка населенія вообще и земледѣльческаго въ частности. Число хозяйствъ или дворовъ. Величина отдѣльныхъ хозяйствъ. Число крестьянъ безземельныхъ и обезпеченныхъ землей и въ какой мѣръ; хозяйства съ 1, 2, 3-мя и т. д. земельными надѣлами и размѣръ надѣловъ. Хозяйственный составъ семей: съ 1, 2, 3 и т. д. рабочими и по количеству живого инвентаря.

Распредѣленіе губерніи на хозяйственные районы и ихъ характеристика.

Состояніе земледѣлія и сельско хозяйственной промышленности у крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ. Сборы хлѣбовъ и картофеля вообще и съ 1 десятины и за вычетомъ сѣмянъ. Колебанія урожаевъ по годамъ. Сколько приходится чистаго сбора на 1 человѣка населенія вообще и земледѣльческаго въ частности. Сопоставленіе этихъ данныхъ съ средней физіологической нормой пищи, необходимой для человѣка. Состояніе скотоводства и кормовыхъ средствъ. Постепенное уменьшеніе числа скота. Преобладаніе рогатаго скота надъ лошадьми въ качествѣ рабочей силы. Нерабочій скотъ и его значеніе въ хозяйствѣ. Не производится ли усиленный сбытъ скота и вывозъ заграницу въ неурожайные года? Нормальный бюджетъ крестьянской семьи

средней, богатой и бѣдной. Въ чемъ замѣчается улучшеніе и въ чемъ упадокъ въ земледѣліи и скотоводствѣ, въ отношеніи системы хозяйства, развитія культуры и техники, состава почвы (истощеніе почвы и распространеніе удобреній). Не замѣчается ли относительнаго уменьшенія числа скота рабочаго и нерабочаго? Почему происходитъ замѣна воловъ лошадьми? Упадокъ мериносоваго овцеводства, пчеловодства и пр. и въ какихъ размѣрахъ.

Размѣръ задолженности владѣльческихъ земель и какой процентъ составляютъ платежи по отношенію къ чистой доходности имѣній. Открытый дворянамъ кредитъ даетъ ли необходимыя средства для дальнѣйшаго развитія или только для поддержанія хозяйства въ теперешнемъ состояніи? Служитъ ли дворянское хозяйство образцомъ для улучшенія крестьянскаго хозяйства и въ какой мѣрѣ?

Степень обезземеленія и обѣднѣнія крестьянскаго населенія со времени освобожденія крестьянъ. Не происходитъ ли уменьшенія средней крестьянской семьи? Не замѣчается ли уменьшеніе производительныхъ силъ, опредѣляемое производствомъ хлѣба по отношенію къ населенію (при дѣленіи на наличную душу земледѣльческаго населенія)? Не уменьшается ли количество потребительныхъ продуктовъ и вина на семью или на человѣка? Размѣръ крестьянской задолженности. Не увеличиваются ли крестьянскія недоимки несоотвѣтственно приросту населенія? Не замѣчается ли экономическое разслоеніе сельскаго населенія—на кулаковъ и маломощныхъ? Вліяніе урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ на число браковъ, рожденій и смертей.

Не происходитъ ли у частныхъ землевладѣльцевъ перехода въ формѣ хозяйства — отъ веденія хозяйства за свой счетъ къ сдачѣ земли въ аренду, на какихъ условіяхъ, и чѣмъ это обусловливается? Существуетъ ли половничество и раздача земли за отработки и на какихъ условіяхъ и какъ эти условія измѣняются: къ лучшему ли для крестьянъ? Степень повышенія съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю (причины) и соотвѣтствуетъ ли это повышеніе приросту населенія и поднятію производительности земли. Движеніе земельной собственности и въ какомъ направленіи (по статистическимъ даннымъ). Размѣръ земельныхъ закупокъ для крестьянъ при посредствѣ банковаго кредита (Крестьянскій Банкъ) и на сколько этимъ облегчается положеніе населенія.

Сравнительный размѣръ земледѣльческой и заводской промышленности (въ общихъ итогахъ). Причина незначительнаго

развитія фабричной и заводской промышленности. Размѣръ и направленіе сбыта мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ и заводскихъ продуктовъ. Ввозъ, и откуда, предметовъ промышленности разнаго рода. Въ чемъ заключается противоположность экономическихъ интересовъ Юга и Сѣвера? Существуетъ ли только экономическая зависимость сѣвера и юга, или же экономическое порабощеніе юга сѣверомъ[1]) и въ чемъ оно проявляется? Не очень ли высока провозная цѣна хлѣба и скота по желѣзнымъ путямъ? Значеніе украинскихъ ярмарокъ городскихъ и сельскихъ для внутренней торговли.

Размѣръ заработка рабочаго и повышается ли заработная плата въ сельско-хозяйственной и заводской промышленности? Сельскіе кустарные промыслы и развиваются ли они или падаютъ и почему? Отходъ крестьянъ дальній и ближній на заработки и не обращается ли онъ въ экономическія скитанія? Направленіе отхода и измѣненія въ направленіи и въ размѣрѣ за разные періоды. Переселеніе крестьянъ въ окраины и за океанъ, куда именно и въ какомъ размѣрѣ. Жизнь матеріальная и духовная на новыхъ мѣстахъ. Остатки и новыя проявленія артельнаго начала въ народѣ. Вліяніе общиннаго землевладѣнія или его отсутствія на распредѣленіе земли и на хозяйственный бытъ населенія. Взглядъ народа на общинное землевладѣніе, на его преимущества и недостатки; стремленіе крестьянъ къ нему. Подворное владѣніе. Какія хорошія стороны въ немъ? Способствуетъ ли оно развитію земледѣльческой культуры? При подворномъ землевладѣніи существуютъ ли обязательные сѣвообороты и паръ? При разграниченіи полей и угодій замѣтно ли улучшеніе хозяйства? Чѣмъ парализуется самый мощный факторъ хозяйственнаго прогресса—творческая сила самого народа?

Сословныя отношенія и характеръ ихъ. Взглядъ народа на пана, купца, заводчика, горожанина, солдата, священника. Образованіе дворянскаго пролетаріата, вслѣдствіе перехода земли къ разночинцамъ и крестьянамъ и отношеніе народа къ этимъ фактамъ. Выраженіе мести народной землевладѣльцамъ въ формѣ поджоговъ и пр. Народные идеалы относительно будущаго распредѣленія земельныхъ благъ. Взглядъ народа на заводскую промышленность; денаціонализація и деморализація народа подъ

---

[1]) Если продукты производства юга вывозятся для переработки на сѣверъ и въ переработанномъ видѣ возвращаются для потребленія на югъ, то это будетъ порабощеніе.

вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ формъ жизни. Народныя пословицы, характеризующія взгляды народа на разныя сословія. Понятіе народа о теперешнемъ соціальномъ строѣ и неправдѣ въ немъ. Народные разсказы, легенды, пѣсни, характеризующіе соціальный взглядъ народа.

Междуплеменныя отношенія. Взгляды народа на москалей, поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ и пр. Хорошимъ матеріаломъ могутъ служить пословицы; наприм.—пословицы о москаляхъ: Москва на слезы не вдаря; московське пануваньня — що ката жартуваньня; зъ москалемъ знайся, а каминь за пазухою держы; видъ москаля, полы врижъ, та втикай; или загадка о москалѣ: „пидъ лыкомъ (липой) спыть, лыкомъ (рогожей) вкрывается, у лыкахъ (лаптяхъ) ходыть та й у лыкахъ усихъ водыть (т. е. держитъ въ нищетѣ). Предпочтительная любовь малоросса къ своей землѣ. Страданія интеллигенціи и народа тоской по родинѣ. Случаи, подтверждающіе это. (Наприм. профессоръ московскаго университета М. А. Максимовичъ въ 1833 г. почувствовалъ томительную тоску по родинѣ; учрежденіе университета въ Кіевѣ повлекло его туда неодолимою силою. Біограф. словарь профес. москов. универс. ч. 2, 1855 г. стр. 10. Малороссійскіе крестьяне переселенцы въ Енисейской губ., какъ сообщалось въ мѣстныхъ губ. Вѣдомостяхъ, вымираютъ главнымъ образомъ отъ тоски по родинѣ.)

Отношенія къ власти и международныя. Разрывъ нашего народа между тремя державами. Безправіе русиновъ въ Венгріи, господство румыновъ въ Буковинѣ, поляковъ въ Галиціи. Положеніе украинцевъ въ Россіи. Мертвящая централизація, способствующая матеріальному и духовному оскудѣнію нашего народа. Эксплоатація въ разныхъ отношеніяхъ окраинъ государствомъ. При этомъ патріархальные взгляды народа на верховную власть и окружающихъ чиновниковъ (царь-батько, равно любящій всѣхъ своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и крестьянъ, да только незнающій положенія и нуждъ мужика, потому что чиновники и министры, какъ и паны, его обманываютъ). Беззаконіе и безправіе въ разныхъ сферахъ. Господство „усмотрѣнія начальства“ на ряду съ закономъ и временными правилами. Естественныя послѣдствія этого; приниженность передъ властью и передъ сильными, общественная невоспитанность, рознь; дробленіе на кружки, отсутствіе политическаго такта и проч.

Общая характеристика малорусскаго племени по сравненію съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ.

Необходима сводка мнѣній разныхъ ученныхъ по этому предмету. Необходима провѣрка отзыва Историч. Вѣстника о трудѣ, кажется, извѣстнаго географа кн. П. Крапоткина. Въ Quarterly Rewiew помѣщена замѣчательная статья „Племена европейской Россіи", переведенная и въ Revue Britannique. Это серьезный этюдъ о національностяхъ, населяющихъ наше отечество; чистый русскій типъ авторъ видитъ скорѣе въ малороссіянинѣ, чѣмъ въ великороссѣ, котораго, по его мнѣнію, „стоитъ поскоблить, чтобы найти въ немъ финна." (Истор. Вѣст. 1883 г. кн. 11). Также слѣдуетъ попользоваться Всеобщей географіей Реклю, гдѣ отдѣлъ о Россіи принадлежитъ кн. Крапоткину.

Для сравненія малорусскаго и великорусскаго племени въ прошломъ цѣнный матеріалъ заключается въ путешествіи Павла Алеппскаго.

ГЛАВА 3-я.

Историческій очеркъ національно-культурнаго движенія въ Украинѣ и Галиціи. Узость соціально-политическихъ воззрѣній у первоначальныхъ нашихъ патріотовъ, которые были проникнуты шляхетско-козацкими тенденціями. Смѣна ихъ патріотами государственниками и крѣпостниками, въ родѣ Квитки-Основьяненка, Н. В. Гоголя, Бѣлецкаго-Носенка (послѣдній съ гордостью выразился, что „помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ,) и мн. др. Постепенное проникновеніе либеральныхъ и гуманныхъ идей. Народничество Сковороды [1]) и Котляревскаго, національно-демократическое сознаніе у членовъ „Возсоедененнаго общества Славянъ." Ученые народолюбцы: Максимовичъ и харьковцы—Срезневскій, Метлинскій, Данилевскій и др. Программа и взгляды Кирилло-Мефодіевскаго братства. Національно-демократическія воз-

---

[1]) Въ ту эпоху, когда козацкая старшина для полученія дворянскаго достоинства отрекалась отъ народа и отъ его языка и должна была доказывать, показаніями десяти человѣкъ сосѣдей, что она ничего общаго съ народомъ не имѣетъ, т. е. ведетъ благородный образъ жизни, Сковорода въ своихъ сочиненіяхъ высказывалъ такія истины. „Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная; какъ изъ утробы чернаго народа выложились бѣлые господа? или мудрствуютъ: простой народъ спитъ. Пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, но всякъ сонъ есть пробудный и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее."

зрѣнія и задачи Шашкевича и К°. Основьянцы: Костомаровъ, Кулишъ (талантливый психопатъ, мѣнявшій свои воззрѣнія подъ вліяніемъ разнородныхъ впечатлѣній), и другъ. Моя исповѣдь В. Б. Антоновича. Основа 1862 г. № 1. стр. 83. Молодые народники, прослывшіе подъ именемъ хлопомановъ и хохломановъ, подписавшіе въ числѣ 21 человѣка „Отзывъ изъ Кіева“ (Современная Лѣтопись 1862 г. за ноябрь). Новое теченіе въ украинствѣ съ 70-хъ годовъ, выразившееся въ Кіевскомъ Телеграфѣ, когда онъ находился подъ редакціей десяти. Драгомановъ и Франко, современные Кіевляне и Галичане. Національно-демократическая публицистика, ея дѣятели и основныя воззрѣнія.

Противники разныхъ лагерей и ихъ исходныя точки зрѣнія. Полемика съ москвофилами, государственниками, космополитами и радикальными народниками; наприм. съ Алексѣевымъ Петрика, Н. В. Ковалевскаго, Полемика съ Флоринскимъ. Неудачное предсказаніе эмигранта Кельсіева о невозможности водворенія въ Галиціи украинскаго языка (Галичина и Молдавія. Путевыя письма. 1867 г. стр. 2, 15, 70—75, 81—84, 93—95, 150, 169, 181).

Полицейское отношеніе къ нашимъ проявленіямъ духовной жизни: исторія гоненій и мѣропріятій; въ особенности беззаконный секретный указъ 1876 года противъ украинскаго языка и литературы (По толкованіямъ Сената, Высочайшее, повелѣніе чтобы имѣть силу закона, должно быть обнародавано). Естественное послѣдствіе этого указа: перенесеніе пропагандаторской дѣятельности за границу и развитіе болѣе и болѣе крайнихъ направленій.

Успѣхи національно-демократическаго движенія на болѣе удобной къ тому почвѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Національно-общественныя учрежденія: политическія (Организація національно демократической партіи въ Галиціи), ученыя (Руське товарыство историчне въ Черновцяхъ и имени Шевченка въ Львови), просвѣтительныя (Выдавныча Спилка, товарыство Просвита), вообще патріотическія общества и товарищества; ихъ уставы и дѣятельность.

Національный характеръ просвѣщенія, науки и періодической печати: въ чемъ онъ проявляется.

Историческій очеркъ партій соціально-политическихъ; ихъ программы (по возможности, въ подлинникѣ). Достоинства и недостатки ихъ программъ; способъ осуществленія. Не вредно-ли для общественнаго развитія дробленіе на партіи (пословица: де два Вкраиньци, тамъ тры думы), не ослабляетъ ли оно силъ

патріотовъ? Вредъ отъ отступниковъ (москофиловъ); чѣмъ они держатся и что проповѣдуютъ; выдающіеся подвиги ихъ партіи. Національное пробужденіе русиновъ въ Америкѣ, отношеніе партій и обществъ и литература. Статуты обществъ. Не была-ли бы полезна эмиграція украинской интеллигентной молодежи въ Америку для воспитанія себя на американскій ладъ и для развитія и направленія тамошней литературы?

Относительно нашихъ желаній отъ нашихъ закордонныхъ братій, Галичанъ, мы можемъ высказаться вообще: въ виду различнаго положенія дѣлъ и различія политическихъ и соціальныхъ правъ у нихъ и у насъ, мы рѣшеніе вопроса, какъ быть имъ дальше, должны предоставить имъ самимъ, съ тѣмъ, чтобы они рѣшали свои вопросы безъ насъ, такъ, какъ бы и совсѣмъ не было насъ, т. е. Украйны, полагаясь на собственныя силы и средства и вѣдаясь только со своими врагами; мы же можемъ рѣшать только за себя, да оказывать содѣйствіе лишь дѣлу развитія общей литературы и науки. Въ интересахъ послѣдняго, мы указываемъ на опасность раздвоенія литературныхъ языковъ у нихъ и у насъ, на необходимость, чтобы избѣжать образованія искусственнаго церковно-славянско,-польско-галицкаго нарѣчія, для многихъ невыносимаго по своей дѣланности, положить въ основу литературнаго языка одно только нарѣчіе кіевско-полтавское (языкъ Котляревскаго, Кулиша, Шевченка), а прочими нарѣчіями пользоваться лишь для пополненія лексической стороны (какъ и шло развитіе литературнаго языка у прочихъ славянъ). Какъ этого достигнуть? Прежде всего, изданіемъ учебниковъ исключительно на избранномъ нарѣчіи, потомъ—употребленіемъ научныхъ терминовъ общихъ съ россійскимъ языкомъ, а не вновь заимствуемыхъ изъ языковъ польскаго и латинскаго. Просимъ нашихъ братій помнить, что мы учимся на россійскомъ языкѣ, а потому каждое слово послѣдняго намъ доступнѣе, чѣмъ всякое дѣланное слово галицкаго языка, котораго мы изучать не можемъ, зная только свое простонародное кіевско-полтавское нарѣчіе.

Для тѣхъ, кто интересуется дѣломъ распространенія національно-демократическихъ идей у насъ, въ Украйнѣ, прежде всего необходимо точное констатированіе причинъ слабаго развитія здѣсь національнаго самосознанія и самодѣятельности: почему это происходитъ? Почему наши патріоты винятъ въ несчастьяхъ родины прежде всего не себя, а всѣ другія народности, съ которыми соприкасался нашъ народъ; не похоже ли это на то са-

мое, какъ крестьянскіе мальчики обвиняютъ евреевъ за то, что они (т. е. ихъ предки) „Христа мучили?“ Почему многіе дѣятели забываютъ изреченіе, что „всякій идеалъ требуетъ, для его осуществленія, если не героизма, то, по крайней мѣрѣ, работы.“ Почему многіе въ зрѣломъ возрастѣ отрекаюгся отъ „увлеченій молодости“; не вслѣдствіе ли малой обоснованности и прочности своихъ воззрѣній? [1]) Нормальное ли это явленіе, когда рѣшителями судебъ родины и даже основателями новыхъ направленій являются юноши безъ житейскаго опыта, безъ достаточной подготовки, безъ надлежащихъ знаній, съ естественной для юношей склонностью строить воздушные замки, въ которыхъ имъ жить не придется, и съ запамятованіемъ пословицы: згода будуе, незгода руйнуе; не есть ли это вина людей болѣе зрѣлаго возраста, которые должны были бы вести юношество за собой?

Прежде всего тутъ виною историческія причины. Кратко и ясно это выражено словами нашего юнаго публициста: „малорусскій народъ представляетъ собою національность, почти лишенную высшихъ и среднихъ классовъ населенія; исключеніе представляетъ малорусская часть Галиціи, но и тамъ земельная аристократія и крупная буржуазія—не малорусская. Дважды на протяженіи исторіи высшіе слои малорусскаго народа бросали его на произволъ судьбы и пополняли собою густые ряды родственныхъ, болѣе сильныхъ вліяніемъ или культурою, сосѣднихъ національностей. Въ 16 и 17 вѣкахъ почти всѣ дворянскіе малорусскіе роды ополячились, положивъ начало многочисленнымъ польскимъ фамиліямъ; въ концѣ 18 вѣка вчерашняя выборная малорусская козацкая старина превратилась въ потомственное русское дворянство. Среди польскихъ и русскихъ общественныхъ, политическихъ и литературныхъ дѣятелей насчитывается много выдающихся талантовъ, ведущихъ свой родъ отъ племени малорусскаго. Щедрой и расточительной рукой раздавали малороссы свое достояніе сосѣднимъ народамъ: полякамъ они отдали всю свою знать, а въ лицѣ Михаила Вишневецкаго дали даже короля; русскимъ они отдали свое творческое богатство включительно до литературнаго генія въ лицѣ обрусѣвшаго Гоголя.“ (Вѣстникъ самообразованія 1903 г. №—24, Новая малорусская литература, общій очеркъ. М. Славинскаго).

---

[1]) Необходимо, чтобы наши молодые патріоты, предварительно вступленія въ жизнь, почаще задумывались надъ вопросомъ: чѣмъ они намѣрены служить дѣлу родины?

При такомъ положеніи, при отреченіи высшихъ классовъ отъ народа, развитіе народническихъ идей могло совершаться лишь постепенно, въ особенности, если принять во вниманіе, что до послѣдняго времени даже въ россійскомъ обществѣ, не смотря на свободное культурное развитіе, отсутствовалъ спросъ на политическо-соціальныя воззрѣнія и царила полная апатія въ области общественнаго самосознанія и самодѣятельности, и только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ сознанія бездарности и безпечности правительственной власти, заботящейся лишь только о собственной безопасности и сдѣлавшей все возможное для разоренія благосостоянія населенія, только теперь обнаруживается замѣтное стремленіе къ критикѣ дѣйствительнаго положенія вещей и къ выработкѣ правильныхъ общественныхъ воззрѣній; только теперь не одни идейные люди, но даже молодежь, снисходятъ къ условіямъ и требованіямъ времени и мѣста и ставятъ первой задачей, въ интересахъ отечества и народа, достиженіе политическихъ правъ, а слѣдовательно повышаютъ спросъ на болѣе реальные идеалы. Желательно также, чтобы и въ воззрѣніяхъ русскихъ людей на интересы подчиненныхъ національностей наступилъ поворотъ въ смыслѣ справедливаго отношенія къ ихъ требованіямъ на самостоятельную культурную жизнь и на предоставленіе имъ возможныхъ автономныхъ правъ. Говоря собственно о малороссахъ, мы до сихъ поръ замѣчали въ русской прессѣ если не полное сочувствіе указу 1876 года о лишеніи малороссовъ правъ на литературный и научный языкъ, то даже со стороны самыхъ либеральныхъ изъ русскихъ публицистовъ и ученыхъ слышали выраженіе пламеннаго желанія, чтобы оба народа (малороссы и великороссы) слились въ братскую семью и употребили свои духовныя силы на общее дѣло а потому они желаютъ предоставленія малорусскому языку гражданской (но не политической) равноправности съ языкомъ великорусскимъ и даже введенія малорусскаго языка въ южныхъ школахъ. Разумѣется, это предлагается въ видахъ удобнѣйшаго перехода къ русскому языку, къ обрусѣнію малороссовъ, къ поглощенію ихъ великороссами. Между тѣмъ обрусѣніе для малоросса равняется умственному оскудѣнію, такъ какъ при обрусѣніи лишь отчасти усваивается русскій литературный языкъ, и образуется самое безобразное, среднее между русскимъ и малорусскимъ языками, нарѣчіе, утрачивается же масса собственныхъ словъ и характерныхъ оборотовъ, фигуральныхъ выраженій, эпитетовъ, теряется естественный, природный строй рѣчи, утрачи-

вается богатство ея, мысль теряетъ творческую силу, оскудѣваетъ духъ народа.

Когда наши дѣды и прадѣды отказались отъ своего козацкаго званія и становились въ ряды россійскаго дворянства, они не только подготовляли почву для матеріальнаго закрѣпощенія своихъ младшихъ братій, но и отрекались отъ духовнаго единенія съ ними, и обрекали на духовное оскудѣніе свой народъ. Не удивительно, что они этого не понимали, если этого не попонимаетъ современный россійскій академикъ, пишущій приведенныя выше строки о сліяніи двухъ народовъ.

Мало понимаютъ это и многіе изъ украинскихъ патріотовъ, даже изъ тѣхъ, которые считаютъ себя щырымы украиньцямы, которые цѣпляются за свою народность больше по инстинкту, а не по твердому сознанію своего долга передъ народомъ. Неудивительно, что такіе патріоты скоро остываютъ въ своихъ чувствахъ и, подъ вліяніемъ житейской обстановки, входя въ сдѣлки со своей совѣстью, отрекаются отъ увлеченій юности. Чтобы этому сколько возможно противодѣйствовать, необходима болѣе прочная обоснованность національно-демократическаго направленія.

Мы въ этомъ отношеніи не можемъ не послать упрека даже кружковымъ украинскимъ дѣятелямъ, которые, конечно, много потратили времени въ своихъ кружкахъ на выясненіе разныхъ сторонъ собственныхъ воззрѣній, но не сводили ихъ воедино и не сдѣлали общимъ достояніемъ посредствомъ печати, а между тѣмъ съ этого именно и нужно было начинать свою дѣятельность. Но, можетъ быть, тогда не было такой настоятельной надобности въ самоопредѣленіи, какъ теперь.

Дѣйствительно теперь, когда, подъ вліяніемъ ужаснаго экономическаго и политическаго кризиса, явилась даже въ русскомъ обществѣ потребность осмыслить свое общественное міросозерцаніе, сложиться въ кружки и принять активное участіе въ отвращеніи бѣдствій, причиненныхъ отечеству бюрократической крамолой (читай еженедѣльникъ Освобожденія), когда даже люди крайнихъ направленій, не только соціалисты, но и консерваторы, организуютъ свои партіи (послѣдніе, въ лицѣ Русскаго Собранія и его филіальныхъ отдѣленій, даже обзаводятся партійной популярной литературой для защиты въ народѣ отжившихъ свой вѣкъ коренныхъ началъ), намъ украинскимъ патріотамъ тѣмъ необходимѣе подумать о своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ и заняться систематической работой въ пользу своей родины.

Въ заключеніе формулируемъ свои воззрѣнія и вытекающія изъ нихъ задачи. Изъ всѣхъ категорій соціальныхъ идеаловъ мы останавливаемся на идеалѣ духовнаго и матеріальнаго блага нашей націи, съ которой мы связаны происхожденіемъ и прирожденнымъ чувствомъ любви къ родинѣ. Отвергаемъ идеалы личнаго совершенствованія (какъ преподанные религіей, такъ и философскіе, въ родѣ идеала сверхчеловѣка Ницше), потому что они или ненаучные, или односторонніе, игнорирующіе соціальныя и политическія отношенія; не можемъ остановиться на соціалистическомъ идеалѣ, какъ построенномъ на экономическомъ принципѣ и преслѣдующемъ лишь задачу матеріальнаго благополучія массъ, слѣдовательно однородную съ буржуазнымъ классовымъ идеаломъ, хотя признаемъ его превосходство надъ буржуазнымъ идеаломъ, въ томъ отношеніи, что онъ преслѣдуетъ цѣли развитія коллективизма въ человѣчествѣ, а не паразитизма, какъ всякій классовой идеалъ. Не можемъ также согласиться съ этико-соціальнымъ ученіемъ, такъ называемаго, критическаго марксизма, потому что оно исходной точкой имѣетъ вѣчныя, т. е. врожденныя идеи истины, справедливости и добра, тогда какъ современная позитивная эмпирическая наука отбросила всякія умозрительныя, метафизическія идеи, въ родѣ: навязаннаго извнѣ „нравственнаго долга", „естественнаго права", предуставленнаго „національнаго духа" и проч. Идеаломъ признать государственное благо мы также не можемъ, такъ какъ государство зиждется на насиліи и служитъ интересамъ главнымъ образомъ господствующихъ классовъ — въ ущербъ народа, и господствующихъ національностей — въ ущербъ націй подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе государственный и классовой, а слѣдовательно и капиталистическій, строй мы признаемъ, какъ переходную форму къ болѣе совершенному строю, характеръ котораго впередъ опредѣлить мы не можемъ, не будучи проникнуты соціалистической вѣрой въ возможность отлить все человѣчество въ однообразную форму общественнаго благоустройства, безъ ущерба для личности и для общественнаго прогресса, и считая, что соціальное развитіе есть собственно національное развитіе, соотвѣтствующее мѣсту и времени и свойствамъ націй, т. е. что космополитическіе соціальные идеалы и формы жизни могутъ осуществляться лишь примѣнительно къ національнымъ особенностямъ народовъ, и при томъ постепенно, путемъ долговременной борьбы съ старыми формами жизни.

Мы, украинскіе патріоты, на первыхъ порахъ національнаго пробужденія прежде всего должны выяснять наши національно-демократическіе, т. е. соціально-политическіе и культурные идеалы, защищать въ прессѣ наши права и требованія на единеніе съ народомъ и слѣдовательно на національное возрожденіе. Затѣмъ ревностнѣе заняться самоизученіемъ, т. е. изученіемъ разныхъ сторонъ жизни Украины и Галиціи и изданіемъ трудовъ по этой части (прежде всего изслѣдованіемъ нашихъ національныхъ свойствъ и особенностей въ разныхъ отношеніяхъ, затѣмъ изданіемъ наиболѣе важныхъ для насъ научныхъ работъ: исторій Южной Руси, украинскаго словаря, энциклопедическаго словаря о Южной Руси, исторіи культуры, исторіи литературы и науки о Южной Руси съ указаніемъ литературы для ознакомленія съ роднымъ краемъ и народомъ, грамматики малороссійскаго языка и пр.) Въ особенности слѣдуетъ тщательно изучать положеніе матеріальнаго благосостоянія разныхъ слоевъ населенія нашего края; не изсякаютъ ли источники существованія нашего народа и не угрожаетъ ли намъ оскудѣніе, подобное оскудѣнію великорусскихъ губерній центрально-черноземной полосы и приволжскаго района. Наши права на національное возрожденіе и на лучшее матеріальное существованіе выяснять путемъ изслѣдованій, отдѣльныхъ брошюръ, программъ и проч. Поддерживать литературу и науку въ Галиціи и народную и проч. украинскую литературу въ своемъ краѣ. Выяснять и на сколько возможно устанавливать справедливыя отношенія къ сосѣднимъ націямъ: русскимъ, полякамъ и евреямъ. Противодѣйствовать всѣми способами все усиливающимся беззаконію, произволу, безпорядку въ отечествѣ и разоренію его, благодаря бюрократическому режиму, заботящемуся лишь о внѣшнемъ порядкѣ, ради собственной безопасности, и содѣйствовать водворенію правомѣрнаго порядка на началахъ національно-демократической и автономной политики. Изучать и сплачивать воедино второстепенныя, угнетенныя демократическія націи и сдѣлаться для нихъ руководящимъ центромъ.

Мы, разумѣется, не можемъ здѣсь представить полный перечень трудовъ, а лишь сдѣлали указанія на категоріи трудовъ.

Петро Одинецъ.

Откровеніе св. Степана.

Студія над одним мало відомим апокріфом.

I.

Студії над тою безіменною, хоч часто відомим особам старого й нового заповіту підсуваною літературою, що зоветься (не зовсім відповідно) старо й новозавітними апокріфами, займають у остатніх часах пильну увагу що раз то ширшого кола европейських учених. Може найцікавійше те, що на них зачали звертати пильну увагу теольоги, особливо протестантські, які до недавна вважали можливим коли не зовсім ігнорувати ту „байкову“ літературу, то все таки дивилися на неї згорда. Певно, догматична теольогія, що стоїть на основах уставлених далеко пізнійшою від апокріфів історичною еволюцією, нерадо черпає з тих на-пів еретицьких творів, але історія церкви, особливо пильно оброблювана тепер історія первісного христіянства (Urchristentum), користується що-раз щедрійше тими багатими жерелами, як документами певних давно забутих вірувань та релігійних тенденцій, яких відгуки одначе в великій мірі вплинули на формоване коли не основних догм, то багатої обрядности, культу, легенди пізнійшого христіянства.

Із сучасних теольогів, що працюють над збіранем та студіованем апокріфів, досить буде назвати таких, як померщого недавно Ріхарда Ліпсіуса, автора фундаментальної тритомової праці про апокріфічні дїяня апостолів, Цана, автора просторої праці про історію христіянського канона, Гарнака, автора просторої історії старо-христіянської літератури, Барденгевера, автора історії церковної літератури, писаної з католицького становища, і цілої

плеяди молодших сил, як Бонвеч (що перекладає деякі твори заховані лише в церковно-славянських текстах), Прайшен, що видає спеціяльну часопись, присьвячену дослідам над первісним христіянством (Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft, виходить отсе вже шостий рік), Гункель, Геннеберг і инші. Також у Англії групується біля кембріджського університету громадка дуже солідних робітників на тім полі, що видають у науковім оброблено грецькі та середньовікові латинські тексти (див. відому серію Ермітеджа Робінсена Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature, де під редакцією Монтага Родса Джемса вийшла двотомова збірка невідомих досі латинських та грецьких апокріфічних текстів з багатим науковим апаратом) і в цілій серії чудово оброблених енциклопедій (енцикльопедія біблійна, енцикльопедія новозавітна включно з часом апостольським, словар старохристіянської біографії перших семи віків і т. д.)—представили теперішній стан тих інтересних студій з можливою повнотою та точністю. Анальогічний рух іде також у Америці, де розпочато видане енцикльопедії гебреістичної. До сього треба додати пильне узгляднюване апокріфів у таких виданях, як нове оброблене широко росповсюдженої теольогічної енцикльопедії Гаука (колись Герцога і Плїтта), якої досі вийшло 17 томів; додати працю колегії Болляндистів у Брюсселї, що працює тепер над продовженем документальних Acta sanctorum (тепер підготовляються матеріяли для падолиста) і рівночасно в часописі Analecta Bollandiana видає старі тексти, особливо грецькі, з добрим науковим апаратом.

Та обік теольогів звернули в остатніх часах також фільольоги та історики літератури пильну увагу на сю довго занедбану парість творчости. Праця фільольогів у сім напрямі звернена була зацікавленем так званою геленістичною добою грецької цівілізації, для якої пребагатий археольогічний та писаний матеріял дали ведені отсе вже чверть столїтя розкопи в долїшньому Єгипті з їх масою папирусів та записаних черепків (острака), що позволили вглянути в економічне, суспільне та духове житє египетських та сирийських греків від часів Александра Македонського аж геть до арабської епохи далеко докладнїйше, ніж се було можливе вперед. Ті розкопи дали між иншим багатий матеріял також для зрозуміня мови й термінольогії таких творів, як александрійський переклад Біблії і як новозавітні книги, писані власне тодїшньою геленістичною мовою. Вони дали дуже важні причинки також для пізнаня і досліду найстарших апокріфів, що вже в перших віках нашої ери були перекладені з грецької мови на мову тодїш-

ніх феллахів, що була матїрю теперішньої, вже майже вимерлої коптської. Відкритя значного числа памяток, списаних у тій коптській мові і захованих по старих коптських манастирях, позволило прослідити літературну традицію теї мови на протязі більше як 2000 літ і дало підставу деяким ученим (особливо Амелїно) бачити в многих християнських, головно гностичних апокріфах і легендах, парости та перерібки творів старої єгипетської літератури. Взагалі єресь гностиків, розповсюджена в перших трьох віках нашої ери від Сицилії до Евфрата і далї на схід, була, як догадуються, творцем найбільшої части відомих нам апокріфів, а з історично-літературного боку вона цікава тим, що в її творах збігаються відгуки і староєгипетської і старовавилонської і індійської та староперської літератури, так як у її доктрінах зливалося християнство з маздеізмом, з грецькими та єгипетськими містеріями, з вавилонською магією та буддийською саможертвою.

Із учених фільольогів, що присьвятили свої сили й працю прокладаню ясних стежок у тих темних лябірінтах, на першім місцї годиться назвати Ервіна Роде з його прегарною „Історією грецького романа.“ Що правда, сам автор, стоячи на естетичнім становищі старших фільольогів, з деяким призирством дивиться ще на свою тему, розгрібає її мов купу сьмітя з тою думкою, щоб ощадити иньшим трудà та прикрости, аби не мусїли ще раз робити сю працю. Та про те культурно-історичне тло сеї праці вийшло таке широке, сила виведених ним фактів духового життя „упадаючої“ Греції показалася такою великою, що тема привабила як стій до себе нові сили. Перше місце між ними займає Герман Узенер, якого передчасна смерть на початку 1906 р. проняла щирим жалем усіх, хто мав нагоду користуватися його працями. Він залюбки бере темою своїх праць старохристіянські легенди, а власне такі, що були відгуками та літературними перерібками старших грецьких та орієнтальних міфів, при помочи літературно-критичної методи віднаходить їх жерела, рисує їх розвій на тлї широкого обрію культурної історії, слідить їх звязок з культами, звичаями та обрядами поганськими і християнськими. Рядом з ним слід би поставити й росийського вченого проф. А. Н. Веселовського, особливо його праці „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“ (друковані в „Журн. мин. нар. просв.“ 70-их років) та „Изъ исторіи романа и повѣсти“, головно т. I, як би ті праці свою мову та почасти через те, що були друковані в мало доступнім по за межами Росії періодичнім виданю і навіть досі не видані окремою книгою, не були позбавлені відповідного

впливу на загальний хід тих студій у Европі, який би їм по заслузі належався.

У славянщині зацікавлене апокріфічною літературою почалося майже разом із течією так званого славянського відродженя. З іменами перших батьків того відродженя, Шафарика, Востокова, Калайдовича, Строєва, Данїчіча звязані також перші відкритя на тім полї. Велике багацтво старих славянських рукописів, нагромаджене в Росії, аж просилося на пошукуване. Від 50-их років ідуть публїкації Горского і Невоструєва, Буслаєва, Костомарова і Пипіна, Тіхонравова, Срезневського, які відкрили перед ученими велике багацтво сього віддїлу старого письменства. За збірками матеріялів ідуть учені оброблення—цїнна й досі монографія Пипіна „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, що була немов програмою дальших студій; взірцева що до методи праця проф. Веселовского „Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, праці і збірки матеріялів Порфірьева про старозавітні та новозавітні апокріфи, В. Сахарова про есхатольогічні апокріфи, цінні публікації Андрія Попова в московських „Чтеніяхъ“ і новійші праці та публікації М. Сперанского („Апокрифическія евангелія“), М. Соколова, проф. Архангельского, В. Істріна, В. Мочульского, В. Перетца і и., що частками оброблюють широке поле сього письменства в найріжнійших напрямах.

Обік сих праць російських учених, іноді дуже показних своїм обемом та інтересних своїм змістом, далеко скромнійше виступають праці південно-славянських учених, хоч і тут спеціяльно з іменем проф. В. Ягіча вяжеться заслуга одного з найліпших дослїдників та ініціяторів на сьому полї. Видані доси звиш 30 томів „Starine“ загребської югославянської Академії Наук, сербський „Гласник“ та инші публікації білградського університету, болгарський „Сборникъ за народни умотворения“ містять багатий засіб памяток старої апокріфічної літератури та й немало причинків до її досліду. З розвоєм сеї галузи літературно-історичних дослїдів вяжуться тісно імена В. Ягіча, Ст. Новаковича, Л. Стояновича, Ю. Полївки і инших.

На Вкраїні, що й для сього рода літератури, як і для многих инших, довгі віки служила посереднїм етапом між сходом і заходом, між півднем і північю, розвій і зріст студій над памятками апокріфічного письменства вяжеться нерозривно з 25-літнім істнованем „Кіевской Старины“, а спеціяльно з іменами М. Сумцова і М. Драгоманова. Пок. Драгоманов перший звертав увагу на потребу порівняних студій літературних памяток нашої

нації і дав, між иншим і в отсьому журналї, ряд майстерних праць, у яких, особливо твори нашої устної, людової традиції були трактовані порівняною методою в звязку з традиціею инших народів, а по части також і з старим, у тім числї також апокріфічним, письменством. Проф. Сумцов у своїй працї „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ (К. Ст. 1887) дав першу пробу систематичного огляду всеї захованої у нас апокріфічної літератури в звязку з устною народною традиціею, і сим звернув увагу на важність точного пізнаня сеї літератури для зрозуміня й оцінки й самої традиціонїстики, чи як принято тепер називати, фольклёру.

У Галичинї, де на львівськім університетї істнує від самого 1849 року катедра української мови й літератури, поле дослїдів над апокріфами тай загалом над нашим старим письменством до недавна було майже зовсїм нетикане. Перший професор, що займав сю катедру 18 літ, Яків Головацький, хоч розпочав свої виклади блискучою заявою своєї віри в істноване і культурну будущину України як окремого етнічного організму з окремою мовою й письменством, що само для себе варто студій, одначе швидко стратив сю віру вже від 1852 р. викладав на університеті мляво, як з примусу, не цікавився своїми студентами і силкувався в своїх писанях проводити ідею „единства Руси“, що в практичній діяльності виходило на систематичне знеохочуване молодих слухачів від усякої наукової праці на рідному грунтї. Його наступник на тій катедрі, проф. Омелян Огоновський, чоловік мінімальних здібностей і мінімальної осьвіти, хоч би був і хтїв, то не міг піднести студій укр. мови і літератури на висший ступінь. Як бувший гімназіяльний учитель грецької і латинської мови він не був підготований для такої катедри і заняв її лише завдяки тому, що як ученик відомого славіста Міклошіча переняв його прінціпи в трактованю граматики і з певним успіхом прикладав їх до студій над українською мовою. Літературу він довгі літа занедбував, а про наше старше письменство до Котляревського, можна сказати, не мав ніякісінького понятя: Христоматія Буслаева, підручник Галахова в першїм виданю та деякі бібліографічні каталоги, се, можна сказати, були всі його жерела для сеї літератури. Що до апокріфів, то все його знане обмежалося на „Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ“ та „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, тай то крім чисто школярського переповіду змісту він не знав, що з ними робити; ідея розвою літератури, в звязку писаної літератури з устною, і загалом

усе те, що творить основу новійших дослїдів історико-літературних, була йому зовсім чужа і недоступна.

Одинокий галицько-руський учений, що знав із нашого старого письменства безмірно більше від Ом. Огоновського, проф. Калужняцкий, хоч одержав катедру університетську в Чернівцях, але закинув свої занятя нашим старим письменством завдяки своїм москвофільським поглядам і обмежився публікаціями, що мають значіне виключно для історії язика (Путнянське евангеліе та Кристинопольський апостол), або залюбки шукав тем із чужого поля (твори Євфімія болгарського), та й як професор лишився й досі зовсїм чужим своїй суспільності.

Певна річ, в остатньому десятилітю можна тут завважити зворот до кращого. На львівському університеті маємо вже дві катедри для української мови і літератури, обсаджені людьми молодими, учениками проф. Ягича, які внесли в свої виклади і в семінарійні занятя нового духа і нові методи. Молодїж під їх проводом мала вже нагоду прослухати, крім загальних оглядів історії нашого письменства, також спеціяльні курси про апокріфічну літературу, про стару повість, про стару драматичну та полемічну літературу, і зацікавлене нею збільшається з року на рік. До того треба додати, що доступні від недавна бібліотеки „Народного Дому“, з поміщенім у ній „музеум А. Петрушевича“, та „Наукового товариства ім. Шевченка“ мають обік багатих збірок книжок також інтересні збірки рукописів з багатими причинками також для апокріфічної літератури.

Та головно треба тут піднести заслугу Наукового тов. ім. Шевченка, яке не щадячи коштів і заходів робить усе можливе, щоб розбудити серед нашої молодіжи і ширшої суспільности зацікавлене до наукових питань і дослідів, у тім числі також зацікавлене нашим старим письменством. За для сього ще р. 1896 засновано серію видань старих текстів (Памятки української мови і літератури), в якій на першім місці йде систематична і науково оброблена збірка апокріфів. Плян сеї збірки, уложений мною і принятий філологічною секцією товариства, обіймає тексти апокріфів і апокріфічних оповідань, далї порівнане тих текстів з иншими паралельними, друкованими в инших, давнійших публікаціях, бібліографічні вказівки до кождого тексту і надто детальну орієнтаційну передмову до кождого тому. Видані доси три томи сеї збірки обіймають: т. I—апокріфи старозавітні, т. II—апокріфів новозавітних ту групу, що доповняє евангельську історію, т. III—апокріфів новозавітних ту групу, що доповняє апостольські

дїяня. Кінчиться друком т. IV, що обіймає апокріфи тзв. есхатольогічні, а власне отсі чотирі групи: апокріфічні катехізми (вопросоотвѣты), апокалїпси про празники і обряди (в роді тзв. Епістолії про неділю), апокаліпси про загробове жите (ріжні ходи по муках, візії про розставаня душі з тілом, про митарства, про рай і пекло) і апокаліпси про конець світа, про Антихриста і про страшний суд. Пятий том, яким повинна закінчитися ота збірка, обійме, крім нових доповнень до попереднїх томів, ще групу апокріфічних житій святих, і широкий відділ заклинань, фальшивих молитов, вірувань та віщувань, що також обнятий нашими старими індексами „ложних книг“.

Мавши на меті при складаню своєї збірки поперед усього визискати ті рукописні матеріяли, які були доступні мені в Галичині, я мусів відразу зректися детальних пошукувань за найстаршими списками даних творів, які може можна б було знайти в великих книгозбірнях у Росії, та які саме видане збірки були би зробили надто коштовним та вимагали б довгого часу і подорожів. Обмежене з сього боку випадгороджується одначе на мою думку иншим авансом: власне обмеживши свої пошукуваня теріторіально на австрійську Русь, я здужав при помочи декількох товаришів (згадаю особливо д. В. Гнатюка, д. Г. Стрипського і проф. Ол. Колессу) зібрати масу текстів тзв. секундарних апокріфів, себто популярних переробок старих апокріфічних творів, які надають моїй збірці в значній мірі спеціяльний український і ще спеціальнійший карпато-руський кольорит і позволяють в тих старих творах, занесених до нас іздалека, сконстатувати та слідити певну мірку й нашої народної творчости та певні літературні течії, проявлювані в їх перероблюваню та популяризованю.

Та не можна сказати, щоб ті апокріфи, зібрані мною переважно з галицьких та угроруських рукописів, не додавали дещо нового й до загальної скарбниці нашого знаня старинної апокріфічної літератури. Як відомо, німецькі та англійські спеціялісти тепер чим раз більше звертають уваги на старі памятки партикулярних письменств, таких як сирийське, коптийське, вірменське, віднаходячи в них переклади або первісні редакції творів, яких грецькі орігінали або зовсім затратилися, або заховалися лише в пізнійших перерібках. І багате церковно-славянське письменство, що своїми початками сягає IX віку, має не мало таких перекладів, особливо в обсягу апокріфічної літератури. Кілька літ тому назад було науковою сензацією перекладене на німецьку та англійську мову славянської книги Еноха, многоважного

апокріфа, давно затраченого в грецькім орігіналі і лише недавно віднайденого в етіопськім перекладі. В паралель із тим перекладом явився перед ученими „славянський Енох" у двох редакціях — сербській (два списки) і українській (один список зроблений на початку XVII в. в Полтаві). Деякими славянськими апокріфами користувався Ліпсіус у своїй праці про апокріфічні діяння апостолів, доповняючи ними латинські та пізногрецькі перерібки затрачених старих орігіналів. На пропозицію д-ра Е. Прайшена, редактора фахової часописі „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums" (виходить уже сьомий рік, по томови в 4 випусках річно), взявся я подавати в тій часописі „Причинки з церковно-славянської мови до новозавітних апокріфів"[1]) у перекладі на німецьку мову з невеликими орієнтаційними студіями про кождий текст. Остатнїй із тих причинків, се власне апокріф, якого титул стоїть на чолі отсеї праці і з яким я хотів би познайомити читачів „Кіевской Старины" тим більше, про росийська наука досі не звернула на нього ніякої уваги і його даремно було б шукати в дотеперішніх збірках апокріфів та їх опрацьованях у Росії. Отся статя, яку тут подаю дальше, се не дословний переклад, а розширена перерібка німецького комунікату, при чім тут уперве друкується й *повний* текст самого апокріфа.

II.

Як відомо, наші найдавнїйші відомости про апокріфи черпаємо з тзв. індексів книг правих і ложних, що були укладані в старо-христіянській церкві чи то поодинокими авторітетними письменниками, такими як Кирило Єрусалимський, Атанасій, Григорій Богослов і т. и., чи то церковними соборами (лаодикейським) або иншими корпораціями (папські консисторії) ще в III і IV віках нашої ери. Між тими індексами видне місце займає уложений десь при кінці IV віку, коло 395 р. в Римі тзв. Декрет папи Ге-

---

[1]) *Dr. Ivan Franko*, Beiträge aus dem kirchenslavischen zu den neutestamentlichen Apokryphen. I Zu den Pseudoklementinen (Ztschrift III, 146 — 155); II, Zu den gnostishen Περίοδοι Πέτρου (Ztschrift VII, 152 — 172).

лазія [1]). В тім декреті між книгами апокріфічними, яких уживанє забороняє церковь, безпосередно по відомім апокріфі „Revelatio sancti Pauli apostoli“, себто по оповіданю про мандрівку ап. Павла до неба і до пекла, названо другий твір „Revelatio sancti Stephani“, про який досі наука не знала нічого. В „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft (т. III, стор. 358) звернув берлінський професор П. Вінтерфельд увагу на те, що ся друга Revelatio мабуть не буде таким самим „откровеніем“ про загробове жите, як названа перед нею візія ап. Павла, але що се буде мабуть не менше знана в літературі „Epistola Luciani ad omnem ecclesiam de revelatione corporis Stephani martyris primi et aliorum“, а властивого „откровенія“ св. Степана не було ніякого. Думаю, що поданий далї церковнославянський текст позволить нам надати тому твердженю трохи иншу форму, а поки що треба нам докладнійше придивитися до того Лукіянового листа, а особливо його початкових розділів.

Від р. 415 відомий у західній Европі лист єрусалимського пресвитера Лукіяна про доконане ним віднайденє мощей св. первомученика Степана, Никодима, Гамаліїла і його сина Авіва в Кафаргамалї недалеко Єрусалима. Посередником, що передав сю звістку з Єрусалима на захід, був Авіт, еспанський пресвитер, що пробував тоді в Єрусалимі, був ніби то особисто знайомий з Лукіяном і мав навіть наклонити його до того, аби описав історію того чудесного віднайденя мощей. Той-же Авіт переклав потім грецьке писане Лукіянове на латинську мову і разом з частинками мощей св. Степана та зі своїм листом передав через руки пресвитера Орозія до Еспанії [2]).

Отже в латинськім тексті маємо дві реценвії того Лукіянового листа, що ріжняться між собою не лише стилїстично, але подекуди й річево, хоч, що правда, лише в менше важних дрібницях. Грецький текст листа був невідомий, поки недавно не віднайшов його знаний грецист проф. Пападопуло-Керамевс у ерусалимській патріаршій бібліотеці і не видав у пятім томі своїх Ἀνάλεκτα τῆς

---

[1]) Див. про нього і про всі злучені з тими індексами питаня капітальну працю Цана (*Theodor Zahn*, Geschichte des neutestamentlichen Kanons, Zweiter Band, Erlangen und Leipzig 1890 стор. 259—267).

[2]) Див. лист Авіта, надрукований перед текстом листу Лукіяна, в Augustini Opera, ed. Benedict., t. XVII, 2191, пор. *Migne*, Patrologiae latinae t.XLI, ст. 805—808.

Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας (С.-Петербургъ 1898, стор. 28 — 53). [1]) Тілько тепер ми маємо змогу виробити собі властиве зрозуміне про сам оригінал, як і про Авітів переклад. Та що ціла та досить бездарна книжечка байдужна для нашої теми, то придивимося близше лише трьом початковим главам латинського і гл. I—IV грецького тексту і при сьому піднесемо особливо ті уступи, що доторкаються круга новозавітних апокріфів, тобто осіб згаданих у новозавітних біблійних книгах, оповідаючи про їх жите або смерть такі речі, яких нема в канонічних писанях.

Латинський текст обох рецензій містить у розд. I короткий вступ, а в розд. II починається оповідане. Лукіян заснув д. 3 грудня 415 р. in Loco sancto baptisterii, де спав звичайно як доглядач церковного скарбу; і ось у сні йому являється шановний сивобородий чоловік в іерейській одежі, з вишитим на білому епитрахилї знаком хреста і з золотою різкою в руці. Він доторкається його різкою, кличе його тричі по ім'ю і велить йому йти до Ерусалимського епископа Іоана і занести йому наказ, щоб як найшвидше видобув речника і його товаришів із їх дотеперішнього занедбаня і поклав їм пам'ятник гідний їх імени. Їх мощі подадуть поміч і потіху цілому світові, пригнобленому страшними нещастями. (Гл. III.) Лукіян питає: „А хтож ти, пане, і хто такі твої товариші?“ На се відповідає привид: „Я Гамаліїл, що виховував апостола Павла і вчив закона в Єрусалимі. А обік мене в східній части гробу лежить мій пан Степан, що був укаменований жидами і старшинами іерейськими в Єрусалимі за Христа перед східною брамою, що веде до Кедара; там лежав він день і ніч простертий, бо по наказу богопротивних князів не дано йому ніякого похорону, щоб звірі пожерли його тіло. Та за божою волею ніхто не доторкнувся його, ані звір, ані птах, ані собака. Я, Гамаліїл, почуваючи милосердє над слугою Христовим і бажаючи одержати заплату й уділ зі святим мужем у вірі, вислав у-ночі кількох набожних і христолюбних мужів і наклонив їх піти потаємно і завезти його тіло моїм возом до мойого хутора Кафаргамаля, 20 стадій віддаленого від міста, велів там 40 день оплакувати його і потім похоронити його в моїм гробі у східнім прискринку (theca), і велів дати їм усе, чого треба для його оплаканя. А другий похований у другім прискринку, се пан Никодим, той що

[1]) За вказанє сеї публікації і ласкаве випозиченє самої книжки висловлюю щиру подяку членови колегії Боляндістів, о. Іполїту Делягею в Брюсселї.

нічю приходив до Спасителя Ісуса і слухав від нього євангеліє, а вийшовши був охрещений учениками Ісусовими. Та коли Юдеї дозналися про се, зкинули його з уряду і прогнали його з міста. І сього я, Гамаліїл, за те що він потерпів за Христа, приняв до свойого хутора, давав йому страву й одежу аж до його смерти, а по смерти похоронив його з честю обік пана Степана. Так само й Авів, мій найлюбійший син, що разом зі мною одержав Христове хрещене від його учеників, а проживши 20 літ, умер передо мною, лежить похоронений у третім, горішнім прискринку, де й мене покладено пізнійше по моїй смерти. А моя жінка, на імя Етна, і мій первородний син Селемія не захотіли бути прихильниками Христової віри, були похоронені на иншім хуторі, власности їх матери, тобто в Кафаргемелії". Те що йде далї, байдужне для нас.

Друга рецензія, загалом багатша на слова, вкладає привидови Гамаліїла в уста ось які слова про Никодима: „А той другий, що лежить із ним (себто зі св. Степаном), се мій небіж Никодим, що звичайно нічю приходив до Спасителя, щоб слухати слів правди і відродитися водою і святим духом. Коли вислухав Господа, святі апостоли Петро й Іван охрестили його. За те охрещене старші над іереями дуже розсердилися на Никодима і загадали вбити його; та з огляду на моє становище і його свояцтво зо мною не вчинили сього. Та про те надавали йому стусанів, та й то не мало, лишили його простертого майже без духу, прокляли і прогнали його з міста і роздряпали (diripientes) все його добро. А я велів і його захистити і завести до мого хутора і дав свойому завідателю наказ давати йому все потрібне. Проживши там іще короткий час, він заснув о Господі."

Сим трьом розділам латинського листа відповідають чотири розділи грецького тексту, і то остільки, що розд. I грецького тексту не має собі в лат. тексті ніякої паралелі. А се тому, що тут оповідано коротенько мучеництво св. Степана на підставі Ап. Дїяній і до сказаного там додано досить неясну і з дальшим оповіданем суперечну увагу, що „надійшли деякі вірні мужі καὶ ἐποίησαν γλωσσόκομον περσεινόν, себто оплакали і вихвалили мученика, положили його під могилу (ἐκ πλαγίας τοῦ βουνοῦ), написали його імя сирийськими буквами „Хілїет", підняли величезний плач за ним і вернули до Єрусалима, бючи себе в груди".

Розд. II грецького тексту, се дублет до розд. IV тогож і до розд. III латинського тексту, лише те, що там Гамаліїл оповідає Лукіянови у сні, тут оповідається в третій особі про Гамаліїла. Говориться тут одначе, що в-ночі по Степановій смерти Гамаліїл

удався до апостолів (προσπεσῶν τοῖς ἀποστόλοις ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ) і силкувався наклонити їх, аби йшли з ним і помогли йому похоронити тіло мученика. Та в IV розділі не знаходимо ані сліду такої розмови Гамаіліла з апостолами, лише говориться, що він вислав поважних і вірних мужів, що вже разом із ним були християнами, і велів їм похоронити тіло в своїм хуторі в Кафаргамалї. Про те, що тіло було вже тоді зложене в труні, як сказано було в розд. I,—ані в розд. II, ані в IV нема ані згадки. Епізод про Никодима в грецькім тексті оба рази оповідається так, як у другій рецензії латинського тексту: Никодим, се Гамаліїлів небіж, його охрестили Петро й Іван, жиди проклинають його, грабують його добро „на імя храма", самого виганяють і прибивають до полусмерти.

Розділ III грецького тексту, се до певної міри паралель з розд. I латинського тексту, але з дуже характерною перерібкою, що кидає досить дивне світло на Авітів спосіб писаня. Наводжу тут дословно оба ті невеличкі уступи:

Visio quae apparuit meae pusillitati a Deo ter, de revelatione reliquiarum beati et gloriosi protomartyris Stephani et primi diaconi Christi, et Nicodemi qui in evangelio scriptus est, et Gamalielis qui in Actibus Apostolorum nominatur, necessarium duxi pandere vestrae in Christo dilectioni, imploratus ac magis jussus a sancto et Dei cultore patre Avito presbytero, ut secundum fidem consummatam interroganti quasi filius patri obaudiens, sicut cognovi, cum omni simplicitate impiger integre indicarem omnem veritatem. [1])

А в грецькім тексті пишеться он що:

Ὁ δὲ ἀγαθὸς καὶ φιλάνθρωπος θεὸς ἔτι μᾶλλον ὑφῶσαι βουλόμενος τὸ κέρας τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ, τουτέστιν τὸ κήρυγμα τοῦ εὐαγγελίου, εὐδόκησεν διὰ τῆς ἐμῆς ἀνικανότητος ἐπ' ἐσχάτων τῶν ἡμερῶν ἀποκαλύψαι τοὺς ἁγίους αὐτοῦ δούλους, λέγω δὴ τὸν μακάριον καὶ ἔνδοξον Στέφανον τὸν πρωτοδιάκο-

[1]) В перекладі на нашу мову: „Видіне, що з'явилося моїй нікчемности від Бога тричі про відкритє мощей блаженного і славного первомученика Степана і першого діякона Христового, і Никодима, що написаний у євангелії, і Гамаліїл, що названий у Дїяннях Апостолів, уважав я потрібним предложити вашій о Христі милости, на просьбу, а радше за наказом святого і богомольного отця Авіта презвитера, щоб по всякій вірности, на запитаня послушний як син батькови, як сам дізнав, так і оповів усю правду з усею простотою, не ліниво і вповні.

νον καὶ πρωτομάρτυρα καὶ αὐτοπτὴν τῆς οὐρανῶν βασιλείας, ἔτι δὲ καὶ Νικόδημον τὸν ἐν τοῖς εὐαγγελίοις ἐπὶ ἀγαθῇ μνήμῃ μακαριζόμενον, Γαμαλιήλ τε τὸν ἐν ταῖς πράξεσι τῶν Ἀποστόλων ἐπὶ ἀγαθαῖς συμβουλίαις εὐχαριστούμενον, καὶ Ἄβιβον τὸν υἱὸν αὐτοῦ, τόν ἐν τῇ Γραφῇ μὲν οὐκ ἐμφερόμενον, ἐν δὲ τοῖς ἀγράφοις μετὰ τῶν ἁγίων συναριθμούμενον, καθὼς καὶ ἡ δηλωθεῖσα τῇ ἐμῇ ἀναξιότητι ὅρασις ἐκ τρίτου ἐσήμανεν. [1])

Порівнюючи оба сі тексти бачимо, що латинський або зовсім не походить від Авіта, або що Авіт пустився на нечувану самохвальбу, називаючи сам себе святим мужем і приписуючи собі великий вплив, ба навіть авторітет на Лукіяна, про що сей не знає нічогісінько. Грецький текст не знає нічого про Авіта і зовсім не має форми листа, але держиться простійшої форми реляції свідка-самовидця. Чи смиренно-гордий латинський вступ справді написаний Авітом, чи яким пізнійшим перерібником латинської рецензії, сього не беруся рішати; в усякім разі можливо, що друга рецензія як у епізоді з Никодимом, так само й у вступі подає нам давнійшу форму, бо в ній розд. I зовсім коротенький: Revelationem sancti Stephani, quae mihi per gratiam Domini salvatoris nostri ostensa est, dignum duxi, ut vestrae panderem sanctitati, non jactantia quadam, sed ad confirmandum audientium. Та против більшої первісности сеї простої формулки промовляє та обставина, що в ній майже ніщо вже не нагадує III розд. грецького тексту.

Ся двоїста форма латинського тексту виключає, здається, відразу думку, буцім то в латинськім маємо перед собою первісну, оригінальну форму Лукіянового твору, а в грецькім пізнійшу перерібку, що з огляду на дату рукопису, з якого д. Пападопуло-Керамевс опублікував свій текст, не було б неможливим. Власне розд. III грецького тексту видається первіснійшим та автентичнійшим від обох латинських рецензій і його можна вважати невідлучною частиною Лукіянового тексту, дійсним вводом опо-

---

[1]) В перекладі на нашу мову се значить: Добрий і чоловіколюбний Бог, бажаючи ще більше підвисшати річ свойого Христа, себто проповідь евангелія, зволив через мою негідність в остатніх днях відкрити своїх святих слуг, мовлю блаженного та славного Степана, перводіякона та первомученика та самовидця царства небесного, а надто Никодима, що доброю памятю ублажається в евангеліях, і Гамаліїла, якого згадано добрим словом у Дїяннях Апостолів, і Авіва його сина, вправді не внесеного в Писаннє, але в неписаній [книзі] зачисленого між святих, як се показало й видінє, якого удостоїлася моя недостойність.

віданя про його власну участь у відкритю мощей. Коли воно так, то з близшого розгляду сього розділу та з порівнаня грецького тексту з латинськими відкриваються нам деякі інтересні висновки для історії сеї традиції.

По перше сей III розд. грецького тексту, се зовсім не початок трактату, так як рівнобіжний до нього латинський вступ; навпаки, грецький текст своїм Ὁ δ' ἀγαθός вказує на щось попереднє; се закінчене того попереднього, а перехід до другого нового оповіданя. Латинський перерібник усунув те попереднє і для того мусів також відповідно переробити грецький розд. III.

По друге те, що в теперішнім грецькім тексті попереджае III розд., се тілько якась уривкова латка; розд. II грецького тексту скомпоновано a posteriori з розділу IV, а розд. I, се витяг із оповіданя Апостольських Дїянь, до якого при кінці долучено уривки якогось иншого оповіданя, суперечного з Дїяннми. В тій формі ся повість не могла вийти з під пера Лукіянового.

По третє, порівнюючи розд. IV грецького тексту з другою рецензією латинського тексту, побачимо, що латинське оповіданє подае первіснійші деталі, яких не має грецький текст. Описавши появу Гамаліїла, латинський текст пише далі ось що: Et cum hoc viderem, haesitans intra memet ipsum dicebam: „Quis putas est? de Deo est, an ex adversa parte? Nec enim oblitus fueram verbi Apostoli dicentis: Semet ipse Satanas tranrsfigurat se in angelum lucis (II. Cor. XI, 14). Cum ergo viderem eum deambulantem, cogitare coepi in corde meo et dicere: „Si his homo de Deo est, tertia vice me nomine meo clamabit; quod si me semel visitaverit, non illi respondebo". Дуже неправдоподібно, щоб се була лише риторична прикраса латинського перерібника, а про те відомий нам грецький текст не містить ані натяку на сей уступ.

По тих увагах не буде, здаеться мені, занадто смілим заключене, що жаден із відомих досі текстів не заховав нам Лукіянового оповіданя вповнї й непопсованим, що латинська перша рецензія найдальше відбігла від орігіналу, друга рецензія декуди близша до нього, ніж грецький текст, а всі три мають одно спільне — усунене першої части оповіданя; грецький текст не має її також, хоч його III розд. виразно натякае на нього, розділи I і II лише від біди заповняють прогалину, а деякі відривки втягнені в I розд. і також первісний титул полишений над грецьким текстом: Μαρτύριον τοῦ ἁγίου πρωτομάρτυρος Στεφάνου καὶ ἡ εὕρεσις τῶν λειφάνων αὐτοῦ (мучеництво св. первомученика Степана і віднайдене його мощей) велять нам догадуватися змісту тої першої части. Отже

про *мучеництво Степана* мало йти оповідане в першій части трактату, а теперішне закінчене першого розд. грецького тексту доказує, що се оповідане мусіло бути сильно відмінне від того, що оповідано в Дїяннях Апостольських.

Можемо піти в своїх міркуваннях іще крок далї. Коли д. П. Вінтерфельд підносить питане, чи сей Лукіянів трактат, який ми досі знали з обох латинських рецензій, а тепер знаємо також із грецької, не є та сама Revelatio santi Stephani, що втягнена в Гелязіїв індекс заборонених книг,—то мусимо відповісти питанем: щож таке могло склонити автора чи авторів Гелязієвого декрету класти на індекс той трактат, зовсїм невинний із догматичного, так сам, оякі із етичного погляду, писаний звичайним шабльоновим складом чудесних оповідань того часу і залюбки цитований святим Августином? Думаю, що на таке питане ледви чи знайдеться достаточна відповідь. Нї, згадане в Гелязієвім індексі Откровеніе св. Степана не може бути Лукіянів трактат у тій формі, як його знаємо з латинських і грецького текстів!

Зовсїм инше діло, як би ми знали першу часть трактату, якої істноване насувають нам льогічні висновки з порівнаня захованих досі текстів, і яка оповідала про мучеництво св. Степана таке, чого нема в Ап. Дїяннях. Тоді може легко було б відповісти на порушені вище питаня. Отже мені здається, що я віднайшов сю першу, пізнїйшими перерібниками так основно нівечену часть Лукіянового трактату: вона в церковно-славянськім перекладі преспокійно стоїть собі в Минеях, принаймнї в рукописних. Я знайшов її текст у двох львівських рукописах південноруського походженя, з яких один писаний у Львові при кінці XVI та в перших роках XVII в., а другий, з тогож часу, був колись власністю василіянського манастиря в Замості, а тепер належить до бібліотеки львівського університету. Сей текст зрештою не рідкість і в великих рукописних збірках у Россії; з доступних менї каталогів рукописних збірок зазначую, що він мається в бібліотеці Духовної Академії в Троіцкій Сергієвій Лаврі біля Москви в грудневій Четї-Минеї XVI в. (№ 90) і друга частина Лукіянового трактату там же в серпневій Четї-Минеї XVII в. ч. 10 (96); перша частина тамже в збірнику XVI в. ч. 19 (210)[1]), далї в бібліотеці самої Сергієвої Лаври в Четї-Минеї з

[1]) *Архим. Леонидъ.* Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ библ. Троицкой Духовной семинаріи и т. д. Москва 1887 стор. 31, 61, 94.

1630 р. ч. 672 (1621)[1]. На апокріфічний характер того твору вказали вже Горський і Невоструєв у своїм описі рукописів Синодальної бібліотеки, та проте, скільки знаю, в россійскій науці досі не звернено на нього уваги ані не опубліковано його тексту.

Львівські рукописи, в яких я знайшов текст отсього оповіданя, подають його також у двох редакціях, і то досить інтересно зроблених. Текст Замойського рукопису коротший і немов суцільнійший, текст Львівського рукопису (тепер у бібліотеці Оссолїнських, ч. 38) немов риторично розширений. Не уяснивши собі зразу відносин обох текстів, я надрукував текст Зам. в третім томі моїх Памяток (ст. 28—33), а потім додав окремо як додоповнене до нього ті екстраваганції, які має рукопис Льв. (там же стор. 256—258). Виложена досі історія Лукіянового трактату і заборона його Гелязієвим декретом велить нам приняти власне ширшу редакцію, яку маємо в Льв. рукописї, за близшу до орігіналу і покласти її в основу студії. На жаль треба сказати, що обі наші копії з погляду на чистоту і ясність вислову лишають багато дечого бажати; можливо, що порівнане наших текстів з иншими захованими в Россії помогло би справити не одну неясність. Лишаючи се дальшим дослідникам, що може зацїкавляться цією темою, я подаю тут текст оповіданя з Льв. рукопису, та щоб зазначити також характер другої редакції, яку має Зам. рукопис, беру в гранчасті скобки всї ті слова та реченя, яких у Льв-ій копії *нема*, так що ті місця визначають пропуски, пороблені чи то самим копістом, який писав Зам. рукопис, чи може якимсь старшим редактором, якого разив зміст повного тексту і він силкувався зробити його зноснїйшим для православних слухів. І на се питане міг би нам дати відповідь дослід инших рукописних копій, що містять отсей апокрифічний твір.

---

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки св. Троицкой Сергіевой Лавры. Москва 1878, часть II ст. 21.

Мсца дек. въ кз҃. днь сто г и славна г и всехвалнаго пръвомѹнка архидіакона Стефана. блсви ѿу проуести. гла в ое.

Памати добрыа [1]) прележаще [2]), въꙁлюбленніи, попоудихом са [3]) написати Хвѣ црквѣ стго [и всехвалнаго пръво]мунника Стефана [и] в нас бывшее житіе и еже [4]) ꙁа мир матва, [иж]и пріити имоут [5]) съвръшенный [6]) вѣнець и дарь победный горнаго въꙁваніа [7])

Быст во връема ѡно по Га нашего Іс Ха плотном [8]) пришествію, по стрстех кртных и по [9]) въскрсніи и по воꙁшествіи еже на небса къ Ѿцоу [10]), мимошедшима ж двѣма лѣтома, быст въꙁысканіе велико [11]) ѕѣло междоу Іоудей и Садоукей [и Фарисей] і Еллин[ы] ѡ [Хѣ] Ісѣ Наꙁарей [12]), како роди са таковою [13]) плотію, како ли распать быст і оумре и въскрсе пръвенець иꙁ [14]) мртвых [бывъ]. ѡвіи [15]) оубо [16]) глахоу, ꙗко пророкъ ꙗвис, дроуꙁіи же [глахоу: „Ни, но прелестивь ест мир". и ніиже] глахоу, ꙗко снь бжій тъй есть. и клич великъ бѣ в народѣ. събраша же [17]) нѣціи моужіе блгородни [18]) и моудри и ѿ Ефиѡпіи и Фивайды і ѿ Алеѯандріа и ѿ Іерслма и ѿ Асіа же и Мавріtаніа и Вавилона, ѿ часа пръвого даж до часа д҃-го клич въсхождаше ꙗко гром [19]) великъ. тогда ставь [стый] Стефань на мѣстѣ высоцѣ, моуж книжникь и премоудрь [20]) и честень въ всемь людем, рода [сый] Авраамла, племени Веніаминова, и потрась роукою и гласомъ веліим рч: „Братіе старіи и юніи, слышите ѿ мене нынѣ. въскоую оумножисте ваше въскличаніе [21]), ꙗко събрашас всемоу Іерслмоу? [22]) но блжень тъй члкъ, иж не ста во двоедшіи [23]) ѡ Хс Іс сна Ба живаго [невидимаго]. тъй бо есть иже оухищреніемь [24]) члколюбіа [25]) сшед съ небесъ грѣх ради [26]) наших и невѣжьствіа

Варіянти Зам. тексту: [1]) добры, [2]) предлежаща, [3]) поноудихса, [4]) абіеже, [5]) и пріатіе моукъ, [6]) съвершеніе, [7]) ꙁваніа, [8]) плотномоу, [9]) дод. смрти и по, [10]) еже на небси ко ѿцю, [11]) въ ꙁвиканіа вѣлика, [12]) Наꙁараниъ, [13]) и како жити, [14]) ѿ, [15]) ѿво, [16]) бо, [17]) бо са, [18]) еллинистіи моужіе хоудожиіи, [19]) ꙗко се громъ бысті, [20]) книженъ и моудръ, [21]) вашь кличь, [22]) еда са събра весь Іерслимъ, [23]) не стане двое, [24]) хищреніемъ, [25]) члколюбствіа, [26]) дѣлма.

людска [1]), въшед бо [2]) въ оутробоу дв҃ичю прч҃стоу [3]), избранноу ѿ состава мира [4]), ꙗкож пронарече [5]) Адам, всего мира ѿц҃ъ, женоу свою рекъ, ꙗко таа нареченть сѧ мати жизнь [6]), ст҃а оубо дв҃ица по истинѣ нарече сѧ жизнь; по писанїю рождьшїи [сѧ] чл҃къ быст Хс҃ без грѣха. егда бо родисѧ ꙗко чл҃къ, просвѣтис вселеннаѧ [7]). врагъ надеждоу имѣѧ, ꙗко есть емоу ꙗко дѣтищоу родитис плотїю, подвиже [8]) на оубїенїе [тогда] рожденых младенець [9]), [тѣмже] изби дї. тысѧщь; и се по чл҃колюбїю [10]) бж҃їю быст, да молѧт чс҃тїи младенцы за сп҃сенїе чл҃комь. Како злѣ вѣрꙋете ѡ Гѣ моемъ Іс Хѣ, иже слѣпцемь вашимь [11]) сътвори прозренїе [12]) и прокаженныа ваша исцѣли, бѣсы ваша прогна. но и на пръвоую [13]) прелесть проклеть [14]). ꙗкож древо [15]) быст, чс҃тное избравь, древомь [16]) бысть кр҃стоносецъ. изшед за всѧ въ адъ съкроуши [17]) власть имоущаго [18]) съмр҃ти, и третїй дн҃ь всѣх ѡживи. ѡбаче горе [19]) невѣрнымь! [и] егда второе прїидеть соудити живымь и мр҃твымь, тогда ѡгнь пред нимъ предидеть і ѡкр҃сть его боурѧ велїѧ. тогда множество безчислено аг҃ель и теченїе ѡгненных колесниць [20]) ѡ ѡгнь пламени страшнаго [21]) и шестокрылатїи аг҃гли преставлени [22]), повелѣвающе ст҃омоу [23]) ѡкр҃сть парити, [24]) горнїй же вѣтрь смоущаеть. [25]) тогда звѣзды двигноувше сѧ со страхом [26]) спадоуть ꙗко листвїе [27]), и врата нб҃снаѧ [28]) ѿвръзоуть сѧ, [и книги разгнуть] и вї. аг҃глъ кождой дш҃и преставлени [29]) боудоут ѡбличити чл҃ческаѧ дѣла. тогда моутитис имать море из дна, иже в не [30]) падшаѧ [31]) издасть [32]) их творцю, и высокїа горы поникнꙋть [33]) [и сокроушат сѧ каменїе под връхомь гор], и всѧкаѧ дебрь наклънит сѧ, и исправит сѧ лице земли, и ꙗкоже без влънь вода стоѧщи въ сосоуде [34]). тогда поставатсѧ [35]) пр҃стли стра-

---

[1]) и гроубости дѣлѧ людьскых, [2]) вниде, [3]) чс҃ты, [4]) мироу, [5]) прозва, [6]) жизни, [7]) весь, [8]) дод. Ирода, [9]) детей, [10]) чл҃колюбствїю, [11]) нашим, [12]) прозрети, [13]) да и первоую, [14]) прокленеть, [15]) ꙗже древом, [16]) избра древо, [17]) сътре, [18]) дод. державоу, [19]) но горе люте, [20]) и течеть ѡгнена колесница, [21]) града, [22]) и представлени, [23]) сташномоу дх҃оу, [24]) парѧтъ, [25]) верхъ мѧтеть, [26]) страхомъ двигноуше сѧ, [27]) аки град, [28]) двери с горы, [29]) дш҃ю представленїи, [30]) в немъ, [31]) впадоша, [32]) дасть, [33]) погыбноуть, [34]) во истесанїе дѣл҃ви, [35]) станоуть,

шній [1]) и крилатій [окрсть єго], и садеть Гс въседержител [2]) и славный ємоу снь Іс Хс, дхъ стый с нима. тогда рече вседръжителъ къ Існоу, єгож вы ємьше [3]) повѣсисте на древѣ: „Сѣди [4]) ѡдесноую мене, дондеже положоу враги подножію ногама твоима“.

Тогда бысть кличь великъ, ıако ж шоумъ боура велики, и кликноувше [5]) народы: „Да възмет сѧ ѿ земля сьй [6]), [ıако] изгла словеса хоулнаа“. и въсхитивше [7]) Стефана [привѣдоша єго глюще къ Пилатоу: „Възми сего!“ тогда ставъ Пилатъ на степени възопій гла: „Аще и стого сего праведнаго сна бжїа семоу быти проповѣдающе, ни коего вы глете прежде вами приноуженъ бысть, и възложих роукоу грѣшнѫю на прстое и бес порока пречстое его тѣло? ѡ злый соборе, на кого сѧ собра? на Стефана бѣшенїе и завнсть? что бѣсите, что ли скрежещете зоубы? [еще не] ѡстависте бездоумїа своєго?“

Тогда поемши Стефана изведоше єго вонь из црквє] и поставиша его преди и бесѣдоваше к собѣ глще: „Что сътворим чакоу семоу?“ въстав же Каиıафа старѣйшина жрьцемъ и повелѣ жезлїємъ бити Стефана, дондеже [8]) кровь єго землю полнєть. Стый же роуцѣ свой въздвигь [9]) на нбо рѣ: „Гй, не постави им грѣха сего!“ и тогда видѣхом аггли [10]) слоужаще [стомѫ] Стефаноу. [На оутрїа пони Пилатъ призва женѫ свою и ѡба дѣтища, и крстишас вси славаще Бга. събрашас тогда тоу моужїе до три тисащи [sic!] исплънени всего злого закона своего, и бесѣдоваше съ Стефаном три дни и три нощи, не могоша противоу ємоу стати разоумѫ и премоудрости єго, занеже бѣ дхъ стый в немь. таж въ четвертый днь] съвѣть сътворше, и поустиша въ Кесарію палестинскоую [писание] к Савлоу именемь, Тарсанинѫ, да скоро прїидеть въ Ієрслмь. Той бо бѣ взаль власть, да и всакого [11]), иже исповѣсть Ха, въ веригах поставить пред старѣйшинами жерцемь [12]) и пред книгоучїами людскими. ѡн же [13]) видѣвь писанїе [14]) поущенно [15]) ѿ старѣйшинь жреческихь и

[1]) гордїи, [2]) Бъ всемоу держитель, [3]) имше, [4]) ıако сади, [5]) кличющю, [6]) да возмет сѧ, ıако сей [7]) похвативши, [8]) донеле же, [9]) въздевъ, [10]) дод. бжїа, [11]) всакъ, [12]) старѣишими жреческыми, [13]) иже, [14]) книгы, [15]) поущенныѧ.

ѿ всего събора, тъгда [1]) а҆бїе възыйде скоро въ Іе҆рслмъ, прета и҆ [искїй на] Стефана [2]). и҆ на оу҆трѣй сѣде на степенах повелѣ прїйти [3]) мч҃нкоу Хв҃оу, и҆ тогда реч к немоу: „Аз чюждю сѧ [4]) твоей велицѣй мнозїй премоудрости, како свой [5]) оу҆мъ погоубивь распатого Бг҃омь проповѣдаеши. е҆ще бо събор весь не ѿстоупилъ е҆сть [6]) своего закона, аз же без печали хожаахꙋ [sic!] въ ѡ҆кр҃стных градѣх и҆ сквозѣ веси и҆оу҆дейскїа и҆ галилейскїа и҆ въ Киринеи҆ [7]) и҆ в Дамасцѣ и҆ въ Авситиди́стѣм [8]) мѣстѣ, ꙗ҆ко бо [сматраю вѣрꙋющих въ распатаго]. твоѧ моудрость ѿ тебѣ ѿа҆ть сѧ по всемоу, ꙗ҆же ѡ҆бѣщеваеши [9]). тѣмже [10]) и҆ н҃нѣ дивлю^с, како ты не по ѡ҆бычномоу поути ходиши [11]) [и҆] приноуди мѧ прїйти въ град сїй. но мл҃ю твое хоудожество [12]) и҆ доброта наказанїѧ твоего дш҃а [13]), бл҃го храни сътворити [14]) ѿч҃ен́скаа наша преданїѧ, не въсхотѣша сътворити [15]) народа ни възмꙋтити [16]) людїй сих всѣх. кое ти приѡ҆брѣтенїе [17]), е҆гда смоущаѧ оу҆мъ свой [18]) и҆ гнѣваѧ^с и҆ хотѧ тобѣ моукоу сотворити, таковоу славнꙋ моужꙋ и҆ кровїю оу҆жицѣ сосца [19]) мнѣ?“

Тогда въздвигь роуцѣ свои҆ бл҃жный Хв҃ь моуч҃никь Стефань рече к немоу: „Млъчи, Савле, гонителю Хв҃и цр҃кве [20])! [млъчи, Савле, моучителю, и҆ не бѣси сѧ на Хв҃оу цр҃квь], не ѡ҆скврънии рода нашего Бг҃а ѿмѣща^с, познай сн҃а бж҃їа живаго, жизнь [21]) всего мира! разумѣй, ꙗ҆ко из е҆динехь чресль е҆свѣ славнаго Авраама, рода Іаковлѧ, племени Кеньѧ҆минова. соумноу бо сѧ своего рода с тобою бесѣдоуѧ҆ [22]) дне^с, паче и҆ прозрю, ꙗ҆ко тобѣ [23]) е҆сть недалече и҆спити чашоу сїю. да оу҆же е҆сть [24]) творити, сътвори скоро, аз бо готовь е҆сть на коюждо [25]) съмрьти виноу, елма бо тщоу^с за Хг҃а оу҆мрѣти.“

Тогда гнѣваѧ^с Савль растръза ризы своѧ [26]) и҆ своима роукама жезломъ [27]) бїѧше Стефана. тогда въскочивъ [28]) некто҆ Гамалии҆ль,

---

[1]) тоу, [2]) Стефаноу [3]) стати, [4]) чюжоу сѧ, [5]) се, [6]) ѡ҆слоушилъ еси, [7]) Іюдеѧ и҆ Галилеѧ и҆ Поурѣѧ, [8]) Еситїстѣ, [9]) ѿ мене къ всемоу ѿвѣщаваше, [10]) тоже, [11]) ходѧ, [12]) твою хитрость, [13]) добрѣ наказаны твоеѧ дш҃а, [14]) сътвори, храни, [15]) не мози съвратити. [16]) съзмѧсти, [17]) квити оу҆спѣхъ, [18]) си, [19]) оужици соущю, [20]) цр҃еве, [21]) жизни, [22]) бесѣдоую, [23]) и тебе, [24]) еже, [25]) на коѧ любо, [26]) свою ризоу, [27]) жезлїемъ, [28]) въскочи.

ꙁакону ѹоутлъ, иже наоучи [1]) Савла, ꙁаоуши єго ꙁа ланитоу рекъ [2]): „Такомоу ли ѿ мене наказанїю настави, Савле, де иже соут бл҃гдти достойни [3]), [иже ст҃ымь ѡбраꙁомь подражатели быша Хоу҃], тѣм ти досаждаєши? или не вѣм, ꙗко мы ѿ того имам[ы] жиꙁнь сїю? но раꙁоумѣй, ꙗко иже ѿ сего гл҃емаѧ все прїꙗтно оу Б҃а [4]), любимо [5]) чл҃комь“.

Паче же раꙁгнѣва сѧ Савлъ и ꙗримъ [6]) лицемъ реч к Гамалиилоу: „Прътръпѣх ти старости и поутох ти, єже бысть при мнѣ твое оучнїє. но аще второе дръꙁнеши тако ѡ семь слово сътворити [7]), достойно прїймѣши [sic!] своєго свереніѧ. хитро бесѣдамъ [въꙁдамъ] въꙁданїє“.

Гамалеиль же реч: „И аꙁ да бых былъ причастникь Х҃а моєго ст҃рстемь, что ми того бл҃жене в жиꙁни сей?“

Растръꙁаше же старѣйшины ѡдежда своѧ и сипаху прах на вѣтрь гл҃юще: „Да насыплют сѧ гл҃ющеи словеса хоулнаѧ!“

Тогда рече Савль: „Да пострегоуть ихь, да ꙁаоутра в себѣ сїй всѧ“. [8])

И ꙁаоутра сєде на степенех повѣлѣ привести єго. и[тако] приведоша и на распѧтїє. и ставь пред нимь аг҃гл҃ъ гн҃ъ и повръже древо. и бѣ Стефань цѣлъ ѿ рань тѣх [9]). и паки приставиша ꙁ҃. моужїи числом слеꙁше съ степени, раꙁвръꙁше [10]) оуста Стефаноу вливахоу [11]) ѡлово раꙁжегше и въ оуста [12]) єго, смолоу [раꙁженоу] врѧщоу [вливаху] и гвоꙁдїє наѡстривше въ пръси ємоу вонꙁоша и в лысты ногоу єго. бл҃женны же роуцѣ въꙁдвигъ на н҃бо въпїꙗше гл҃ѧ: „Ѡстави им грѣх сїй!“ аг҃гл҃ь же гн҃ь съшед исцѣли єго ѿ всѣх тѣх ꙗꙁвь и ꙁдрава [всего] сътвори. и тогда ѕѣло [13]) множество вероваше въ Б҃а, и оумножи сѧ число Хв҃ы цр҃кви вѣроую[щихъ] съ Стефаномъ, [14]) бѧше [15]) бо пр҃ркь и оучитель всѣм людемь.

Ꙁаоутра [16]) съвѣть сътворше вес собор людскїй, и изведоша єго вонь иꙁ града на соудище [17]). и ставь же ст҃ый Стефанъ на камени [18]) иꙁбранїємъ блиꙁ гори иꙁбранны ст҃ыѧ, и въꙁдвиже [19]) глас свой и реч к нимь гл҃ѧ: „Доколѣ сотона ѡжестеваєть [20]) ср҃дца ваша не поꙁнати свѣта истинны? се оубо [21]) ꙁаконь и пророци проповѣдають

---

[1]) наказа, [2]) рекши, [3]) дод. Хоу҃, [4]) прїѧто оубо, [5]) любо, [6]) страннымъ, [7]) но аще второе да тако оумислиши ѡ семъ слово кое сътворити, [8]) все бо сїи вси, [9]) праꙁденъ ѿ ꙗꙁвы, [10]) раꙁдвигше, [11]) льѧхоу, [12]) оуши, [13]) дод. велико, [14]) вѣрою Стефанею, [15]) бѣ, [16]) дод. же, [17]) ѡсоудити и. [18]) на камыцѣ, [19]) вꙁѧ, [20]) ѡжесточа, [21]) бо.

поуть гн҃ь и бл҃говѣствоуютъ: [1]) рождество Хв҃о есть [2]) по плоти. гл҃еть бо в законѣ прьвом и въ втором въ ѡставших книгах: „Егда пріидеть врѣмѧ [3]) завоутоу [sic! зам. завѣтоу], послю [4]) възлюблен́наго своего агг҃ла, дх҃ь бо [5]) сн҃овства и съ преуистыѧ дв҃ы плод правды [ѿ іилътеска племена], и всеѧніе ѡбраза [6]) въздастеніе [7]), плод по уювствоу [8]) въ вѣки ѡ словесех завѣта моего. и боудеть знаменіе се“, Исаиа зовет гл҃а: „ꙗко ѡтроуа родис нам сн҃ь и дан бысть нам“. и паки: „Се дв҃аа въ оутробѣ въспріимоуть [9]) и родит сн҃ь и нарекоут имѧ емоу Еммаиоиль, еже [10]) снами Бг҃“. и паки гл҃аше Нафань пророкъ: „Видѣх двцю бес посага [11]) моужеиска и младенець на роукоу еи, и просвѣтис ѿ лица его всѧ землѧ“. и паки Вароух пророкъ гл҃ет: „Камен ꙗвит сѧ ѿ гори вѣуныѧ и поразить капище и поустить“. [12]) и Двдь гл҃еть: „Въскрсни [13]) гн҃ въ покой твой, ты и кивот ст҃нѧ твоеѧ“. разумѣйте, неразумніи, ꙗко ѿ класа [14]) пророкъ всє слово соудить [15]), [пѣти] плодное [16]) рождество Хв҃о проповѣдаєть. но въ [17]) не разумѣвше тѣх властелина мироу всему и сп҃са на древѣ распенша и оубисте [18]) но [тъй] съшед въ адь жизнь мирꙋ всемоу даровавъ [19]), иже пріꙗти имать [20]) время ѡбѣтованне [21]) и тогда оувѣсть [22]), кто есть пострадавый [волею и живый] въ вѣки“.

Сице сый и главоу [23]) възведе [24]) на нб҃о и реу: „Се вижоу нб҃са ѿвръста и сн҃а бж҃іа стоꙗща ѡдесноую Бг҃а“. и тогда кликноуше гласом великимь и пріидоша коупно възложиша нан роуки своѧ гл҃аще: „Сіи гл҃еть словеса хоулнаа“.

Гамалиилъ же реч: „Колико сіи уєстный [25]) и праведны моуж видѣ сн҃а бж҃іа стоꙗща ѡдесноую Бг҃а, гнѣвающе сѧ и гл҃юще ко ѿцоу: „Како едина уе жидове бѣсоуют сѧ на мѧ и не престають пакости творѧще исповѣдающимъ имѧ твое ст҃ое!“ [26]) реч же к немоу [ѡц҃ъ]: „Сиди [27]) ѡдесноую мене, дондеже положоу враги твоѧ под нозѣ твои“.

Тогда бысть собор великъ и въсхитивше ст҃го Стефана и сказавше и и оутвръдив [28]) и зѣло ведоша его къ Александроу книжникоу [29]) соущꙋ

[1]) бл҃говѣстать, [2]) иже, [3]) годъ, [4]) поущю, [5]) бл҃гъ, [6]) плод правды безъ рала и безъ сѣмени и всеѧнію ѡбразъ, [7]) и възрастеть, [8]) доп. саженіѧ, [9]) въ оутробоу внемлеть, [10]) доп. есть [11]) посага, [12]) капище ѿпоущеніѧ, [13]) востани, [14]) гл҃а, [15]) соудитѣ ти, [16]) плотное, [17]) вы, [18]) распенше оумористе, [19]) дасть, [20]) и пріимоуть въ, [21]) ѡбѣтованіѧ, [22]) оувѣсте, [23]) и сие сеи гл҃авъ, [24]) въздвигъ, [25]) како уе стнии, [26]) имѧ мое, [27]) сади, [28]) оутвердиша, [29]) книгуіи.

старѣйшинѣ своему тиверіадскимъ[1]). иже в нощи тойи к четвертой стражи[2]) свѣть посвѣти[3]) окрсть его ꙗко свѣть млъніа, и гла к немоу гла: „Дрьзай, Стефане! тыї бо показа свѣт праведный[4]) мене ради[5]). ты боудеши на[6]) всѣмь [иже ѿ земла] оумираюшимь[7]) ѡбаче заоутра в сїи же ча[8]) възыйдеши ко мнѣ и памат впишоу твою въ книги живота[9]). сего ради радоуй са вышнїй вѣкъ[10]) и въ градоущїй без коньца“.

Съвѣть же сътворше[11]) тоу събравше са на собор и соудиша[12]) каменїемь побити [стого] Стефана. и баше с нимъ Авинь[13]) и Никодим и Га[ма]лиилъ [и Пилать старѣйшина со женою и со двѣма ѡтроучищема [и] инь многъ народ вѣровавших. тогда ставъ Савлъ пред всѣмь народом] потрас роукою и гласом великим гла: „Достойно[14]) бѣ, ѡ моужїе и вси старци людстїи, не оуморити моужа сего великаго хитростїю своєю. єлмаж єго ради мнози ѡбратиша ѿ славнїй нашей[15]) вѣры, тѣмже ѡсоудих Стефана каменїем побити, да не вес събор людей к немоу прибѣгаєть[16]) чтож вы глєте, любоустнїй соборѣ?“[17]) Онииже вси [ꙗко єдиными] възопиша[18]) глюще: „Каменїємъ да побїень боудеть!“ и предстоꙗще съ жезлїємъ дроугъ на дроуга възирающе, не држахоу[19]) роуцѣ възложити нань, зане баше славень въ людехь.

Разгнѣвавь же са Савлъ взем котыги слоугамъ и положї а на столѣ своємъ[20]) и повелѣ имъ[21]) роуцѣ вложити нань. і ѡзрѣвъ же са славный Хвъ мчник Стефань реч к немоу: „Савле, Савле, єже мнѣ нинѣ сътвориши, по мале ѿ сих жидовь на себѣ[22]) оузриши[23]) и стражда помянеши ма“.

Тогда паче разгнѣва са Савлъ повелѣ каменїємъ побити єго. и народ вземлюще[24]) каменїє[25]) биꙗхоу єго часто, ꙗкож[26]) сквозѣ каменїє и лоуч[27]) слнчных не бѣ видити. ꙗвив же са и Никодим и Гамаилїилъ, ѡбьемше [стго] Стефана прїꙗша и тїи каменное побїенїє[28]) и своа дша предаша Хоу.[29]) стый же Стефань млаше Гви ѡ оубиваюшихъ єго гла: „Ги Іс Хс, не постави им сего грѣха камень бїющих[30]) нас, сего бо ради[31]) твоєго црства дойти надѣемса“. сице глав предаст дшоу свою Гви[32]).

---

[1]) соущю старѣйшинѣ людемъ и воемъ тивирнадьскомъ, [2]) стражбѣ, [3]) просвѣти са, [4]) близъ показа правды, [5]) мене дел ма моученїємъ, [6]) В тексті повинно бути: старѣишина в зам. старїн, [7]) дод. за ма, [8]) оубо въ нейже час, [9]) дод. вѣчныа, [10]) да радоуєши са и веселоуꙗ са къ нинашнаꙗ вѣкы, [11]) сътворивше, [12]) ѡсоудиша, [13]) Авивь, [14]) Достоало, [15]) славнѣишеє, [16]) прибѣжить, [17]) то оуже како вамъ любо, ѿ честный съборѣ, [18]) кликноуша, [19]) дерзнахоуть, [20]) сїи, [21]) людемъ си, [22]) В рукоп. съвѣт, [23]) ти имать быти, [24]) народѣ възирающе, [25]) каменїємъ, [26]) ꙗко се, [27]) зорь, [28]) и каменїємь побиша их, [29]) даша Хсоу с миромъ, [30]) каменїємь побиваюших, [31]) сего дѣла,
32)

[И втой час] вѣрнїи людїе [1]) падоша на телеса с҃тых [2]) и плакаше ся [3]) велїимь гласом, и ве^с собор желаше по них [4]), по неже видѣша а҃гг҃лы бж҃їа горѣ несоуща [5]) дш҃а их на твердь н҃бсноую. [6]) и възрѣвша [7]) видѣша н҃бса ѿвръста и силы н҃бсныя стрѣтающе дш҃а их [8]). и сотвориша вси людїе плач великъ над [с҃тымь] Стефаномь три дн҃и и т҃ нощи.

[Тогда попеченїе велико сътвори Пилат,] взем [9]) телеса с҃тыхь, и сотвори [10]) коемоуждо теле^с ковчегь [с҃ть] сребрень, и воложи [11]) телеса с҃тых, написавь [12]) на коемждо имя емоу. а в немьже с҃тый Стефань лежаше, златом позлати [13]). положи [14]) его с великою славою в стайнем своем гробѣ]. м҃ли же ся с҃тый Стефань Гв҃и гл҃я: „Гн҃ силамъ [15]), съкрїй телеса наша въ веси моей Арасимѣ [16]), въ капогьматѣх [17]) до времени ѿкровенїя, егда съберoут ся иже по мнѣ мч҃нци“. и в тоу нощъ [18]) съшед а҃гг҃лъ съ н҃бсе преложи телеса с҃тых на мѣсто [с҃тое], егож проси. [19])

Въстав же Пилать заоутра и внїйде въ клѣт свою покадити с҃тыа мощи. и не ѡбрѣте [20]) их, растръза ризы своя и плакаше^с плачемъ великимъ гл҃я: „Поуто аз не бых достоинь слоуга быти твоим рабом и вл҃дцѣ всѣх бѣкъ? или за еже невѣдый заоуших прес҃тое и преч҃стное тѣло твое? но того ради плачоу^с ѕѣло, Гн҃, не презри мл҃твы моея!“

Въ дроугоую ж нощь представъ емоу бл҃женный пръвом҃чникъ Стефанъ яко не въ снѣ, но яко явѣ, и рече емоу: „Възлюбленниче мой, ни скорби ни плача, аз бо мл҃их Бг҃а моего и сп҃са всѣх сокрити кости наша; въ время ж ѿкровленїя намъ ѡбрящет ны по явленїю ѿ сѣмени твоего, и правда и хотенїе, желанїе твое съвръщит ся. но сотвори мл҃твеный храмъ въ имена наша, напиши еже по силе родꙋ творити памяти наша мс҃ца априля, якож поучитахом, по седмем мс҃ци и ты поучещи с нами.“

заутра же въставь Пилать с радостїю векикою и сътвори цр҃ковь красноу с҃тым и бл҃жен҃ным мч҃нкомъ, заповѣдавъ бл҃голѣпной памяти добрих

---

[2]) ч҃стная чяда, [2]) на телех тых, [3]) плакаша ся, [4]) желаше, их, очевидно зам. жалѣше их, [5]) несомы, [6]) над твердїю н҃бсною, [7]) възрѣвше, [8]) с҃тых, [9]) и въземше, [10]) сътвориша, [11]) положиша, [12]) написаша, [13]) златомъ ѡковавше, поволокше, [14]) положиша, [15]) силъ, [16]) Аросоми, [17]) Карюг҃матѣхъ, [18]) тои нощи, [19]) замість усього дальшого Зам. має ось яке закінчене: аще же моукоу прїимъ Стефанъ поучи славно съ моучившими ся съ онымъ з ч҃лческое сп҃снїе, ѡ Хѣ Іс҃е Гс҃дѣ нашем, емоуже лѣпо ест слава, ч҃сть и держава и҃нѣ и пр҃сно и в вѣки вѣкѡм. [20]) В рукоп. ѡбрѣсти.

мѹ҇нкъ, достоино сътворнв ѝ съвръшивь, въ седмь мс҇цъ ѝ сꙗмъ поүн ѿ Хв҇ Іс҇в, ѝ погребенъ бысть въ Капартасꙗлѣхь. ѣще же ѝ жена ѣго поүн с миромь. ст҇ын ж Хв҇ы мѹ҇нищи ꙗвниша[с] трищи үестным ѝ вѣрным людемь ѝ гл҇авше ѝ наказавше словесем бж҇їимъ; но съмрътн бо их тогда многоү вѣроү приꙗ цр҇кви Хв҇а.

Сицевѹю моүкоү прїемь бл҇жены Стефанъ поүн славно с мѹүнвшими сꙗ с ним, дар прїем за үл҇үское сп҇сенїе ѿ Хв҇ Іс҇в ѡ г҇сдѣ нашемь, эмоүж слава въ вѣки. аминь.

Порівнюючи оба сі рукописні варіянти оповіданя, не легко виробити собі ясне поняте про те, чи вони виплили з одного жерела, себ то з одного церковно-славянського перекладу грецького твору, чи може се репрезентанти двох перекладів. Вислов у обох текстах досить відмінний, та з другого боку на стілько близький, що в богатьох випадках темне місце або пропуск одного тексту можемо пояснити другим. Інтересно, що власне коротший, обкроений текст Зам. в многих місцях дає ліпшу лекцію від повнійшого Льв., хоча не виключені й такі випадки, де значінє Зам. тексту робиться зрозумілим лише по порівнаню з Льв. Видно, що між одним і другим текстом лежить ряд посередніх, у яких сей текст ступнево перемінювався.

Та лишаючи на боці язикові та стилістичні відміни, варто звернути увагу на ті пропуски, якими Зам. ріжниться від Льв. В тих пропусках єсть система: редактор тексту Зам. силкувався з тексту оповіданя усунути всі згадки про Пилата і його ролю в Стефановім мучеництві і похороні. Ідея зробити з Пилата бездушного та безхарактерного римського чиновника, тайного чи явного послідовника Христової науки і навіть святого, повстала в умах де яких слабохарактерних християн у пору, коли Діоклетіянове та Ліцінієве переслідуванє внесло чималу деморалізацію в ряди християн (читай про се хоч би відповідні глави Євзебієвої історії церкви), а нагла побіда християнства за Константина породила тенденцію зробити християнство з самих його початків такою релігією, до якої хилилися найвисші уми та найсильнійші володарі поганського світа. Оттоді то, в IV і V віках скомпоновано такі апокріфи, як Никодимове євангеліє, в яке ввійшли в перерібці й тзв. Пилатові акти, ніби то опис устного процесу Ісусового перед Пилатом, де Пилата виставлено в світлі значно кориснійшім, ніж у канонічних євангеліях. Фантазія християнських новелістів та гагіографів кружила докола дворів рим-

ських імператорів, населяючи їх прихильниками християнства, не цураючися й таких почвар, як Нерон, якого теща і дочка і ріжні свояки (Перпетуя, Потенціяна, Анфіса) попали в число святих. З цісарської родини виведено св. Климента та за одним заходом зроблено християнином його батька й матір—сюди належить і Домітілля, якої імя звязане з одною славною катакомбою в Римі. Святою і мученицею зроблено й Траянову дочку Друзіллю чи Дрозіяду, скомпоновано переписку ап. Павла з Сенекою і т. д. Лукіянові, авторові оповідання про мучеництво св. Степана, полишилася сумнівна честь зробити святими не лише жидівських книжників Никодима та Гамалиіла, але й самого Пилата. На честь християнської церкви треба сказати, що швидко відчуто всю невластивість сеї тендеції; заборона Лукіянового трактату про мучеництво св. Степана Гелязіянським декретом—се інтересний прояв реакції церкви против неї. Що й там, де про Гелязіїв декрет не чували нічого, як ось у нас на Русі, де переняті в темну добу духової замороки IX—X віків із Греції отакі байкові оповіданя (а їх у наших старих Минеях та Прологах збереглася значна сила на радість фолькльористам та історикам літературних мотивів) з наівною вірою переписувалися з віку в вік,—що й там одначе здоровий інстинкт бунтувався против такого абсурда, як признане святим нашої церкви Пилата, на се інтересним доказом служить власне та скорочена редакція оповіданя, яку маємо в нашім замойськім рукописї.

Та вернімо ще до деяких літературних питань, що вяжуться з нашими текстами. Поперед усього питане, чи справді наше церковно-славянське оповіданє—частина, і то затрачена в грецькім і латинськім частина Лукіянового трактату? На се питане можемо дати відповідь зовсім певну. В кінцевім уступі нашого (Льв) тексту Степан у небі просить Бога, шоб тіла його, Гамалиіла й Никодима (про Авива в тім місці не згадано, хоча в иншім місці нашого тексту й його вимінувано між Степановими сторонниками) „були укриті аж до часу откровенія". Значить, уже тут автор збуджує ожиданє, що в його оповіданю буде ще друга часть, власне опис того „откровенія". А се змушує нас заразом до здогаду, що й саме оповіданє було написане по доконанім уже віднайденю мощий. Що більше, автор нашого оповідання знає очевидно того, що доконав відкритя мощий: Степан у сні виявляє Пилатови, що сього відкритя доконає один із його пізнїйших свояків. Отжеж знаємо, що того відкритя доконав той сам єрусалимський пресвитер Лукіян, що був і автором трактату; згадане місце в нашім тексті наводить нас на думку, що

той Лукіян на основі якоїсь семейної традиції мав претензію до дуже сумнівної чести—бути потомком Понтійського Пилата; се вияснило б нам також, чому він при дивовижнім оповіданю про замучене св. Степана силоміць приплів також свойого ніби предка, щоб його обмити коштом історичної правди й доброго смаку і вчинити нарешті святим.

Що наш ц.-слав. текст і лат. Epistola Luciani і той її грецький оригінал, який опублікував д. Пападопуло-Керамевс, се фактично части одної цілости, доказують не лише згадані вже натяки ц.-слав. тексту, але також не менше виразні сліди грецького й латинських текстів. І так кінцевий уступ грецького I розд., цитований вище, робиться нам зрозумілим аж при порівнаню з ц.-слав. текстом: мова там не про яких будь єрусалимських християн, що як будь хоронять тіло мученика; навпаки, се слуги маючого і багатого пана, що хоронять тїла в срібних та золотом окованих домовинах. Далї у всіх текстах виступають ті самі особи і в тім самім характері: окрім Степана ще Гамалиіл, Никодим і Авів, усі три як віруючі християни; в ц.-слав. тексті всі вони вмірають мученицькою смертю разом із Степаном, а в греко-латинських уже перероблених текстах вони тілько похоронені разом у спільнім печернім гробі, і лиш один із них, Никодим, може хоч на половину вважатися мучеником. Зараз побачимо причину такої переміни. Так само треба підпести спільність топографії. Певно, в ц.—слав. текстах, і то в таких пізніх копіях, годі нам надїятися вірної і точної передачі сирійських імен, а проте годі заперечити, що названа у Льв. тексті Капартасала те саме, що Кафаргамала грецького і латинських текстів, місцевість знана й досі як один із центрів культу св. Степана [1]). Правда, церковно-славянський текст говорить, що в Капартасалї був похоронений лише Пилат, а тіла мучеників у „Стефановім селі Аросомі [2]), але це вже якась пізнїйша вставка і не мусїла належати до самого Лукіяна, коли вірити початковим уступам латинської Epistola та грецької реляції, де виразно кажеться, що мощі святих були віднайдені ним у Кафаргамалї.

Коли се так і оба оповіданя, про замучене Степана та про віднайдене його мощів, справді части одної первісної цілости; коли Лукіянів трактат, як твердить грецький титул, справді мі-

---

[1]) Про розкопи ведені в 80-их роках мин. віку в селі Кафаргамалї біля Ерусалиму, які відкрили основи великої церкви св. Степана, збудованої десь в V чи VI віці нашої ери, див. звістки в Analecta Bollandiana, річники VIII, IX і X.

[2]) Згадані при тім Карюгмата, іноді Капогьмата, здається мені, не що инше, як перекручене грецьке κατωγήματα —підземні склепи.

стив у собі мучеництво і віднайдене мощів Степана, то легко зрозуміємо, що в греко-латинських текстах годі нам ждати попросту відрубаної і зрештою ненарушеної другої частини. Ми вже піднесли, що всі рецензії обік перерібок заховали де-де сліди давнїйшого тексту, а се промовляє за тим, що Лукіянів трактат був кілька разів перероблюваний, ретушований і чищений як на латинськім, так і на грецькім грунті. Тепер, коли в церк.-слав. тексті маємо хоч може також не зовсім вірно заховану, та все таки в головному автентичну форму першої части орігіналу, можна з більшою відвагою догадуватися, як виглядали перші розділи грецького й латинських текстів у самім орігіналі. Отже мусимо признати, що розд. I і II теперішнього грецького тексту ніяк не могли належати до орігіналу, так само як кінцеві реченя обох ц.-слав. редакцій з їх славословіями. Безпосередно з закінченем нашого тексту Льв. лучився розд. III теперішнього грецького тексту з його Ὁ δὲ ἀγαθός καὶ φιλάνθρωπος θεός, що наступало зараз по оповіданю про смерть Пилата і його жінки. Із змісту ц.-слав. оповіданя видно також, що теперішній IV розд. грецького тексту також не міг належати до первовзору, але виплив із пізнійшої перерібки, бо-ж Гамалиіл не міг представлятися Лукіянові як остатній пережиток із цілої компанїї, коли в церк.-слав. тексті було виразно сказано, що він погиб разом зі Степаном і Никодимом. Коли він сам являвся Лукіянови, а не, як натякає досить неясний і може пізнійшою рукою доданий зворот у церк.-слав. тексті, усі три мученики разом (**ст҃ыи же хв҃ы мч҃нци ꙗвиша сѧ трищи ч҃стным и҆ вѣрным людемь**“—на пізнійшу перерібку натякає пропущене імени Лукіяна в тім місці; він сам певно не інакше мусів би написати в своїм письмі, бо-ж не жадним иншим людям, а лише йому явилася та обява), то він мусїв і тут представляти діло так, як воно описане в першій части; раз но першу часть признано соблазнительною і усунено з трактату, то й оповідане про сонний привид Лукіяна мусіло бути відповідно перероблене.

Коли був написаний Лукіянів трактат? Із того, що сказано досі, ясно, надіюся, всякому, що рік 415, у якім Орозій у Єрусалимі одержав латинську перерібку та Авітів рекомендаційний лист, мусів бути датою латинської перерібки, але зовсім не мусів бути датою написаня грецького орігіналу. Правда, в обох латинських рецензїях і в грецькім тексті Пападопуло-Керамевса річ представляється так, що віднайдене мощий св. Степана трапилося в тім самім році. Авіт говорить навіть, що він особисто був знайомий з Лукіяном і що Лукіянів „лист“ написаний на

виразне його, Авітове, домагане. Та ми бачили, що грецький текст не знає про се нічого і не можемо занадто полягати на правдомовність того еспанського презвитера, тим більше, що св. Єронім, який тоді пробував у Вифлеємі, ніде в своїх писанях не згадує нічогісінько про се віднайдене. Натомість заслугує на увагу записка пізнїйшого історика церкви, Никифора Каллїста, що мощі св. Степана були вже за часів Константина В. принесені до Константинополя. Ся звістка взята мабуть із безіменно опублікованого трактатика про се перенесене, дуже широко розповсюдженого на заході і на сході [1]); се знов таки оповідане сьвідка-самовидця, де автор і заразом головний діяч перенесеня говорить про себе і про своїх товаришів „ми“. Се оповідане навязує безпосередно до Лукіянового трактату про віднайдене мощий, визнається тим самим замилуванем до чудес, тою самою несмачною фантастикою. На мою думку се зовсім не жадне самостійне оповідане, а власне третя, кінцева часть того самого Лукіянового трактату. Ідея ненастанних чудес, що супроводили віднайдене тих мощий, пануе і в історії їх перенесеня: голоси з неба і крики та стогнаня демонів, спинене і чудесне порушене корабля на морі, мул, що промовляе людським голосом, і инші так само абсурдні чудеса, а нарешті сьвідоцтво „невірного“ жида, все те накопичено, щоб тілько доказати, що се не чиї будь мощі, лише св. Степана. Час похороненя тих мощий у Константинополі означено часом рівночасного володіня Константина Великого і патріарха Митрофана [2]), а се дае нам простір часу між 324 і 327 роками. Значить, у той час, у другу четвертину четвертого, а не в першу четвертину пятого віку, мусимо покласти написане сього трактату, а його автор Лукіян не міг бути особистим знайомим із Авітом, бо жив мало що не сто літ перед ним.

Іван Франко.

---

[1]) Латинський переклад доконаний Анастасієм Бібліотекарем, див. Augustini opera VII, у 41 томі лат. серії Міневої Патрольогії; грецький текст у цитованім томі Аналєктів Пападопуло-Керамевса, церковно-славянський крім рукописів у друкованих Прологах під днем 2 серпня та моі Памятки т. III, стор. 316—317.

[2]) В латинськім тексті патріарх називається Евзебієм, та се очевидна хронологічна нісенітниця.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1])

Жизнь моя въ Орловскомъ училищѣ.

(1817—1821 гг.)

Квартира на Слободкѣ. — Задержка въ открытіи училища. — Нѣкоторые факты изъ исторіи 1812 г. — Двѣ солдатскія пѣсни 1812 г. — Открытіе училища. — Учитель *Дьяконовъ*. — Учитель *Калинниковъ*. — Большіе расходы на учебныя книги. — Исканіе цвѣта папоротника въ ночь на 24-е іюня. — Полицейская расправа съ мужемъ хозяйки. — Опытъ съ порохомъ. — Самосудъ орловскихъ мѣщанъ. — Площадное наказаніе розгами 17-лѣтней замужней женщины красавицы. — Опытъ катанья по выгону на саняхъ подъ парусами. — Черты изъ жизни орловскихъ мѣщанъ. — Торговыя бани и безобразія въ нихъ отъ совмѣстнаго мытья обоихъ половъ. — Мальчикъ *Аретинскій*.

Не помню, какъ я провелъ вакацію въ с. Спасскомъ; но по минованіи ея, я представленъ былъ въ г. Орелъ — въ духовное училище 1-го сентября и поставленъ на квартирѣ съ двоюродными своими братьями — *Троицкими* на *Слободкѣ*, тянувшейся отъ мужескаго монастыря надъ оврагомъ, въ крайнемъ домѣ у мѣщанина преклонныхъ лѣтъ. Помѣщеніе наше было въ избѣ, спальня — на полатяхъ. Черезъ сѣни — на улицу была горница, но она занимаема была чиновниками Губернскаго Правленія, которые жили тихо, пока у котораго-нибудь изъ нихъ не появлялись деньги. Въ этомъ случаѣ посылалось за водкою, собирались

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1906 г. 5—6.

бабы и дѣвки и поднимались танцы подъ гитару — съ шумомъ и гамомъ....

Училище наше не открывалось мѣсяца полтора; подъ него готовилось старое деревянное зданіе въ монастырѣ. Смотрителемъ училища назначенъ былъ вдовый священникъ, въ то же самое время принявшій чинъ монашескій подъ именемъ *Филарета*. Онъ былъ товарищемъ моего отца въ старшей риторикѣ, человѣкъ довольно мягкаго характера. Не помню, какъ открывалось училище; но хорошо помню, какъ полтора мѣсяца бродили мы по городу подъ руководствомъ старшаго брата Ивана и отчасти сыновей хозяйскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ хромой, а другой — женатый — съ желвакомъ на рукѣ повыше щиколки. Послѣдняго отецъ гонялъ на работу канатную; но онъ часто увиливалъ и бродилъ съ нами. Онъ знакомъ былъ съ наборщиками въ типографіи, и при помощи его мы въ первый разъ увидѣли, какъ печатались книги. Мы считали наборщиковъ людьми учеными; но когда они пришли къ намъ на квартиру, мы разочаровались въ ихъ учености. Оказалось, они едва могли читать, а одинъ изъ нихъ, пожилой, при началѣ какого-нибудь дѣла, имѣлъ поговорку: „а нутко Богъ, кое-тко Христосъ!“.

Въ семействѣ хозяина мнѣ пришлось видѣть, какъ старымъ людямъ опасны гнѣвъ и раздраженіе. Старшій сынъ хозяина не ночевалъ дома. Сосѣди сообщили старикамъ, что онъ на базарѣ кричалъ: „Жару!“,—что его тотчасъ подхватили купцы и возятъ по трактирамъ и кабакамъ. Отецъ бросился въ городъ, нашелъ сына въ трактирѣ. Онъ уже договаривался пойти охотникомъ за другого въ солдаты. Отецъ едва убѣдилъ купцовъ оставить негодяя, указавъ на шишку правой руки и заплативъ, что истрачено на угощеніе его. На другой день старики собрались наказать его розгами. Отецъ держалъ его за волосы, перегнувъ черезъ столъ, мать сѣкла, жена стояла у припечки (при загнѣткѣ) — плакала. Мы смотрѣли на сцену съ полатей. Не долго его сѣкли; но мать старуха къ вечеру заболѣла и черезъ 4 дня скончалась.

На этой квартирѣ я болѣе познакомился съ 1812-мъ годомъ и послѣдующими событіями. Хозяинъ разсказывалъ, какъ въ ноябрѣ и декабрѣ этого года толпами проводили плѣнныхъ французовъ, какъ много умирало народа отъ повальной болѣзни и какъ поэтому никто не хотѣлъ принимать ихъ на квартиру, какъ на ночь загоняли плѣнныхъ въ неотопленныя казармы и какъ къ утру многихъ вывозили повозками хоронить въ накопанныя

большія ямы. Казармы стояли черезъ дорогу отъ квартиры нашей, а ямы были на 200 шаговъ отъ казармъ — въ полѣ. Дѣти хозяина указывали на эти ямы. Хозяинъ разсказывалъ, но не былъ самовидецъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ ожилъ въ то время, когда тѣло его изъ саней вываливали въ яму, и ухватился за грядку саней, но былъ желѣзною лопатою отбитъ въ яму и закопанъ вмѣстѣ съ мертвыми! — Съ нами квартировалъ, только въ отдѣленіи чиновниковъ, возвращавшійся изъ плѣна французъ, худо говорившій по русски, но научившій насъ играть въ карты — въ *возка*. Тогда же или спустя мѣсяцъ послѣ — квартировалъ съ лошадью кирасирскій вахмистръ, красавецъ лѣтъ 35-ти. О какъ мы его любили и какъ онъ былъ привязанъ къ намъ! Онъ стоялъ два года въ Парижѣ и разсказывалъ намъ о разныхъ битвахъ 1813 года. Онъ готовъ былъ играть съ нами на дворѣ во всѣ ребяческія игры. Къ изумленію нашему, онъ показывалъ намъ, какъ можно драться на сабляхъ со многими и оставаться невредимымъ. Онъ ставилъ насъ троихъ противъ себя, давалъ намъ по палкѣ и самъ бралъ такую же палку, и просилъ нападать на него и изо всей силы бить его. Что же? Мы дружно нападали на него, но онъ не только не допускалъ ударовъ до себя, но еще каждому изъ насъ наносилъ удары (по шубѣ, — это было зимою). Онъ диктовалъ намъ солдатскія пѣсни 12-го года, а голосъ перенимали мы у солдатъ, ходившихъ къ нему чистить лошадей, и особенно у тѣхъ, которые цѣлымъ эскадрономъ самымъ тихимъ шагомъ каждый день водили лошадей на водопой. Вотъ нѣкоторыя слова тѣхъ пѣсенъ, сохранившіяся въ моей памяти:

I.

Какъ попался въ плѣнъ маіоръ французскій,
Повели того маіорика ко Кутузову,
Какъ возговоритъ князь Кутузовъ
Ой зычнымъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи маіорикъ ой да французскій,
Сколько силы въ Наполеона?“
— Увсѣхъ силъ Наполеона ой смѣты нѣту. —
— „Врешь, маіорикъ французскій!
У вашего Наполеона ой силы нѣту.
Погубилъ ее въ морозѣ,
Запрудилъ ею Березу!“

II.

Государь нашъ Александра
Навсегда будетъ отецъ,
Ой сухарей въ него довольно,
Платьемъ, обувью снабдитъ.
А французъ шельма — грабитель
Разорилъ нашу Москву.
Запрудилъ рѣчку Березу
Своимъ буйнымъ табуномъ.

Наконецъ въ Орловскомъ училищѣ открылось ученіе. Сначала открыты были три класса: второй классъ приходского училища, низшее отдѣленіе и высшее отдѣленіе уѣзднаго училища [1]). Мѣсяцъ я сидѣлъ во второмъ классѣ, но потомъ въ числѣ многихъ другихъ переведенъ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Въ этомъ отдѣленіи проходились предметы: Латинская грамматика — *Амвросія*, Греческая грамматика, Катихизисъ, Священная Исторія, кажется, *Платона* (она начиналась такъ: „Богъ сотворилъ небо и землю такъ прекрасно и великолѣпно, какъ мы оныя теперь видимъ"), Ариѳметика и Математическая Географія, Уставъ церковный и церковное пѣніе. Въ высшемъ отдѣленіи — тѣ же предметы, кромѣ Устава и пѣнія, и переводились *Корнелій Непотъ* и греческое Евангеліе. Не помню, кто былъ учителемъ въ приходскомъ училищѣ; но въ уѣздномъ — въ обоихъ классахъ — студенты богословія *Иванъ Андреевичъ Шокотовъ* и *Василій Филипповичъ Дьяконовъ*, Священникъ Рождественской церкви отецъ *Ѳедоръ Калинниковъ*, а Уставъ и пѣніе преподавалъ рябой дьячекъ. Упомянутые студенты числились еще въ Семинаріи, куда должны были подавать разсужденія на сообщаемыя имъ оттуда темы. Дьяконовъ послѣ женился на дочери орлов-

---

[1]) По уставу 1814 г. съ духовнымъ *уѣзднымъ училищемъ* было соединено дух. *приходское училище,* имѣвшее два класса: *первый* и *второй;* изъ этого второго класса ученики переходили въ *низшее отдѣленіе* уѣзднаго училища, каковое отдѣленіе обычно тогда называлось *третьимъ классомъ* (въ общемъ счетѣ), а высшее отдѣленіе — *четвертымъ* классомъ. Но въ 1825 г. уничтожено раздѣленіе низшихъ духовныхъ училищъ на *приходскіе* и *уѣздные*—и изъ нихъ образовано только *одно духовное уѣздное училище* — съ 3-мя отдѣленіями: *низшимъ, среднимъ* и *высшимъ* (по 2 года въ каждомъ). Такъ было до новаго Устава 1869 г.
— Л. М. —

скаго катедральнаго протоіерея и черезъ 4 года поступилъ священникомъ въ соборъ. Оба они были самоучки, познакомившіеся съ свѣтскими предметами еще въ Сѣвскѣ. Дьяконовъ самоучкою пріобрѣлъ порядочное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ и преподавалъ его въ орловской гимназіи. Это былъ самый благородный человѣкъ, по гуманности опередившій свой вѣкъ. Онъ преподавалъ латинскій языкъ, географію и ариѳметику въ высшемъ отдѣленіи духовнаго училища. Методъ его преподаванія географіи заключался въ рисованіи, ариѳметики — въ примѣрахъ, латинскаго языка — при переводѣ съ русскаго — въ подражаніи Корнелію Непоту и для того — въ предварительномъ заучиваніи самыхъ легкихъ мѣстъ изъ этого автора. Онъ сдѣлалъ таблицу со многими графами, въ которыхъ обозначалось наименованіе государства, число жителей, вѣроисповѣданіе, языкъ, правленіе и проч. Приносилъ намъ изъ гимназіи глобусъ. Но всего занимательнѣе были разсказы его о странахъ. Лучшихъ учениковъ, въ число которыхъ попадалъ и я, онъ водилъ на публичный экзаменъ въ гимназію, гдѣ мы видѣли многіе физическіе опыты: сцѣпленіе двухъ тѣлъ, насосы, вытягиваніе воздуха изъ воздушнаго колокола, дѣйствія магнита и электричества. Но за то преподаватель въ низшемъ отдѣленіи священникъ Калинниковъ былъ бичемъ для учениковъ. Это была особа почти высокаго роста съ красными волосами, худощавый и злой. Его почему-то назвали *Жестянкой*. Одинъ на приходѣ, отдѣленный рѣкою на одну версту разстоянія отъ училища, онъ всегда опаздывалъ, половину часовъ занимался экзекуціей и нѣсколько минутъ — разъясненіемъ урока. О какъ боялись его, и какъ ненавидимъ онъ былъ учениками!

Я сталъ быстро развиваться только въ высшемъ отдѣленіи подъ вліяніемъ Василія Филипповича. Первый же годъ сталъ въ числѣ первыхъ учениковъ и перешелъ въ семинарію *вторымъ* ученикомъ. Послѣдній годъ въ училищѣ я сдѣланъ былъ *сеніоромъ*, т. е. старшимъ надъ старшими: мнѣ дано было право каждаго изъ малыхъ шалуновъ рвать за волоса. Какъ я ни избѣгалъ употребленія этого права, но оно глубоко испортило меня. Я сталъ гордиться и самъ себя изолировалъ отъ рѣзваго и веселаго общества..,

У меня явилась охота къ рисованію, и я купилъ руководство. Но это рисованіе мое ограничилось маленіемъ. Памятниками моего искусства остались въ горницѣ отца моего портреты генераловъ 12-го года и плоскошарія земного шара. Въ 60-хъ годахъ они погибли въ пожарѣ.

Еще въ низшемъ отдѣленіи училища я обременялъ отца чрезвычайными расходами. Страшный *Жестянка* принуждалъ учениковъ покупать нужныя и ненужныя книги. Отецъ открылъ мнѣ кредитъ у одного торговца, у котораго онъ покупалъ церковное вино, въ случаѣ понадобятся мнѣ небольшія деньги. Но я, покупая учебныя книги, забралъ цѣлыхъ 35 рублей. Какія же это книги? 1) латинская грамматика — Амвросія, 2) Корнелій Непотъ; 3) греческая маленькая грамматика; 4) греческій лексиконъ; 5) греческое евангеліе; 6) катихизисъ; 7) Священная исторія — 8) нотный обиходъ и 9) уставъ. Не думаю, чтобы лишнія деньги бралъ учитель. Видно — такъ дороги были тогда эти учебники.

У меня велась книжка разнообразныхъ секретовъ, относящихся къ искусствамъ: какъ золотить и серебрить металлы, какъ найти *разрывъ-траву*, какъ заговаривать кровь — и отъ укушенія змѣи и другія нелѣпости. Но отецъ мой, по совѣту Богоявленскаго дьячка, истребилъ ее. У меня велась и другая книжка, въ которой записывались стихи разныхъ авторовъ и особенно Жуковскаго баллады и „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“. Эти пьесы я зналъ наизустъ — не потому, что я училъ, а потому, что часто читалъ ихъ товарищамъ и дома — сестрамъ. Чтобы списать эти стихи — не съ книги, которой никто не имѣлъ, а съ тетради, — я платилъ обладателю ея деньгами, и если не было ихъ — бумагою и перьями. И эта книжка хранилась въ секретѣ — какъ отъ учителей, такъ и отъ отца. Въ первой книжкѣ значилось, какъ достать *цвѣтъ папоротника*, который разцвѣтаетъ съ блескомъ и въ ту же минуту отцвѣтаетъ — въ полночь подъ *Ивана Купала*. Во второй годъ ученія моего въ низшемъ отдѣленіи уѣздаго училища я былъ увлеченъ товарищами караулить разцвѣтъ папоротника и запастись цвѣтомъ его. Обладателю этого цвѣта, говорилось въ книжкѣ, будутъ сами собою являться клады, выходя изъ земли на поверхность. Чтобы пріобрѣсть этотъ цвѣтъ, по проекту книжки, — надобно было вокругъ папортника обвести черту или кругъ, войти въ кругъ съ молитвою, сѣсть вокругъ папоротника, разостлать подъ нимъ платки и сохранять глубокое молчаніе. Предъ полночью послѣдуютъ страшныя видѣнія. Будутъ на васъ стремиться стада коровъ, табуны лошадей, потомъ стаи волковъ, будутъ летѣть на васъ повозки, коляски: но вы не оборачивайтесь въ стороны, но все смотрите на попоротникъ. Коровы, лошади, волки, повозки, коляски — вотъ, вотъ будутъ подлѣ васъ, но черта ихъ остановитъ. Послѣдуетъ вой, крикъ, выстрѣлы; но вы заткните пальцами уши — и не сводите

глазъ съ папоротника. Въ самую полночь папоротникъ вдругъ вспыхнетъ радужнымъ цвѣтомъ, цвѣты посыпятся на ваши платки, и вы, свертывая платки съ возможною скоростью, кричите: *чуру, чуру, чуру*. Тогда, завязавъ платки нѣсколькими узлами, спокойно отправляйтесь домой.

По проекту, начертанному въ книжкѣ, подъ предводительствомъ старшаго моего братца *Ивана Троицкаго*, все исполнено какъ слѣдуетъ. Только что стало садиться солнце, мы вчетверомъ отправились за городъ къ опушкѣ лѣса, гдѣ прежде намѣченъ былъ кустъ папоротника. Вокругъ этого куста обвели черту и, перейдя ее съ молитвою, сѣли вокругъ куста, разостлавъ подъ нимъ свои платки. Водворилось глубокое молчаніе. Устремивъ испуганный взоръ на папоротникъ, мы урывкою взглядывали другъ на друга. Ни крику, ни гаму, ни вою и ни малѣйшаго шуму вокругъ не было; только слышенъ былъ отдаленный лай собакъ въ городѣ, который болѣе ободрялъ, чѣмъ пугалъ насъ. Не помню, долго ли я сидѣлъ; но вдругъ я пробудился какъ будто отъ сна; солнце всходило, я лежалъ на боку. Но боялся промолвить слово,—и всѣ лежали, какъ я. Проснулся другой—и что-то громко сказалъ. Тогда поднялись всѣ. Тогда двоюродный братецъ мой вздумалъ лгать, увѣряя, что онъ видѣлъ разцвѣтъ и запасся цвѣтомъ; но платокъ его, остававшійся подъ папоротникомъ, тотчасъ обличилъ лгуна. Тогда всѣ поспѣшили домой, чтобы какъ можно тверже выучить уроки и увѣрять всѣхъ, что мы вовсе не отлучались изъ города, а ходили подлѣ двора, ожидая восхода солнца, и видѣли, какъ оно рядилось въ разные цвѣта, плясало по небосклону, какъ и слѣдовало ему въ утро Купалы рядиться и плясать. Хозяева квартиры отъ души повѣрили: они знали, что по всѣмъ селамъ дѣвки и парни ночь проводятъ безъ сна на улицѣ и выгонахъ—въ пѣсняхъ и пляскахъ, ожидая чуда при восходѣ солнца.

Въ теченіи 4-хъ лѣтъ я перемѣнилъ 5 квартиръ. Все, что писано выше, происходило на *первой* квартирѣ. Изъ пребыванія на *второй* квартирѣ врѣзалось въ памяти моей несчастіе съ молодыми хозяиномъ и хозяйкою. Хозяйкѣ сказали, что мужа ея за какой-то безпорядокъ схватили полицейскіе солдаты и потащили въ полицію. Она тотчасъ бросилась въ полицейскій дворъ. Тамъ кого-то сѣкли въ двѣ лозы; наказываемый не кричалъ; въ толпѣ говорили: „замеръ!“ Но вдругъ обмершій вскрикнулъ: это

былъ — мужъ хозяйки! Беременная, она ахнула и повалилась замертво. Хозяинъ безъ вреда для здоровья перенесъ наказаніе, а хозяйка „сбросила“ — и ее привезли на телѣгѣ...

На *третьей* квартирѣ одинъ изъ учениковъ досталъ пороху — не больше $^1/_8$ доли фунта. Изъ него на столѣ дѣлали вензеля и зажигали. Коробочка съ порохомъ лежала тутъ же — на столѣ. Ученики, наклонившись надъ столомъ, любовались горящими вензелями. Но вдругъ послѣдовалъ взрывъ пороха въ коробочкѣ, — ученики попадали навзничь, свѣча потухла. Хозяйка бросилась въ нашу комнату, но дымъ и мракъ остановили ее у порога. Послѣ испуга и безмолвія, раздался крикъ и слезы. Тутъ вбѣгаетъ со свѣчкою канцелярскій, квартировавшій черезъ сѣни въ другомъ отдѣленіи, — и дѣло объяснилось. Ученики были невредимы, только опалило имъ брови и немного волосъ. Къ счастію, въ ту секунду, я отвернулся отъ стола за клочками бумаги, которою поджигались вензеля.

Четвертая квартира памятна мнѣ страданіями хозяина отъ самосуда мѣщанскаго общества. Въ половодье Ока, протекающая черезъ весь городъ, для людей праздныхъ представляетъ собою величественное зрѣлище. Вода на ней поднимается на полторы сажени. По ней съ шумомъ и трескомъ плывутъ огромныя крыги льда, то становясь на ребро, то разбивая другія крыги; между ними плывутъ снесенные мосты, плетни и цѣлые хлѣва, разбитыя барки... Для мѣщанъ въ это время рѣка становится поприщемъ отваги и наживы. На лодкахъ, съ баграми въ рукахъ, они перехватывали все цѣнное— бревна, канаты и проч. Все пойманное и дорогое присваивалось обществу, продавалось и деньги обращались на общественныя нужды; малоцѣнныя вещи позволялось мѣщанамъ обращать въ свою пользу. Нашему хозяину въ полночь удалось поймать нѣсколько свертковъ новаго каната; одинъ изъ свертковъ онъ отнесъ къ себѣ въ домъ. Это дошло до свѣдѣнія общества. На сходкѣ рѣшили сдѣлать обыскъ. Всею гурьбою пришли въ домъ хозяина. Канатъ нашелся. Что же дѣлаютъ съ преступникомъ? Снимаютъ съ него портки. Связываютъ канатомъ ноги и привязываютъ къ колѣнямъ руки, и за конецъ веревки везутъ несчастнаго по замерзлой грязи и... поддерживаютъ за плечи, и привозятъ на мѣсто сходки полумертвымъ. Судить некого, сѣчь — не почемъ, — изъ задницы одни жилы и кости остались. Взвалили его на телѣгу и отдали его хозяйкѣ везти домой. Хозяйка повезла больного въ больницу; больница дала знать въ полицейскую часть. Многихъ, было, арестовали; но об-

щество на другой же день выкупило своихъ арестантовъ, а хозяинъ нашъ цѣлое лѣто пробылъ въ больницѣ.

Пятая моя квартира находилась на концѣ Слободки—къ выгону и въ 40 саженяхъ отъ кабака, у котораго на площади собиралась сходка и производились судъ и расправа. Мы—ученики часто были свидѣтелями наказаній, производившихся возлѣ кабака. Однажды хозяева квартиры сказали намъ, что въ полдень будутъ наказывать 17-лѣтнюю красавицу. За что же? Отправившись, на другой конецъ города къ родителямъ, она застряла въ трактирѣ, не ночевала дома и только на другой день мужъ ея гдѣ-то напалъ на слѣдъ ея и, поймавъ, привелъ домой. Неизвѣстно, что ей досталось дома—отъ мужа, но свекоръ и свекровья не удовлетворились домашнимъ наказаніемъ, а настояли у Общества, чтобы невѣстка наказана была при сходкѣ, требовались на сходку и женщины, коихъ пришло немного. Старики требовали, чтобы женщины держали преступницу и сѣкли. Женщины положили красавицу на землю и подняли только юпку, но старики закричали: „поднимай рубаху!“ Двѣ женщины съ пукомъ розогъ уже готовились сѣчь. Но какъ женщины не послушались поднять рубаху, то ихъ отпихнули, а на красавицу насѣли мужчины и такъ дернули на голову рубаху, что развязалась юпка и обнаружилось все тѣло — съ ногъ до головы. Тогда между женщинами поднялся крикъ—и изъ нихъ державшія въ рукахъ розги бросили ихъ на земь и замѣшались въ кучку другихъ женщинъ. Поднялся общій крикъ... Вышелъ изъ толпы мужъ и началъ сѣчь жену пучкомъ розокъ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ и раздавшагося вопля, у мужа опустились руки... Тогда одинъ старикъ вырываетъ у него пучокъ, другой старикъ беретъ другой пучокъ и начинаютъ полосовать несчастную съ обѣихъ сторонъ: несчастная залилась отчаяннымъ крикомъ и скоро замолкла. Мужъ и нѣкоторыя изъ женщинъ вырвали у стариковъ розги—и экзекуція прекратилась. Красавица приведена была въ чувство кружкою воды и отправилась домой. Черезъ день она уже выходила за ворота и весело разговаривала съ сосѣдками. Домъ ея былъ пятымъ отъ нашей квартиры.

На этой квартирѣ произведенъ былъ нами опытъ катанья по выгону подъ парусами. Вѣтеръ былъ большой, снѣгъ былъ не глубокій. Хозяинъ снабдилъ насъ санями и дрючками. Къ двумъ дрючкамъ мы привязали одѣяла и простыни, выпросивъ ихъ у хозяйки. Верхніе концы такимъ образомъ импровизированныхъ парусовъ прикрѣпили мы къ заднимъ копыльямъ са-

нокъ. Вѣтеръ понесъ насъ по выгону, но чрезъ нѣсколько минутъ опрокинулъ насъ, поднявъ задъ саней высоко отъ земли. Тогда мы прикрѣпили къ заду дровяную доску и, сѣвъ на ней въ рядъ, своею тяжестію не позволяли передку врываться въ снѣгъ и опрокидывать насъ. Катанье по новости было интересное и довольно занимало мѣщанство; но жаль—не могли такъ устроить паруса, чтобы можно было лавировать.

Неразгаданный народъ — эти мѣщане 1818 года! Будучи завзятыми мошенниками и ворами, въ иномъ случаѣ являлись жестокими преслѣдователями воровъ; будучи сами развратными и похабниками, иногда казались самыми ревностными поборниками цѣломудрія. Маленькаго вора они не выпускали изъ своихъ рукъ, не сокративъ его жизнь побоями, тогда какъ сами выѣзжали на большія дороги для разбоя и въ поля—для кражи лошадей.— Какому-нибудь молодому человѣку понравилась дѣвушка. Они условливаются поговорить между собою вечеромъ на огородѣ. Но ихъ замѣчаютъ не братья и родственники дѣвицы, но сосѣди,— и вотъ мущины нападаютъ на молодого человѣка, какъ на преступника или смертельнаго врага, бьютъ чѣмъ попало и увѣчатъ. Но дѣвушку отпускаютъ невредимою. Я самъ видѣлъ, какъ вѣнчался одинъ молодой мѣщанинъ съ перебитою ногою и съ поврежденною рукою. Народъ въ церкви говорилъ: „это его избили сосѣди невѣсты, когда ночью имѣлъ онъ свиданье съ суженою на огородѣ ея.“—

Въ купечествѣ, какъ мценскомъ, такъ и орловскомъ, дѣвицы не ходили въ то время на общественное гулянье, не ходили и въ церковь, кромѣ одной или двухъ недѣль, которыя обычаемъ назначались исключительно для нихъ и въ которыя староста не пускалъ въ церковь неженатыхъ молодыхъ людей. Но за то со дня совершеннолѣтія дѣвица усаживалась родными у воротъ ихъ дома *на поглядѣнье*, какъ тогда говорили, и молодые люди получали право проходить мимо дома и кланяться разряженной, набѣленной и нарумяненной красавицѣ.

Но для мѣщанъ орловскихъ мѣстомъ выбора невѣстъ служила мойка бѣлья на рѣкѣ, гдѣ дѣвицы, поднявъ до колѣнъ платье, выставляли на показъ бѣлизну и полноту тѣла, талію и гибкій станъ свой, особенно когда поперемѣнно то наклонялись къ водѣ, то поднимались вверхъ. Другимъ мѣстомъ—не выбора невѣстъ, но похабныхъ наслажденій, служили торговыя бани, бывшія при рѣкахъ—какъ Окѣ, такъ и Орликѣ. Въ торговыхъ баняхъ того времени женщины и мущины мылись и парились

вмѣстѣ. Въ самой банѣ паръ добывался поливаніемъ камней дикарныхъ, которые раскаливались въ четыреугольной печи, а не изъ котловъ, какъ теперь дѣлается. Горячая и холодная вода бралась изъ двухъ огромныхъ котловъ не черезъ краны, а чрезъ края котловъ. Котлы стояли къ задней стѣнѣ бани рядомъ съ печью. Страшно, бывало, подойти къ горячему котлу; такъ и думалось, что кто-нибудь изъ тѣснившихся около него втолкнетъ тебя въ кипятокъ, почему обыкновенно ожидаешь, пока толпа, стоявшая около котла, сколько-нибудь разрѣдится. Зачерпавшій ряжкою горячей воды, идя между народомъ, долженъ по заведенному порядку кричать: „ожгу!"—Прибанникъ, гдѣ мылись на скамьяхъ, былъ холодный и грязный,—а раздѣвальною служилъ сарай безъ дверей и оконъ; но какъ сарай былъ небольшой и въ немъ не было лавокъ, а только солома, которая подъ конецъ дѣлалась мокрою,—то большая часть народа раздѣвалась около бани, подъ открытымъ небомъ. Покражъ не было,—видно былъ и караульщикъ.

Бани топились осенью, зимою и весною, а лѣтомъ двѣ рѣки, протекавшія по городу, каждый день наполнены были купающимися. Трудно объяснить, почему не позволялось пройти берегомъ мущинѣ тамъ, гдѣ купались женщины, и женщинѣ, гдѣ купались мущины, тогда какъ въ банѣ оба пола мылись вмѣстѣ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ торговой банѣ, и не помню, чтобы какая изъ женщинъ словомъ затронута была со стороны мущины. Правда, въ самой банѣ не до того, чтобы смотрѣть на женщину; каждый старается избѣжать столкновенія съ несущими горячую воду. Въ прибанникѣ—такой паръ, что на самомъ близкомъ разстояніи не видишь, кто подлѣ тебя моется. Только въ раздѣвальной, и особенно при одѣваніи, женщина терпитъ стѣсненіе отъ наглыхъ взоровъ мущинъ. Впрочемъ возрастныхъ дѣвицъ рѣдко здѣсь видишь; ходятъ въ торговую только молодыя и пожилыя женщины и старухи, а съ ними уже дѣвочки до 15-лѣтняго возраста. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ орловскомъ д. училищѣ я ходилъ въ торговую баню, будучи 16-лѣтъ; но право равнодушно смотрѣлъ на молодыхъ женщинъ, только любовался иногда прекрасною фигурою 15-лѣтней дѣвочки, и то нисколько не обращая вниманія на детали фигуры.—Въ раздѣвальной не позволялось (какъ обычаемъ принято было) мущинамъ обращаться къ женщинамъ ни однимъ словомъ. Я помню, что досталось мѣщанину за нѣсколько безобидныхъ словъ, обращенныхъ къ молодой женщинѣ. Приходитъ толстая, претолстая старуха съ

красивою молодою женщиною, должно быть- невѣсткою. Раздѣлись. Красавица, прикрывъ себя спереди вѣникомъ, сопровождаемая старухою, шла въ прибанникъ. 30-лѣтній балагуръ изъ мѣщанъ со смѣхомъ сказалъ: „Эхъ! молодайка! Спереди-то закрыла, а сзади—видно!"—Старуха огрызнулась: „смотри у матери своей, сучій сынъ!"—и пошла, загораживая собою молодайку и проклиная озорника: „чтобъ тебѣ очи вылѣзли, чтобъ ты навѣки ослѣпъ!" Всѣ женщины, бывшія въ раздѣвальнѣ, взъѣлись на несчастнаго. Выходятъ изъ бани два геркулеса; узнавъ, въ чемъ дѣло, накидываются на озорника: „ты что?"—А вы что?,—отвѣчаетъ озорникъ тихо.—„Ты что?", вскрикиваютъ громче первые.—А вы что?,—отвѣчаетъ послѣдній еще тише.—„Давно у тебя считались ребра?", вскричали первые. Тогда озорникъ, схвативъ остальное платье свое, котораго не успѣлъ надѣть, скорѣе вонъ изъ раздѣвальной; женщины дружнымъ хохотомъ проводили труса..

Въ послѣдній курсъ мой въ училищѣ со мною жилъ родной братъ мой *Евграфъ*, обучавшійся въ приходскомъ училищѣ. Между его товарищами я зналъ одного бѣленькаго мальчика—*Аретинскаго*. Еще раньше, чѣмъ онъ поступилъ въ училище я какъ-то увидѣлъ его. Однажды я шелъ по улицѣ; у воротъ одного дома стояли купидоны—мальчикъ и дѣвочка. „Чьи вы?",—спросилъ я ихъ.—Аретинскіе. — „Кто вашъ отецъ?"—Дьяконъ.—Этотъ мальчикъ Аретинскій былъ впослѣдствіи *Серафимъ*, теперь Архіепископъ Воронежскій [1]).

Поступленіе въ Семинарію.

(1821—1825 гг.)

Опять Сѣвскъ.—Три отдѣленія Семинаріи и науки въ нихъ преподававшіяся.—Новый архіерей *Гавріилъ Розановъ*.—Квартира *на обществѣ*.—Квартированье *за Морицей*.—Учтивое обращеніе въ Семинаріи.—Ректоръ о. *Владиміръ Сорокинъ* и его загадочная смерть.—Какъ принималъ архіерей Гавріилъ семинарское начальство.—Инспекторъ *Степанъ Левитскій* и его печальная судьба.—Новый

---

[1]) *Александръ Николаевичъ Аретинскій* (въ монашествѣ *Серафимъ*)—первый магистръ д. академіи—выпуска 1837. Оставленъ былъ при академіи бакалавромъ богословскихъ наукъ. Былъ впослѣдствіи Викаріемъ Кіевской митрополіи—*Епископомъ Чигиринскимъ* (1860—1865 гг.); скончался въ санѣ архіепископа воронежскаго 22 апр. 1886 г. Л. М.

инспекторъ о. *Іаковъ Вечерковъ* и его способъ умилостивить архіерея.—*Прокуроръ* и его разсказы о прошломъ.—Воспоминанія хозяйки о плѣнныхъ французахъ: угощеніе ихъ *изъ черепка*.—Смерть хозяйской дочери *Гали* отъ обрыва земли.—Мѣщанинъ *Пальчикъ* и его разглагольствія.—Несчастіе хозяина отъ запоя жены.—Хозяйская дочь *Наташа*.—Опытъ съ селитрой на спинѣ борова.—Запой ветеринара.—Красавица *Саша Оболенская* и влюбленность въ нее автора.

Окончивъ курсъ въ Орловскомъ духовномъ училищѣ въ 1821 г., я поступилъ въ Семинарію—опять въ Сѣвскъ. Но была не прежняя Семинарія. Уже не было прежнихъ богослововъ съ косами, философовъ на распашку, и риторовъ—съ подпоясками у поясницы. Классовъ въ Семинаріи было не много: *низшее отдѣленіе*, *среднее отдѣленіе* и *высшее отдѣленіе*. Но въ каждомъ, отдѣленіи былъ двух-годичный курсъ. Въ первомъ классѣ читались: словесность, исторія, алгебра, геометрія, греческій языкъ, латинскій языкъ и нѣмецкій языкъ. Во второмъ: философія и физика. Въ третьемъ: богословіе, свящ. писаніе, герменевтика, священная исторія и церковная исторія. Учители были изъ духовной академіи. Изъ старыхъ оставался одинъ *Илья Кузмичъ Соколовъ*, впослѣдствіи протоіерей Мценскаго собора. Въ 1870 г., въ бытность мою въ г. Мценскѣ—на родинѣ, онъ объяснялъ мнѣ пребываніе свое въ Семинаріи по преобразованіи ея въ 1817 г.—такъ: „отъ прежнихъ преподавателей Коммисія духовныхъ училищъ потребовала конспекта по преподаваемому ими предмету и ученаго разсужденія на извѣстную тему. Немногіе рѣшились подвергнуться этому экзамену, говорилъ Соколовъ; но я подалъ и конспектъ и разсужденіе, и былъ признанъ профессоромъ философіи. Разсужденіе было: *De vi intuitionis animi.*“[1]) Мнѣ не досталось слушать философію у Соколова: черезъ два года онъ оставилъ Семинарію; но мнѣ говорили, что онъ, при своемъ знаніи нѣмецкаго языка, хорошо былъ знакомъ съ новою нѣмецкою философіею, и ему приписывали переводъ *Критики чистаго разума*, ходившій по рукамъ въ рукописи.

Каждый урокъ продолжался *два часа*. Два урока было до обѣда и одинъ послѣ обѣда.—Въ *низшемъ отдѣленіи* главнымъ предметомъ считалась *словесность*—и ученики именовались *словесниками*. Учитель читалъ намъ словесность по записками академическимъ, которыя начинались такъ: „Провидѣніе даровало людямъ безцѣнную способность выражать мысли и чувства сло-

---

[1]) То есть: „о силѣ душевнаго вниманія.“ Л. М.

вами."—Такъ какъ въ этихъ запискахъ исчислялись только роды прозаическихъ стихотворныхъ сочиненій, и нѣкоторые даже безъ примѣровъ и образцовъ,—то вмѣстѣ съ ними читалась и *Бургіева риторика*, которая знакомила насъ съ тропами и фигурами.—Гражданская исторія читалась по Шрекку.—Алгебра и геометрія только начинались, и почти на первыхъ страницахъ бросались. Не было кому преподавать. Часто приходилось быть преподавателемъ ихъ тому, кто самъ не проходилъ этихъ предметовъ. Начальники не сочувствовали этимъ предметамъ, и почти не экзаменовали: ограничивались на экзаменѣ спросомъ двухъ-трехъ учениковъ.—Требовались упражненія въ сочиненіяхъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Предлагались темы, по которымъ ничего не было въ головѣ. Требовали только „расужденій", но никогда не считали нужнымъ знакомить насъ съ описаніями и повѣствованіями, предполагая, что этому научитъ сама природа. Заставляли заучивать наизусть нѣкоторые стихи, но не знакомили съ стопосложеніемъ. Руководства не имѣлось. Христоматій тогда еще не было; но мы откуда-то знали оду *Богъ*.—Профессоры приходили на урокъ спустя часъ; остальное время употребляли на выслушиваніе уроковъ и только нѣсколько минутъ посвящали на преподаваніе, т. е. на разъясненіе.

Въ *среднемъ отдѣленіи* преподавались философія, физика и, не помню, что-то еще— не важное. Философія преподавалась на латинскомъ языкѣ по *Баумейстеру*. Въ одной довольно объемистой книгѣ заключалась логика, психологія, онтологія и метафизика. Въ классѣ профессоръ излагалъ предметы латинскимъ языкомъ, но что относилось къ исторіи философіи, съ тѣмъ знакомилъ насъ на русскомъ языкѣ, Мы не знали древнихъ философовъ, равно и новой философіи; но намъ говорилось о Декартѣ, Малебрантѣ, Спинозѣ и Лейбницѣ. Меня очень занимали философскіе предметы.—Физика читалась по какой-то книжкѣ—и ограничивалась свойствами тѣлъ, акустикою, оптикою и общими понятіями объ электричествѣ и гальванизмѣ. И предметы физики очень занимали меня, но жаль, что при Семинаріи не было ни одного физическаго инструмента, и преподаватель самъ въ первый разъ изучалъ предметъ, какъ тогда водилось.—Химіи тогда не было и въ поминѣ...

Въ *высшемъ отдѣленіи* читалось богословіе на латинскомъ языкѣ по какому-то автору, приспособившему католическое богословіе къ православію. Даже тексты св. писанія здѣсь приводились и заучивались на латинскомъ языкѣ.—Свящ. писаніе

не читалось, а только герменевтика—по тетрадямъ.—Свящ. исторія проходилась по Филарету, церковная исторія—по Иннокентію Пензенскому, кажется.—Не помню, какимъ образомъ въ этомъ отдѣленіи мнѣ удалось читать *Лѣствичникъ*, *Патерикъ*, *Массильона* и *Экхартгаузена*, а на каникулахъ — *Сіонскій Вѣстникъ*. — Опять—въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи насъ занимали однимъ только родомъ сочиненій: „разсужденіями“ — философскими и богословскими.

Когда училище духовное открылось въ г. Орлѣ и я оставилъ Сѣвскъ,—тамъ въ Сѣвскѣ умеръ архіерей *Досифей* [1]). На мѣсто его поступилъ *Іона Павинскій*, высокій и толстый. Но онъ только нѣсколько дней пробылъ въ Орлѣ—и не помню, чтобы посѣщалъ наше училище. А во все время пребыванія моего въ Орловскомъ училищѣ онъ жилъ въ Сѣвскѣ [2]). Когда же я отправился опять въ Сѣвскъ—для поступленія въ Семинарію,—въ томъ же мѣсяцѣ сентябрѣ на мѣсто Іоны поступилъ *Гавріилъ Розановъ*, отъ котораго много зависѣла судьба моего семейства и особенно моя. Ему уже повелѣно было жить въ губернскомъ городѣ, т. е. Орлѣ; а въ Сѣвскъ являлся онъ по временамъ и являлся *страшнымъ пугаломъ*. Удивительно, какъ онъ скоро достигъ архіерейскаго сана; ему тогда не было и 35 лѣтъ [3]). Средняго роста, съ красивымъ складомъ лица и малою бородою, бѣлолицый, онъ по началу былъ въ волдыряхъ, которые закрывались черною шелковою матеріею и казались мушками, когда-то бывшими въ модѣ. Руки у него постоянно были въ перчаткахъ; такъ и благословлялъ ими; только для служенія въ церкви снималъ перчатки, но тогда прищи были подкрашены подъ цвѣтъ тѣла. Не знаю, какъ онъ излѣчился отъ этой нерекомендательной болѣзни...

Проходя семинарскій курсъ ученія—въ Сѣвскѣ, первые три года я квартировалъ на Слободкѣ штатныхъ и въ теченіе этого времени перемѣнилъ три квартиры. Первый годъ я квартировалъ

---

[1]) Преосв. *Досиѳей Ильинъ*—уволенъ былъ *на покой*—4 іюля 1817 г.—въ *Чолнскій* Спасо-Преображенскій монастырь—орловской епархіи, въ 8 верстахъ отъ г. Трубчевска, и жилъ тамъ до смерти своей, послѣдовавшей 6-го іюля 1827 г.—Л. М.

[2]) Преосвящ. *Іона Павинскій*, занявшій съ 22-го іюля 1817 г. каѳедру Досиѳея,—въ 1821 г. перемѣщенъ былъ въ Тверь; скончался въ званіи архіепископа казанскаго—3 февраля 1827 г.—Л. М.

[3]) Пресв. *Гавріилъ Розановъ* родился въ 1781 г. 26 янв. Слѣдовательно въ описываемое время ему было уже 40 лѣтъ отъ роду.—Л. М.

во дворѣ *Сиденчихи*; она и мужъ ея *Хома Андреевичъ* уже померли. Какая-то родственница построилась во дворѣ ихъ, и въ этой постройкѣ я жилъ въ обществѣ съ другими учениками-низшаго отдѣленія Семинаріи на своихъ харчамъ или, какъ тогда выражались, *на обществѣ*.—Общество состояло изъ 8 человѣкъ или, кажется, изъ 10. Каждый влагалъ въ общество 4 пуда ржаной муки, 2 фунта коровьяго масла, 4 фунта сала, 2 мѣрки крупъ и 2 рубля на говядину и постное масло въ треть года. За квартиру, за приварокъ и мытье бѣлья платилось отъ каждаго по 10 рублей въ годъ. Деньги хранились у комисара, равно и ключъ отъ кладовой. За говядиною въ городъ ходилъ *дневальный*.—Но я, кажется, только годъ такъ квартировалъ; остальные годы жилъ на хозяйскихъ харчахъ, платя за квартиру, столъ и мытье бѣлья отъ 5 до 6 рублей съ половиною въ мѣсяцъ.

Послѣ квартированія на Слободкѣ Монастырской я два года квартировалъ въ части города, называвшейся *за-Морицей*, которая отстояла отъ семинарскаго корпуса на версту. Квартировавшіе за Морицею ходили большею частію черезъ болото, скидая сапоги и заворачивая нижнее бѣлье выше колѣнъ. Чтобы не итти $2^1/_2$ версты гатью, я совершалъ этотъ одноверстный путь почти круглый годъ; только въ тѣ дни я покидалъ эту дорогу, когда неукрѣпившійся ледъ рѣзалъ до крови ноги. Удивительно, какъ я не простуживался. Ноги, бывало, озябали до ломоты и, какъ тогда говорилось, *съ пару заходились*. Но стоило обуться и пройти саженъ 80 дубовою рощей,—все проходило безъ послѣдствій для здоровья.—Что же меня завлекло квартировать за Морицей?—Во первыхъ, свобода отъ тягостнаго надзора со стороны инспектора и старшихъ. Тамъ тоже были старшіе; но никогда не видали инспектора,—Во вторыхъ, на Слободкѣ квартировали и ученики училища, которыхъ, а вмѣстѣ съ ними и насъ—семинаристовъ, по прежнему обычаю, водили рядкомъ на утрени и обѣдни; а за Морицею мы—философы и богословы—ходили сами, какъ полноправные граждане. — Въ третьихъ наконецъ — возможность безнаказанно дѣлать шалости и пользоваться обществомъ гражданъ.

Изъ удовольствій, какими пользовался я, квартируя на Монастырской Слободкѣ, осталось въ памяти исправленіе уроковъ въ березовой рощѣ, купанье въ рѣкѣ и уединеніе въ кустарникахъ за рѣкою, которыми покрыта вся болотистая мѣстность на необозримое пространство. Эта мѣстность на нѣсколько саженъ отъ береговъ рѣки въ лѣтніе мѣсяцы обсыхаетъ. Я переплывалъ

туда, держа платье и обувь на головѣ и дѣйствуя только ногами. Особенно пріятными чертами залегли въ памяти экскурсіи по рѣкѣ или по берегу въ мѣловыя горы, которыя тянутся по лѣвому берегу—съ пещерами, и ручейками изъ подошвы ихъ. Протекая по бѣлому грунту, они кажутся хрустальными и серебристыми. Рѣка противъ горъ опушена смородиною, кисти которой висѣли надъ водою...

Съ переходомъ въ Семинарію учтивое обращеніе со мною профессоровъ много возвысило меня въ собственныхъ глазахъ. Прежде никто и никогда не относился ко мнѣ съ *вы*. А тутъ не только Инспекторъ и учители, но даже и Ректоръ, обращаясь ко мнѣ, говорили „*Вы*“.

Уже не посылали учениковъ собирать травы и коренья, не посылали за цвѣтами для украшенія аудиторіи. Не помню, гдѣ была больница для учениковъ. Знаю только, что съ квартиръ не брали больныхъ, и нѣкоторыхъ навѣщалъ медикъ изъ города, вѣроятно договоренный начальствомъ.

Ректоромъ былъ ученый архимандритъ; объ немъ говорили какъ о знаменитомъ человѣкѣ, знавшемъ не только Канта, но и Гегеля—съ предшественниками его—Фихте и Шеллингомъ. Но онъ скоро умеръ. Замѣчательна была смерть его—не столько по скоропостижности, сколько потому, что самъ онъ съ точностью предсказалъ ее. Ректорамъ принадлежалъ мужескій монастырь въ г. Мценскѣ [1]). Ректоръ ѣздилъ въ Мценскъ во время Рождественскихъ каникулъ. Выѣзжая оттуда и прощаясь съ купцемъ *Мнозенцовымъ*, который тогда былъ боленъ, сказалъ: „ты переживешь меня цѣлымъ годомъ. Я ожидаю смерти своей въ этомъ мѣсяцѣ“—т. е. въ январѣ. Когда ректоръ возвратился въ Сѣвскъ, профессоръ словесности просилъ его на именинный пирогъ. На утро послѣ классовъ ректоръ заходилъ къ имениннику. Тамъ были всѣ профессора. Онъ отказался отъ водки и вина и, поѣвши немного пирога, сказалъ: „Нѣтъ аппетита. Чувствую, что я нынѣ же долженъ умереть“. Всѣ на него взглянули съ изумленіемъ.—„Я не шучу“,—продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину,—„вы вчера звали меня на этотъ пирогъ. Ночью, когда заснулъ я, мнѣ приснилось, будто я здѣсь на именинахъ, и мнѣ кто-то поднесъ вмѣсто пирога кутью съ словами: *помяните ректора!*—

---

[1]) Это былъ *Петро-Павловскій* монастырь—подъ г. Мценскомъ. Настоятелемъ его считался архимандритъ, бывшій ректоромъ отъ Орловской Д. Семинаріи.—Л. М.

и произнесъ мое имя."—Всѣ принялись успокаивать ректора; но онъ оставался серьёзнымъ и грустнымъ. Наконецъ, прощаясь съ хозяиномъ и гостьми, сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ:„Прощайте, господа сотрудники, не переживу я этого дня; жертвую свою библіотеку Семинаріи."—Въ 5 часовъ того же дня разнеслась на Слободкѣ вѣсть: *Ректоръ умеръ!* Всѣ бѣжали въ монастырь и я туда же. Я увидѣлъ покойника на кровати, на губахъ и на бородѣ была запекшаяся кровь. Чрезъ полчаса пріѣхалъ изъ города докторъ. Старшіе ученики говорили, что, по объясненію доктора, ректоръ страдалъ геморроемъ, и геморроидальная кровь задушила его. Другіе слыхали отъ профессоровъ, будто возвращаясь изъ Мценска, жаловался онъ на архіерея Гавріила, который, ревизуя монастырь его въ Мценскѣ, сдѣлалъ начетъ и доложилъ Синоду, слагая вину на него, какъ на настоятеля. Замѣчательно: въ сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, въ которомъ разрѣшено было жить ему, какъ ректору семинаріи, онъ занималъ всего двѣ малыя комнаты, служившія прежде помѣщеніемъ для архіерейской прислуги [1])...

Инспекторомъ Семинаріи былъ тогда свѣтскій молодой человѣкъ, магистръ богословія, племянникъ архіепископа Григорія, впослѣдствіи петербургскаго митрополита, не женатый; имя и фамилію его никакъ не припомню [2]). Онъ былъ человѣкъ впе-

---

[1]) Ректоръ, загадочная кончина котораго описывается авторомъ, былъ архимандритъ *Владиміръ Сорокинъ*. Родомъ онъ былъ изъ г. Александрова, моск. губ., соборнаго протоіерея сынъ, учился въ *Троицкой Семинаріи*—бывшей въ Сергіевомъ посадѣ—при Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Учиться здѣсь началъ съ 1798 г. Въ 1812 г. опредѣленъ въ эту же семинарію учителемъ высшаго класса и нѣмецкаго языка; въ 1813 г. назначенъ учителемъ риторики. Постриженъ въ монашество (мірское имя его было *Левъ*) въ февралѣ 1814 г. и въ этомъ же году опредѣленъ *баккалавромъ нѣмецкаго языка* въ новооткрытую тогда—въ томъ же Сергіевомъ Посадѣ на мѣсто Троицкой семинаріи—*Московскую Духовную Академію*.—Въ мартѣ 1815 г. переведенъ на должность инспектора тверской д. семинаріи. Въ 1818 г. назначенъ ректоромъ орловской д. семинаріи въ Сѣвскѣ.—22 Января 1822 г. состоялось рѣшеніе о переводѣ его на должность ректора въ новгородскую д. семинарію и настоятеля новгородскаго Антоніева монастыря. Но описанная выше смерть его воспрепятствовала этому рѣшенію... См. *С. Смирнова*: „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи"—стр. 518—519; также—*Павла Строева*: „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей" стран. 917-я.—Л. М.

[2]) Позже приписано рукою автора на поляхъ: „Левитскій".—Ниже будетъ видно, что онъ не былъ племянникомъ преосвящ. *Григорія Постникова*, но только пользовался его покровительствомъ.—Л. М.

чатлительный, пылкій и гордый, но при такомъ ректорѣ, какъ былъ покойный, онъ велъ себя хорошо. Но при новомъ ректорѣ, характера слабаго, онъ овладѣлъ Семинаріею и по своей страсти и любви къ порядку, возбуждалъ въ насъ уваженіе и страхъ къ себѣ. Къ нему особенно привязаны были два ученика высшаго отдѣленія: *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ* и *Евфимъ Андреевичъ Остромысленскій* [1]). Они отзывались о немъ, какъ о самомъ даровитомъ профессорѣ. Но наѣздъ архіерея Гавріила и деспотическое обращеніе его съ начальствомъ Семинаріи такъ подѣйствовали на инспектора, что онъ сталъ пить и мстить деспоту всѣми возможными мѣрами...

Гавріилъ прибылъ изъ Орла за нѣсколько недѣль предъ переводными экзаменами и, остановившись въ *Юшинѣ*, загородномъ архіерейскомъ домѣ за 15 верстъ отъ Семинаріи, потребовалъ къ себѣ семинарское начальство и всѣхъ профессоровъ. Экипажа никто не имѣлъ, даже и ректоръ. Пока распорядились нанять въ городѣ подводы (а городъ отстоялъ на двѣ версты отъ Семинаріи), день прошелъ. Нанятыя подводы едва могли собраться къ 10 часамъ слѣдующаго дня, тогда какъ архіерей ожидалъ прибытія начальства въ тотъ же день, какъ прибылъ отъ него верховой.—Начальство прибыло въ *Юшино* на 3-хъ подводахъ къ 12-ти часамъ утра. Доложили о пріѣздѣ. Архіерей продержавъ подчиненныхъ полчаса въ передней, далъ знать, чтобы они вошли въ пріемную. Представъ предъ архіерея, ректоръ, по обычаю того времени, упалъ въ ноги и, поднявшись, принялъ благословеніе у архіерея и рекомендовалъ инспектора и профессоровъ. Инспекторъ, а за нимъ и профессоры не падали къ ногамъ, а учтиво кланяясь, принимали благословеніе. Архіерей, благословляя небрежно, все смотрѣлъ въ сторону; послѣ чего попросилъ ректора сѣсть, а прочимъ—ни слова. Инспекторъ постоявъ пол-минуты, взялъ стулъ и сѣлъ, гдѣ стоялъ. Архіерей вскипѣлъ.—„Я—хозяинъ въ домѣ,—сказалъ онъ; я не приглашалъ васъ садиться.“—Я здѣсь по Вашему приглашенію,—отвѣчалъ рѣзко инспекторъ; если я лишній и во мнѣ нѣтъ надобности, позвольте удалиться къ моей должности!“—„Извольте себѣ!“—сказалъ сухо и дрожащимъ голосомъ архіерей. Инспекторъ вышелъ и, сѣвъ на подводу, уѣхалъ обратно въ Семинарію. Профессоры остались. Архіерей старался продлить разговоръ съ ректоромъ, даже не обращая лица къ стоявшимъ

[1]) Будущіе магистры Кіевской Д. Академіи—выпуска 1829 г.—Л. М.

профессорамъ. Проморивъ ихъ на ногахъ цѣлый часъ, архіерей наконецъ отпустилъ всѣхъ и, благословляя профессоровъ, съ язвительною улыбочкою сказалъ имъ на прощанье: „не подражайте вашему гордецу.“

Этотъ пріемъ архіерея происходилъ именно такъ. Съ профессорами былъ одинъ изъ наставниковъ училища, съ подробностію передававшій объ этомъ пріемѣ нѣкоторымъ старшимъ ученикамъ семинаріи; и какъ послѣдніе часто представляли его въ лицахъ, то и сохранился онъ у меня въ памяти. Сначала шутили надъ такимъ пріемомъ; но какъ вслѣдствіе его произошли важныя событія, то съ горечью вспоминали о немъ...

Инспекторъ и профессоры сочли кровною обидою поступокъ съ ними архіерея. А между тѣмъ отцы ихъ въ свое время страдали больше отъ архіереевъ. Отецъ мой разсказывалъ, что архіерей *Аполлосъ Байбаковъ*, разсерженный чѣмъ нибудь, прибѣгалъ въ Семинарію и срывалъ сердце на учителяхъ; придираясь къ нимъ, ругая ихъ на чемъ свѣтъ стоялъ и таская ихъ за косу. Только учитель старшей риторики *Ѳеодоръ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ *Филаретъ*,—скромнымъ видомъ, смиреннымъ голосомъ и затрапезнымъ халатомъ вмѣсто сюртука обезоруживалъ его. [1]).

Инспекторъ началъ запивать и даже являлся на должность въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ. Онъ пилъ съ товарищемъ своимъ по академіи. Архіерей ни разу не посѣтилъ Семинарію, хотя каждый день давалъ знать, что будетъ. Начались и окончились экзамены. Наконецъ архіерей пріѣзжаетъ на послѣдній экзаменъ въ богословскомъ классѣ, или, можетъ быть, на актъ. Инспекторъ подпоилъ порядочно товарища и уговорилъ, чтобы, когда архіерей будетъ говорить по какому-либо предмету науки, возра-

---

[1]) *Ѳедоръ Егоровичъ Амфитеатровъ* (будущій *Филаретъ*, митрополитъ кіевскій) окончилъ сѣвскую Д. семинарію въ 1797 г. и 1-го Марта 1798 былъ назначенъ въ эту же семинарію учителемъ поэзіи и низшаго грамматическаго класса. Постриженъ въ монашество 7-го ноября 1798 г.—на 20 г. жизни преосвящ. *Аполлосомъ*, епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ.—Такимъ образомъ онъ нѣкоторое время былъ учителемъ въ свѣтскомъ званіи и тогда-то онъ носилъ *затрапезный халатъ* вмѣсто сюртука. Тогда вообще въ отношеніи одежды въ духовной школѣ была крайняя простота—и отсутствіе всякой формы.—Будучи ученикомъ семинаріи, Филаретъ, по собственнымъ его словамъ,—*ходилъ въ лаптяхъ*, а *иногда и босикомъ до самой философіи*, и *не только въ халатѣ, но и въ сѣромъ зипунѣ*.— См. „Труды Кіевск. д. Акад.“ 1884. Апрѣль: „Письма Филарета къ Иннокентію Херсонскому“. Л. М.

жать ему всѣми силами. Но товарищъ этотъ, едва начался экзаменъ, какъ тотчасъ заснулъ... Его вывели. Тогда было въ обычаѣ экзаменовать не учениковъ, а учителя или взаимно другъ друга, и часто въ диспутахъ проходилъ весь экзаменъ. Инспекторъ разилъ всѣхъ и особенно архіерея...

Послѣ экзамена архіерей со всѣми профессорами пошелъ на обѣдъ къ ректору. Я, наготовивъ билетъ для отпуска на каникулы, стоялъ подлѣ квартиры инспектора—въ ожиданіи его съ обѣда. Тогда квартира ректора была въ первомъ флигелькѣ на сторонѣ семинарскаго корпуса, гдѣ прежде квартировалъ инспекторъ, а квартира инспектора—тамъ, гдѣ была прежде больница, нѣсколько саженъ отъ квартиры ректора. Слышу—поднялся шумъ и крикъ въ комнатахъ ректора. Гляжу—ведутъ подъ руки инспектора, пьянаго и кого-то ругающаго скверными словами. Я бѣжалъ въ корпусъ. Немного погодя, подана была карета. Архіерей вышелъ молча, ректоръ и профессоры тоже вышли встревоженные. На другой день извѣстно стало вотъ что: инспекторъ, упившись сильно или притворяясь пьянымъ, въ спорѣ, бросился на архіерея съ кулаками и успѣлъ ударить его два раза, пока не былъ схваченъ профессорами. Архіерей прекратилъ обѣдъ и, взявъ слово съ профессоровъ никому не говорить о случившемся, тотчасъ уѣхалъ въ свою Юшину—къ своимъ *исполатчикамъ* (маленькимъ пѣвчимъ), которыхъ возилъ съ собою, съ которыми, какъ говорили тогда нѣкоторые, будто мылся въ банѣ и купался въ рѣкѣ.

Архіерей тогда пріѣзжалъ собственно для того, чтобы отыскать охотниковъ купить на сломъ лишнія зданія, принадлежащія монастырю. А онъ считалъ принадлежащими монастырю ректорскій домикъ, стоявшій противъ монастыря, и двухэтажное зданіе семинарской авдиторіи. Ректорскій домикъ тогда-же былъ проданъ какому-то сѣвскому купцу и былъ снесенъ, а авдиторія только запродана. Монастырь былъ нанятъ питейной конторѣ подъ складъ бочекъ съ водкою и помѣщеніе конторщиковъ.— По справедливости судя, не только ректорскій домикъ и авдиторія, но и корпусъ и флигеля, занимаемые профессорами, построены были прежними архіереями на ихъ счетъ. Самыя рощи насажены были ими. Послѣ я узналъ отъ земляка моего *Никанора Васильевича Доброхотова* (впосл. архіепископа тамбовскаго *Николая*), что Семинарія и учители содержались прежними архіереями на свой счетъ. Изъ казны имъ отпускалось только 600 рублей въ годъ. Не даромъ съ такимъ стараніемъ, съ такими стихами и рѣчами

устраивали праздникъ архіерею *Досифею* въ рощѣ—во время рекреаціи. Я тогда былъ еще въ низшей элементоріи и только издали слушалъ и музыку и канты...

Архіерей уѣхалъ. Инспекторъ съ товарищемъ своимъ начали пить. Въ первую попойку—ночью товарищъ померъ, и погребоша его. Спустя мѣсяцъ по отъѣздѣ архіерея вспыхиваетъ авдиторія, тогда какъ въ этомъ зданіи никто не жилъ и не было печей. Квартируя за Морицей, я не былъ на пожарѣ; но другіе ученики, бывшіе на немъ, говорили, что инспекторъ не допускалъ учениковъ тушить. Чрезъ полгода загорается архіерейскій домъ въ монастырѣ и въ одно и тоже время корпусъ бывшей пѣвческой и консисторіи. Домъ началъ горѣть съ мезонина, пѣвческій корпусъ—съ нижняго этажа. Сгорѣли до тла эти зданія и примыкавшая къ архіерейскому дому теплая каменная церковь. Пожаръ распространился и на дворъ монастыря, гдѣ находился складъ водки. Все бы кануло въ воду Леты. Но чиновники конторы требовали строгаго обслѣдованія. Одинъ ученикъ *Добрынинъ* сталъ болтать, что его однажды призывалъ къ себѣ инспекторъ и, насыпавъ въ старый сапогъ горячихъ угольевъ, просилъ отнесть къ авдиторіи и положить чрезъ окно на полъ, покрытый сухими украшеніями изъ цвѣтовъ. Когда слова его чрезъ штатнаго служителя дошли до слѣдователя,—онъ отперся отъ своихъ словъ и, на очной ставкѣ съ доносчикомъ, говорилъ, что онъ выдумалъ это въ шутку.—Инспекторъ былъ арестованъ въ его квартирѣ, передъ дверьми ея стоялъ полицейскій солдатъ. Вдругъ закричали по корпусу: „Инспекторъ зарѣзался!"—Уроки прекратились. Я побѣжалъ къ флигелю квартиры инспектора, заглянулъ въ окно. Въ комнатѣ стояли два профессора и солдатъ. Инспекторъ лежалъ на своей кровати, подперши голову рукою. Изъ горла струилась кровь. Тѣ, которые были въ комнатѣ, разсказывали, что онъ рѣзался бритвою—передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, и отъ зеркала до кровати былъ слѣдъ крови. Пріѣхавшій изъ города медикъ зашилъ горло и увѣрялъ, что онъ будетъ живъ. Но на другой день слѣдователи явились снять съ него допросъ. Тогда больной сорвалъ повязку, схватилъ себя за горло, началъ трясти—и померъ! Его зарыли въ концѣ березовой рощи—при дорогѣ—тамъ, гдѣ лежалъ уже его товарищъ... [1]).

---

[1]) Инспекторъ сѣвской семинаріи, магистръ *Степанъ Левитскій*, такъ печально кончившій свою жизнь, былъ товарищемъ по С.-Петербургской д. академіи *Іосифа Акимовича Самчевскаго*, „Воспоминанія" котораго напечатаны въ „*Кіев-*

На вакансію инспектора прибылъ іеромонахъ *Яковъ Вечерковъ*—магистръ еще съ бритой бородкой.[1]) Съ профессорами онъ

ской Старинѣ 1893—1894 г.г. Въ одномъ мѣстѣ своихъ *воспоминаній* Самчевскій коснулся личности этого своего несчастнаго товарища—и то, что онъ говоритъ о немъ, интересно сопоставитъ съ разсказомъ протоіерея Соколова. „У насъ—въ академіи,—говоритъ Самчевскій,—былъ одинъ баккалавръ *іеромонахъ Игнатій*, впосл. архіеп. воронежскій. Сначала онъ преподавалъ греческій языкъ, который онъ зналъ основательно. Но потомъ его сдѣлали баккалавромъ по предмету чтенія Св. Писанія. Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность... Къ счастію, Игнатій не долго томилъ насъ своими наставленіями въ Св. Писаніи. На мѣсто его скоро былъ вызванъ отличный баккалавръ *Азбукинъ* изъ московской духовн. академіи. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ нашъ преосвящ. *Григорій Постниковъ*, (впосл. митрополитъ С.-Петербургскій), много занятный своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ коммисіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ *догматическаго богословія* и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было бы для насъ непріятнаго, если бы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны; многіе изъ насъ лучше его знали догматику болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не умѣлъ опровергнуть, горячился и приходилъ въ тупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ—*студентъ Левитскій*, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи академіи онъ былъ замѣченъ *въ вольномысліи*, за что мы и называли его *внукомъ Марфы Посадницы*. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левитскій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ ректора Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.—Скоро Игнатій былъ сдѣланъ, по порученію Григорія, преподавателемъ у насъ, *Каноническаго права* и опять сталъ морочить наши головы своими лекціями... Между тѣмъ Левитскій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ Игнатія, а этотъ своими рекомендаціями поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Предъ окончаніемъ нашего курса нужно было выбрать лучшее изъ студенческихъ сочиненій для напечатанія въ опытахъ. Григорій поручилъ сдѣлать это Игнатію. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левитскаго объ *Ангелѣ хранителѣ*. Но, направляя его для печати, совсѣмъ его испортилъ. Тогда Григорій поручилъ исправить разсужденіе Левитскаго инспектору академіи *Іоанну*. Послѣ этого оно было напечатано и читано самимъ Левитскимъ на публичномъ экзаменѣ, что пріобрѣло ему карьеру Но этою карьерою Левитскій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ орловскую семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распоилъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего *Ивана Вязнина* и въ бѣлой горячкѣ отъ пьянства зажегъ семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно несчастный не подумалъ объ *Ангелѣ хранителѣ*, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи...—(Кіевск. Старина—1893 г. Ноябрь, стран. 210—213). Л. М.

[1]) *Іаковъ Вечерковъ*—воспитанникъ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1819 г.,—родомъ изъ курской губерніи. Скончался архіепископомъ нижегородскимъ въ 1850 г. Извѣстенъ, между прочимъ, своею подвижническою жизнію и своими проповѣдями — простыми безъискусственными. Онѣ очень нравились Н. В. Гоголю.—Л. М.

жилъ хорошо и слишкомъ фамиліарно обращался съ учениками высшаго отдѣленія, особенно, съ богатыми. Изъ такихъ, отличался одинъ, сынъ священника—помѣщика черниговской губерніи, никакъ не вспомню его фамиліи, высокаго роста, красивой наружности и первый щеголь въ семинаріи. Онъ подружился съ женщиною или дѣвицею деревни *Ламакина*, находившейся близко отъ семинаріи, за рощею и маленькимъ болотомъ, обсыхавшимъ въ лѣто. Когда онъ возвращался изъ деревни съ однимъ изъ своихъ товарищей,—на него напали ламакинскіе мужики. Другіе два сильные ученика стояли на болотѣ и поспѣшили на помощь. Произошла драка. Кто-то далъ знать инспектору. Вечерковъ тотчасъ далъ знать на Слободку старшимъ; тѣ, пригласивъ хозяевъ и собравъ здоровыхъ учениковъ, бросились на выручку. Произошла свалка. Управляющій деревнею или староста ея жаловался барину, который жилъ въ Орлѣ. Дворецъ его съ рощею Ламакинскою, куда весь городъ сходился на Троицынъ день, находился недалеко отъ архіерейскаго дома. Староста донесъ Ламакину, а Ламакинъ—архіерею, будто бы драка была по наряду инспектора—и у нѣкоторыхъ семинаристовъ были дубины и сабли.—Архіерей тотчасъ прикатилъ въ Сѣвскъ. Началась передряга. Всѣ и все преклонилось предъ архіереемъ и трепетало передъ нимъ. Ходатаями, кромѣ ректора, который былъ въ милости его, явилось мѣстное городское духовенство и настроенное имъ купечество, которые выставляли Ламакинскихъ мужиковъ какъ воровъ и разбойниковъ. Особенно заступался за семинарію и инспектора протоіерей сѣвскаго собора *Глѣбовъ*, воспитанникъ древней кіевской академіи. Его жаловалъ архіерей Гавріилъ за бесѣду на латинскомъ языкѣ, въ знаніи котораго намѣренно уступалъ онъ архіерею.—Выѣзжая изъ Сѣвка въ Орелъ, архіерей объявилъ ректору, что два ученика высшаго отдѣленія, какъ недовольствующіеся своею рощею и бродившіе по деревнѣ, должны быть исключены изъ семинаріи, а объ іеромонахѣ Вечерковѣ онъ представитъ свои сообщенія въ коммиссію духовныхъ училищъ.—Вечерковъ, хорошо понявъ характеръ архіерея, приказалъ несчастнымъ ученикамъ заготовить тройку лихихъ лошадей и, самъ сѣвъ на ней съ учениками, три раза обгонялъ архіерейскую карету и становился съ учениками на колѣни при дорогѣ. Архіерей проѣзжая мимо, все отворачивался; только въ предмѣстьи города *Дмитровкѣ*, увидѣвъ ихъ, впереди почетныхъ гражданъ, выѣхавшихъ по обычаю на встрѣчу, стоящими на колѣняхъ, остановивъ свою карету, приказалъ ученикамъ ѣхать назадъ, а Ве-

черкова пригласилъ сѣсть съ нимъ въ карету и, благословивши почетныхъ гражданъ, поѣхалъ въ соборъ.—Вечерковъ служилъ съ нимъ на другой день обѣдню, былъ у него на обѣдѣ и отпущенъ съ миромъ какъ для него, такъ и для учениковъ. [1]).

Въ теченіи 3-хъ лѣтъ мнѣ пришлось квартировать въ 4-хъ домахъ. Сначала—у *Прокурора*. Это былъ 70-лѣтній канцелярскій служитель консисторіи, служившій архиваріусомъ. Когда настояло рѣшеніе по какому-либо важному дѣлу и архіерей Досифей приглашалъ членовъ для совѣщанія,—то оканчивалъ это совѣщаніе призывомъ архиваріуса и такими словами: „что намъ скажетъ Прокуроръ?“ И этотъ *Прокуроръ* изумлялъ всѣхъ припоминаніемъ однородныхъ дѣлъ, рѣшеній по нимъ и указовъ св. Синода. Не только въ архіерейскомъ домѣ и консисторіи, но и въ городѣ иначе не называли маленькаго и худенькаго старика, державшаго себя гордо. Настоящая фамилія его всѣми была забыта. Онъ много разсказывалъ анекдотовъ изъ жизни и управленія прежнихъ архіереевъ, особенно сумасброднаго *Аполлоса*; какъ строилась семинарія, садились двѣ рощи руками причетниковъ и діаконовъ, награжденныхъ послѣ діаконствомъ и священствомъ. Но это тогда не много занимало меня, потому что считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Когда я поступилъ въ сѣвское училище, то и при мнѣ, въ 1817 г., вызывались дьячки и діакона для постройки теплой каменной церкви. Одинъ дьячекъ, лѣтъ 30-ти, квартировавши съ нами у Сиденчихи, при постройкѣ этой церкви получилъ калѣчество и награжденъ священствомъ. На него упало рештованье; онъ ходилъ согнутымъ и это не помѣшало архіерею посвятить его во священника и дать священническое мѣсто.

Послѣ дома *Прокурора* я съ 3-мя товарищами квартировалъ у мѣщанина—*Сопова*—лѣтъ 50-ти; хозяйка была лѣтъ 40, оба—самые добрые и ласковые. У нихъ было 2 дочери—одна *Маша*, другая—*Галя*. Первой было лѣтъ 15, другой—13. Эти рѣзвушки обращались съ нами слишкомъ фамильярно—при матери и отцѣ играли съ нами, на доскѣ прыгали, на веревчатыхъ качеляхъ качались, шутили, получали отъ насъ удары ладонью по плечамъ, давали и намъ сдачу; но эти близкія отношенія не захо-

---

[1]) Съ этихъ поръ о. Іаковъ Вечерковъ сдѣлался *любимцемъ Гавріила*. Послѣдній рекомендовавъ его на должность ректора въ Екатеринославъ, куда и самъ скоро былъ переведенъ архіепископомъ и тамъ еще болѣе сдружился съ о. Іаковомъ.—Л. М.

дили далеко и не доводили обѣ стороны до худаго.—Хозяйка разсказывала, какъ она угощала въ 1815 году возвращавшихся плѣнныхъ французовъ. „Они были такіе милые, веселые. Мнѣ было жалко ихъ,—разсказывала хозяйка,—я сварила имъ хорошій обѣдъ; но какъ они были другой вѣры, то мнѣ не хотѣлось поганить своихъ блюдъ,—я наливала имъ въ черепокъ. Они, указывали мнѣ на блюда, лежавшія на полкахъ,—все смѣялись. Немного говорили по русски; я объяснила имъ, почему не подавала въ блюдахъ,—они еще больше хохотали.—Однажды хозяинъ, взявъ мѣшокъ и лопатку и приказавъ Галѣ съ мѣшкомъ идти съ нимъ, сталъ на полъ-горѣ въ готовой ямкѣ копать глину. Наполнивъ свой мѣшокъ, вытащилъ его наружу, а Галя между тѣмъ влѣзла въ яму наполнять свой мѣшокъ; вдругъ послѣдовалъ обвалъ—и задавилъ дѣвочку. Соповъ бросился отрывать, сопровождая работу крикомъ. Сбѣжался народъ, съ трудомъ отрылъ изъ подъ массы земли дѣвочку; она была бездыханна. Отецъ помѣшался, мать перенесла ударъ. Погребая эту дѣвочку, мы оплакивали ее, какъ родную сестру.

На эту квартиру ходилъ къ намъ сосѣдъ мѣщанинъ *Пальчикъ*. Его, какъ грамотнаго, интересовало знакомство съ нами. Это былъ лѣнивѣйшій человѣкъ, лѣтъ 40, высокій и сухощавый; когда только приходилъ въ квартиру нашу, всегда у него были одни и тѣже рѣчи: „Эхъ-ма, хоть тресни, нѣту работы; но что мнѣ? жизнь-копѣйка, голова нажитое дѣло, а душа? хоть тынъ подопри ею. — Ну, каково поживаете?“—каковъ-бы ни былъ отвѣтъ учениковъ, онъ начинаетъ разсказывать изъ житій святыхъ. *Иванъ Смоленскій*, ученикъ низшаго отдѣленія, сосѣдъ мой по родинѣ, бывало станетъ трунить надъ благочестивыми размышленіями Пальчика. Тогда Пальчикъ, бывало, говоритъ ему: „Ой, Ваня, не миновать тебѣ ада, будешь ты въ смолѣ кипѣть.“ — А я запасусь шиломъ; вотъ когда и тебя будутъ опускать въ котелъ, я снизу такъ пырну, что ты вылетишь изъ котла! — разговоръ обыкновенно оканчивался словами: „Охъ, что будетъ, то будетъ, сыграемъ пока въ три-листика“, — и вынимаетъ засаленныя карты.

Третья квартира памятна тѣмъ, что хозяинъ, бывшій когда-то купцомъ и бургомистромъ, отъ запоя жены все потерялъ; кромѣ дома жена его хватала что попало подъ руку и несла въ кабакъ. Она не имѣла ни юпки, ни платка на головѣ. Ходила простоволосая съ распущенными волосами, сбитыми въ войлокъ и въ одной рубахѣ. Мы квартиранты жили въ особомъ флигелѣ и приходили только обѣдать и ужинать въ избу плановаго дома, въ

горницѣ жилъ хозяинъ; несчастная жена его обитала на полатяхъ. Кушанья готовила и подавала на столъ 15-лѣтняя дочь хозяина. Хозяинъ рѣдко занимался своимъ ремесломъ—дѣланіемъ восковыхъ свѣчей. Мущина въ 40 лѣтъ, бѣлаго лица, съ большими свѣтлыми глазами и съ черною прекрасною бородою, всегда одѣтый прилично, онъ все ходилъ изъ угла въ уголъ, по временамъ восклицая: „Жизнь — жизнь проклятая — вотъ жизнь!“ Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ. *Наташа*, дочь хозяина, была прекрасная дѣвушка, волосы черные, лицо бѣлое, глаза большіе, свѣтлые, только рубашка на ней и юпочка всегда грязныя до черноты. Одинокая и зануженная, она съ нетерпѣніемъ ожидала, когда мы придемъ обѣдать; когда приходимъ, безъ умолку щебетала своимъ серебрянымъ голоскомъ, и улыбка не сходила съ устъ ея. Разъ случилось мнѣ спать съ Наташей бокъ-о-бокъ. Это было такъ. Возвратившись съ Рождественскихъ каникулъ за два дня до срока и ночью, я насилу достучался въ двери хозяина. Былъ страшный морозъ. Флигель еще не былъ отопленъ, и хозяинъ, всегда спавшій въ нетопленной горницѣ, на этотъ разъ спалъ въ избѣ на лавкѣ. Я слишкомъ перезябъ и хотѣлъ нераздѣваясь лечь на другой лавкѣ. Хозяинъ, снисходя моему положенію, предложилъ мнѣ теплое мѣсто на печи. „Тамъ,—сказалъ онъ,—только Наташа“. Я легъ на печи, немножко поодаль отъ дѣвицы. Когда я проснулся, дѣвица лежала подлѣ меня и спала. Я тотчасъ отодвинулся отъ ней, чтобы рѣзвушка не разболтала товарищамъ моимъ, по пріѣздѣ ихъ; я даже слѣзъ съ печи и цѣлое утро проспалъ на лавкѣ. Когда я проснулся, Наташа была уже въ своей запачканной юпкѣ и возилась у припечки. „Это ты спалъ со мною на печи?—спросила она.—Да, я былъ сначала на печи, но какъ узналъ что ты тамъ, только обогрѣлся тамъ и тотчасъ сошелъ на лавку“. Я краснѣлъ какъ буракъ, а она нисколько. Я опасался, думая, что она послѣ разболтаетъ товарищамъ, отъ которыхъ не было бы мнѣ проходу; но, слава Богу, не видя тутъ ничего худого, она ни разу послѣ не вспоминала о томъ.

Съ этой квартирою связалось еще воспоминаніе объ одной глупости, которую мы позволили себѣ и за которую много могли пострадать. Кто-то изъ насъ досталъ селитры и узналъ на опытѣ, что когда горитъ она, прожигаетъ мѣсто, на которомъ лежитъ. *Смоленскій* далъ намъ знать, что подлѣ двора лежитъ чей-то огромной величины боровъ, и предложилъ испытать горѣніе селитры на спинѣ борова. Планъ былъ одобренъ всѣми; всѣмъ хотѣлось видѣть, что будетъ съ боровомъ. Завернули кусокъ се-

литры въ губку, обмазали дегтемъ. Смоленскій подкрался съ этимъ аппаратомъ къ свиньѣ и вложилъ аппаратъ въ щетину на спинѣ. Когда зажженная губка догорѣла до селитры и горючее вещество достигло тѣла, боровъ ухнулъ и бросился бѣжать. Сваливъ одного изъ насъ, онъ бросился на базаръ; тамъ онъ ниспровергалъ выставки товаровъ и самихъ торговокъ. Поднялся крикъ, гамъ. Мѣщане взяли колья и убили борова, какъ взбѣсившагося. Но тотъ-же часъ замѣтили, что у убитаго животнаго спина горитъ. Что это? откуда огонь?—Узнай они, что это наша продѣлка, намъ не миновать бы бѣды. Но мы притаились въ квартирѣ и взяли другъ съ друга клятву никому не говорить о селитрѣ и боровѣ.

Въ это время я испыталъ другую тревогу. Пріѣхалъ въ Сѣвскъ архіерей Гавріилъ, узналъ, что многіе изъ семинаристовъ курили табакъ, и далъ приказъ отыскивать таковыхъ, угрожая имъ солдатчиною. Въ числѣ курящихъ махорку и я былъ. Въ нашей квартирѣ курящіе тотчасъ побросали трубки — и трепетали, особенно я, чтобы кто-либо изъ старшихъ не донесъ на меня. Но старшимъ былъ упомянутый *Остромысленскій,* который тогда практиковалъ образъ жизни монашескій: онъ ходилъ, потупя взоръ, и старался избѣгать лишнихъ разговоровъ. Тогда вообще считалось признакомъ хорошаго поведенія, если ученикъ ходилъ съ наклоненною головою, говорилъ въ полголоса и никогда не смѣялся. — Архіерей уѣхалъ, — опасенія мои прекратились.

Четвертую квартиру, у молодого кузнеца, я занялъ вдвоемъ съ *Веселовымъ,* ближайшимъ моимъ другомъ, уже по переходѣ изъ средняго отдѣленія въ высшее, или въ богословію. Домъ былъ новый и просторный. Мы спали уже на кроватяхъ. Съ нами въ другой комнатѣ квартировалъ военный ветеринарный медикъ съ деньщикомъ *Шаповаленкомъ.* Медикъ подверженъ былъ періодическому запою. Когда бывало начнется запой, медика запиралъ деньщикъ и ухаживалъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Въ періодъ запоя ходилъ больной безъ портокъ и бушевалъ. Шаповаленко, вопреки нашему совѣту сперва на сутки приносилъ ему штофъ водки, и потомъ, по полштофу, наконецъ только по стакану. Чрезъ недѣлю или полторы больной переставалъ пить и тогда онъ терялъ силы; дня три не вставалъ съ постели. По миновапіи болѣзни, онъ становился добрымъ, старался всѣмъ угодить, и какъ онъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, разговоръ его былъ самый пріятный и интересный. Хозяинъ и мы души не слышали въ немъ. Проходилъ періодъ болѣзни, и онъ не могъ выносить запаха водки, тогда какъ прежняя наша хозяйка, тоже страдав-

шая запоемъ, постоянно томилась жаждою водки и не выходила изъ состоянія идіотизма. Такой особѣ, какъ она, мѣсто только въ сумашедшемъ домѣ. Но и ветеринаръ уже ли неисцѣлимый человѣкъ? Стыдъ и срамъ медицинской наукѣ! Больной перестаетъ ѣсть, питается однимъ углеродомъ водки, какъ бы тутъ не извлечь изъ этихъ данныхъ какого-либо средства исцѣлять несчастныхъ отъ запоя!

Не помню, въ какомъ отдѣленіи Семинаріи я былъ, когда на лѣтнихъ каникулахъ довелось мнѣ быть въ Мценскѣ и дня два гостить у тетки или у діакона *Степана Ѳедоровича Троицкаго*. Дочери ихъ Машенькѣ было уже 15 лѣтъ. Къ ней приходитъ дочь Протопопа Оболенскаго — *Саша*. Маша была хорошенькою, но Саша до того поразила меня красотою, что я трехъ словъ не могъ сказать при ней съ толкомъ. А между тѣмъ она все обращалась ко мнѣ и, замѣтя мою неловкость, вызвала всѣхъ на дворъ играть въ горѣлки. Маша съ сестрами, братья ея, товарищъ мой Петръ и малый Степанъ и я вышли. Но дворъ оказался тѣсенъ, вышли на улицу. Въ этой игрѣ я освоился съ красавицей. Это было первое мое знакомство съ нею. Вечеромъ опять пришла къ намъ Саша; мы сидѣли за воротами. Тутъ она больше всего говорила со мною, разспрашивая объ Орлѣ, Сѣвскѣ. Она говорила и обращалась со мною такъ наивно, какъ и Маша, т. е. „Коля, Количка. Вы уѣзжаете (я былъ со своею матерью), когда же Коля опять пріѣдешь къ намъ?“, — говорила она. — Дорогой я мало думалъ о Сашенькѣ; но когда пріѣхалъ домой, она не выходила у меня изъ головы, и чтобы свободнѣе думать о ней и припоминать ея слова, я искалъ уединеннаго мѣста, и большею частію забирался въ коноплянникъ. Тамъ я предавался сладкимъ воспоминаніямъ объ ея прекрасныхъ глазахъ, бѣломъ лицѣ, алыхъ губкахъ, стройной и рѣзвой походкѣ и звучномъ голосѣ. Эти воспоминанія всегда оканчивались сладкими слезами. Я часто ни съ того ни съ сего сводилъ разговоръ на Сашеньку, особенно когда говорилъ съ сестрою Катею. Она поняла мое состояніе, подмѣтила и слезы. Однажды сестра затѣваетъ разговоръ о будущихъ невѣстахъ моихъ. „Вотъ ты кончишь курсъ, тебѣ придется жениться, куда бы ты поѣхалъ искать невѣсты?“, — говорила она. — Я никуда бы не поѣхалъ, какъ во Мценскъ, тамъ все хорошенькія. — „Когожъ ты тамъ видѣлъ кромѣ сестеръ?“ — Тамъ всѣ хорошенькія. — „Да ктожъ тамъ?“ — Хоть бы Саша Оболенская. — „Да Саша не можетъ быть твоею невѣстою, она наша троюродная сестра; ты помнишь бабушку Елену и бабушку Лушу. Вѣдь онѣ

родныя сестры, а Протопопъ — сынъ Луши". — Я заплакалъ и бѣжалъ въ свой коноплянникъ... Тамъ на свободѣ я выплакалъ все свое горе — и больше не думалъ о прекрасной Сашѣ. — Какая жъ судьба красавицы? Она выдана была за учителя духовнаго училища, рябого урода и пьяницу, который отъ пьянства скоро и померъ. Въ 1870-мъ году красавица была жива; въ бытность мою въ Мценскѣ въ это время я хотѣлъ отыскать ее, чтобы взглянуть на 60-лѣтнюю старуху. Но, слава Богу, обстоятельства помѣшали мнѣ, и хорошо. Пусть она останется въ моей памяти 15-лѣтнею красавицею навсегда!

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЗГАРДІЯШ.

Твора на 4 дії.

М. Кропивницького.

ДІЄВИ ЛЮДЕ:

Денис Шаповаленко.
Степанида, його жінка.
Юхим, їх старший син.
Химка, жінка Юхимова.
Прохор, другий син.
Катря, жінка Прохорова.
Иван, третій син.
Христя, мати Катрина.
Мелашка, сусідка, удова.
Данько, школяр.
І-й староста.
2-й староста.
Музика.
Сельскій староста.
Урядник.
Дмитро.
Знахарь.

Музики, народ, діти і козаки.

—

Дієтся в селі.

ДІЯ І.

Нова хата, стіл, піл, жердка, мисник, полиця, лави, кочерги і т. п.

Ява 1.

Степанида і Мелашка.

Степанида. *(Причеплює над божницею рушники, Мелашка їй допомога).* Отакечки найкраще буде, як рушника розгорнути на двоє, а по середині будуть образи...

Мелашка. Еге ж. По середині... вони поставлять благословенне, а перед образами почеплять лямпадочку та голубів... Колиб ще й квіток почепити, тоді вже й Господи як хороше було б!..

Степ. Нехай люде бачять та дивуются, як свекруха пеклуется за для невістки опорядити нову хатину.

Мел. Такої другої свекрухи як ви, увесь світ сходи — не знайдеш.

Ява 2.

Иван. *(Вносить дошку)*. Ось ще вам одна дошка.

Степ. Давай її сюда, на піл. *(Кладе дошку на піл, застеля піл літником і склада подушки)*. Невже втомився, що так важко дихаеш?

Иван. Думаете не втомився?..

Степ. Тепер вже неначе і все готово?

Мел. Причепурена хата та опоряжена неначе хороми!..

Иван. Дайте ж мени, мамо, за труди чарку горілки.

Степ. Все тобі горілки, чи не годі б вже на сегодня? І так вже зо три вихилив. Випьеш лишне і знов вхопе тебе за серце.

Иван. Тадже ж у нас сегодня весілля?..

Степ. Та що з того?... Забув хиба, що вчора хвершал казав, що тобі овсім не слід пити?

Иван. Та що він тяме ваш хвершал?

Степ. О, ти розумніщий від него.

Иван. А ви маете мене за дурного?..

Степ. Казав хвершал, що від горілки тебе ще гирш скоцюбить.

Иван. Скоріш йому язика скоцюбить!..

Мел. На мою думку теж так випада, що хвершал бовка дурницю.

Степ. А хто його зна?.. Налийте вже йому, сусідко. *(До Ивана)*. Ото ж, щоб сегодня була остання, — чуеш?

Иван. Чую, не глухий!..

Мел. *(Взяла пляшку і чарку)*. І я з тобою, Иване, почастуюсь. Ти бідний калічка, а я сердешна удова, то нам з тобою тільки і втіхи що в горільці, чи так?

Иван. Може і так?..

Мел. *(Приспівуе)*. Та нікому гірше нема
Як тій удові,

Що у хаті тільки сама
Та стіни німи... *(Випила і підносе Иванові).*
Але хоч я і удова та не геть-то журюся...

Иван. *(Випив).* А тепер піду на весілля, ще й там мене почастують. *(Худко пошкунделяв).*

Степ. Ач який... Не годилося б йому пити.

Мел. От же я по щирости так міркую, що вашому Иванові нічого больш у світі не зосталось, як горілку пити... Вона втішниця найсправжніща!..

Степ. Ніякої роботи і ніякого пуття з нього...

Мел. Так вже виходить, Бог йому призначив.

Степ. А певно що так... Попомучилась, я з ним як ще малим був, як упав з печі та скалічів... Вірите, не раз навколішки припадала та слезами Милосерднаго благала, щоб його прибрав; вимучив він мене до пропадющого... Воно може і гріх було об тим благати? Ох, Господи Многомилостивий!..

Мел. А мабуть таки гріх?..

Степ. Живемо, мовляв, навпомацки, не тямлючи де гріх, а де спасеніе?.. Попомучилась я з Иваном, і Господи попомучилась!.. Тут приспічує тобі робота, а ти з ним воловозся... аж зненавиділа його!.. Ото ж як хирів, як мучився, а не захирів, зріс на клопіт нам. Куди його призведеш, до якої роботи?.. Ні косою потягти, ні за плугом... Одне слово дармоїд...

Мел. А ви не ремствуйте. Може Господь на його каліцьку долю пошле вам такого щастя, якого й не сподіваетесь.

Степ. А може? звісно Бог що схоче те й зможе... ох-хо-хо! *(Заметушилась знову по хаті).* Чи буде ж коли небудь невістка так панькатись зо мною, як я ій догожаю?

Мел. Годите, мовляв, як болячці!.. Не знаю і не хочу пророкувати... Звісно, як Прохор ваш не з опалу одружився з Катрею, а по мислі, то промеж них мусить бути і лад і згода; а де лад— там і пошаноба і свекрусі, і свекрові і всьому родові... Прохор вже царську службу відбув...

Степ. Ще не цілком відбув, він запасний...

Мел. Але воно так припада, неначе вже й збувся того клопоту... А там, де берутся без кохання, як тепера воно часто трапляется, то з такого шлюбу шкода сподіватись супокою; лихо та гармидер там завжди кублятся *(Зітхає)*. І не доведи Господи!.. А я випью... Будьмо... *(Випива)*.

Степ. Правда, сусідонько, що з такого спарування не жди милування...

Мел. Хоч би й про себе скажу. Віддалась я без огляду, похапком, ніби здуріла на той мент... Звісно, молода була — дурна... Хвалити Господа, що здихалась; а девьять годочків промучилась... Нехай мене тепер хоч озолотять — вдруге не піду заміж, ні за що не піду!.. Нехай йому хрін з паприкою, — от що!.. (*Регоче*).

Степ. Тадже, либонь, на тім тижденві... Стривайте, хто ж оце мені казав? От же й не пригадаю!.. Чутка була, така що ви заручились з Самійлом Кривопьятенком..,

Мел. Мало-мало знов не здуріла та, дякувати Господеві, заздалегідь похопилася зректись...

Степ. А люде казали, що Самійло від вас відкинувся?

Мел. Брешуть, брешуть, сімсот і девьять разів брешуть. Я від нього відреклась!.. Ой і люде у нас які брехливі!.. ай-ай-ай!.. Я відкинулась, я сама!..

Степ. Як ми з своїм старим побралися по власній волі та благодарение Господеві прожили вік в згоді, то нехай і діти наші так... Оті полумисочки, сусідонько, не ставляйте на припічку, а краще у мисник; а макітру можна постановити геть туди, аж на черінь... Ох, сяду та відпочину. (*Сіда*). Сідайте і ви та відпочиньте.

Мел. Я не втомилась ще; як треба кому у чім запомогти, то я на ту добу роблюсь невтомною.

Степ. Та це правда, що ви роботящі.

Мел. А мій покійничок на те не вважав, все було за моїми руками, а він ніби того й не добачав.

Степ. Скільки знаходилось порадників, щоб Прохор сватав другу дівку, а не Катрю. Але ми сказали, що то цілком у синовій волі, що нехай бере ту, на котру впаде його думка...

Мел. Так, так... Воно так і повинно бути, так воно найкраще.

Степ. Де які люде глузували, мало не дурних з нас строїли... Може почастуєтесь ще?

Мел. Я з дорогою душею. Гляньте на хатину, як квіточка... У великий кошт вона вам обійшлась?

Степ. Хоч і не питайте! потратились багато... Але ж за для кого втрачаємось, як не за для дітей?.. За для них тільки й живемо. Не багато їх у нас. Юхим вже в отділі, дочка теж... Прохор та Иван, ото і всіх... Викушайте ж чарочку.

Мел. (*Наливає*). Дай же Господи нашим молодятам і счастячка, і здоровьячка, і віку довгого та розуму доброго (*Випила і частує Степаниду*).

Степ. (*Взяла чарку*). Не бажаю я їм ні багацтва, ні роскошів, я ніколи на те з-роду-віку не заздрилась, бо все багацтво і всі роскоші в згоді та в супокої... (*Одпива*).

Мел. Ото стільки випили?

Степ. Я й з роду по повній не пила.

Мел. Та ви ж так і чарочку зноровите. (*Регоче*). А я така, що в чарці і краплини не лишу... Вже ж і весілля справили ви, на славу: і питва, і їства в волю, ще й троїста музика!.. Похрипли від співів і ноги повідкидали від таньців — дружки, свашки та приданки... Инчі чоловіки так задоволнились питвом, що день по трое чмелів слухали...

Степ. Тридцять цілкових як одну копійку тільки на горілку потрачено,.. І знов столове двадцять. А скільки пішло на дарунки, на митрики та за вінчання!.. Щож, кажу, за для своїх діток втрачаємось, ні за для кого більш як за для них, увесь вік дбали за для них...

Мел. Так, так. Бачила багато я весілль на своїм віку може їх аж сімсот і девьят бачила, ну такого не видала... Може ще ви почастуєте?

Степ. Давайте. (*Взяла пляшку і чарку*).

Мел. А я, сусідонько, признатись по правді, Боже як боялася, щоб бува чого не скоїлось на весіллі...

Степ. Чого ж такого?

Мел. Як Прохор гуляв з Катрею більш півроку... Хиба не знаете як иноді трапляется?.. Та й люде не поскупились на пащекування та всякі прикладки...

Степ. Знаю... Чула, що й ви, сусідонько, доточували свого язичка.

Мел. Хто, я?.. Га?.. Хиба з нечевья?.. Знаете, як наслухаешся, чого иноді каторжні брехливі люде не наплещуть, то й не остережешся, як і сама бовкнеш якесь словце... Не хочу таїтись, може і я винна... Язик мій — ворог мій! Хоч візьми та й утни його!..

Степ. Доставалось вам за нього від покійника?..

Мел. И-и доставалось!.. Бив, бив бузувір, Господи як бив!.. Раз з горіща жбурнув об долівку та мало не перебив мене на двоє... Більш місяца вилежала після тії бійки... Як гоїлась та очунювала, то, вірите, все нишком шепотіла, дивлячись на Матір Божу Пресвяту, та благала, щоб укоротила мені язика, щоб змогла я удержувать його за зубами...

Степ. (*Налива чарку і підносе*). Певно не вчула Мати Божа вашого благання? Викушайте.

Мел. *(Випила).* І з чого воно ото коїтся таке? Ніби тягне тебе за язика, ну притьмом тягне, щоб почесать його... А вже як роспустиш, то й не встережешся як і намелеш і навіеш... Дай же Господи нам діждати ще й Иванового весілля. *(Хоче випить).* О чи я вже випила? Коли ж це?

Степ. То я ще вам налью? (*Налива*).

Мел. А я не відречусь, хильну. (*Пье*).

Степ. А яка ж дівка за Ивана піде, хиба божевільна яка? Кому потрібен дармоїд?..

Мел. А може й знайдется? А ви й не викушали?

Степ. Я вже вдоволнилась, більш не питиму.

Мел. І не пийте; коли не кортитъ, краще не пийте. А мене чарочка завжди підбадьорує.

Степ. Я ніколи не була прихильна до чарки, одну-другу подужаю, а третю то вже через силу.

Мел. Иншому вона таки й вадить.

Ява 3.

Христя. (*Входить з хлібом під плечем*). Вітаю вас, свашечко, в новій синовій хаті.

Степ. А вас вітаю в зятевій. (*Цілуются*).

Христя. Ідуть вже наші новосельці, князь і княгиня, оце їм святий хліб. (*Кладе хліб на стіл і огляда хату*). Гарна та світла хатина, хоча й не простора, дай Боже щоб нашим молодятам світло та весело жилось в ній!..

Степ. Дай Господи, Мати Божа!..

Мел. І житимуть, вірьте, як в раю житимуть бо побралися по любови. То вже як не по согласії, то бодай його побила лиха година і сімсот і девьять пропасниць!..

Хр. Вирядила я мое ясне сонечко з своєї хати на віки, нехай вже осяює чоловікову оселю...

Мел. І буде осяювати, то вже як...

Хр. А тиб, Мелашко, не сікалась в розмову, коли не твоя річ попереду... *(До Степаниди).* Шануй, свахо, мою донечку.

Степ. І таки шануватиму, ще й як шануватиму.

Хр. Пожаліеш її, вона й тебе під старість пожаліе; вітай її щирою душею та теплим серцем. (*Цілуются*).

Мел. Хоч моя річ і позаду, але мушу сказати... (*Хлипає*). Як лехко та хороше робится на душі, коли бачиш меж людьми прихильне вітанне, коли почуеш одверте щире слово... І хочется

жити та Милосердного хвалити!.. (*Налива чарку і підносе Христі*). Викушайте.

Хр. Ні, я не питиму, вдоволнилась вже до схочу. Та й не ти тут старша, щоб частувать..

Мел. То я викушаю за ваше здоровлячко. (*Пьє*). Чи чуєте, ідуть, ідуть! (*Чутно музику*). Мерщій, мерщій матірки беріть хліб-сіль в руки та зустрічайте. (*Дає один хліб Степаниді, другий Христі*).

Явa 4.

Иван несе на очеретині або на палиці покрасу (червону хустку) і ставляє біля порога, боярин несе образи і кладе на стіл, старости, Денис, Прохор, Катря гості і музики, свашки вносять скриню і ставляють на піл; музики грають.

І-й стар. (*Таньцює*). Тепер наша, черга. Пане підстаросто, піддай вогню, бо в мене вже неначе підошви прилипають до долівки...

Юхим (*2-й староста*) О так наші!.. „Таньцювали злидні три дні“... (*Підтаньцьовує*).

І-й стар. (*Зупинився*). Отак, а не чорт-зна як! Щоб так наші молоді веселились в новій хаті та своїм лагідним життям радували нас. Ну, Прохоре Денисовичу, тепер вже ми ваші гості, приймайте нас у вашій хаті.

Денис. Частуй, сину, а ти невістко годуй нас, чим Бог послав. (*Сідають за стіл*).

Прох. (*З запазухи вийма пляшку і чарку і частує. Степанида дає Катрі закуску, котра підносе гостям*). Милости просимо.

Катря. Закусіть ласкаві будьте та не огудьте.

Денис. (*Взяв чарку*) Пошли ж Господи вам здоровья і віку довгого. (*Пьє*).

Степ. (*Одпиваючи*). Ох, Прохоре мій, Прохоре, моя дитино коханая!..

Іван. (*Пьяний регоче*). А я хиба не кохана дитина?

Хр. (*Одпива*). Катрусе, моя ягідко, моє червоне яблучко!

І-й стар. (*Взяв чарку*). Дай Господи, щоб ми діждали гуляти на весіллі ще й ваших дітей. (*Пьє*).

2-й стар. (*Юхим*) Ну, брате, Прохоре, хай тобі Господь допомога запобігти талану і долі... (*Випив*).

Мел. А мене, Прохоре, невже обминеш?

Прох. (*Частує*). Пожалуйте і вам.

Іван. Частуй, Прохоре, і мене.

Прох. Тобі не слід би вже пити.

Іван. Хто ´це тобі набрехав?... Я, брат, на те не вважаю, наливай!..

Денис. Иване, не треба більш!..

Іван. Ні, я випью. Наливай. (*Прохор налива*). Повну наливай!.. (*Випив*).

Муз. (*Випива*). Годилося б, напримерича, виходить, стало бить, будем так говорить, за ради такого пишного весілля, по старосвітському звичаю, поводить журавля... Тепер вже, напримерича, виходить, стало бить, будем так говорить, перейняли, усякі модні прахтики та цибулизацю, а старовину занехаяли...

І-й стар. Журавля, журавля!.. А ну, старики, ставаймо в коло, а свахи, Христя та Степанида, нехай журавля подибають.

Всі. Журавля, журавля!..

Іван. (*Регоче*). Може б і я подибав журавля?..

(*Починають водить журавля і співають, Івана не приймають в коло*).

Унадився журавель, журавель,
До бабиних конопель, конопель,
Таки-таки журавель,
Таки-таки цибатий,
Таки-таки дибатий!..
А я його ізловлю, ізловлю,
Крила-пера обскубу, обскубу,
Таки-таки і т. д.
Він не буде літати, літати,
Конопельки топтати, топтати,
Таки-таки і т. д.

Денис. Ну, хоч і годі. (*Зупинились*). Пора і розходитись, бо вже скоро і сонечко спочине. Частуйте ж нас, дітки, на прощаванння... (*Прохор частує*).

Іван. А на моїм весіллі цілий тиждень частуватимемся і журавля подибаємо... (*Регочучи співа*). „Таки-таки журавель“...

Денис. Годі, Иване, верзти нісенітницю!

Іван. А на похоронах моїх заспіваєте. (*Співа*). „Со Святими упокой“...

Денис. (*Грізно*). Кажу тобі годі!

Іван. Чого годі? Ні, не годі! Хочете мені рота затулить? (*Стає посеред хати хитаючись*). Що на весіллі про смерть згадав?.. Я її що-дня, що-ночи кличу, а вона глуха не чує мене, біля других клопочется, а про мене ій байдуже... Мамо, правда?

Степ. Замовчи ти!..

Іван. Мині життя, обридло!.. Хто я, що я? Ні людина, ні скотина!.. Гей, де ти, кістлява маро, безноса невіро, де ти забарилася, їди мерщий, бери мене, зотни мерщій своею неминучою косою!.. Я не хочу жить, не хочу, не хочу!.. огидло життя, я живу через силу... Горілки мені дайте! (*Вхопив пляшку з столу і пьє нахильці, всі кидаются до нього і одіймають пляшку*).

Мел. Ти так всю вижлуктиш, зостав бо мені!..

Іван. (*Штовха Мелашку*). Геть, плескухо!.. Дайте ножа, я вам зараз нароблю гавьядини і панахиду справлю!..

Денис. Виведіть його геть!..

Іван. Мене геть?.. (*Замахнувся і впав*).

(*Юхим і другий чоловік беруть його і виносять з хати*)

Іван. (*Кричить*) Геть з очей!.. Всі ви мені гидкі, ненавидні!.. (*Винесли*).

І-й стар. Негодилося б так, перешкоду зробив на весіллі...

Муз. Позвольте. Теперича, напримерича, виходить стало бить, будем так говорить, не була весілля без шкандалю...

Явa 5.

Сел. Староста. (*Входе*). Здрастуйте. Поздоровляємо з весіллям та будьте здорові з вівторком.

Всі. Спасибі.

Прох. Милости просимо садовиться.

С. Стар. Можна і сісти. Коли попрохали сісти, то мабуть і почастуєте?

Прох. (*Частує*). Викушайте.

С. Стар. І ето можна. (*Випив*). Я привик так: одну випить, а другою закусить. (*Прохор почастував ще*). І доволно. Не веселу звістку приніс я. Чули певно, що война з Гапоном ще з весни почалась?.. А тепер требують запасних. Ти, Прохоре, сам грамотний, то й прочитай. (*Дає йому бамагу*).

Прохор. (*Прочитав*). Так, правда... (*Верта бамагу*). Щож... Царська воля — закон... Не судилось певно тихе сімейне життя... (*Всі немов обімліли*).

Катря. Як?.. Як же це?.. Я ж загину без тебе, Прохоре!.. Ой, рятуйте люде добрі!.. Ой, матусенько моя ріднесенька, рятуй же мене, рятуй!.. Ой, пропаща ж я, пропаща!.. (*Ридаючи пада на плече Прохорові. Инчі плачуть, инчі зітхають, сел. староста поважно виходе з хати*).

ЗАВІСА.

ДІЯ 2.

Хата Денисова, обставини звичайної хати небагатого селянина.

Явa 1.

Мелашка і Степанида.

Мел. Але, чуєте, все оте, що я зараз висловила перед вами, може подіятись з кожною молодицею, лехко може, так лехко, що инча і не зчується...

Степ. Мені здається, що ви оце даремно кажете, не можу я тому йняти віри!..

Мел. Ви обміркуйте спершу ось що. Не встигли побратися, як чоловіка налопом беруть на війну, і сердешна жінка, котра тільки вчора взяла шлюб, зоставайся ні жінкою, ні дівкою, і не удовою... Це ж тільки подумати, то аж моторошно робится!..

Степ. Ох, що правда, то правда...

Мел. Замісць того, щоб горнутись до вірної та щирої дружини, що як у тій пісні співається, що каже: „цілуются, милуются доки сон не зможе“,—горнись до німої стіни, цілуйся та милуйся з подушкою...

Степ. Що ж робить? Це трапилось не по нашій, а по царській волі?...

Мел. То-то ж-бо й є! І я вас спитаю: що його робить у такім випадку? І вже по чиій би волі воно не трапилось, а серцеві розваги нема, нічиею волею його не заспокоїш, воно не розуміє того, квилить, кличе коханого, кличе не вгаваючи, мов навісне... (*Зітхає*) Знаю, знаю по собі!.. Ой, Господи, Господи!.. Ото ж у таку жаданну добу, як підвернется хоч і чорт рогатий, то й його пригорнеш і не зоглянешся, як пригорнеш супостата, замісць милого..

Степ. Ні, це витівки якісь, щось нісенітне...

Мел. Не вірите? А я певна, що так воно коїться не тільки у нас, а і по всему світу... Це вам і кожна ворожка скаже, забожуся сімсот і девьять раз, що скаже!.. Та от хоч би сказать про Хроську Перчишину. Як ішов її чоловік у салдати, приказував: „гляди мені, каже: одною лишаю, щоб одною і застав“.. Вернувся із служби, аж замісць одного вже тройко...

Степ. Ну, Катрю до Хроськи не рівняйте.

Мел. Чому ні? Що ж-то Катря така свята та Божа, чим же вона присвятилася, чим краща за Хроську? Про Хроську скажу вам, що вона і роботяща, і зугарна до всього, і дотепна на всякі моди... Хто як не вона перша привезла з городу моду, щоб хвартуха носить не на зборах, як ми носимо по старосвітському, а щоб іззаду краї сходились до купи, а на пузі щоб було обтягнене як на обичайці?.. Вона!.. Вона і кохточки завела перша. Стало быть, вона вже образована... І з лиця Хроську хоч і не з Катрею порівнять — патрет і товстопика... А вже коли кому призначено не обминуть гріха, то не обминеш його з роду-віку!..

Степ. Звісно, що гріх не по лісах ходить, а по людях, але ж... Ні, ви, сусідонько таке страшне почали провадити, що у мене аж тімня почало давить, ніби щось важке на голову покладено...

Мел. Але ж як Катря переберется до вас, то ще може те лихо можна буде і зупинить... Як вже вона раз-у-раз знаходитимется на очах у вас, то їй не так зручно буде заводить зальоти... (*Підходе до мисника*). Пляшка одіткнута, порожня... хоч би заткнули, а то повно мух налізло... (*Глянула у вікно*). Хто це пройшов вулицею? Ага, ваша невістка, Химка, її мені й треба... Забарилась у вас, прощавайте.. (*Хутко пішла*).

Я в а 2.

Денис. (*Виходячи з комірчини*). Либонь, Мелашка була? (*Позіхає*)

Степ. Чув, що вона тут провадила?

Денис. Не все... Трохи подрімав після обід.

Степ. Каже, що бачила вже скільки разів, що як тільки звечоріє, якийсь і сунется крадькома по-під-тинню і як увійде в хату, зараз Катря хатні і сінешні двері замкне і позатуля вікна, і вже скільки не стукай, скільки не гукай — ні защо не відгукнется...

Денис. Ну, нехай об цьому після. (*Бере з полу мішок і іде з хати*).

Степ. Ой, як же моя голова заморочилась!.. Невже в тому пащекуванню є хоч крихотка правдивого?..

Ява 3.

Химка. Здрастуйте, мамо, з неділею будьте здорові. (*Цілуются*). Що це ви самі в хаті, а деж батько та Іван?

Степ. Батько пішов в комору набрать зерна, щоб відвезти до млина, а Іван вже більш тижня як пішов по манастирях на прощу.

Химка. Ага, так, так... Я чула та й із памьяти витрусила ту чутку...

Степ. Сідай у нас.

Химка. (*Сіла*). У вас нові картини: піп, чи що?

Степ. Ні, то вівчар вівці пасе... Це Іван десь достав...

Химка. А я думала що піп, шапка така як у попа. А то друга: павич ѓи-то?

Степ. Де ж там павич? То хатка, а біля хатки високе древо.

Химка. А я думала що то павич хвоста роспустив.

Степ. Эге, пішов Іван помолитись. Якісь два богомольці захо́дили до нас на ніч і так хороше промовляли про святощі, що Іван з'охотився пристати до них у компанію... Казали, що недавно якийсь святий пресвятився і з'явив свої мощі і тепер сила миру іде на прощу. Ніби б-то один чоловік годів з пьятнадцять не володів рукою, прямо висіла як мертва, пішов туди на прощу, і рука йому зразу ожила... І знов якийсь молодиці, не в мою міру, звернуло було вьязи мало не на потилицю і та вигоїлась... Багато сліпих стало видющими, німих — балакучими...

Химка. Чула і я про це... А то одна богомолка росказувала про дівку, котрій поприростали до долонь гривні та пьятаки...

Степ. Ой матінко!.. Як же воно?

Химка. Бачите, вернулась дівка з заробітків та й віддає батькові зароблені гроші; а скількось гривень та пьятаків затулила в жменях. Батько й питає: „чи всі вже?" А вона й одмовила: „всі". „А в жменях у тебе що?" спитав він. „А ну розтули жмені.." А вона: „нічогісенько, каже, у мене в жменях нема" та мерщій від нього. А батько у слід їй і крикнув: „як що затаїла від мене гроші, то бодай вони тобі поприкіпали до долонь"... І щож ви думаете як батько побажав, так і скоїлось...

Степ. Бо і священник завжди каже, що від батька — матері ні з чим не слід виховуватись. От же є такі, що не боятся гріха.

Химка. Своїми очима богомолка бачила ту дівку. „Так, каже, гроші і повростали їй в долоні". Чернеці звеліли, щоб та дівка три обідні молилась та поклони клала, аж сімсот поклонів, та щоб що—обідні ставляла по сім свічок, по цілому злотому кожна свічка, і на часточку подавала по двогривенному... І нічого не їла вона опріч шматочка хліба та кружечки води. „Ото ж, каже, як вже вдарила вона останнього поклона, то так ті гроші і розкотились по церкві, чернець їх позбірав і поклав собі в кишеню"... Щож це я справляю посиденьки? Хотіла про кой-що спитать... Чи не знаєте, що зробити дитині: отут за вухом отака зробилась моргуля.

Степ. Оливою помаж з лямпадки, абож ранньою росою з вікна...

Химка. Юхим сказав: „бігай до матері, вони средствія знають". То прощавайте. (*Дійшла до порога, далі зупинилась).* Ви колись, мамо, ремствовали на Юхима, що взяв собі жінку, то б-то мене, не до мислі?

Степ. Овсім не ремствовала... Хто це тобі наплів?

Химка. Мої очі та вуха,

Степ. Та й коли вже те було, чи варта згадувать.

Химка. Одначе у нас вже діло пішло на згоду.

Степ. І слава Богу. Пора вже, пора... Коли побрались, то треба порозумітись якось...

Химка. Цілком вже порозумілись... За те другою невісткою ви зразу задоволнились?

Степ. Що-о?

Химка. Тільки чи буде нею задоволений Прохор, як вернется?

Степ. Ти мене береш на докори, чи як?

Химка. Ні, овсім ні. Я тільки хочу вам сказать про те, що у мене, хвалити Бога, четверо підростають і всі вони Юхимовичі; а того що Катря нагуля—чи Прохоровичом же зватимуть?.

Степ. Ой, Химко, стережись отаке верзти!.. Уй, який у тебе злючий язик!.. Стережись, кажу тобі!..

Химка. Не полохайте мене, мамо: добре вже мене за сім годів чоловік наполохав, може трохи завдяки й вам?..

Степ. Ой, злюка ж ти, злюка!..

Химка. Я вас переконаю у тім, що кажу, ось побачите! (*Пішла хутко*).

Степ. І цій Катря в пельці засіла!.. Та невже ж Катря зважилась на гріх?

Ява 4.

Катря. (*Несе на плечах багато одежі і починає навішувать її на жердку*). Чи не від вас так прожогом побігла Химка і не поздоровкалась зо мною?.. Чи й скриню переносить сьогодня, чи нехай поки що там перебуде—дуже важка?

Степ. Нехай поки що там перестоїть.

Катря. Та й я так думаю.

Степ. Сьогодня поспіеш перебратись?

Катря. Поспію.

Степ. Так воно краще буде... Що там тобі одній робити?.. Хату замкнемо, га? (*Помовчала*). Тобі може хотілося б там зостатись?

Катря. Ні, в гурті якось людніщ.

Степ. І поговору меньч... Катре! А як на твою думку, чи не вишустрить мені на всі боки Мелашку, щоб вона більш і очей не навернула?

Катря. Хіба вже що сплела?

Степ. Не хочу я тому йняти віри... Та коли б ще одна Мелашка, то ще сяк-так, а то і Пріська Ходунова, і Гапка Прапачева, і Химка...

Катря. Не виховалась я...

Степ. Що таке?

Катря. На нівець пішов увесь мій замір, і вся турбота.

Степ. Га? Як ти кажеш?!

Денис. (*Входить*). Невже й справді щось непевне вчинилось?

Степ. А що там таке?

Денис. Гапка Дибайлова оце зараз зустріла мене та й каже: „чула я, що ви невістку з нової хати перебіраете в свою; так воно безпечніщ буде: хіба, каже, довго до гріха?“.

Катря. (*На бік*). Ой і сусіди ж, достомітні шпиги.

Денис. До якого гріха? питаю. „Не пащекувата я, каже, то й не хочу, щоб з мене першої пішов поговір“... Зареготала і пішла геть від мене. Гукнув їй у слід, так вона тільки махнула рукою.

Степ. Так і мені Пріська Ходунова відмовила. „Нехай, каже, другі доводять до краю, а я не охоча втручатись у чужий клопіт“...

Денис. Ти чуеш оце, невістко?

Катря. Та чую ж.

Денис. А щож ти нам на те скажеш?

Катря. Не їла душа часнику, то й не смердітиме.

Денис. Так-то воно так...

Катря. Правдиво, мабуть, кажуть, що якіми б рідними не вбачались свекор та свекруха, а нарешті невістка їм все таки чужа?.. Чужа я вам, через те і віра ваша в мене так швидко похитнулась...

Денис. Ще не похитнулась, а тільки...

Катря. Ні, вже!.. Скличте ж до гурту всіх плескух і я при них дам вам відповідь найправдившу!..

Степ. І це буде найкраще... Але ти не еретуйся!..

Денис. Зробимо так. Піди та поклич сюды й матір свою,— прохай, щоб неодмінно зараз прийшла.

Катря. Гаразд, покличу. Куди оце мені покласти? чи можна у миснику?

Степ. А щож там таке?

Катря. Це мое... Тут два листи від Прохора та ще кой що..

Степ. Поклади на верхню полицю, там воно безпечніщ лежатиме.

Катря. То я ж піду по матір. (*Кладе вузлик на мисник.*)

Степ. На полудень вернесся?

Катря. Може мати не пустять не погодувавши? (*Пішла*).

Денис. Чи чула, стара? Без примхів і без сліз наважилась привселюдно виправитись?.. Почуемо, що вона їм заспіва?

Степ. Бачив, як у неї очі заискрились, як сказала про віру, що ніби похитнулась?.. Що не кажи, а душа в неї правдива!

Денис. Та неначе б-то...

Степ. А памьятаеш, як скоро ми з тобою побрались і ти того ж таки года пішов на заробітки, на чавунку, кудись аж за Харьків, та ціле літо там був, вже аж у заморозки вернувся?.. То чого тільки не наплескали на мене щирі сусідочки!..

Денис. Не охочий я до бійки, а Мазуровій Горпині привселюдно тоді плюнув межи очі і дав ляпаса по пиці.

Степ. І клята ж була покійниця, царство ій небесне, вічний покій! Кого вона не опаскудила, кого не оганьбила?..

Денис. Та Бог з нею, не згадуй, нехай вже над нею земля пером.

Степ. Эге ж, нехай... А візьми листи Прохорові! шкода що не вміемо читать... Давай хоч подивлюсь на них...

Денис. (*Бере з полиці вузлик і розвьязує, на долівку падають: книжка, тетрадь, папір, олівець і два письма).* Оце листи, а це й не знаю, до чого воно?.. (*Підійма все з долівки*). Книга, якась палічка... Ага-га, це те що пише, колись у столяра бачив таке... Стривай, як воно звется? От же і не нагадаю... (*Склав все у вузлика і поклав на полицю, а письма взяв і, сівши поруч з Степанидою, дав ій одне, а друге держе сам в руці і вдивляється*).

Степ. От дивлюсь на Прохорового листа, а ніби бачу не листа, а самого Прохора, ніби чую сю промову... (*Почина плакать*). Синочку мій, дитино моя!.. (*Цілує листа*). Де то ти тепер пробуваєш, як там тобі на чужині, без роду-родиноньки?.. А хороше як Прохор у листі промовля... Каже: „лети, лети листок од Заходу на Осток". Ой, забула, як воно далі?..

Денис. (*Промовля*). „Упады в руки тому, хто любый серцю моему".

Степ. Далі, далі?

Денис. Далі щось і я забув.

Степ. Хоч би ще одне словце пригадать?

Денис. Стривай, стривай... „Родненький папашо і родненькі мамашо і супруго моя верная"...

Степ. Так, так... Далі?

Голос за вікном. Чи не підете заразом до росправи, привезли з пошти казет і писарь читатеме голосно?

Денис. (*Хутко зхопився*). Я піду, стара!

Степ. Піду і я; доки Катря та сваха Христя прийдуть, поспіємо вернутись. А листа сховаю до серця. Дай мені і того... (*Хова листи за пазуху*).

Денис. Може про Прохора що небудь вичитуватимуть?

Степ. Пошли нам Мати Божа веселу звістку.

Денис. Про войну почуємо... (*Обоє одягаються*) Учора якийсь панок біля Митьчиної лавки розказував, що наші завдали японам такого чосу, що довго чухатимутся.

Степ. (*Одягається*) Так їм і треба, проклятущим, нехай не сікаются до наших!

Денис. Каже, бачив японів на картині: такі миршаві та манісенькі; наш солдат по четверо їх садовить на долоню, а другою як ляпне, то тількі мокреньке місце зостанется... (*Сміються обоє*) Колиб, каже, наші схотіли, то зразу закидали б їх шапками, тільки що шкода шапок паскудить...

Степ. Ну, вже я не пошкодувала б на них і очіпка!..

Денис. Ходім, ходім!..

Степ. Чи хату замкнемо?

Денис. Не треба, може скоро Катря вернется. (*Дивится у вікно*). Та ондечки вона вже і йде. (*Пішли.*)

Через недовгу хвилину входить Катря.

Катря. Чогось наші пішли у росправу,—певно покликано їх туди. Матері не застала дома; сказала сусідам, щоб переказали, що я приходила за ними. (*Стук у вікно*).

Данько. (*За вікном*) Катре!

Катря. Це ти, Данько? іди в хату!

Я в а 5.

Данько. (*Увійшов і простяга руку*) Мое поштеніе. А я подойшов до твоеї ізби, дивлюсь—висить замок.

Катря. Я ж тобі сказала, що сьогодня сюди переберусь.

Данько. Понимаю. Значить, годі вже секрети соблюдать?

Катря. Сьогодня доведеться признатись, довідались...

Данько. Значить, виявили? Ах, как ето довольно подло. Хто ж ето?

Катря. Знайшлись щирі душі. Доки наших нема, скористаємось тим, не будемо гаяти часу. Сідай-бо. (*Данько сів, Катря іде до мисника і здійма вузлика*). Хтось вже тут попорядкував: вузлик розвьязаний. О, а де ж листи Прохорові? От тобі... Невже я їх погубила? Я ж їх сьогодня сюди поклала... Певно, свекруха взяла. Чи не понесли кому, щоб перечитали їм? Вони щосвята і що-неділі перечитують наново Прохорові листи... (*Підходе до столу*). Як мені хтілось крадькома навчитись грамоти, щоб самій списать у листах до Прохора про свою журбу та тугу, отже не довелось... (*Сідає*). Давай, голубчику, сяк-так допишемо листа до Прохора, щоб завтра або після завтра і одіслать. От повитріщають всі вороги баньки, як я їм сама промовлю по бамазі листа до свого милого! (*Сміється*). А що Мелашка, то та сердешна з досади або перегризе собі язика або цілком проковтне його!.. (*Знов сміється*).

Данько. Вот будить сторія нового завету!

Катря. Почнемо? (*Бере папір і олівець і лагодится писать*).

Данько. Почнемо. Не до ндраву мені те, що ти пишеш листа не по хвормі, по мужицькому.

Катря. Як би писала по таківському, як ти спочатку почав проказувать, то мені здавалось би, що то не я пишу, а хтось инчий орудує моїми думками і воде моєю рукою.

Данько. Так когда ж воно такое правило, што разговори, кой-которі можна по мужицькому, ну читать та писать дольжно по книжному. Наш вчитель нам раз-у-раз приказуе, щоб ми і дома силкувались розмовлять по книжному... А ниспектор, як оце прийздив, так казав вчителеві: „старайтесь, штоб дьети кгаварили харашо"... Де котрі ребьята вже можуть, а я ще не зовсім наловчився! але через якое уремья і я розговори ухоплю книжні, ще й як ухоплю!..

Катря. Ну, проказуй далі.

Данько. А на чім же ми остановку зробили? (*Чита*). „Любий мій Прохоре, моя ти единая думко!.." Аж неприятно читать. По правилу дольжно буть так: „любезной мой супруг, Прохор Денисович!.."

Катря. А мені так не подобается.

Данько. Чудная ти... так правило ж такое! (*Чита далі*). „Як прочитали ми твого листа, то всі гуртом плакали"... Тут дольжно б сказать: усім обществом слези проливали... (*чита далі*) „що ти, мій голубчику, тяжко сумуеш за нами. Колиб ти знав, як я за тобою що-хвилиноньки побиваюсь, як та пташка в клітці".. Вот тут я прописав би: как птичка в кльеткье, на тонкой вьеткье,— вийшло б і чуствительно і стиховно.

Катря. Годі-бо тобі. Нехай вже так буде.

Данько. Ай - ай - ай! йжели б етого листа предоставить нашому вчителеві—от би реготав!

Катря. Чого ж би реготав?

Данько. Потому што даже дольжно реготать, как он по мужицькому списаной. Окроме того воно не тольки смішно, а даже довольно глупо. Ну, тут далі я памьятаю, одні тольки пустяки! Будемъ дописувать.

Катря. А ну, стривай, я сама дочитаю, чи потраплю?

Данько. Єжели завгодно, читай.

Катря. (*Чита*). „Як вже скінчили читать твого листа, пішла я в нашу хатину, глянула на образи, котрими нас благословили, та як припала до столу, як почала на самоті голосити, довго-довго голосила і здалось мені, що і стіни, і вікна, і скриня і вся хата заразом голосять зо мною"...

Данько. (*На бік*). І на што писать про еті дурачества?

Катря. (*Чита*). Аж чую закувала в леваді зозуля Я почала її питати, чи скоро діждусь тебе"... (*Заридала, припавши до столу*).

Данько. От бачиш, колиб не писала про зозулю, то й не плакала б, потому што об єтіх глупостях в письмах никогда не пишуть... Змочила ще горше письмо слезами. Куди його можна посилать? Йежели б показать такое писаніе учителеві, оставив би без обьеда, або в куток, чи той — в уголь постановив би.

Катря. (*Витира сльозы*). Ну... вже не плачу... Проказуй, писатиму далі.

Данько. І еще кланяется низькім поклоном і приятним словом...

Катря. (*Проказує пишучи*). І ще..

Данько. Не ще, а еще. Ще ето будить обозначать сильную безграмотность. (*Диктує*). Дяденька ваш...

Катря. Який дяденька, коли дядько?

Данько. Дядько неприятно, а дяденька харошо.

Катря. Я напишу: і дядько. (*Пише*).

Данько. Своєвольна!.. (*Диктує*). Гавріил..

Катря. Не Гавріил, а Гаврило.

Данько. По мужицькому так: Гаврило, а по книжному: Гавріил. Архангели есть: Гавріил і Михаіл, а Гаврила нема!..

Катря. Ну, написала. Далі?

Данько. (*Диктує*) І тьотенька ваша...

Катря. Тьотенька? Мені аж вимовить смішно: тьотенька!.. (*Сміється*). Хіба не краще: тітка?

Данько. Никогда. Другий на моїм місцеві взяв би ето, плюнув на еті безталковиї глупости і пайшов би... Тольки што деньги получаю за вченіе, а то б...

Явa 6.

Входять **Денис** *і* **Степанида.**

Катря. От тобі й на!.. (*Ховає папір у вузлик*).

Денис. Що ви тут робите?

Степ. У книгу дивились, чи що?

Данько. Да, ето я разні сторії читав Катрі: про Сима, Хама і Ахвета, либо вроді етого штось другое... Здрастуйте дяденька, Денисій Митрохванович! как поживаете? Пожалуйте вашу ручку. (*Трясе Денисові руку*). Здрастуйте, тьотінька Стехванія Єгоровна! Пожалуйте ручку. (*Стиска ій руку*).

Денис. Сідай у нас, хлопче.

Степ. Та пополуднаеш з нами. (*Сідають*).

Данько. Благодарим за... пригласительство, спасіба (*сіда*).

Денис. Читав писарь казету, що наші здорово побили Япона аж пьять тисячів їх полягло, а наших тільки двісті чоловік.

Степ. Так їм і треба, проклятущім гапонам.

Данько. Да, наші воіни так вони маладьці. Учора в школі був урядник, так говорив, што наші знищтожять зовсьем японьця...

Катря. А про Прохора ніякої звістки не чули?

Денис. Ні, нема нічого. (*Зітхає*)

Катря. Мамо, ви взяли листи Прохорові, що були у вузлику?

Степ. Я, я, осьдечки вони. (*Вийма зза пазухи*). Подержала листи біля серця і полехчало мені. На, заховай! А що ж мати?

Катря. Я ж вам казала, що не застала дома.

Денис. Що то у тебе за палічка в руці, як вона зветься?

Катря. Карандаш.

Денис. Карандаш? А я чув колись від столяра инакше, от же не нагадаю?

Данько. Ньет, дяденька, карандаш как вон був карандашом, так карандашом і повсігда зостанется...

Ява 7.

Входять **Мелашка** *і* **Химка**.

Химка. Ні, Мелашко, так не чесно, як ти оце задумала коїти! на віцо ти за спиною дулі показуєш, а в вічі хиба боїся правду сказати?

Мел. Не боюсь я нічогісінько, і в вічі скажу!

Химка. Ну, от і кажи, нехай ось свекор і свекруха знають усе!..

Денис. Що ж ви таки таке знаєте, послухаемо?

Химка. Зараз Мелашка, біля Митьчиної лавки, присягалась, що вона власними очима бачила, як до Катрі що-ночі, як тільки почне сутеніти, з'являється якийсь миндрус...

Мел. Бачила, з'является! Сімсот і девьять раз заприсягну, що з'является!..

Катря. Це правда.

Степан. і Ден. (*З жахом*). Правда?

Химка. А що, чуєте? (*Регоче*).

Дан. Ну, тольки некакой миндрус!

Катря. (*Показує на Данька*). Оце той миндрус!..

Всі. Як?

Дан. Одначе стойте, какой же я такой миндрус? Єто хвальш!..

Катря. Признавайсь, Данько, чого ти до мене що-вечора ходив?

Дан. Як признаватись, то й признаватись... Видите, дяденька, видите тьотенька; захотіла Катря нишком навчитись грамоти; щоб, значить, люде не висміяли ій очей, що вона у таких літах задумала вчитись, і договорила менья, за півтора цілкових у мьесяць, щоб я крадькома що вечора її вчив. Я согласився і за чотирі мьесяця получив вже шість рублей серебра. Катря до грамоти оказалась понятливою...

Катря. Оце той мій гріх, котрий так зтурбував не тільки пащекух, а і вас, тату й мамо...

Дан. Я раз однажди даже наполохав тетеньку Мелашку. Дивлюсь, вони йдуть до Катриної ізби, я й приліг за плотом; тільки що вони надійшли та й лізуть через пліт, а я як загавкаю, вони як галаснуть та з плоту бабах об землю!.. (*Регоче*).

Мел. А щоб ти не діждав полохать мене у-друге, чортів випортку!

Катря. (*Тим часом вийняла з під корсетки листа*). А оце той лист, котрого я властною рукою списала до Прохора.

Дан. Тольки што не впольнье по хвормі.

Мел. Тьфу! Паскудний віскряк якого гвалту накоїв!..

Химка. Годилося плюнуть тобі за це, Мелашко, в самісеньку мордяку; тільки других підводиш під сварку!.. (*Розгнівана пішла*).

Мел. Сімсот і девьять раз тьфу!.. (*Пішла*).

Катря. Не перегризіть, Мелашко, з пересердя язика!..

Дан. Какая уредная єта тьотенька, ужасть!..

Степ. А прочитай нам, Катре, як ти там пишеш Прохорові!.. (*Катря починає читать листа*).

ЗАВІСА.

ДІЯ 3.

В тій же хаті.

Явa I.

Христя і Катря.

Христя. Годі тобі, моя дитино, так тяжко сумовать,—хиба ще за рік не натужилась? Трохи було ніби й вгамувалась, а це знов третій тиждень мало не що-дня голосиш. Пошкодуй себе, пошкодуй свого молодого віку!..

Катря. А на що мені, мамо, те життя?..

Хр. Коли не шкода себе, то хоч згляньсь над моєю старістью.. не знесилюй мене внівець... Хіба моє старе серце не рвется на шматки через твоє горювання?.. Чи може тобі про біль матері, про її муки байдуже, то жени її мерщій в домовину... доволі вже я нажилась, доволі натішилась життям...

Катря. Мамочко, не докоряйте мене... я... я вгамуюсь... (*Затуля собі рота долонею, щоб не плакать*). Перестану тужить... (*Іде до порога, бере кружку з водою і промива очі; напилась*). Вже вгамувалась ніби... (*Сіда біля матері*).

Хр. (*Голубить її*). Тадже ж пише, що рана не тяжка, що лікарі запевняють, що скоро загоїтся... що кістка тільки трохи зачеплена... Дякувать треба Господеві, що не перебили ноги...

Катря. За віщо ж дякувать? Кому він що лихого вчинив, чи заподіяв?.. Ми, мамо, „Господом забуті“...

Хр. Що це ти верзеш? Гріх так казать... А що поранено Прохора, то щож робить? на те він салдат, воін.

Катря. Хиба він по своїй волі пішовъ на війну? Хиба йому потрібна була війна?.. Не одружився б він, колиб знав, що запротирять... Казав же, як прощався, що як би знав, що потягнуть на війну, не завьязував би мені віку... Взяли, заслали на край світа і скалічили... Що я тепер? Салдатка, котру кожен, кому не жаль, тільки зневажа... За віщо ж, питаю, я мушу дякувать Господеві?

Хр. Не ремствуй, борони тебе Боже ремствувать!..

Катря. Не ремствовать?.. Але ж і дякувать за що... (*Похитала з хвилину головою*). „Лехко пораненний“.. А чому ж сам не пише, коли лехко пораненний?.. На віщо сестра милосердна пише за нього?

Хр. Певно, він лежить...

Катря. Лехко пораненій не лежав би... Мало хиба на селі ненароком калічятся: инчий руку розруба сокирою, або ногу, а не ляга? Савка Когутенко, як торік розрубав коліно, а не ліг; ціле літо волочив ногу, аж доки не взяли в болницю та не відрізали ноги...

Хр. І зістався на вік калікою. А колиб загодя почав гоїтись, то може і не скалічів би... (*помовчала*). А й хороше же милосердна сестра списала, вже так хороше що й сказать.

Катря. Дізналася ж, бачте, що Прохор не з москалів і сама призналась йому, що й вона теж з наших...

Хр. Кортить мені ще послухать того листа, може прочитаеш?

Катря. Прочитаю.

Хр. От і розумниця. Ще ні один салдат з нашого села так хороше не одписував! всі якось по таківському закидають, як ото иноді наші начальники наважаются балакать, або хвершал...

Катря. (*Розгорта листа і зітхає*). Ох, Боженьку мій милий!.. (*Чита*). „Люба моя дружино, Катрусе! (*Христя иноді залюбки голосно додає: „так, так“, або „ох, як хороше!..“*) Мушу тебе засмутить не веселою звісткою. Під Мукденом мене скалічено, ліву ногу кулею на виліт пробито, і трохи пошкодило кістку, нижче коліна, через що дохторі звеліли лежать у шпиталю, доки затягне рану і кістка загоїться... Я почуваю себе дужим. У шпиталю доглядають за нами сестри милосердія і ми їх звемо сестрицями; вони перевьязують нам рани, дають усякі ліки; а тих; що дуже покалічені та немощні, то таких самі і чайом поять... Цього листа пише сестриця. Довідалась, бач, вона, що я з хахлів, тай пита: „ви українець?“ А я ій кажу: ні, я хахол. А вона й почала мені тлумачить, що хахол—це насмішка, все рівно як москаля звуть кацапом, або еврея—жидом... Ви, каже, українець, через те я і листа до вашої жінки напишу по українські. А потім як почала вона мені оповідати про давню давнину,—про таку, що і батьки нам не розсказували. Потім сказала мені, з яких книжок те вичитала; у нас, у школі, ми про такі книжки і не чули!.. Каже, що колись Україна була вільною стороною... Я почав благать її, щоб усе оце списала тобі, щоб і ти де-що зрозуміла,—вона сказала, що спише у другім листі. Потім прохав я, щоб додала й про те, яка вона добра душа. Довго сперечалась вона, що ніби про це не слід писать, що то її обовьязок примушує пеклуватись біля хворих; але я сказав, що як не спише про це в ли-

сті до тебе, то я затаю свого адреса. Тільки таким побитом я прихилив її до свого благання. Боюсь тобі оповідати про страшенні каліцства, які тут доводится що часу бачить! Хоч що-дня на моїх очах сотні салдатів в муках падали і помірали, одначе не зачерствивши себе так, щоб глянувши на инчого пошматованого мученика, не здрігнуть... Як Бог поможе повернутись благополучно до дому, тоді розскажу тобі все, нічого не затаю. Не сумуй, моя голубко, та не журись дуже за мною; трошки заплач собі, бо без того не можна, але не плач на людях, а нищечком, та благай Господа і молись йому, щоб допоміг мені скоріш вернутись у рідний край, у свою хатину, до любої моєї дружиноньки"...

Хр. Бачиш, і він приказує, щоб не журилась та Господеві молилась. Ну, далі?

Катря. (*Чита*). „Я розсказав сестриці, яка ти у мене хороша і як кохаєш мене, так вона дуже тішилась. Сподівайся ж від мене скоро другого листа"... (*Промовля*). Сподівалась та мабуть і сподіванку доведется залишить. (*Чита*). „Сестриця каже, що як тільки мені покраща, зараз же об тім сповістить тебе сама, Сестриця ще каже і те, що нам, українцямъ, треба листи писать до дому по своєму. Кланяюсь низенько таткові і неньці, і тещі, твоїм неньці, братам, і сестрі, і невістці, всій рідні і всім добрим людям. Твій друг Прохор Шаповаленко, младчий унтерофицер. (*Говорить*). Слова останні він властною рукою дописав.

Хр. Стало бить, і не немощний... Ну що, полегчало тобі? А мені так теплом всю душу і обгорнуло.

Катря. Вже скоро і місяць як цей лист прийшов, а другого нема та й нема!...

Хр. Може завтра, може після завтра прийде. Он Гальчин чоловік як прислав одного листа та як одіслала вона йому карбованьця, та від-тоді а ні вісточки, от же ій ніби й байдужісінько!

Катря. Мені від того не лехше. (*Зажурилася*).

Я в а 2.

Входять **Степанида і Знахарь**.

Степ. Здрастуйте, свахо! спасибі що завітали. (*Цілуется з Христею*). Що, свашечко, і ви не заспокоїте вашої доні?... Ми вже і руки опустили.

Хр. Не приберу і я ума, як її уговорить.

Катря. Я ж не плачу вже... (*Понесла листа до мисника і хова у вузлику*).

Степ. Кажуть,—що у росправі вже казету читають,певно старий вже там!

Катря. Піду і я!... (*До Христі*). Ходімо, мамо, у росправу.

Хр. Та воно годится тобі пройтись... Прощавайте, свахо. (*Цілуется з Степанидою*). Мені треба зайти до млина, воно по дорозі: ти до росправи, а я у млин... (*Пішла з Катрею*).

Степ. (*До знахаря*). Бачили?

Знах. Ні, ще.

Степ. Оце ж наша невістка, Катря!

Знах. Ага, а я думав...

Степ. Садовітся!

Знах. Можна. (*Сів*).

Степ. У будень ще сяк—так, за роботою та за клопотом, то й розважится, а як прийде неділя, або свято—цілий день виголосить.

Знах. Невістка?

Степ. Та вона ж... Як не плаче, то щось таке з нею коїтся, ніби остовпеніе і мовчить—мовчить, хоч ти ій що хоч кажи.

Знах. Мовчить все?

Степ. Эге ж, мовчить. Я чула, що як инчій людині дошкулить до болячого, то у неї все в грудях замре,—чи так?

Знах. Бува й так, а бува й не так.

Степ. Спасибі вам, що потрудились пожалувать, може вас почастувать?

Знах. Як що є, то... Мене люде частують.

Степ. (*Бере пляшку і чарку*). Дай Господи, щоб ви допомогли ій.

Знах. Допомогти можна... Жалаєм доброго здоровлячка. (*Випив*).

Степ. Мені здается, що ви неодмінно ій допоможете. Закусіть, будь ласка!

Знах. Допомогав багатьом, то й вам допоможу. (*Закусює*).

Степ. Звісно, побивается за чоловіком, бо його скалічено на войні... Прислав листа.

Знах. У нас, сказать, мого свояка сина теж скалічено.

Степан. Скрізь те лихо коїтся!

Знах. На те воно й лихо.

Степан. Може викушаєте ще?

Знах. Як почастуєте, то викушаю.

Степан. Я вам така вдячна... (*Налива*). Хто це вас напутив?

Знах. (*Випив*). Василь... Як-бо його? Ось що... Москаленко.

Степан. Ага, це наш недалекий сусіда! от добра душа, спасибі йому!

Знах. Ідіть, каже, там вас чекають.

Степан. Хотіли ми вже кинутись до хвершала.

Знах. То не хвершалове діло.

Степан. І я так кажу. Як тепер хвершали понаставали такі, що краще б їх і не було: ні шепотіння він тобі не тямить, ні заговору...

Знах. Без шепотіння та без заговору не можна.

Степан. Скажи йому, щоб злизав зазіх, або здмухнув пристріт, так він баньки витріщить...

Знах. Може б почастували по третій та й за діло?

Степан. Викушайте. (*Налива*). Пожалуста поможіть ій, сердешній!

Знах. (*Випив*). Людським допомогав... Ходім! (*Встав*).

Степан. Куди ж це?

Знах. До неї ж.

Степан. Вона ж пішла у росправу, ось вернется.

Знах. Хто?

Степан. Невістка.

Знах. Ми її не ждатимем. А мазниця є?

Степан. Є, є!...

Знах. Колиб ще обичайка з старого сита, або з решета!

Степан. І обичайка знайдется.

Знах. Інчі штанами або хвартухом шию труть, а я завжди обичайкою... Деж вона у хліві, чи...

Степан. Хто?

Знах. Телиця?

Степан. Яка телиця?

Знах. Та у вас же телиця захворіла, перелоги б-то, чи що?

Степан. Ніякої телиці нема у нас хворої!

Знах. А вас же як звуть?

Степан. Ми Шапуваленки, з діда—з прадіда Шапуваленки.

Знах. А мені треба Рябошапку... Виходить я помилився?

Степан. Рябошапчина хата поруч з нашою.

Знах. То так би й казали зразу, а то почали: „сідайте“, та „викушайте“... І що за народ! не скаже тобі товком, а... Прощавайте! (*Пішов*). Згаяв тільки уремня!...

Степан. Я думала, що він людський знахарь, а він товарячий!...

Я в а 4.

Данько. Моє поштеніе, тьотінько! Вашу ручку! (*Чоломкается*). Катрі нема дома?

Степан. Пішла на часинку до росправи, зараз вернется, посидь.

Данько. (*Сіда*). Приніс одну книжку Катрі... Папаша купили на ярмарку, ну, кажется тэк, што по безграмотству їхнему, вочень глупую... Звется: „Сердешна Оксана“... Так, пустякова сторійка...

Я в а 5.

Денис *і* **Иван.**

Денис. Чи бачиш, стара, хто прийшов?

Иван. Здрастуйте, мамо! (*Цілує їй руку*).

Степан. Здоров, здоров, сину! Насилу ти вернувся.

Денис. Глянь ти на його, неначе аж подужчав і якось ніби вилюднів...

Иван. (*Скида зайву одежину*). А таки вилюднів.

Денис. Сідай та відпочивай.

Иван. Я вже трохи відпочив. (*Сів*).

Степ. Чи не дати пополудновать?

Иван. І їсти не хочу: по дорозі заходив до Юхима, і він мене підгодував, спасибі йому.

Дан. Моє поштеніе, дяденька! Вашу ручку! (*Чоломкается*). Здрастуй, Ванька!

Иван. А, здоров, здоров школяр! (*Чоломкается*). Вчишся ще?

Дан. Вчусь.

Иван. Вчись, братухо, вчись. Я не довчився, а тепер і шкодую... Ну, тату, приніс я вам стільки новини, що й за тиждень не переслухаєте.

Дан. Интересно б послухать?

Ден. Набачився усякої святині?

Иван. Святиня окроме... Скажу вам, що хто не бува по світах, той і не тяме, що по людях коїтся... Чого-чого я тільки не навидався за пьять місяців, чого не наслухався?... Я почав де-

що розсказувать Юхимові, так він аж рота роззявив. Ще нагодився і Давид Крамарчук—і той аж цмокав губами. Прийдуть над вечір до нас, щоб я їм ще де-що розсказав... Чого-чого тільки я не чув?...

Степ. У Київі був?

Иван. Був, і в Воронежі був, і у Серафима Саровського, був і в Почаєві; а на решті вже і в Святих горах...

Степ. Набачився святощів?

Иван. Хотів вам принести проскуру від Почаєвської та загубив заразом з торбиною.

Денис. Отакої!

Иван. Ішли ми, бачите, лісом; ішло нас аж шість чоловік заразом... Тих вже, з котрими я з дому пішов, не було, бо то були таки справжні богомоли... Ідемо ми лісом, аж чуємо гупотить позад нас. Один оглянувся та й каже: „це не инакше, як за нами погоня, тікаймо мерщій". І кинулись ми всі вростіч, по лісу. Одбіг я ступенів з півсотні, дивлюсь лежить гнила колода: я пуць—і пропав за колодою; аж це біля мене вершник як затупотить, а я зарився в листя та й лежу. Далі вже не чуть стало вершника, підвів я голову, бачу—побіля хтось ще ворушится, далі і той випростав голову з листя. „Це ти?,—питає". Я,—кажу. Долежали ми там до вечора. Як почало сутеніти, вийшли на шлях та вже не наперед пішли, а назад... Пройшли гін з пьятеро та й звернули у ліворуч; ішли, мабудь, до півночі, потомились, одійшли на бік і полягали спать. Хотів я попоїсти хлібця, зирк—аж торби нема, загубив; спасибі товаришові, підгодував мене трохи... Удосвіта прокинулись, товариш і каже: „прощай, брате! Тобі туди, а мені туди; ти мене не бачив, я тебе не знаю. У купі як підемо, часом наздоженуть і тебе зачеплять, а нарізнь безпечніш"... Так ми вже більш і не бачились. Люде справили мене на Святогорьский манастирь, а звідти вже я пішов прямо до дому.. Багато де-чого наслухався я від своїх товаришів. Як почали вони тлумачити мені, як належить поводитись людям та через що люде живуть у злиднях та в темноті...

Денис. Треба, щоб ти і нам де-що розсказав.

Иван. Авже ж розскажу.

Дан. Дольжно буть итересні сторії!

Ив. Це ж ти по якому белькочеш?

Данько. Как по якому? Как у школі, так і в семействі дольжно.

Иван. А я чув від людей розумних, що воно не так *дольжно!...*

Я в а 6.

Юхим, Давид *і ще де-які люде.*

Юхим і другі. Здрастуйте, з неділею будьте здорові! (*Цілує батька і матір в руку*).

Денис і Степ. Спасибі, будьте і ви здорові. Сідайте у нас. (*Сідають*).

Юхим. Ми оце прийшли, як що не виженете з хати, прийшли послухати богомола; таку завдав нам задачу, що аж в голові все заворушилось...

Дан. Все одно што именовані числа, да!...

Денис. І нас він зацікавив... Набачився світа та й начувся.

Иван. Про віщо ж вам?

Юхим. Та от ти почав був про колишне, про прадідівщину...

Иван. Можна. Тату! А може й ви чували, хто такі були ваші діди та прадіди?

Денис. А хто ж вони були? Звісно, крепаки, стало бить, паньскі.

Иван. А з якої ж причини вони стали панськими?

Денис. Про це вже я не скажу. Мабудь так воно здавна запроважено... Инчі кажуть, що так воно від Бога призначено...

Иван. Ні, тату, не від Бога, а від людей. Прадіди ваші були вільними козаками, вони воювали з Турками, з Татарами, з Ляхами, з Москалями, здобували землі, скарби та боронили віру Христову.

Данько. Вот про єту сторію раз почав був розсказувать нам вчитель, а хтось ниспекторові доніс, так той йому сказав: „сматріть, штоб вам не прийшлось загонять телят заразом з Макаром?“...

Юхим. З яким Макаром?

Данько. А хто його знаіть, ну тольки вчитель спужався...

Давид. І мій хлопець школяр щось подібне розсказував та я не розібрав...

Иван. Колись може гуртом розберем все... Була у козаків на Дніпрі головна сила—Січ, там був у них і Січовий отаман,

котрого козаки вибірали вільними голосами. Звались ті козаки Січовиками, або запорожцями...

Денис. Я чув колись казку про запорожців, та думав що то так собі побрехенька, як от про *Івасика-Телесика*, або про *Лисичку-сестричку*...

Иван. Із Січі Запорожці ходили воювать з ворогами, плавали у байдаках по морю під Турка та Бусурмена, нападали на Польщу, на Татарву... І взяли завидки ворогів на їх хист та одвагу і почали вони, то той, то другий, умизгатись біля запорожців та запрошувать у спілку, щоб з'єднать гуртом велику силу війска та подужать слабшого... Думали, думали, обмірковували та радились Запорожці, до кого б їм прилучитись?... І надумали пристать до Москаля, бо у Москаля одна з ними віра і через те певні були, що спілка з Москалями буде найміцніща...

Ява 7.

Катря. (*Входе ридаючи*). Ой Боже мій, Боже мій! Тату, мамо! Спалили Прохора, спалили!...

Всі. Що, як?

Катря. Японьці спалили той шпиталь, у котрому лежав хворий Прохор, всі поранені погоріли!... Ой доленько ж моя несчастная, голівонько моя пропащая!... (*Припада до коміна і голосить*).

Степан. (*Вхопилась за голову*). Ай-ай!... Голова!... Прох... Про-хо... (*Рве на собі сорочку*).

Денис. Що це з тобою? (*Хапа її за руки*).

Степан. (*Силкується вимовить*). Про-х-хо-ра спа-ли...

Денис. Щож це? Юхиме, бігай мерщій по хвершала!...

Юхим. Зараз, тату!...

Давид. (*До людей*). Ходімо... Не в час ми прийшли... Така оказія... (*Виходять*).

Иван. От тобі й закидали Японьця шапками!...

ЗАВІСА.

ДІЯ 4.

Біля Денисової хати. Хата, тин, повітка, комора і т. и.

Я в а 1.

Денис. (*Лагодить тина, з-за повітки виходить Иван*). Не світ, не зоря знов з подвірря втікаеш?

Иван. А чого я сидітиму дома? Робить ні сокирою, ні лопатою не можу — задихаюсь... Тільки й мого, що шкундиляю ще по селу, від хати до хати, доки в силі; а як знесилюсь, тоді вже лежатиму до пропадющого...

Денис. Може посидів би біля хворої матері?

Иван. Що я їм допоможу? Я не лікарь. Води хиба подать, так вони і самі ще здужають встать і напитись.

Денис. Я, бувши на твоїм місцеві, не вештався б.

Иван. Промеж людьми, тату, охітніш дихается, а дома такий сум, що й... мати хворі, ви мовчазні та богобоязні...

Денис. Таким вже я і помру.

Иван. Не в тім сила, а що ви раз-у-раз затикаєте вуха і не хочете слухать, об чім тепер люде гомонять, а я так не можу...

Денис. Оте, що де-котрі затівають, то з того не буде ніякого пуття,—я тобі кажу, що не буде... Раніш теж затівали подекуди щось подібне, а на решті списали инчих так, що й досі чухаются, инчих по острогах згноїли або позасилали не вітькуди...

Иван. А я певен, що воно так скоїтся, як сподіваются люде.

Денис. Та й тоді сподівались, що одберуть у панів землю та поділять...

Иван. І одберуть і поділять, от побачите!

Денис. Хто одбере?

Иван. Знайдутся такі. Ну, и скажіть по правді: хиба ви не хотіли б, щоб... вам прирізали землі?

Денис. Та мало чого я не схотів би?...

Иван. Багато ви за цілий вік розхазяїнувались на чотирьох десятинах? Ще доки вкупі жили, то сяк-так перебивались, а як отділили Юхима, то і в нього не повно і в нас порожньо... Колиб Прохорову хату не продали, то вже на весну не було б чим і

орати... Щоб ви робили з одніею шкапою?... Злиднів би годували!

Денис. А годували б... Нам до того не привикать.

Иван. Я не хочу до того привикнуть... Ну, я піду. Сьогодня біля росправи сходка. Чого ви хоч раз на сходку не підете?...

Денис. А матір слабу на кого кинуть?

Иван. Та... То тільки відмовка... Сьогодня мусять приїхать знов з города такі, що будуть промовлять до громади...

Денис. Он чутка є, що вже скоро замирение буде... Салдати, котрі вертаются звідти, кажуть що ось-ось мусить бути замирение... А після замирения може і справді землі приріжуть... Чув же й ти, що якийсь біля Митьчиної лавки розсказував, що ніби-то Синод дозволить Цареві по сім десятин на душу прирізать?... То краще підождать би?...

Иван. Ця ж чутка була ще до войни, одначе і досі не прирізали... (*Пішов*).

Денис. (*Помовчав*). Тільки хліб переводе, прямо дармоїд... Думка шибала, як пішов на прощу, що десь при манастирі зістанется, рипатиме там воротьми або що—і годуватимуть... Мабуть і там калік не треба... (*Помовчав*). А може й справді якесь пуття вийде з тієї помовки, що ніби-то рух обхопив вже багато сел?...

Явa 2.

Катря. Здрастуйте, тату! з неділею будьте здорові!

Денис. Здорова будь і ти. Спасибі, що одвідала...

Катря. Що це ви? у неділю робите?

Денис. А роблю. Робить за мене нема кому. Куди так з-позаранку? Присядь. (*Сідають на призьбі*).

Катря. Нарочито таки прийшла до вас... А мати як?

Денис. (*Махнув рукою*). Хоч і не питай... Позавчора Никодим вернувся з войни.

Катря. (*Зітхнула*). Я чула.

Денис. Простреленo ему долоню і плече... З хрестиком на грудях... Хоч пораненый, а все ж вернувся...

Катря. Я бачила его... (*Мовчать*).

Денис. Що ж, надумалась заміж іти?

Катря. Надумалась... Не з властного переконання, а з людського, ще більш з материного. Але хоч я вже тепер і не ваша, а все ж таки прийшла до вас поблагословитись...

Денис. І нехай тобі Бог помагає. (*Зітхнув*). Мертвим царство небесне та вічний покій, а живому слід користатись тим життям, котре Бог йому послав... Смерть—вона у свій час прийде по кожного, нікого не обмине; хто на черзі—лягай в домовину... Так, так... І неньці твоїй під старість буде до кого голову прихилить... та й сама матимеш притулок... Звісно, наша семья тепер тобі зовсім чужа... Та й яка наша семья? де вона? Юхим в отділі,—у нього вже своя семья; Галька — дочка, теж відрізана скиба від хліба... Іван — каліка, стара — непритомна... Он яка семья!...

Катря. Ви Василеву семью знаєте, яка вона?

Денис. Семью Степаньців я добре знаю. Люде гарні, смирні, богобоязні... Певно і Василь добряча душа!..

Катря. Я йому прямо сказала, що Прохора ніколи не викину ні з думок, ні з серця...

Денис. Василь і сам удівець, і ти ж не докорятимеш його за те, як добром згада покійницю.

Катря. За віщо б я його докоряла?

Денис. Ото-то ж бо й є!... Вийдеш заміж, спаруешся. З щоденним клопотом та з невгавною турботою, та ще як посиплются діти, то вже й ніколи тобі буде згадувать минуле; бідкатимешся об тім, щоб діток вигодувать, та зростить, та до розуму довести... Я тобі це по сердцеві кажу...

Катря. Спасибі вам... Вговоряли мене мати, довго вговоряли: і гнівались, і сварились, і плакали... Думала-думала, а нарешті сказала: вчиню вашу волю, нехай буде по вашому... Прийшла я оце з вами вже й попрощатись, бо сьогодня і до вінця ідемо.

Денис. І нічого на далі відкладать, з Богом!...

Катря. Хотіла б з матірью попрощатись?

Денис. Хоч прощайсь з нею, хоч не прощайсь, їй вже однаково, нічого не втямить... Ось я її зараз покличу сюда... (*Пішов в хату*).

Явa 3.

Мелашка. О, Катря!... Здорова, Катре!

Катря. Хоч і прощай.

Мелашка. І доси гніваешся? (*Мовчання*). Заміж ідеш за Василя? Це ти гаразд робиш... Скільки не журись, а опріч журби нічого не вижуриш. Та й поговору не буде... Ні від чого також не

боляче, як від поговору, га?... (*Мовчання*). Поговір,—як половодня, не зупиниш і не загатиш... Га? (*Мовчання*). Чула про онорала, що позавчора балакав з людьми біля росправи? Ти й справді приндишся і досі?... Чи ба яка хвасониста!... Пхі!... Ну, то не клич же мене до себе і на весілля!... Сміешся? Сімсот тобі болячок та ще й девьять... Тьфу! (*Пішла*).

Явa 4.

Денис і Степанида.

Катря. (*Підходе до Степаниди*). Здрастуйте, мамо!... (*Цілуе її*). Невже не пізнаєте мене?

Степанида. Мене...

Катря. Я ж Катря, невістка ваша...

Степанида. Ваша...

Катря. Іду, мамо, заміж за Василя, благословіть мене. (*Кланяється їй і цілуе руки*).

Степанида. Мене...

Денис. Нехай вже тобі, Катре, Господь допомога і пошле щастливу долю!... (*Цілуе її*).

Катря. (*Поцілувала його в руку*). Спасибі! (*Пішла втираючи сльози*).

Денис. (*До Степаниди*). Може хочеш знов лягти, чи посидиш?...

Степан. Посидиш... (*Іде в хату*).

Денис. (*Іде з нею поруч*). Ти пізнала Катрю?

Степан. Катрю...

Денис. Заміж йде Катря...

Степан. (*Зупинилась раптом і вдивлчется в простор*). Прохор!...

Денис. Невже він тобі привидився? Чи не душа його тут вітає?... Ох, треба буде в ту неділю панихидку відслужить... Як ти думаеш, стара?... (*Степанида щось показуе рукою*). Ну, ходім, ходім в хату. (*Пішли*).

Явa 5.

Юхим. (*Хутко йде до хати*). Нема батька в подвіррі, певно в хаті. (*Іде до дверей, назустріч Денис*). Здрастуйте, з неділею!

Денис. Здоров, синашу. Що доброго скажеш?

Юхим. Та от прийшов до вас... Тут, бачите, таке цікаве діло... Тільки що ви... той... Якісь дуже богобоязні...

Денис. А хіба й ти вже Бога не боїшся, як Иван?

Юхим. Та не в тім річ... Бога боюсь я, а як Богові байдуже про нас, то виходить, що треба вже самим клопотатись...

Денис. Та ти кажи пряміще, не мудруй!... Що там затіваєте? Чи не підбадьорює знов хто на розорение?... Сиділи б оце по острогах, колиб тоді, як з пьяних очей намірялися спалить якономію, не послухали розумних людей та не одумались загодя...

Юхим. А може й не сиділи б?...

Денис. А все горілка призводить до бунту.

Юхим. Ви думаєте, що всім миром керує горілка?...

Денис. Ти і зараз вже клюкнув?

Юхим. Не в тім рощот...

Денис. Чув, що тепер роблять з Иванівцями, котрі розорили та попалили якономію свого пана? Всіх перетрусили, позабірали не тільки пограбоване, а і властне; багатьох посадовили в острог...

Юхим. Може то ще й брехня?... А як і посадовили, так щож: сьогодня посадовлять, а завтра випустять.

Денис. Де це ти такого розуму свіжо набрався?

Юхим. Є такі, котрі більш нас тямлять. Посадовлять пани, а царь звелить ослобонить.

Денис. А чи звелить же?

Юхим. Ось побачите! А що спалили панське добре, то краще — ні нам, ні йому!...

Денис. (*Неслуха*). Що воно з дзвоником їде верхнею вулицею, гляди чи не становий? (*Придивляются*). А, це Катря поїхала з Василем до вінця... Ач, з дзвінком, як пишно!...

Юхим. Не однім же панам з дзвінком їздить, пора і нашим хоч до вінця з пихою... Так слухайте, тату, ось у чім річ. Скільки на вас землі брать?...

Денис. Де?

Юхим. Я так думаю, що і на вас не меньч, як десять десятин?

Денис. У кого брать?

Юхим. У нашого пана?

Денис. Віддае в аренду, чи як?

Юхим. Ні, самі візьмемо.

Денис. Як візьмете?

Юхим. Чого ви так галаснули? Так візьмемо, тай годі, з царського дозволу... Вже умовились громадою, щоб завтра всім

виїздить в поле і поділить землю... То я оце нарочито забіг до вас, щоб спитать, скільки брать на вашу долю?

Денис. Та чи ти при умі? Хто це вас на таке напутив?

Юхим. Царський посланець.

Денис. Що-о?!...

Юхим. Ось тут у нього хрест, а тут медалі, а ось тутечки зоря, чи та, як бо її? Звізда!... Позавчора смерком підбіг до росправи, а тут як раз люде були на сходці. Підійшов до людей, поздоровкався, далі розщепнув балахона, що зверх був на йому, та й пита: „бачите, що оце таке?“ Дивимось: мундир на ньому, хрести та медалі і звізда.“ Догадуетесь, пита, хто я такий?“. Ми зглянулись промеж себе та мершій шапки поскидали. Він тоді вийняв бамагу і показує: „оце, каже, царське“.. От забув як він сказав, чи цвинкуляр, чи приговор?... Ну, а далі почав читать. І там прописано, що дозволяется хрестянам брать землю у панів, по десять десятин на душу...

Денис. Де ж та бамага?

Юхим. Він взяв з собою. Бачите, йому треба їхать по других селах оповіщать людей... „Нас, каже, багато розіслано по всій Расеі“...

Денис. Ото шкода, що бамаги не взяли, безпечніш би було діло.

Юхим. Перед усією ж громадою вичитував, на вішо ж та бамага? Був і староста, і соцький, і судді...

Денис. Краще б було, колиб і бамагу дав...

Юхим. То брать на вас?

Денис. (*Оглянувся*). Та хто його зна?

Юхим. Який ви страхопуд!..

Денис. Колиб бамага...

Юхим. Як назад їхатиме, то можна буде попрохать щоб дав... То брать?

Денис. Та вже як що той, то бери... Як громада, то так вже й я...

Юхим. Дасте завтра ваших биків та спряжемо з моїми... Може і ви поїдете?

Денис. Та хто його зна?

Юхим. Вся ж громада виїздить, і староста, і писарь, і...

Денис. Коли вже вся громада, то й я за громадою...

Юхим. Так, звичайно, найкраще... То прощавайте. Просьба ще забігти до Давида, у нього, є зайвий плуг, бо у моєму чересло зломалось... (*Пішов*).

Денис. (*Сам*). І хотілося б земельки придбать і якось ніби страшнувато... І як таки бамаги не взять... З цвинкуляром в руках безпечніш... Ну, та коли вже вся громада, то треба й собі за громадою... Шкода, що бамаги не взяли!...

Я в а 6.

Иван. (*Хутко йде*). Був Юхим? (*Тяжко диха*).

Денис. Був.

Иван Розсказував?

Денис. Ну, розсказував.

Иван. Я завтра теж поїду в поле, нехай і мені приріжуть десять десятин...

Денис. А тобі на що земля? Робить ти не в силі...

Иван. Так що ж?.. Я землю продам та поїду в який небудь город, там буду вчитись усяким наукам; я хочу бути таким вченим, щоб усяку книжку зміг прочитать... Тоди вже цілком зрозумію все, що в світі коїтся. Инчі люде у чужі землі їдуть, в Америку то що, і мене цікавить Америка.

Денис. І чого б ото вештатись по світах? Вже коли землі приріжуть, то хазяїнуватимем...

Иван. Хазяїнуйте вже ви... Я, тату, дивуюсь, як це ви прожили вік, а далі Київа і не були?

Денис. Годі з мене й того, що в Київі був, далі Київа мене і не кортить... Инчі і Київа не бачили...

Иван. Дайте мені мого двогривеного?

Денис. На віщо тобі двогривеного?

Иван. Хочу купить книжку у лавушника Митьки.

Денис. На віщо тобі та книжка?

Иван. Читатиму. Книга звется: „Иван Вижигин, Фадея Булгарина“.

Денис. Та аж двадьцять копіек за неї?

Иван. Вона дорожча, а Митька відлає мені за двогривеного з тим, щоб я вибрав йому чай з маслин... Бачите, купив він у городі товару усякого, купив і чаю і маслин... чай з маслинами поклав в один мішечок: два хунти чаю і десять хунтів маслин; а папір, у котрім був чай, роздерся, чай і висипався у маслини... Тепер треба чай вибирать з маслин, бо шкода ж чаю...

Денис. Купив би краще яку церковну книгу.

Иван. Хиба церковні книги дешевші? Та й на віщо мені церковна, я в попи не збіраюсь. Дайте ж двогривеного?

Денис. Цвиндриш гроші.

Иван. Свої ж цвиндрю, а не ваші, я їх заробив у лавошника за те, що читав псалтиря над його покійним тестем.

Денис. Та на вже. Пожалуста більш не давай мені твоїх грошей у схованку! (*Віддає*).

Иван. О такої, вже й розгнівались? (*Пішов*).

Денис. Бреше, мабуть, що на книгу. Чи не гратиме у карт? Там у лавошника Митьки, що вечора збіраются та в карт грають. Хведька столяр на тім тижневі програв аж десять цілкових... Ловку забавку завели!.. (*Прислухається*). Що воно топотить так здорово? (*придивляється*). Чи ба!.. Салдати на конях їдуть, ого-го, скільки їх!.. Куди ж вони? Раз, два, три, чотирі... Ого-го, їх і не перелічиш!.. Мабуть, більш як на півсотні... Куди ж це вони простують?... Повертають до панського двору. О, зупинились біля двору; двоє заїздять у двір... Чого ж-то вони?

Ява 7.

Мелашка. Бачили скільки салдатів, драгунів, чи що?

Денис. Та бачу ж.

Мелашка. Я ж казала, що не виховаются наші з своїми заходами, ніколи не виховаются!.. Вчора нарочито побігла до панського двору довідатись, чи там вже знають про те, що позавчора на сходці казав онорал; спитала одного — другого, тільки баньки витріщають... Аж це сам пан тиць на ганок. „А здрастуй, каже, гражданко, яку новину принесла?“ Ніякої, кажу. „А йди, каже, до горниці“. Увійшла я, він зараз почастував мене горілкою, а далі й каже: „садовись, Мелашко! Тепер вже ми скоро будемо рівні всі, як перед Богом, так і перед людьми“... Налив ще стаканчик, я викушала. „Чув я, каже, що вчора біля росправи якийсь пан балакав з людьми, ти не бачила?“ Я й одмовила: хоч і бачила і чула про віщо балакав, але вам того не скажу. Він ще налив стаканчик, я викушала. Знов почав розмовлять, силкувавсь випитати, але я цупко держала язика за зубами...

Денис. Не вірится мені, щоб ви не проговорились?

Мелашка. Ні, ні... Навіть і ненароком ні жодного словця не бовкнула, вже так цупко держала язика за зубами... Щоб мені сімсот пухирів на язика ще й девьять, коли... (*Побачила Юхима хутко счезає*).

Юхим. Козаки приїхали!.. Це якась иродова душа сповістила пана не инакше, а той певно гінця послав по козаків... Он які

промеж нас людьці завелись... Ви, тату, мовчіть, як часом почнуть роспитувать... Знать не знаю, відать не відаю, кажіть... Козаки поїдуть, а ми тоді нишком зберемось всїею громадою та на ніч в степ, а на зорі і поділимо землю; тоді вже як поділимо, не одіймуть... Глядіть же, тату, мовчіть... Ну, колиб довідатись, яка то анахтема сповістила?.. (*Пішов хутко*).

Денис. (*Сам*). Чого доброго халепи придбаємо... Що ж воно оце таке? Приїздив онорал з звіздою, сказав що панську землю дозволено поділить; а тепер пан викликав козаків?.. От і розбери: де правда, а де брехня?

Я в а 8.

Прохор. (*Виходе з-за вугла, з клунком за плечима*). Здрастуйте, тату.

Денис. (*Жахнувся.*) Що?.. Хто це?.. Сину мій, Прохоре!.. (*Туле його до грудей*). Та чи це ти? Ти живий, тебе не спалили?

Прохор. Ні, Господь помилував. Тільки скалічено було, а як рана загоїлась, я вернувсь в строй і мене захопили японьці у полон. Але, хвалити Бога, я з полону втік... Тепер мене відпустили на поправку. Ви не одібрали від мене листа, я ж писав вам, невже я попередив свого листа?.. А де ж Катря?

Денис. Катря?.. Іди перш до матері. Мати сердешна стерялася, як почула що ти згорів.

Прохор. Згорів?.. Ото, хай Бог боронить! Де ж мати, Катря?.. (*На порозі з'являється Степанида*). Матінко моя ріднесенька, жалібнице моя щирая!.. (*Кидається до неї і цілує їй руки*).

Степ. (*Довго вдивляється в його, далі крикнула*) Сину, синочку мій, моя ти любая дитино!.. (*Цілує його і хрестить*). Тебе відпустили, на взяли на війну?..

Денис. (*Тихо Прохорові*). Кажи, що не взяли...

Прохор. Не взяли, мамочко!.. Ходімо, ходімо у хату... Де ж моя Катруся?.. (*ідуть в хату*).

Я в а 9.

Соцький *із ним* **урядник** *і два козака.*

Соцький. (*Стука у вікно*) А вийдіть, Денисе, сюди!

Денис. (*Виходе*). А чого вам треба?

Урядн. Игдье, старик, твой син Иван?

Денис. Не знаю, кудись пішов.

Урядн. Можеть вон у хаті?

Денис. В хаті його нема.

Урядн. А вот посмотрим.

Денис. У хаті син—салдат, котрий оце туж-туж вернувся з війни. (*Идуть всі в хату*).

Иван. (*З книгою*). Купив Ивана Вижигина, може у цій книзі списано про те, як дошукатись правди? Колиб мені дізнати, у який книзі про людську правду списано?

Урядник, *козаки*, **соцький** *і* **Денис**, *а опісля і* **Прохор**.

Денис. Осьдечки і наш Иван.

Урядн. А от это вон? Тебья, голубчик, нам і надобно. Возьміть его, ребьята, (*Козаки беруть Ивана*).

Иван. За віщо це?

Урядн. А вот пойдьом з нами, там всьо узнаеш.

Иван. Куди з вами?

Урядн. Куди? Знершу в штани всипем, а потім можна будеть і в спину. (*Регоче*). Ведіть його до командера!.. (*Пішли*).

Прохор. Тату! Що це Иван налихотворив; певже прокрався?

Я в а 10.

Катря, **Василь** *і весільні гості.*

Катря. (*Кланяется Денисові*). Просю вас, тату, до нас на хліб — на сіль і на весілле!.. Не погребуйте!..

Прохор. (*Побачив лице Катрі*) Що, як? Катре?..

Катря. (*Пізнала Прохора*), Прохоре, ти? Ти живий?.. Ах!.. (*Падає йому в ноги*).

Прохор (*Підіймає її*). Катю, Катрусе моя!.. Зомліла!... Води, води, Бога ради швидче води!..

1906 III—6

КІНЕЦЬ.

Признаки украинской колонизаціи на Уралѣ.

Старѣйшими козачьими поселеніями на русскихъ окраинахъ слѣдуетъ считать войско запорожское и донское. Выходцы съ Дона положили начало козачьимъ поселеньямъ на Уралѣ (Яикѣ), и уральское войско занимаетъ хронологически третье мѣсто. Оно охраняло пограничную рѣку Яикъ отъ вторженій азіятскихъ ордъ съ киргизской степи, совершенно открытой для хивинскихъ и бухарскихъ наѣздовъ. За эту сторожевую службу козачество получало грамоты на владѣніе охраняемой рѣкой.

Право владѣнія рѣкой было органически связано съ ея охраной. Оказалось, однако, что, поселившись въ среднемъ теченіи Яика и обострожившись здѣсь Яицкимъ городкомъ нынѣ Уральскъ),—яицкое войско засѣло станицами и поселками главнымъ образомъ по теченію рѣки внизъ до гор. Гурьева, гдѣ первоначально былъ построенъ учугъ для рыбной ловли, впослѣдствіи перенесенный къ городу Яицку. Эту наиболѣе обильную рыбой часть рѣки яицкіе козаки и охраняли, содержа здѣсь сторожку, пикеты и разъѣзды. Верхнее-же и среднее теченіе Яика, приблизительно до устьевъ рѣки Иртека (впадающей въ Уралъ справа)—оставалось мало защищеннымъ, почему верхнія киргизскія орды безъ труда „перелазили“ рѣку, прокрадывались пустыми прияицкими степями къ Волгѣ и даже забѣгали за Волгу, угоняя опять тойже дорогой скотъ и ясырей,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—въ далекій тяжкій хивинскій плѣнъ...

Это вынудило русское правительство подумать о защитѣ верхняго Яика. Съ этой цѣлью былъ построенъ гор. Оренбургъ, представлявшій значительную крѣпость. На оренбургское войско

возлагалась сторожа на рѣкѣ Яикѣ отъ истоковъ до Разсыпной: Остальная рѣка находилась въ вѣдѣніи войска яицкаго.

Оказалось, однако, что и послѣ этого, часть линіи отъ Разсыпной до устья Иртека (приблизительно 70 верстъ) оставалась почти безъ охраны: орда находила здѣсь удобные перелазы, пробираясь по зарослямъ и болотамъ, и нападала на караваны и обозы, двигавшіеся къ Оренбургу изъ Россіи и обратно.[1]) Въ виду этого около 1736 года правительство стало вызывать охотниковъ для поселенія на этой линіи, обѣщая имъ, разумѣется, тѣ-же права, какія вообще были связаны со сторожевой козачьей службой, т. е. рѣку съ лугами и пашнями, съ рыбными ловлями, лѣсами и водами. Быть можетъ, первоначально правительство обращалось къ яицкому войску, но, убѣдившись, что яицкіе козаки неохотно подвигаются кверху,—кликнуло въ 1736 году кличъ ко „всякаго чина охочимъ людямъ", предлагая имъ поселиться на незанятой линіи, „для обезпеченія свободнаго движенія къ Оренбургу каравановъ и обозовъ и для содержанія башкирской и киргизской сторонъ въ надлежащемъ подданствѣ".

На этотъ призывъ первыми откликнулись два козака *„черкасской природы"*, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ со товарищи. Очевидно, это были выходцы съ Украины, почему нибудь не ужившіеся въ родныхъ степяхъ и присоединившіеся къ яицкому войску.[2]) Изъ кого состояли ихъ первоначальные „товарищи",—неизвѣстно, но весьма вѣроятно, судя по нижеизложенному, что это были тоже люди „черкасской приpоды". Изюмскій и Черкасовъ просили разрѣшенія построить городъ противъ устья р. Илека, впадающаго въ Яикъ съ лѣвой, т. е. Киргизской стороны. Указомъ 5 февраля 1737 года это разрѣшеніе имъ дано, съ правомъ принимать къ себѣ другихъ посельниковъ, и городокъ былъ построенъ на правой сторонѣ рѣки Яика „въ кустахъ".

Мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно; во первыхъ, оно затоплялось разливами рѣки, а во вторыхъ—кусты и заросли давали „легкую способность киргизцамъ и прочимъ азіятскимъ на-

---

[1]) Во время моей поѣздки по Уралу въ 1900 году мнѣ указывали мѣста этихъ перелазовъ,—которыми киргизы пользовались еще на памяти нынѣ живущихъ стариковъ.

[2]) Г. Артемій Логиновъ называетъ ихъ „яицкими козаками черкасскаго рода". (Стат. очеркъ станицъ: Студеновской, Мустаевской, Илецкой, Благодарновской и Бородинской". Уральскъ. 1901. стр. 67).

родамъ" подкрадываться къ городку и нападать на него внезапно. Повидимому, это именно случилось очень скоро, и старое городище, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени среди зарослей, въ видѣ земляныхъ валовъ, бугровъ и насыпей,—было въ 1737 или 1738 году мѣстомъ дѣйствія кровавой степной трагедіи, во время которой козаки-атаманы черкасской природы Изюмскій и Черкасовъ съ товарищи были перебиты. По крайней мѣрѣ уже на слѣдующій годъ станица переносится изъ предательскихъ „кустовъ" на лѣвую сторону Яика, гдѣ стоитъ и до сихъ поръ. Очевидно, наученные печальнымъ опытомъ, поселенцы козаки рѣшили прикрыть рѣкою свой тылъ, а лицомъ стоять прямо къ враждебной киргизской степи. Они сдѣлали между Яикомъ и Илекомъ „перекопъ",—канаву съ валомъ, на которомъ еще за памяти нынѣ живущихъ людей стояли пикеты, зорко слѣдившіе за ровнымъ и загадочнымъ степнымъ просторомъ. Самыя-же имена атамановъ Изюмскаго и Черкасова въ оффиціальныхъ бумагахъ уже слѣдующаго года исчезаютъ. Вѣроятно, они погибли, и на мѣсто ихъ въ качествѣ атамана выступаетъ какой-то загадочный выходецъ съ венеціанской фамиліей Маркобруновъ. Если фамилія указываетъ дѣйствительно на венеціанское происхожденіе этого козака, то можно предполагать, что въ Россію онъ попалъ черезъ Черногорію, славянскія земли и Румынію, съ которыми были въ сношеніяхъ запорожцы. Является поэтому вѣроятнымъ, что Маркобруновъ могъ быть однимъ изъ товарищей Изюмскаго и Черкасова, и что, значитъ, преобладающее значеніе въ Илекѣ все таки оставалось въ первые годы за первоначальнымъ ядромъ „черкасскихъ" выходцевъ.

Съ этихъ поръ исторія илецкаго войска вся переполнена эпизодами двойной борьбы: съ одной стороны съ—враждебною киргизскою степью, съ другой яицкимъ—съ войскомъ. Дѣло въ томъ, что право новопоселенныхъ козаковъ, истекавшее изъ того, что они своею кровью защищали „линію" между Разсыпной и предѣлами яицкаго войска, столкнулось съ старинными правами яицкихъ козаковъ, считавшихъ рѣку своимъ достояніемъ. Илецкихъ казаковъ яицкое войско не допустило къ рыбнымъ ловлямъ за учугомъ, но сами яицкіе козаки, какъ это видно изъ многихъ жалобъ сельчанъ, выѣзжали въ Илецкіе земли, рубили лѣсъ и тянули рыбу въ рѣчкахъ и озерахъ. Кромѣ того, илецкое войско было отдано въ вѣдомство яицкой войсковой канцеляріи, и такимъ образомъ при всѣхъ спорахъ между Илецкими и яицкими козаками,—послѣдніе являлись судьями въ собственномъ дѣлѣ.

Въ 1890 году, работая въ войсковомъ архивѣ въ Уральскѣ, я нашелъ, между прочимъ, очень краснорѣчивую слезницу, въ которой 17 илецкихъ козаковъ жаловались на притѣсненія, испытываемыя ими „въ противность указовъ". „Указами войсковой старшинѣ и войску велѣно всѣхъ козаковъ вравнѣ довольствовать какъ рыбными ловлями, такъ и прочими припасами, а они не только припасами не довольствуютъ, но и къ рыбнымъ ловлямъ въ равенство свое ихъ не допущаютъ. У нихъ-же у кого и ружья не имѣется, такожъ и пороху и свинцу Илецкой станицѣ ниоткуда не опредѣляютъ, отчего имъ по украинности (sic) и по новости мѣста и при воинскомъ случаѣ быть невозможно". Перечисливъ всѣ возможные виды испытываемыхъ ими притѣсненій, просители заявляютъ, что они „находятся въ немаломъ страхѣ, чрезъ которые ихъ страхи нетокмо имъ въ какихъ промыслахъ находиться можно, но уже и домовъ своихъ въ печалѣхъ стали быть лишены". Въ виду всего этого „для лутчей по казачьей службѣ пользы и содержанія себя пищею и протчимъ домовымъ припасомъ"—просятъ ихъ изъ вѣдомства яицкаго войска изъять и причислить къ станицѣ Разсыпной, въ составъ оренбургскаго войска.

Въ другихъ бумагахъ упоминается, что нѣкоторые козаки Илецкой станицы кидали службу и „сходили" съ голоду. Все это рисуетъ отношенія, установившіяся между илецкимъ и яицкимъ козачьими войсками. Не вдаваясь въ подробности этого спора, скажемъ только, что онъ не законченъ еще и теперь. Во время Пугачева, когда яицкое войско приняло сторону названнаго царя,—у ближайшихъ его приверженцевъ возникло сомнѣніе, какъ его приметъ Илекъ,—„потому что илецкіе козаки живутъ съ Яицкимъ войскомъ не въ согласіи".[1]) Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка илецкій вопросъ игралъ значительную роль въ возникшемъ на Уралѣ (въ атаманство Дандевиля) волненіи. Наконецъ, въ 1900 году мнѣ лично пришлось отмѣчать въ очеркахъ своего путешествія по станицамъ средняго Урала эпизоды все той-же вѣковой борьбы, въ видѣ пограничныхъ столкновеній и наѣздовъ.[2])

Г. Арт. Логиновъ, въ статистическомъ описаніи, которое я цитировалъ выше,—приводитъ между прочимъ дозволеніе Изюмскому и Черкасову принимать въ Илецкій городокъ мещеряковъ,

---

[1]) Дубровинъ: „Пугачевъ и Пугачевцы".

[2]) См. „Русское Бог." 1901 г., № 12; „У козаковъ" стр. 179 и слѣд.

калмыковъ, татаръ и другихъ инородцевъ, и пытается объяснить раздоръ двухъ войскъ „инородческимъ“ составомъ илецкаго козачества. Въ составѣ илецкаго войска есть дѣйствительно станицы (напр. Мустаевская), заселенныя на половину козаками-татарами, которые живутъ въ добромъ согласіи съ остальнымъ войскомъ. Это однако не опредѣляетъ еще характерной разницы въ племенномъ составѣ илецкаго козачества, и тотъ-же авторъ говоритъ только, что особенности илецкихъ козаковъ болѣе приближаютъ ихъ по типу „къ представителямъ населенія сосѣднихъ съ ними (?) селъ и деревень Россіи“.[1]) Такимъ образомъ рѣчь, очевидно, идетъ не о монгольско-инородческомъ типѣ, и дѣйствительно, жители Илева и его станицъ (кромѣ татарскихъ) обнаруживаютъ не больше характерныхъ признаковъ инородческой крови, чѣмъ коренные уральцы, среди которыхъ попадается немало лицъ калмыцкаго, киргизскаго и вообще монгольскаго склада. За то нѣкоторыя особенности илецкаго населенія могутъ повидимому указывать на слѣды малорусскаго этническаго вліянія.

Недостатокъ времени и малое знакомство съ пріемами этнографическаго изслѣдованія не позволили мнѣ во время моей поѣздки собрать достаточный матеріалъ изъ этой области; обычаи и обрядовыя пѣсни, по словамъ моихъ знакомыхъ, у илечанъ отчасти отличаются отъ уральскихъ. Наиболѣе замѣтной чертой, которую отмѣчаютъ всѣ, бывавшіе въ Илекѣ, является говоръ. Онъ мягче уральскаго и сохраняетъ характерную замѣну буквы *ѣ* буквою *и*. Одинъ изъ природныхъ илечанъ, козакъ учитель М. Е. Вѣрушкинъ, записалъ по моей просьбѣ нѣсколько десятковъ словъ съ такими смягченіями. Вотъ онѣ: „Бида́, билѐкъ, бисе́нокъ, бижи́тъ, билу́га, биля́къ, вино́къ, гниздѐ, гнидѐй, двина́дцать, звизда́, змія́, зива̀ть, изда́, ида́, лини́вый, лити́тъ, лика́рство, миста́, миша̀къ, мина́, нимѐй, питу́хъ, пивѐцъ, рика́, ришетѐ, слиды́, снига́, снижѐкъ, стрила́, сидой, стина́, сиря́къ, синокѐсъ, сина́, хлиба́ть, хлиба́ и др.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, во 1-хъ, что смягченіе касается нерѣдко словъ, въ корнѣ которыхъ было не *ѣ*, а *е*. Такъ илечанинъ говоритъ: видро́, висна́, зимля́, писо́къ, пича́ль, пличо́, стикло́, тилѐнокъ, Фидо́тъ и т. д. Иныя изъ этихъ словъ (напр. писокъ и видро) слышатся со смягченіемъ вездѣ въ Украинѣ,

---

[1]) Статист. описаніе, стр. 68.

но украинецъ никогда не произнесетъ „висна“ или „зимля“. Во 2-хъ, — смягченіе всегда касается лишь только тѣхъ слоговъ, на которыхъ нѣтъ ударенія. Такъ напримѣръ, илечанинъ говоритъ *сьно* и — *сина*, *синокосъ*; *рьчка* и *рика*, *ричной*; *бьсъ* и *бисёнокъ*, *бисноватый*: Если, такимъ образомъ, признать, что звукъ *и* вмѣсто *ѣ* указываетъ на остатокъ украинскаго говора, то слѣдовало бы признать, что это характерное смягченіе уже вытѣснено изъ слоговъ съ яснымъ удареніемъ, но зато распространилось (въ слогахъ безъ ударенія) также и на букву *е*, что встрѣчается въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ украинской рѣчи.

Другихъ указаній на украинское этническое вліяніе я не замѣтилъ. Правда,— оба войска не слились въ теченіи довольно продолжительнаго времени въ одно цѣлое, и вражда, раздѣлявшая илечанъ и уральцевъ въ допугачевское время, замѣтная еще и теперь, напоминаетъ отчасти тотъ упорный и непримиримый антагонизмъ, который раздѣлялъ на Дунаѣ выходцевъ съ запорожья и козаковъ-некрасовцевъ (съ Дона). Но это можетъ быть легко объяснено чисто экономическими причинами. Съ другой стороны—процентъ старообрядцевъ безпоповцевъ на Илекѣ не меньше, а больше, чѣмъ въ среднемъ во всей области. „Бритоусцевъ“ (т. е. брѣющихъ бороды)—не больше, чѣмъ въ другихъ станицахъ Урала, между тѣмъ, какъ извѣстно, Украина не знала раскола, и украинскіе козаки брили бороды. Украинскихъ фамилій на Илекѣ теперь почти не встрѣчается, что, впрочемъ, понятно, если принять въ соображеніе, что фамиліи легко мѣняются. Такъ напримѣръ, Изюмскій и Черкасовъ, которыхъ и грамоты называютъ „людьми черкасской природы“, названы уже по мѣстамъ, откуда они вышли, а не своими прежними фамиліями (которыя, вдобавокъ, они, быть можетъ, имѣли основаніе скрывать). Мой корреспондентъ, М. Е. Вѣрушкинъ, указываетъ на фамиліи Череватый и Опара, которыя онъ встрѣчалъ въ старинныхъ спискахъ, но которыя теперь уже измѣнились (Череватовъ).

Изъ всего сказаннаго остается вполнѣ несомнѣннымъ одно— что вожаками первоначальныхъ илецкихъ поселенцевъ были выходцы съ Украины. Затѣмъ, есть основаніе думать, что и „товарищи“ ихъ были такого-же происхожденія, но это основное ядро частію погибло при нападеніи на первоначальный Илекъ, построенный на лѣвой сторонѣ Урала и слѣды котораго до сихъ поръ еще видны „въ кустахъ“. Фамилія новаго атамана (Маркобру-

новъ), преемника Изюмскаго и Черкасова, указываетъ, вѣроятно, на одного изъ западныхъ выходцевъ, прошедшихъ черезъ Украйну и вышедшихъ на Уралъ вмѣстѣ съ Изюмскимъ и Черкасовымъ. Указываетъ-ли смягченный говоръ илечанъ на то, что украинская рѣчь въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ еще боролась съ говоромъ великорусскимъ и оставила свои искаженные слѣды въ современной рѣчи,—объ этомъ лучше могутъ судить филологи.

Вл. Короленко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый сборникъ украинскихъ пѣсенъ („**Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя проф. Д. И. Эварницкимъ**“).

Въ 1819 году вышелъ „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ“ князя Н. А. Цертелева, первый сборникъ спеціально посвященный украинскому фольклору. Эпиграфомъ къ этому сборнику кн. Цертелевъ избралъ слѣдующіе стихи изъ русской патріотической трагедіи начала XIX вѣка подъ названіемъ: „Пожарскій или освобожденная Москва“ М. В. Крюковскаго.

И гробы праотцевъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ я сердцу чту святымъ.....

Вотъ какія чувства руководили собирателемъ въ его литературномъ дѣлѣ. Любовь къ родной Украинѣ, любовь къ остаткамъ ея старины побудили его взяться за собираніе пѣсенъ. Въ это время такое занятіе было не совсѣмъ понятнымъ. Собирать простонародныя пѣсни, да еще на хохлацкомъ языкѣ!.. Давно ли было то время, когда одинъ изъ первыхъ страдальцевъ за благо русскаго народа Н. И. Новиковъ говорилъ, что многіе не удостоиваютъ простой народъ „ниже́ именемъ подлости?..“ И кн. Цертелевъ, дѣйствите́льно, чувствуетъ себя, какъ будто, неловко въ тогдашней напыщенной литературной сферѣ со своими малороссійскими пѣснями. Онъ старается оправдать „*можетъ быть, странный и непріятный*“ языкъ пѣсенъ, „*необработанность слога*“ и напоминаетъ читателю, что Иліада — такое же народное произведеніе, какъ и собранныя имъ пѣсни. Но всѣ эти оправданія тонутъ въ выра-

женіяхъ высокой любви собирателя къ своей родинѣ, воспоминаніе о которой „наполняетъ — какъ онъ говоритъ — душу какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ“.

Знаменательна эта любовь къ Украинѣ, которою былъ проникнутъ первый собиратель ея духовныхъ богатствъ. Она становится характернымъ явленіемъ украинской этнографіи въ послѣдующее время. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были серьезны и внушены научными интересами труды украинскихъ этнографовъ по собиранію народныхъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ изъ области украинскаго фольклора, тѣмъ не менѣе мы не ошибемся, если скажемъ, что главнымъ побужденіемъ къ этимъ трудамъ была любовь къ родинѣ. Это обстоятельство, иногда бывающее пагубнымъ въ смыслѣ вліянія его на научность работы, въ данномъ отношеніи имѣло почти одно только благотворное значеніе.

Украйна изслѣдовалась съ различныхъ сторонъ во всѣхъ своихъ частяхъ, но главнѣйшее вниманіе было обращено на литературныя сокровища ея, которыя хранитъ народъ въ своей памяти. И въ настоящее время собранъ такой громадный матеріалъ по украинскому фольклору, что одному изслѣдователю становится невозможнымъ обнять его цѣликомъ, а между тѣмъ оказывается потребность въ счетѣ накопленныхъ богатствъ и приведеніи въ извѣстность научнаго инвентаря.

Насколько великъ собранный этнографами матеріалъ изъ украинской народной поэзіи, можно судить по тому, что иногда даже заходитъ рѣчь, не пора ли положить предѣлъ дальнѣйшему собиранію матеріаловъ, не является ли оно пережевываніемъ стараго обнародованнаго матеріала, и не лучше ли заняться только изученіемъ и объясненіемъ собраннаго?

Съ другой стороны, указываютъ на то, что народная поэзія устарѣла для самаго народа, что народъ духовно не живетъ ею въ настоящее время, какъ было раньше, и старается иными способами удовлетворить свои духовые запросы. Поэтому, говорятъ, въ нашъ вѣкъ народная поэзія не заслуживаетъ такого вниманія со стороны науки, какое ей удѣлялось прежде, и наука должна направить свой интересъ въ сторону тѣхъ формъ народной жизни которыя являются существенѣйшими для народа въ данное время. Такія мысли приходилось выслушивать и встрѣчать въ печати. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ не было истины. Доля истины въ нихъ есть, но многое все-таки является въ этихъ словахъ плодомъ недоразумѣнія и недоговоренности.

Дѣйствительно, собиратели народной украинской поэзіи очень часто повторяютъ одно и то же. Варіанты однѣхъ и тѣхъ же пѣсенъ, иногда очень мало отличающіеся другъ отъ друга, наполняютъ иной разъ

цѣлыя страницы, увеличивая напрасно объемъ книжекъ и статей. Конечно, загроможденіе литературы ненужнымъ матеріаломъ нежелательно, но исключеніе можетъ быть сдѣлано въ томъ случаѣ, если этнографъ представляетъ цѣльную картину быта и духовнаго содержанія опредѣленнаго мѣста: города, села, деревни и т. д. Въ такомъ случаѣ всякая пѣсня, записанная изслѣдователемъ, въ совокупности со всѣми остальными пѣснями, пріобрѣтаетъ извѣстную этнографическую цѣнность. Кромѣ того, не надо забывать въ данномъ случаѣ очень важнаго обстоятельства, на которое у насъ менѣе всего обращается вниманія: каждая пѣсня, каждое слово въ пѣснѣ должны служить матеріломъ для выясненія діалектологическихъ особенностей языка той мѣстности, откуда идетъ сборникъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, не всегда подборъ даже малозначительныхъ варіантовъ можетъ быть лишнимъ.

Но если работники по собиранію народной поэзіи не ограничиваются опредѣленною мѣстностью, а странствуютъ иной разъ по всей Украинѣ, давая въ своихъ матеріалахъ, напр., 20 — 30 лирическихъ пѣсенъ изъ всей Черниговской губ., предствляющихъ малоотличные варіанты уже имѣющихся въ литературѣ записей тѣхъ же пѣсенъ, то, надо съ этимъ согласиться, данные варіанты окажутся совершенно лишними.

Для избѣжанія подобныхъ случаевъ нѣкоторые этнографы приходятъ къ мысли о составленіи пѣсенныхъ сводовъ по отдѣльнымъ видамъ народной поэзіи, какъ это сдѣлалъ проф. А. И. Соболевскій, давъ въ своемъ многотомномъ собраніи „Великорусскія народныя пѣсни“ сводъ бытовыхъ лирическихъ и лиро-эпическихъ пѣсенъ. Предполагается, что собиратели народныхъ пѣсенъ при изданіи своихъ матеріаловъ воспользуются такими сводами и исключатъ изъ собственныхъ матеріаловъ все, что по сравненіи съ пѣсеннымъ сводомъ окажется нецѣннымъ. Подобное рѣшеніе вопроса было бы самымъ цѣлесообразнымъ. Болѣе или менѣе интеллигентный собиратель, по сличеніи своего варіанта съ варіантами свода, всегда опредѣлитъ, даетъ ли что-либо интересное въ научномъ отношеніи его варіантъ или нѣтъ. Однако можно заранѣе сказать, что такіе своды пѣсенъ для многихъ собирателей окажутся недоступными, какъ не доступны теперь для людей со средними средствами и живущихъ въ провинціальной глуши цѣнныя собранія Чубинскаго, Гринченка и нѣкоторыя другія.

Предлагается также болѣе упрощенный способъ ознакомленія съ напечатаннымъ матеріаломъ посредствомъ изданія указателей къ трудамъ, содержащимъ фольклорный матеріалъ. Но такой способъ на практикѣ окажется менѣе всего осуществимымъ, такъ какъ самыя собранія матеріаловъ, повторяемъ, не всѣми могутъ быть использованы.

Пока мы не обладаемъ пѣсенными сводами, остается одно средство въ дѣлѣ помощи собирателямъ при оцѣнкѣ ими собраннаго матеріала. Въ настоящее время, когда возможность образованія культурно-просвѣтительныхъ обществъ стала значительно легче, слѣдуетъ приступить къ организаціи обществъ, преслѣдующихъ цѣли научнаго изслѣдованія опредѣленныхъ мѣстностей. Желательно, чтобы были образованы спеціально этнографическія мѣстныя общества, ставящія себѣ задачею, если не научныя изслѣдованія, касающіяся извѣстной мѣстности, то по крайней мѣрѣ, собираніе этнографическихъ матеріаловъ.

Такое этнографическое общество, привлекши въ число членовъ мѣстныхъ людей, интересующихся своею родиною, какъ напр. сельскихъ учителей, служителей церкви и пр., чему уже бывали примѣры, могло бы заняться собираніемъ матеріаловъ по фольклору согласно съ извѣстной программой, составленной сообразно съ мѣстными условіями. Кромѣ того, такое общество имѣло бы полную возможность, пользуясь коллективнымъ трудомъ, опредѣлить, что въ собранномъ матеріалѣ, идущемъ изъ границъ его дѣятельности, можетъ имѣть общую литературную цѣнность и что не дастъ ничего новаго въ интересахъ этнографіи, такъ какъ мѣстное этнографическое общество могло бы пріобрѣтать болѣе дорогія собранія матеріаловъ, пользоваться книгами иногородныхъ просвѣтительныхъ учрежденій и т. п. Такому обществу легче было бы также подыскать необходимыя средства для изданія своихъ матеріаловъ, чѣмъ частнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ мѣстныя этнографическія общества могли бы упорядочить дѣло собиранія матеріаловъ по народной поэзіи и снять упрекъ съ современной украинской этнографіи въ томъ, что она, давая мало новаго, болѣе занимается повтореніемъ извѣстнаго.

Послѣднее возраженіе, дѣлаемое современной украинской этнографіи, а именно, что народная поэзія, въ сторону которой направлены главные ея интересы, является въ средѣ самаго народа явленіемъ устарѣлымъ, не удовлетворяющимъ духовныхъ запросовъ современнаго населенія деревни, въ извѣстной мѣрѣ правильно. Вѣрно то, что пѣсня въ народной средѣ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Даже парубки, которымъ случится пріобрѣсти интересъ къ чтенію, начинаютъ отставать отъ сельскихъ гуляній съ пѣснями. А вѣдь молодежь всегда была главною носительницею пѣсенъ. Но несмотря на это, этнографія нисколько не идетъ по ложному пути. Ея дѣло — археологическое: возстановить и сохранить богатства народнаго духа, въ данномъ случаѣ отлившіяся въ форму литературныхъ произведеній.

Вѣрно, конечно, и то, что пора уже перестать интересоваться *только* традиціоннымъ духовнымъ содержаніемъ народа, и пора обра-

тить самое серьезное вниманіе на болѣе важные вопросы, возникающіе въ народной жизни: религіозные въ широкомъ смыслѣ, политическіе, общественные и т. п.

„Серьезная задача современной этнографіи — говоритъ по тому же поводу проф. Н. Ф. Сумцовъ — показать, какъ пользуются своей жизнью нынѣ живущіе, въ какія формы нынѣ эта жизнь укладывается. гдѣ и въ чемъ скрываются ея идеалы, ея новыя творческія начала. Другими словами, современная этнографія . . . . нуждается въ постановкѣ новыхъ задачъ и новыхъ стремленій, наряду съ продолженіемъ хорошихъ старыхъ историческихъ традицій.“ [1])

„У простого народа—проводитъ ту же мысль проф. М. Н. Бережковъ — теперь приходится спрашивать не про однихъ только колдуновъ, лѣшихъ и вѣдьмъ и тому подобныхъ персонажей, слишкомъ патріархальныхъ, нынѣ таки довольно поизветшавшихъ, которымъ само простонародье скоро совсѣмъ перестанетъ вѣрить, но спрашивать и о чемъ-нибудь болѣе важномъ для него, т. е. болѣе жизненномъ, что наросло въ сознаніи и въ самомъ быту народномъ за послѣдніе вѣка, подъ вліяніемъ крупныхъ историческихъ, событій, да при нѣкоторомъ общемъ подъемѣ у насъ образованія.“ [2])

Возвращаясь снова къ воспоминанію о первомъ собирателѣ украинскихъ пѣсенъ кн. Н. А. Цертелевѣ и припоминая ту любовь къ родной своей землѣ, которою онъ былъ проникнутъ, и которая, какъ чистый родникъ, оживляла украинскую этнографію, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что представители послѣдней еще много сдѣлаютъ для нея, исправятъ старое и проложатъ путь къ новому.

Авторъ настоящей статьи былъ бы радъ подѣлиться съ читателемъ этими мыслями, которыя явились у него и припомнились при чтеніи новаго большого сборника украинскихъ пѣсенъ, принадлежащаго Д. И. Эварницкому. Появленіе въ свѣтъ сборника украинскихъ пѣсенъ, содержащаго въ себѣ 830 №№ не можетъ не встрѣтить интереса и удовольствія со стороны лицъ, посвятившихъ себя изученію народной украинской литературы или любящихъ ее. Поэтому мы постараемся полнѣе освѣтить различныя стороны названнаго сборника, примѣняя къ нему высказанныя нами выше соображенія общаго характера о совре-

---

[1]) Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губерніи. Сборникъ статей Екатеринослав. Науч. Общества по изученію края. 1905 Стр. 8.

[2]) Докладъ предсѣдателя историко-филологическаго Общества при Нѣжинскомъ Институтѣ князя Безбородко проф. М. Бережкова о занятіяхъ археологической комиссіи 1903. стр. 6.

менномъ состояніи украинской этнографіи и свойственныхъ ей недостаткахъ, которыхъ не избѣгнулъ также названный сборникъ.

Неудовлетворительное состояніе, въ какомъ находятся сырые матеріалы, повліялъ прежде всего на то, что составитель сборника не сдѣлалъ достаточно полныхъ указаній варіантовъ къ собраннымъ имъ пѣснямъ. — „Не задаваясь цѣлью сравненія — говоритъ онъ въ предисловіи — строчки за строчкой, варіантовъ печатаемыхъ пѣсенъ съ тѣми, которыя были обнародованы предшественниками этнографами, издатель указываетъ лишь подъ каждой изъ пѣсенъ на подобную, уже извѣстную пѣсню у другихъ издателей. Однако и здѣсь издатель не претендуетъ на полноту указаній, такъ какъ подобная работа, по обширности изданнаго пѣсеннаго матеріала, потребовала бы слишкомъ много времени и отвлекла бы вниманіе издателя отъ другихъ, болѣе необходимыхъ для него занятій.“

Мы указывали, что въ сборникѣ, не характеризующемъ опредѣленной мѣстности, мало отличные варіанты уже извѣстныхъ пѣсенъ могутъ оказаться лишнимъ балластомъ въ книгѣ. На нашъ взглядъ въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго также оказались пѣсни, которыя при лучшемъ состояніи этнографіи, можетъ быть, не попали бы въ него, какъ представляющія весьма незначительные варіанты давно обнародованныхъ пѣсенъ. Такъ № 217 не представляетъ ничего цѣннаго сравнительно, напр. съ № 169 на 80 страницѣ Чубинскаго (т. V). Для наглядности приведемъ оба варіанта.

Вар. Чубинскаго.	*Вар. Эварницкаго.*
Ой вѣють вѣтри та все буйніі,	
Ой идуть дощі та все дрібніі.	
Ой идуть дощі та все дрібніі,	
Ой течуть річки та все быстріі.	
Ой течуть вони ажъ на этотъ двіръ,	
Ажъ на этотъ двіръ на купеческій.	Ой на гори горнычка нова,
А въ тимъ дворі жие вдова,	А въ тій горнычці жыла юдова.
А въ той вдови дочерь хороша,	А въ тій вдовы та дочка хороша,
Дочерь хороша — Варвара душа.	
Ой виходила за нові ворота,	Выходила за новіи ворота,
Ой виводила вороного коня,	Выводила вороного коня,
Ой напувала зъ синёго моря;	Напувала зъ сынего моря.
Ой напувала да й промовляла:	

— Коню мій, коню, чомъ воды не пьешъ,
А копитами сиру землю бъешъ?
Ой не по правді, мій милий, живешъ.
Охъ прийде вечеръ, до иншоі йдешъ,
Ой зъ иншою медъ-горілку пъешъ,
Ой а до мене голосъ подаешъ:
Ой обсади, мила, вишеньками двіръ,

Ой обсажу, милий, половину двора.
Ой що ти не мій, а я не твоя.
Брешешъ, дівчино, неправда твоя:
Ой бо межи нами присяга була.
Бо ми присягали небомъ і землею,
Небомъ, землею, тіломъ і душею.
Ніхто не розлучить, ні світъ, ні зора,
Хиба насъ розлучить сирая земля.
Заступъ, лопата, земляна хата.

А кинь воды тіеи не пье,
Сырую землю копытами бье.
Десь мій мылый не по правди живе,

Десь зъ иншою медъ-горилку пье,
А до мене голосочокъ подае:
Обсады, мыла, вышенькамы двиръ,

Щобъ не заходывъ голосочокъ мій.
Обсады, мылый, половину двора,

Щобъ ты жъ не мій, а я не твоя.
Брешышъ, мыла, неправда твоя:

Насъ не разлуче не свитъ, не зоря,
Тилькы жъ розлуче сырая земля,
Сырая земля та дубова труна.

Такъ же № 249 изъ сборника Д. И. Эварницкаго не даетъ ничего интереснаго въ литературномъ отношеніи сравнительно съ № 258 А (стр. 120) у Чубинскаго.

Вар. Чубинскаго.

И відтіль гора,
И відсіль гора;
Поміжъ тими крутими горами
Сходила ясная зоря.
Ой то-жъ не зоря.
Ой то-жъ не ясна,
То-жъ моя молода дівчина

По водицю йшла.
А я за нею, якъ за зорею

Вар. Эварницкаго.

И сюды гора,
И туды гора,
Помижъ тымы крутими горамы
Схопылась зоря.
Ой то жъ не зоря,

Дивка молода
Юхватила нови ведеречка,
По воду пишла,
Козакъ за нею, якъ за зорею

Чистимъ полемъ, сивимъ конемъ
По-надъ Дунаемъ.

Дівчина жъ моя,
Напій мого коня
Зъ рубленої та криниченьки,
Зъ повного відра.
Козаченьку жъ мій,
Якъ би я твоя,
Взяла бъ коня за повода
Та й напоіла.

Дівчино жъ моя,
Сідай на коня
Поідемо чистимъ полемъ
До мого двора
А въ мого двора —
Нема ні кола,
Тілько стоіть кущъ калини
Та й та не цвіла.
Калино жъ моя,
Чомъ ти не цвіла?
Холодная та зіма була —
Цвітъ повъялила.
Дівчино жъ моя,
Чомъ заміжъ не йшла?
— Всю Украіноньку сходила —
Пари не найшла.
Козаченьку жъ мій,
Чомъ не женився?
Й у Кримъ ходивъ, забарився —
Тимъ не женився.

Сывымъ конемъ та все чистымъ полемъ,
По надъ сынимъ моремъ, по-підъ Дунаемъ.

Дивчино моя,
Напій ты коня
Зъ рубленои новои крыныченькы
Зъ повного видра.
Козаченьку мій,
Якъ бы жъ я твоя,

Напоила бъ коня вороного
Съ повного видра.
Дивчыно моя,
Сидай на коня,
Та пойдемъ ю чистое поле,
Де мои дома.
Тамъ стоять дома —
Нычого нема,
Тилькы стоить кущъ калыны,
Та й та не цвіла.
Козаченьку мій,
Чого не цвіла?
Булы зимы, лютіи морозы,
Прыморозылы.

Да не сочтетъ никто, ни самъ уважаемый историкъ, составитель сборника, всѣ эти указанія за упрекъ ему въ недостаточной обработкѣ сборника. Авторъ очень далекъ отъ всякихъ упрековъ, но будучи заинтересованнымъ въ лучшемъ состояніи украинской этнографіи, предпочитаетъ указать даже на мелочи, чѣмъ оставить что-либо не договореннымъ. Впрочемъ, пусть лучше этнографическій сборникъ будетъ обладать лишними пѣснями въ сравненіи съ имѣющимся въ печати

матеріаломъ, чѣмъ при извѣстной осторожности въ выборѣ собранныхъ пѣсенъ составитель лишитъ читателя чего-либо цѣннаго и интереснаго.

А такого цѣннаго и интереснаго очень много въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго. Вотъ, напримѣръ, прекрасный варіантъ пѣсни (№ 199), параллели между селезнемъ и молодцемъ, тоскующими по своимъ потеряннымъ подругамъ:

Селезень, селезень, чому смутный, невеселъ?
Ой смутный, невеселъ та й нерадисный?
Ой якъ же мени та веселому буть:
Ой учора зъ вечира моя утинка була,
А теперъ же вона та застреленая.
Ой що не жаль мени, якъ бы було на води,
А то жъ було на гори, на шовковій трави.
Ой на шовковій на трави усе пирьячко ій.
Ты лучыно, лучыно, чомъ не ясно горышъ?
Молодець, молодець, чого смутно сыдышъ?
Ой смутный, невеселъ та й нерадисный?
Ой якъ же мени та веселому жъ буть?
Ой та вчора зъ вечира та дивчына була,
А теперъ же вона та засватаная.
Та не жаль же бы жъ мени, ой якъ бы въ сторони,
А то третій же двиръ та товарышъ мій.
Вона по воду йде и добры-день дае,
Ой за водою жъ йде и жалю завдае,
А трискы та збира и мене все займа:
Та здоровъ, друже мій, — не выдалыся!
Ой що любылыся мы, женыхалыся,
Ой женыхалысь, друже, не сміялыся,
А на викы зъ тобой не побралыся.

Строгая выдержанность поэтической параллели, художественный переходъ отъ одной картины къ другой въ стихѣ: „Ты лучыно, лучыно, чомъ неясно горышъ?“ и чистотота стиха въ пѣснѣ дѣлаютъ приведенный варіантъ очень цѣннымъ. Цѣнность его увеличивается еще потому, что въ „Трудахъ“ Чубинскаго, этой библіи украинскихъ этнографовъ, помѣщенъ очень плохой варіантъ данной пѣсни (т. V. стр. 242, № 482). Параллель въ немъ не выдержана, и какъ первая, такъ и вторая картина начинаются стихами:

Ой летівъ селезень смутенъ — невеселъ,
Смутенъ — невеселъ ще й нерадостенъ, —

что нарушаетъ художественное впѣчатлѣніе. Поэтому авторъ рецензіи въ одной изъ своихъ работъ по украинскому фольклору, нуждаясь въ данной пѣснѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ такому сомнительному источнику, какъ лубочный пѣсенникъ, въ которомъ нашелся болѣе выдержанный варіантъ.

Для полноты примѣровъ укажемъ на цѣнный варіантъ еще одной пѣсни изъ сборника Д. И. Эварницкаго, остановившій на себѣ наше вниманіе. Этотъ варіантъ (№ 139) представляетъ послѣдній этапъ въ развитіи пѣсни, очень старой, восходящей къ козацкой старинѣ. Вотъ древнѣйшій ея варіантъ (Чуб. V, 272 стр. № 534 А):

Налетіли сіри гуси въ поле ночувати,
Наіхали козаченьки въ село зімувати;
Налетіли сіри гуси та й не ночували,
Наіхали козаченьки та й не зімували.
„Чомъ ти мене, моя мати, тоді не збудила,
А якъ тиі козаченьки зъ села виходили?“
Тимъ я тебе, дочко моя, тоді не збудила,
Що твій милий попереду, щобъ ти не тужила.

Но прошли вольныя времена козачества. Козаки волей-неволей засѣли по своимъ селамъ, и только чумаки съ возами ходили по Украйнѣ. Не одна дивчына провожала молодого чумака въ далекую путь-дорогу, и старая пѣсня откликнулась на эту новую обстановку:

„Ой чому ти моя мати,
Рано не збудила,
Ой якъ тая чумачина
Зъ села виіздила?“
— Тимъ я тебе, моя дочко,
Рано не збудила —
Попереду твій миленький,
Щобъ ти не тужила (Чуб. V. 1029 стр. № 148).

Прошло еще время, и исчезло чумачество.

Увидала Украина новыя картины жизни, по поводу которыхъ Некрасовъ сказалъ:

Это горе идетъ — подвигается
Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ. („Балетъ“)

Запѣла украинка свою старую любимую пѣсню, но сама жизнь подновила ее:

Якъ заграе хвыля на сынему мори,
На все війско чуты,
Запысалы парня молодого
Въ салдаты - некруты.
Чомъ ты, моя мате,
Мене рано не збудыла,
Якъ то посыльная набирка
Зъ села выходыла?
Тымъ я тебе, моя доню,
Рано не збудыла,
Що твій мылый попереду йихавъ,
Щобъ ты не тужыла. (№ 139 сборника.)

Такъ живетъ пѣсня въ устахъ народа!

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній относительно сборника Д. И. Эварницкаго обратился къ разсмотрѣнію его содержанія.

Пѣсни собирались Д. И. Эварницкимъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи — „въ теченіе 26 лѣтъ, съ 1878 по 1904 годъ, по преимуществу въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ, а также въ полтавской, херсонской и таврической, отчасти въ кіевской и черниговской. Всѣ онѣ записаны изъ устъ простого малорусскаго народа и при томъ большею частью не только со словъ, а съ голоса".

Начинается сборникъ пѣснями обрядовыми и періодическими. Въ самомъ началѣ помѣщено 16 №№ *колядокъ*. Далѣе идутъ *щедривкы* въ количествѣ 19 №№. Среди нихъ какъ щедривка, помѣщенъ извѣстный духовный стихъ: „Ой хто, хто Мыколая любыть", записанный въ с. Солнцевкѣ Харьк. у. (см. вар. у Чуб. I т. № 170 Д.) Затѣмъ слѣдуютъ двѣ *вирши на Рождество Христа*.

Послѣ этого идутъ пѣсни періодическія, прежде всего — *веснянки*. Къ нимъ собиратель дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Ци писни спивають зъ того дня, як почне куваты зозуля и ажъ до самого Петра, се бъ то 29 іюня". Въ виду того, что веснянки были записаны Д. И. Эварницкимъ въ трехъ мѣстахъ: Нижней-Писаревкѣ Волч. у. Харк. губ., с. Красногоркѣ Константиноград. у. Полт. г. и с. Солнцевкѣ Харьк. у., и такимъ образомъ примѣчаніе его принимаетъ общій характеръ, мы напомнимъ, что во многихъ мѣстахъ Украйны съ начала Петровскаго поста поются не веснянки, а петривки. За веснянками слѣдуетъ пять пѣсенъ, записанныхъ составителемъ въ упомянутой выше Нижней-Пи-

саревкѣ и обозначенныхъ имъ, какъ *писни постови*. — „Спиваютця — говоритъ объ этихъ пѣсняхъ Д. И. Эварницкій — у пистъ, для чого дивчата збыраютця посередъ вулыци и роблять „танокъ“. Въ данномъ случаѣ вполнѣ ясно, что примѣчаніе носитъ частный характеръ. Но желательно было бы знать опредѣленно, къ какому посту или постамъ пріурочивается пѣніе приводимыхъ составителемъ пѣсенъ. Во время Великаго поста нигдѣ на Украйнѣ, насколько намъ извѣстно, всенародно пѣсенъ не поютъ; стало быть, *писни постови* поются въ Нижней-Писаревкѣ въ какой-либо изъ лѣтнихъ постовъ, такъ какъ невѣроятно также, чтобы къ тому служилъ Рождественскій постъ.

За *писнямы постовымы* помѣщено четыре *псальмы*. Съ № 63 по № 71 слѣдуютъ пѣсни, означенныя составителемъ, какъ *писни-гулянкы*. Точно, что всѣ эти пѣсни имѣютъ своимъ предметомъ гулянье на улицѣ, но является вопросъ, поскольку можетъ быть обобщено подобное названіе? Пѣсни, названныя авторомъ *гулянками*, записаны имъ въ трехъ губерніяхъ: харьковской, полтавской и черниговской, но мы, напримѣръ, въ послѣдней никогда такого названія не слыхали. При этомъ наше вниманіе останавливается на пѣсняхъ *гулянкахъ* еще потому, что составитель въ предисловіи къ сборнику называетъ ихъ наравнѣ съ веснянками пѣснями *періодическими* (стр. 8.) Такимъ образомъ мы можемъ поставить два вопроса: въ какой мѣстности собиратель слыхалъ названіе *писни-гулянкы*, и къ какому періоду года относится пѣніе этихъ пѣсенъ?

Съ своей стороны замѣтимъ, что терминъ *писни-гулянкы* напоминаетъ намъ въ быту сосѣднихъ украинцамъ великороссовъ *гульбишныя* пѣсни, которыя могутъ быть отнесены къ пѣснямъ періодическимъ. Такъ въ дер. Саломыковой обоянск. у. курск. г. — „гульбишныя пѣсни поются во время послѣсвадебныхъ „гуляній“, — какъ говоритъ г-жа Е. И. Рѣзанова. — Эти „гулянья“ происходятъ обыкновенно: на масленицѣ, „на Троицу“, „на Духовъ день“, „на Михайловъ день“ — престольный праздникъ (8-го ноября)—смотря по тому, когда была свадьба: зимой, весной или лѣтомъ“: [1]) — Есть ли, дѣйствительно, какое-либо соотвѣтствіе между пѣснями *гулянкамы и гульбишнымы?*

Далѣе въ сборникѣ идутъ бытовыя пѣсни: *писни кохання* (№ № 72 — 285), *писни семейнаго жытця* (№ № 286 — 491), въ концѣ которыхъ помѣщена одна *колыскова* — колыбельная пѣсня (№ 492);

---

[1]) Курскій Сборникъ. Изд. курскаго губ. статистическаго Комитета. Выпускъ III. 1902. Часть вторая, стр. 7. (Этнографическіе матеріалы, собранные въ дер. Соломыковой Обоян. у. учительницей Е. И. Рѣзановой.)

затѣмъ слѣдуютъ обрядовыя *весильни писни* (№ № 493 — 676), при чемъ цѣнность ихъ усугубляется въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ записаны въ одномъ мѣстѣ — сл. Нижней-Писаревкѣ. За свадебными пѣснями помѣщены пѣсни *экономическія и сословныя* (№ № 677 — 708). Далѣе идетъ богатый отдѣлъ *историческихъ* пѣсенъ (№ № 709 — 777), затѣмъ слѣдуютъ пѣсни *рекрутскія* (№ № 780 — 792) *солдатскія* (№№ 793 — 805) и, наконецъ, *жартовлыви писни* (№ № 806 — 823) и *сатирическія* (№ № 824 — 830).

Среди пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, довольно много пѣсенъ городского великорусскаго происхожденія. Но вотъ примѣръ пѣсни украинской, принимающей характеръ великорусской залихватской пѣсни подъ гармонику (№ 140):

И гулятъ мени не велять мени,
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!
Уже жъ мени не ходыты пишкы по горишкы.
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!
Уже жъ мени мынаютця дивоцькіи смишкы,
Гоцъ барыня моя! гоцъ сударыня моя!.. и т. д.

Имѣются въ сборникѣ также пѣсни не народныя. Такихъ пѣсенъ мы можемъ отмѣтить три. Это, прежде всего, композиція изъ нѣсколькихъ стиховъ поэмы Шевченка „Черныця Марьяна“, весьма распространенная по Украинѣ. Д. И. Эварницкимъ она записана въ с. Красногоркѣ Полт. г. (№ 83). Начинается эта пѣсня слѣдующими стихами:

Летыть галка черезъ балку
Та летяче кряче,
Молодая дивчынонька .
Ходе гаемъ, плаче:
Не пускае іи маты
Въ раньци до крыныци,
Не пускае жыто жаты
Ще й на вечерыци.
Тилькы дивка у-вечери,
Якъ маты заснула,
Выйшла слухать соловейка,
Мовъ зроду не чула... и т. д.

Къ не народнымъ пѣснямъ мы относимъ № 197. Приведемъ часть этой пѣсни:

Ой ты, садъ, ты мій садъ,
Садъ зелененькый,
На тоби жъ та, мій садъ,
Лыстъ червоненькый.
Чомъ не рано цвитешъ,
Осыпаешся,
Ой куды жъ ты, мій другъ,
Та збыраешся?
Ой чы въ ходъ, чы въ походъ,
Чы въ дориженьку?
Заночуй же, мій другъ,
Хочъ сю ниченьку.
Ночувавъ я зъ тобой
Цилу зимоньку,
А тепера боюсь
Поговориньку...

Признать данную пѣсню за не народную побуждаетъ насъ необычный для украинской народной поэзіи размѣръ ея и его совершенная отдѣлка, особенно въ началѣ пѣсни. Въ пѣснѣ видно искусственное творчество, пренебрегающее для чистоты стиха даже стихійными формами украинскаго языка, какъ напр. видимъ въ двухъ стихахъ, гдѣ вмѣсто обычнаго украинскаго звательнаго падежа — *друже* стоитъ требуемая размѣромъ русская форма — *другъ*, чего въ настоящей народной пѣснѣ быть не могло бы. Возможно, что наши доводы не совсѣмъ убѣдительны, но когда имѣешь дѣло съ народными пѣснями въ теченіе долгаго времени,—всякій стихъ въ пѣснѣ, превышающій извѣстную степень искусственности, свойственную народной поэзіи, бросается рѣзко въ глаза и заставляетъ подозрѣвать себя въ ненародности. Такъ напр. мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы слѣдующая тирада была народна:

Ой коли жъ тебе, серденько, ждати? —

спрашиваетъ козака дивчына. Казакъ отвѣчаетъ:

Якъ стане на степу вітеръ повівати,
Очеретъ та тирсу по степу розсипати,
Тоді мене, моя мила, ждати-піджидати.
Якъ стане по Дніпру хмара похожати,
Старий Дніпръ дощемъ полоскати,
Тоді мене, моя мати, ждати-піджидати!
Якъ стане по небу грімъ грімотати,

Та стане блискавками небо засипати,
Тоді мене, моя мила, ждати-піджидати!
Та принесе мене не мій конь вороний,
Та принесе моі кості вітеръ буйний!
Тоді питай вітра буйного: а де подівався молодий казакъ?
(Чубинскій: Труды, V т. 880 стр. № 442.)

Въ этихъ стихахъ много силы, красоты и картинности, но надъ ними витаютъ тѣни Джемса Макферсона и творца „Краледворской рукописи“ Вячеслава Ганки. Можетъ быть, мы заслуживаемъ упрека въ голословности нашихъ сужденій, но все же народность въ искусствѣ болѣе чувствуется, чѣмъ опредѣляется разумомъ.

Наконецъ, третья пѣсня, которую мы признаемъ не обще-народною, помѣщена подъ № 219. Мы считаемъ ее не обще-народною потому, что не можетъ быть случайнымъ полная близость содержанія данной пѣсни съ содержаніемъ стихотворенія А. С. Пушкина „Узникъ.“ Какъ ни извѣстно послѣднее стихотвореніе, но для большей убѣдительности нашего сближенія его съ пѣснею подъ № 219 процитируемъ здѣсь названное стихотвореніе.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ *орелъ молодой*.
Мой грустный *товарищъ*, *махая крыломъ*,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ-будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „Давай улетимъ!
Мы вольныя птицы; *пора, братъ пора!*
Туда, гдѣ за тучей *бѣлѣетъ* гора,
Туда, гдѣ *синѣютъ морскіе края*,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ, да я!“

А вотъ и самая пѣсня — подраженіе.

Ой марно жъ я, марно
Та въ тюрьми сыджу,
Ой марно жъ я, марно
Въ виконце гляджу.
Туды прылитае
Орелъ молодый

Винъ *крыламы машыть*,
Говоре зо мной:
Товаришъ, товаришъ,
Пора намъ туды,
Де снигы *биліють*,
Сыніють моря,
Де сонце не сходе,
Мисяць не бува.
Сестрыци — подружкы,
Якый теперъ свитъ?
Якъ хто кого любе,
Тамъ правды не ждить:
Воны въ глаза люблять,
За очи корять,
Воны зъ насъ сміютця,
Любыть не хотять.

Вторая половина пѣсни, очевидно, самостоятельна и механически присоединена къ первой, подражательный характеръ которой подтверждается еще тѣмъ, что она обладаетъ тѣмъ же размѣромъ, распространеннымъ также на вторую половину пѣсни, какимъ написанъ „Узникъ“ Пушкина, т. е., четырехъ-стопнымъ амфибрахіемъ съ однимъ усѣченнымъ слогомъ. Въ пѣснѣ этотъ размѣръ кое-гдѣ, не выдержанъ:

Ой марно жъ | я марно | въ виконце | гляджу.
Туды ори | литае | орелъ мо | лодый (ой),
Винъ крыла | мы машыть | говоре зо мной:
Товарышъ | товарышъ | пора намъ | туды...

Этимъ мы закончимъ разсмотрѣніе сборника пѣсенъ Д. И. Эварницкаго. Съ нимъ украинская этнографія пріобрѣтаетъ изданіе, изъ котораго можно будетъ почерпать цѣнный и необходимый для изучающихъ народную словесность матеріалъ. Сборникъ Д. И. Эварницкаго по достоинству можно поставить рядомъ съ III т. „Этнографическихъ матеріаловъ“ Б. Д. Гринченка.

Однако только этимъ мы не можемъ закончить нашу статью по поводу сборника Д. И. Эварницкаго. Мы считаемъ необходимымъ сообщить относительно даннаго сборника одно обстоятельство, которое очень удивитъ читателя.

Сборникъ народныхъ пѣсенъ Д. И. Эварницкаго не разрѣшенъ цензурою!..

Мы недоумѣваемъ, дѣйствительно ли мы живемъ въ 1906 году и наяву читали Манифестъ 17 октября, или какой-то злой волшебникъ маніемъ своего магическаго жезла перенесъ насъ въ 1853 годъ, за полстолѣтія тому назадъ, когда министръ Норовъ писалъ: „Собраніе и обнародованіе... живыхъ памятниковъ старины и преданій — весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ томъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора... всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы, и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному и превратному сужденію о предметахъ священныхъ". [1]) Въ слѣдующемъ же 1854 году тайный комитетъ 2 апрѣля 1848 года, терроризовавшій литературу и убивавшій русскую мысль, нашелъ, что народныя пѣсни, помѣщенныя въ „Саратовскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ", колеблютъ нравственность. Вслѣдствіе этого было повелѣно: сдѣлать выговоръ губернатору, заключить на мѣсяцъ подъ арестъ цензировавшаго газету директора гимназіи и спросить министра: „благонадеженъ ли онъ дальше продолжать службу?" [2]) Положимъ, составителя сборника не постигла какая-либо кара за то, что народъ поетъ неугодныя цензору пѣсни, но все-таки далеко ли мы ушли отъ 1853 года? — 53 года Россія, какъ будто, прожила даромъ!..

Что же опаснаго нашелъ цензоръ въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго? Мы, не желая слишкомъ удлинять нашу статью, не можемъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ, которыя признаны, очевидно, угрожающими государственному порядку. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Не разрѣшена цензоромъ историческая пѣсня (№ 709) объ обращеніи запорожцевъ къ Екатеринѣ съ просьбою вернуть имъ ихъ земли, на что Екатерина отвѣтила отказомъ:

Не на тее, мыле браття, я Сичъ руйнувала,
Ой щобъ я вамъ ваши земли и лугы вертала.

Но варіанты этой пѣсни печатались уже много разъ, какъ и многихъ другихъ пѣсенъ, изъ-за которыхъ задержанъ сборникъ Д. И. Эварницкаго,—конечно, мы увѣрены въ томъ, ненадолго.

---

[1]) Мих. Лемке. Очерки по исторіи рус. цензуры и журналистики XIX ст. 1904. Стр. 293.

[2]) Ibidem, стр. 298.

Или напр. есть ли хоть капля политическаго яду въ такой „запрещенной“ пѣснѣ?

Ой Боже жъ нашъ мылостывый,
Що жъ мы наробылы,
Що степъ добрый, край веселый
Та й занапастылы?
Що маю жинку, та маю дитокъ,
А я жъ ихъ не бачу,
А прыйдетця до горенька,
Я гирко заплачу.
Що було пыты, та було йисты,
Хороше сходыты,
Що штани сыни, та жупанъ красный,
Черкеська шапка,
Ой смушевая, та хорошая,
Червоное денце,
А поясочокъ та на станачокъ,
Чоботы сапьянци. (№ 713).

Кромѣ пѣсенъ историческаго содержанія особенное цензурное подозрѣніе вызвали пѣсни рекрутскія, такъ какъ въ нихъ рекрутъ не рвется въ бой и не собирается пожирать глазами свое начальство, а напротивъ, въ пѣсняхъ слышатся грустныя ноты. Таковъ характеръ украинскихъ рекрутскихъ пѣсенъ вообще. Въ одной рекрутской пѣснѣ новобранцевъ просятъ вернуться домой, но они отвѣчаютъ:

Ради жъ ми ся вернути,
Насъ царъ не пускае.
Ой чому жъ вінъ не пускае?
Бо вінъ роскішъ мае,
Сидить собі на престолі,
На скрипочку грае.
А скрипочка оріхова,
А смичокъ изъ рути,
Якъ заграе „московщини“, –
На всю Польщу чути.
(Чуб. Труды, V, стр. 969).

Въ другой пѣснѣ рекрутъ говоритъ своей матери:

Воливъ би я білъ камінь излупати,
Ніжъ я маю государське шмаття вбрати.
Ой я білъ камінь излупаю, стану відпочину,
Государське шмаття вберу — навіки загину.
Ой заплачешъ, якъ мене, молоденького, въ війску забачишъ,
Ой заплачешъ дрібними слезами,
Якъ я буду присягати передъ образами.

(Ibidem, стр. 973.)

А вотъ въ какомъ свѣтѣ рекруту рисуется его будущее возвращеніе на родину:

Я до тебе, матушка, семого году прибуду,
Я до тебе, матушка, салдатиківъ наведу.
Сяду піду, матушка, у зеленому саду,
Своіми сухотами весь садочокъ висушу,
Дрібними слізоньками всі ріки наповню.

(Ibidem, стр. 1009.)

Въ сборникѣ Д. И. Эварницкаго рекрутскія пѣсни носятъ гораздо болѣе умѣренный характеръ въ отношеніи указываемыхъ грустныхъ мотивовъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались уже чуть ли не во всѣхъ сборникахъ и не въ нынѣшнія времена.

Приведу одну рекрутскую пѣсню, записанную Д. И. Эварницкимъ, по которой прошелся цензоръ своимъ кровавымъ перомъ.

Маты сына спровожала, все прыказувала:
Служы, служи, мій сыночку, служы Богу и цареви,
Служы Богу и цареви до пьятнадцяты годочокъ.
А въ пьятнадцятомъ году иды, сынку, до дому.
А пьятнадцять годъ пройшло, иде сынъ въ ридне село,
Не доходе до воритъ, пытаетця: де мій ридъ?
Вн тебе роду вже нема: отець-маты померла,
Отець-маты померла, а сестра замижъ пишла,
Остаетця одынъ братъ, та й той ище не жонатъ.

(№ 789.)

И только? — спроситъ читатель. — Да, и только!

Мы не дѣлаемъ дальнѣйшихъ указаній. Достаточно того, что есть, и къ чему нельзя отнестись равнодушно. Долго ли въ Россіи будетъ повторяться классическій анекдотъ съ турецкимъ цензоромъ, пропявшимъ химическую формулу H_2O за пасквильное сокращеніе имени султана Абдула Гамида II-го и потому запретившимъ учебникъ химіи?..

Владиміръ Даниловъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Договоръ монастыря со снѣцаремъ (1720 г.). Верстахъ въ 6 отъ прославленнаго Гоголемъ мѣстечка Сорочинецъ, на обширномъ зеленомъ лугу, по которому причудливо вьется извилистый Псел[illegible], на правомъ берегу рѣки есть урочище, которое жители до сихъ поръ называютъ монастыремъ. Верстахъ въ $1^1/_2$ отъ этого урочища, надъ крутой излучиной Псла, по возвышенному берегу расположено другое урочище, называемое „виноградомъ“. По очень точнымъ разсказамъ жителей Малаго Перевоза (Хатки-тожъ), деревни, раскинувшейся на лѣвомъ берегу Псла,—на лугу стоялъ въ „старыя времена“ Свято-Михайловскій монастырь, а на высокомъ берегу рѣки находилась монастырская часовенка, кругомъ которой раскинулись воздѣлываемые иноками виноградники. Мѣсто часовенки было еще недавно огорожено, но теперь отдано уже подъ усадьбу. На мѣстѣ самаго монастыря стоитъ крытая соломой хата казеннаго лѣсника. Кругомъ этого скромнаго жилья раскинулись глубокіе пески, въ которыхъ пастухи еще до сихъ поръ находятъ наконечники стрѣлъ, указывающіе на какую-то значительную битву, происходившую близъ монастыря,—вѣроятно при нападеніи татаръ.

Въ дер. Хаткахъ, у одного изъ мѣстныхъ жителей, по фамиліи Ростовскаго, я нашелъ относящійся до исчезнувшаго монастыря документъ, который и воспроизвожу здѣсь вовсей его простодушной цѣлости съ сохраненіемъ правописанія (я устранилъ только сокращенія съ титлами и изобразилъ кое-гдѣ славянскую буквенную цыфирь обыкновенною; мѣстами впрочемъ и въ документѣ стояли простыя цыфры). Вотъ самый текстъ:

Року Тысяча Сѣмъ Сотъ Двадцятого., Іануаріа Первого Дня. Іа Василь Снѣцаръ[1]) Сорочинскій поднялся и уговорился в Его Милости

---

[1]) „Снѣцаръ“—польское Snycerz—скульпторъ-рѣзчикъ.

(слово не разобрано) отца Сарафіона Іерофеевича Ігумена Монастыра Сорочинскаго Свято Михайловскаго ложити мою Працю и Майстерство снѣцарское на верхнюю в Храмѣ Рождества Пресвятыя Богородици тояж Сорочинской обители именуючи отнамѣстной Праздники дванадцять. Архіерея з фрамугою рѣзаною, Апостоли з Пророками в штабахъ рѣзаніи и в каляхъ? во[пло?]щеніе. и Распятіе со Пречистой Дѣвою Маріею, Іоанномъ Богословомъ буду при помощи боговой, якъ сила и способу моего станет, неотпустне и неоспале прилѣгати свой дбалости и радѣніа споспѣшеніемъ чинити. Накоторій мой любовни уговоръ и умовленье Его милость Прев[елебній](конецъ слова отрѣзанъ) отецъ Ігуменъ обители Святой Сорочинской в дѣлѣ працѣ моей поспѣшеніемъ Божіимъ оную роботу снѣцарскую верхнюю обѣцуетъ дати.

Грошей осмъ десят золотихъ[1]); борошна житного три осмачки; гричаного едну осмачку сѣяного; пшеничнаго борошна повтори осмачки; пшона мѣшковъ два; гороху еденъ четверикъ; на сало грошми (взялъ сало хорошее) пять золотыхъ; соли камень единъ (отдали). На обрѣзки каруку (далъ) (два слова затерты).

Начомъ яко за власнимъ моимъ поднятьемъ натоѣ мое рукодѣліе снѣсарское доброво(лнимъ) соизволеніемъ стался общи уговоръ, втомъ дѣлѣ охочою щиростю по(дпи)суюся совершенно вохвалу и славу хвалимую(ого?) и препрославленнаго им(ени) божіа воизвѣстное заменіе сіе писаніе для достойнаго вѣроятіа подкр(ѣпляю) знаменіемъ: подаю Року мѣсяца и дня вижей писанного. —"

На поляхъ, обрѣзанныхъ вмѣстѣ съ концами словъ, а иногда и цѣлыми словами (что я отмѣчаю скобками),—сохранились отмѣтки о разновременныхъ уплатахъ, производимыхъ „снѣцарю" и его сотрудникамъ со стороны монастыря. А именно:

„Дали перше золотихъ десять". — „На вѣханіе (въѣханіе) 7 дне далъ умѣстѣ золотыхъ двадцять." — „Взялъ таляръ априля 6: 1721 року."—(„ На с)ало(или за сало?) далъ сорокъ всѣхъ року 1721."— Августа третиаго далъ Михайловѣ снѣцару золоти якъ ихавъ досаду."— „Зробивши всю роботу далъ василеви снѣцару зол шестнадцятъ толко зосвсѣмъ ему и приходило".

Имѣются также отмѣтки относительно расплаты продуктами на поляхъ и на оборотѣ страницы (вверху и внизу листа цѣлыя фразы съ такими отмѣтками отрѣзаны): „взялъ двѣ осмачки" „далъ чет..."—„взялъ пол(четверика)."—„еще полчетверика."—Въ графѣ „на сало грошми" вставка: „взялъ сало хорошее" (очевидно снѣцаръ согласился взять не

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о „золотыхъ польскихъ" [15 коп.].

[2]) Праздникъ Входа Господа въ Іерусалимъ (Вербное воскресенье). Ред.

деньгами, а натурой, въ виду соблазнительныхъ качествъ сала).—„Горѣлки дали барилце“ [эта фраза зачеркнута]—„Борошно снѣцаръ собираетъ, житное взялъ полосмачки предвознесеніемъ 7 дн: . . . . . еще житной четверикъ дали іюня 27; гречаное . . . . . еще взялъ четверикъ января 25. 1722 року.; пшеничное, взялъ еще четверикъ мая 2: еще взяли 23: четверикъ; іюля 3: взялъ борошна пшеничного два четверика догосподи“.

Такимъ образомъ работа продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Въ качествѣ участниковъ упоминаются два снѣцаря, Василій и Михайло, и одинъ маляръ. Повидимому на время работы снѣцаръ получилъ право ѣздить съ иноками по приходу и участвовать въ сборѣ, причемъ доброхотныя даянія, приходившіяся на его долю, иноки записывали въ счетъ уплаты. Нельзя не замѣтить, что языкъ этого небольшого документа, относящагося къ петровскому времени, болѣе близокъ къ простонародному украинскому языку, чѣмъ тогдашній книжный.

Когда уничтоженъ Свято-Михайловскій монастырь и почему уничтоженъ такъ радикально, что отъ него не осталось ничего, кромѣ воспоминаній да названія урочищъ,—сказать не могу. Жители разсказываютъ, что еще и теперь извилистый Пселъ по временамъ отваливаетъ глинистые пласты берега и обнажаетъ гробы на бывшемъ монастырскомъ кладбищѣ. Одинъ изъ такихъ случаевъ особенно ярко остался въ народной памяти, и мнѣ разсказывалъ о немъ сынъ очевидца (Александръ Матяшъ). Было это лѣтъ уже 35 назадъ. Отецъ разсказчика плылъ по рѣкѣ въ челнокѣ, и ему вдругъ сдѣлалось отчего-то страшно. Это его удивило, такъ какъ ранѣе ему случалось много разъ плавать мимо монастырища, и „ніякого остраху не було“. Вѣроятно это чувство было вызвано тѣмъ, что Пселъ въ этотъ день оторвалъ значительную часть берега, отчего видъ самыхъ береговъ измѣнился. Повернувъ за мысокъ,—пловецъ вдругъ увидѣлъ на половину вымытый въ яру гробъ, наклонившійся къ песчаной отмели. „Причілокъ“ гроба былъ оторванъ, и въ гробу лежало „якесь усе въ золоти та у медаляхъ“. Матяшъ сильно испугался и ударилъ въ весла, но въ это время замѣтилъ на пескѣ блестящій предметъ. Несмотря на испугъ, онъ причалилъ къ берегу и поднялъ серебряную доску, вершковъ въ 5 длиной, вершка 4 въ ширину. На доскѣ была надпись, относившаяся очевидно къ знатному мертвецу. Содержаніе надписи разсказчикъ зналъ лишь смутно. По его словамъ, въ ней говорились, что здѣсь погребенъ такой-то, перечислялись его чины и ордена, сообщалось, что тѣло перевезено сюда изъ столицы, причемъ говорилось даже о томъ „скилько коней везло його зъ Петербургу“. Фамилію разсказчикъ опредѣленно назвать не могъ, но ему кажется, что это былъ Капнистъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе,

что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сорочинецъ есть родовое имѣніе Капнистовъ. Дальнѣйшая исторія серебряной доски, найденной Матяшомъ, довольно характерна. Онъ отнесъ находку въ Сорочинцы и показалъ одному изъ тамошнихъ священниковъ (напоминаю, что это было болѣе 30 лѣтъ назадъ). Священникъ взялъ ее къ себѣ, обѣщая отослать въ какое-то учрежденіе, откуда нашедшему выдадутъ награду. Однако прошло много времени, никакой награды не выходило, и наконецъ священникъ заявилъ, что доску онъ потерялъ. Объясненіе, конечно, маловѣроятное. Отослалъ ли почтенный іерей доску, только отъ своего имени, въ какое нибудь учрежденіе, или въ простотѣ сердца перелилъ ее въ ложки для скромнаго домашняго употребленія, такъ, разумѣется, и осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **Вл. Короленко**.

Необходимое поясненіе. Въ „Отчетѣ о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь", напечатанномъ въ V—VI кн. „Кіевской Старины" 1906 г., въ числѣ недостатковъ редактированнаго мною словаря самымъ существеннымъ признается неполнота его вообще и въ частности не полное знакомство съ произведеніями малорусской словесности до 1870 года, между тѣмъ какъ „въ программу, составленную редакціей „Кіевской Старины", включено требованіе использовать всю малорусскую литературу въ предѣлахъ до этого года." (стр. 229). Въ другихъ мѣстахъ „Отчета" говорится о „требованіи, обращенномъ къ редактору со стороны редакціи „Кіевской Старины"... „сдѣлать выборку изъ *всѣхъ* собраній украинскихъ этнографическихъ матеріаловъ" (стр. 205) и „изъ украинскихъ словарей" (стр. 213).

Категорическія утвержденія, заключающіяся въ процитированныхъ мною словахъ, явились вѣроятно слѣдствіемъ нѣкоторой неясности, допущенной въ изложеніи этого вопроса моимъ предисловіемъ къ словарю, такъ какъ такихъ требованій редакція „Кіевской Старины" совершенно мнѣ не ставила. Я получилъ отъ нея сведенный въ алфавитъ матеріалъ, давшій до 49000 словъ, и могъ ограничиться однимъ редактированіемъ того, что мнѣ было дано, не смотря на то, что матеріалъ этотъ далеко не охватывалъ ни всей украинской литературы до 1870 года, ни всей этнографической литературы и оставлялъ въ сторонѣ словари, появившіеся послѣ 1870 г. Какъ то отмѣчено и академической рецензіей (см. стр. 193), я предложилъ дополнить этотъ матеріалъ новыми словами, и данная мнѣ, вслѣдствіе этого, редакціей „Кіевской Старины" программа только и заключала, какъ conditio sine qua non, одинъ пунктъ о томъ, чтобы источниками для словаря слу-

жили исключительно книги, изданныя до 1870 г. Затѣмъ уже, впослѣдствіи, по моимъ предложеніямъ, программа эта была расширена до тѣхъ предѣловъ, какіе указаны въ моемъ предисловіи къ словарю (см. стр. 194-ю „Отчета“ въ „Кіев. Старинѣ“ [1]). Но программа эта имѣла характеръ чисто ограничительный: она указывала мнѣ предѣлы, за которые я не имѣлъ права выходить, но совсѣмъ не требовала, чтобы я использовалъ этотъ матеріалъ въ указанныхъ границахъ весь.

Такого требованія невозможно было прядъявить мнѣ уже по одному тому обстоятельству, что при данныхъ условіяхъ мнѣ невозможно было его выполнить. Какъ отмѣчено и академической рецензіей, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало времени для того, чтобы можно было охватить весь матеріалъ въ указанныхъ границахъ. Лично произвести выборку словъ изъ книгъ я не могъ, такъ какъ все мое время уходило на обработку матеріала, и это прекрасно понимала редакція „Кіевской Старины“ и въ силу уже одного этого не ставила и не могла мнѣ поставить требованія объ использованіи того или иного количества источниковъ. Для выписки новыхъ матеріаловъ необходимо было приглашеніе иныхъ лицъ, что, какъ связанное съ извѣстными затратами, зависѣло, конечно, не отъ редактора. Такъ какъ такія лица приглашены не были, то редактору просто предоставлено было право сдѣлать, не выходя изъ установленныхъ границъ, дополненія изъ тѣхъ матеріаловъ, которые уже имѣлись готовыми въ моментъ согласія на это редакціи „Кіевской Старины“. Эти матеріалы были таковы: а) слова, мною выписанныя на карточки или записанныя изъ устъ народа, б) записи отъ народа, присланныя къ этому времени нѣсколькими лицами. Послѣ того г-жею М. Н. Гринченко и отчасти иными лицами, по собственному ихъ желанію, сдѣлана была выборка на карточки еще новыхъ матеріаловъ изъ книгъ, указанныхъ мною. Правда, впослѣдствіи и самъ я нашелъ нѣкоторую возможность урвать часть своего времени на выборку матеріала изъ книгъ, но это не входило въ первоначальные разсчеты редакціи „Кіевской Старины“ и мои, и безъ помянутыхъ выше условій дополненіе словаря новыми словами не было-бы сдѣлано вовсе.

---

[1]) Невозможностью для меня выйти изъ этихъ предѣловъ объясняется то обстоятельство, что въ числѣ источниковъ словаря отсутствуютъ произведенія Драгоманова, Франка, Старицкаго, Пчілки, Кропивницкаго, Крымскаго и др., на что указываетъ „Отчетъ“. Произведенія Баштового (И. Левицкаго), Мирнаго, Млаки, Свидницкаго не составляютъ (какъ полагаетъ „Отчетъ“, стр. 213) исключенія изъ общаго правила, такъ какъ всѣ эти писатели начали свою дѣятельность до 1870 г. Указанные „Отчетомъ“ (стр. 207), какъ неиспользованные, I и III томы „Етнольогічних материялів“, въ дѣйствительности использованы, и слова и цитаты изъ нихъ обозначены въ словарѣ сокращеніемъ: *МУЕ*.

Изъ переданныхъ мнѣ редакціей „Кіевской Старины“ матеріаловъ видно было, что нѣкоторыя книги, изданныя до 1870 года, были или совсѣмъ не использованы, или использованы не вполнѣ. Въ виду краткости времени приходилось дѣлать выборъ: важнѣйшія изъ книгъ, не использованныхъ совсѣмъ или использованныхъ недостаточно, были прочитаны вновь; на остальное у редактора и его главнаго сотрудника по собиранію метеріаловъ уже не хватило времени...

То-же самое повторилось и съ этнографическими сборниками. „Отчетъ“ совершенно справедливо указываетъ на то, что въ спискѣ источниковъ отсутствуютъ сборники г.г. Булгаковскаго, Бобровскаго, Янчука, Бессарабы и др. Но редактору представлялась дилемма: что́ признать болѣе необходимымъ для полноты словаря: помянутыя работы, или-же „Малорусскіе народные преданія и разсказы“ Драгоманова, „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ Антоновича и Драгоманова, „Записки Юго-западнаго Отдѣла Р. Географическаго Общества“, „Народные обряды и пѣсни Лубенск. у.“ Милорадовича, „Гуцульщину“ Шухевича, „Сказки“ Манжуры, „Етнографічний збірник“, „Материяли до укр.-р. етнольогії“ и пр.? Высокая цѣнность этихъ работъ, безъ пользованія которыми прямо таки немыслимъ сколько-нибудь порядочный украинскій словарь, безусловно ставила прочтеніе ихъ на первый планъ, отодвигая всѣ иныя на второй въ разсчетѣ на то время, которое, быть можетъ, останется въ запасѣ послѣ использованія главныхъ сборниковъ. А между тѣмъ времени и рабочихъ силъ было такъ мало, что осталось неиспользованнымъ многое даже изъ поставленнаго на первомъ планѣ,—напр., нѣкоторые томы „Етнографічного збірника“...[1])

Вотъ истинная причина того, что напр., сѣверно-малорусское нарѣчіе оказалось такъ слабо представленнымъ въ Словарѣ. „Мы имѣемъ основаніе утверждать“,—говорится въ рецензіи,—„что Б. Д. Гринченко, или предшествующіе редакторы словаря умышленно оставляли въ сторонѣ сѣверно малорусскій матеріалъ“. Но вслѣдъ за этимъ та-же рецензія указываетъ, „что самъ Б. Д. Гринченко въ своемъ библіографическомъ трудѣ: „Литература украинскаго фольклора“ (Черн., 1901) тщательно отмѣчаетъ всѣ работы, касающіяся сѣверно-малорусскихъ областей“. Это послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, какъ смотритъ редакторъ Словаря на сѣверо-малорусское нарѣчіе; поэтому можно сказать, что если игнорированіе сѣверно-малорусскаго матеріала имѣло

---

[1]) Конечно, въ спискѣ источниковъ находится нѣсколько книгъ, пользованіе которыми можно было-бы отнести даже и на третій планъ; но выписки изъ нихъ уже имѣлись готовыми, оставалось только примѣнить ихъ къ дѣлу безъ затраты труда на добываніе ихъ.

мѣсто, то ни въ какомъ случаѣ не могло это быть сдѣлано редакторомъ Словаря.

„Отчетъ“ приводитъ изъ моего предисловія ту программу пользованія раньше составленными словарями, которой я слѣдовалъ и гдѣ, между прочимъ, говорится: „Изъ словарей Желеховскаго и Шейковскаго, по причинамъ, которыя понятны послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній объ этихъ словаряхъ, мы брали только тѣ слова, въ существованіи и правильномъ объясненіи которыхъ были болѣе или менѣе увѣрены, а въ то-же время не находили ихъ въ карточкахъ“. Редакторъ не можетъ, конечно, не согласиться съ рецензіей въ томъ, что выставленный здѣсь критерій слишкомъ субъективенъ, чтобы быть вполнѣ научнымъ. Конечно, слѣдовало-бы поступить иначе. Принимая во вниманіе, что нѣкоторые составители словарей (Партицкій, Пискуновъ, Верхратскій, К. Левицкій) сами составляли слова для перевода тѣхъ или иныхъ словъ объясняемаго языка, и слова эти въ литературу не вошли, но за то ихъ включили въ свои словари авторы нѣкоторыхъ другихъ словарей (напр. Желеховскій); что нѣкоторые авторы (напр. авторъ „Ужинка“) также занимались составленіемъ подобныхъ словъ, никѣмъ изъ писателей не принятыхъ и даже ими самими впослѣдствіи оставленныхъ, и слова эти попадали въ нѣкоторые словари (Закревскій, Желиховскій); что составители словарей вносили въ нихъ иногда явные великоруссизмы или полонизмы, употребленные украинскими писателями по ошибкѣ или по недостаточному знанію языка, — принимая все это во вниманіе, составитель словаря долженъ былъ-бы поступить такимъ образомъ: обслѣдовать *каждое* слово *каждаго* словаря безъ исключенія, опредѣлить его источникъ и затѣмъ распорядиться словами въ зависимости отъ полученныхъ результатовъ. Слова явно чужія и не пріобрѣвшія правъ гражданства въ украинскомъ языкѣ лучше всего было-бы оставить въ сторонѣ; слова народнаго или литературнаго украинскаго языка подлежали-бы внесенію въ словарь; что-же касается словъ выдуманныхъ и не пошедшихъ далѣе одного автора или какого либо словаря, то, если даже и прійти къ выводу о необходимости внесенія ихъ въ словарь, необходимо было каждое такое слово сопроводить соотвѣтствующимъ замѣчаніемъ о его происхожденіи, чтобы оно не могло быть принято за слово, явившееся результатомъ органическаго роста языка. Такой путь предстоялъ составителю словаря, и путь этотъ былъ-бы имъ пройденъ, если-бы составитель имѣлъ въ своемъ распоряженіи для работы не два съ половиною года, а хотя-бы пять лѣтъ. При отсутствіи же этого послѣдняго условія ему оставалось одно: принять ту программу, какую онъ принялъ,—тѣмъ болѣе, что даже для выполненія только ея у него не хватило въ концѣ концовъ времени...

Таковы причины того, что обработанный мною словарь не заключаетъ въ себѣ многаго, на что совершено справедливо указываетъ рецензія высокоуважаемаго академика А. А. Шахматова. Вполнѣ соглашаясь съ нимъ въ этомъ отношеніи, редакторъ въ то-же время можетъ сказать со спокойной совѣстью, что онъ, въ предѣлахъ его силъ и знаній, сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы словарь былъ по возможности полнѣе и представлялъ какъ можно болѣе словъ, датированныхъ точной ссылкой на источникъ.

Еще два слова по поводу замѣчанія относительно „нѣкоторой неточности въ выпискахъ изъ авторовъ и этнографическихъ матеріаловъ“ (стр. 220). За исключеніемъ замѣны правописанія авторовъ правописаніемъ, принятымъ для словаря, редакторъ тамъ, гдѣ выписки изъ источниковъ производились имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, придерживался текста съ полной точностью; что-же касается матеріала, переданнаго ему редакціей „Кіевской Старины“, то тамъ дѣйствительно попадались выписки съ отступленіемъ отъ этого правила. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ все это было редакторомъ исправлено путемъ сличенія выписокъ съ источниками; но, конечно, кое что и ускользнуло отъ его вниманія, благодаря крайней спѣшности работы. Предполагалось, что такія упущенія будутъ еще исправляться при печатаніи, во время корректированія Словаря.

Кіевъ, 1906. VII. 20. **Б. Гринченко**

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. I. Въ 1839 г. въ Полтавѣ и другихъ городахъ въ губерніи, гдѣ были расположены воинскія части, была введена „постойная повинность“. Дома обывателей оцѣнивались и съ оцѣнки взимался 1%, что и вносилось въ „комитетъ о постойной повинности“. Суммы эти расходовались на нужды расположенныхъ войскъ: наемъ квартиръ, отопленіе и т. п. Окраины были освобождены отъ обложенія, но за то здѣсь эта повинность выполнялась натурою. Въ засѣданіи городской думы, 21 февраля 1839 г., былъ возбужденъ вопросъ объ оцѣнкѣ дома, принадлежавшаго И. П. Котляревскому. Выяснилось, что по духовному завѣщанію, этотъ домъ поэтомъ былъ назначенъ вдовѣ унтеръ-офицера Матренѣ Веклечевой. Оцѣненъ онъ былъ въ 6000 руб. Помимо дома, поэтъ имѣлъ большую леваду, на Подолѣ, оцѣненную также въ 6 тыс. и отписанную имъ супругѣ надворнаго совѣтника Стеблинъ-Каминской. Это была супруга Павла Стеблина-Каминскаго, друга поэта, въ семьѣ котораго онъ часто бывалъ. Павелъ Стеблинъ-Каминскій служилъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія

(1856 г.), былъ правой рукой князя Репнина и др. Замѣтка эта о поэтѣ интересна, она указываетъ на имущество, оставленное имъ. (Протоколы засѣд. гор. думы, 21 февраля 1839 г. л. 45—46).

II. Изъ біографій поэта извѣстно, что онъ имѣлъ крестьянъ, отпущеннымъ имъ, незадолго до смерти, на волю. Сохранился документъ, подтверждающій этотъ фактъ—журналъ засѣданія полтавской городской думы отъ 23 ноября 1840 года. Приводимъ его цѣликомъ: Сообщеніе полтавскаго городского магистрата, отъ 22 ноября за № 1677, коимъ вслѣдствіе указа полтавской казенной палаты отъ 30 октября за № 11080 въ оный магистратъ послѣдовавшаго, увѣдомляетъ, что отпущенный на волю изъ крестьянства помѣщика маіора Ивана Котляревскаго Акимъ Догадайло, въ одной мужско и одной женско пола душахъ, причисленъ въ полтавскіе мѣщане съ начала будущаго 1841 года со льготою отъ платежа податей равно личныхъ и денежныхъ городскихъ повинностей и службъ на два года". (Ж. Г. Думы 1840, 23 Ноября).

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

Вызовъ полтавскихъ помѣщиковъ для управленія конфискованными имѣніями въ волынской губерніи. Министерство государственныхъ имущество предложило въ 1840 году полтавскому губернатору вызвать помѣщиковъ, какъ администраторовъ по имѣніямъ, конфискованнымъ въ волынской губерніи въ пользу казны. При этомъ требовалось „чтобы они были одного вѣроисповѣданія съ крестьянами, которые поручаются имъ въ администрацію и чтобы отъ оной устранены были лица, которыя могли бы притѣснять крестьянъ за принадлежность къ православной церкви или ослаблять союзъ съ нею тѣхъ, которые съ нею возсоединились.". Всѣхъ имѣній было 32. Вотъ списокъ ихъ по уѣздамъ, съ указаніемъ числа душъ и количества земли:

	Число имѣній.	Крест.	Вольн.	Дес. земли.
Въ кременецкомъ	3.	327.	2.	1919.
„ владимірск.-волынск.	3.	925.	2.	12219.
„ старо-константинов.	2.	302.	82.	1007.
„ ровенскомъ	4.	3365.	„	10648.
„ дубенскомъ	4.	1648.	266.	7406.
„ овручскомъ	3.	1053.	37.	20514.
„ житомірскомъ	1.	46.	„	218.

	Число имѣній.	Крест.	Вольн.	Дес. земли.
Въ новгородъ-волынскомъ . . .	2.	461.	337.	3803.
„ заславскомъ	1.	50.	8.	478.
„ луцкомъ	8.	452.	223.	11315.
„ острожскомъ	1.	907.	„	1322.

На какихъ основаніяхъ были приглашены администраторы, изъ дѣла не видно. Желающихъ въ полтавской губерніи не оказалось, какъ объ этомъ увѣдомили губернатора уѣздные предводители. (Двор. арх. 1840. № 70).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *Донесеніе Петра Полторацкаго кн. Репнину о грабежѣ имѣній Муравьева-Апостола.* Въ Миргородскомъ уѣздѣ, съ конца XVIII ст. владѣли большими помѣстьями Муравьевы-Апостолы, потомки, по женской линіи, гетмана Даніила Апостола. Въ имѣніяхъ этихъ (Хомутецъ, Поповка и хуторъ Столбинъ) было болѣе 6 тыс. душъ. Въ 1817 году Муравьевъ-Апостолъ просилъ кн. Репнина о „скорѣйшемъ исполненіи указа и законнаго введенія его во владѣніе наслѣдства". Это былъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ (1765 † 1851), очень образованный человѣкъ, хорошо знакомый съ древними и новыми языками. Онъ много писалъ противъ подражанія всему французскому, о чемъ написалъ въ „Сынъ Отечества" цѣлый рядъ писемъ, гдѣ разбиралъ увлеченіе того времени всѣмъ французскимъ. Переводилъ „Горація", „Облака" Аристофана, комедію „Ошибки" и т. д. Служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ (его біографія см. „Русская Старина" 1903 г.). До полученія этихъ имѣній, ими управлялъ Петръ Полторацкій, помѣщикъ лубенскаго уѣзда. Вотъ что онъ писалъ кн. Репнину о положеніи этихъ имѣній, рисующее порядки стараго времени." За присланные два письма черезъ Г. Новикова (это былъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора) и, получивъ поставляю непремѣнною обязанностью принесть мою всенижайшую благодарность и вмѣсто оной о дѣлѣ, которое, думаю, вашему сіятельству, небезъизвѣстно, какой оборотъ взяло. Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ извѣщаетъ меня о успѣхѣ своего процесса и какъ прежде сего все имѣніе препоручено было мнѣ принять въ свое вѣдѣніе, такъ и нынче проситъ не упустить изъ виду то, что можетъ послужить къ его пользѣ или къ отвращенію разныхъ грабежей, производимыхъ въ имѣніи. Хотя коммисаръ (т. е. исправникъ) миргородскій и полу-

чилъ отъ вашего сіятельства предложеніе имѣть надзоръ подъ рукой, но ни малѣйски сіе не послужило къ охраненію, ибо денно и нощно вывозятся вещи: хлѣбъ и все, что только возможно вывесть и вынесть. Самъ я лично повстрѣчалъ значительный обозъ съ хлѣбомъ, который везенъ былъ въ имѣніе Г. Галецкаго въ хорольскомъ повѣтѣ состоящее, по самой распутицѣ, тому назадъ двѣ недѣли. Перевозсчиками сими изнурили крестьянъ до крайности; время посѣва хлѣба черезъ сіи грабежи пропустили, и Муравьевъ-Апостолъ и невинные его крестьяне останутся безъ хлѣба; не обинуясь донесу вашему сіятельству, что съ полученія извѣстія о оборотѣ дѣла не стало въ имѣніи ни единой лошади и никакой скотины—все согнано въ имѣніе Г. Галецкаго и Ломиковского. Простите, сіятельный князь, если обременяю васъ чтеніемъ сихъ подробностей; предполагая, что въ моей есть обязанности довесть до свѣдѣнія вашего сіятельства дѣйствія коммисара, вопреки имъ полученнаго предписанія. Съ искреннимъ высокопочитаніемъ и непоколебимою преданностью и проч. Петръ Полторацкій. (Арх. П. Губ. Правленія по описи № 73, л. 346—347).

Прим. Петръ Марковичъ Полторацкій былъ первый, со времени учрежденія полтавской губерніи, предводитель дворянства лубенскаго уѣзда (съ іюля 1802—янв. 1809). Началъ службу въ л.-г. Семеновскомъ полку въ 1775 г. но въ 1797 г. оставилъ службу съ чиномъ подпоручика.

II. *Жалоба титул. совѣтника Бровка объ отказѣ наградить его орденомъ Владиміра 4 ст.* Въ 1828 году на хуторѣ Помазанъ, въ миргородскомъ уѣздѣ случился пожаръ. Титулярный совѣтникъ Бровко принималъ участіе въ тушеніи этого пожара, причемъ спасъ 12 человѣкъ и въ награду за это просилъ кн. Репнина представить его къ Владимірскому кресту. Кн. Репнинъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ не находилъ, чтобы Бровко, съ опасностью для своей жизни, спасалъ этихъ 12 человѣкъ. Бровко, недовольный отказомъ, жаловался на князя Репнина и въ 1837 г. былъ запросъ по этому дѣлу къ генералъ-губернатору графу Строганову о подвигѣ этого титулярнаго совѣтника. Гр. Строгановъ и представилъ мнѣніе кн. Репнина, что Бровко не жертвовалъ собой при спасеніи этихъ лицъ и такимъ образомъ, Бровку не удалось себя наградить. (Арх. П. Губ. Правл. 1837, по описи № 343, л. 3).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Отказъ губернатора принять въ подарокъ кубокъ отъ харьковскаго дворянства. Въ 1837 г., въ августѣ мѣсяцѣ Харьковъ посѣтила императрица Александра Федоровна. По этому случаю, дворянство устроило балъ, и „преисполненное будучи въ семъ случаѣ чувствами безпредѣльной преданности къ виновницѣ своего благополучія", постановило „упрочить навсегда память столь незабвеннаго для нихъ событія, обнеся каменною стѣною пристроенную лишь на сей случай деревянную залу, и для того собрана была мгновенно довольно значительная сумма". Собраніе въ этомъ же засѣданіи „заключило тутъ же на мѣстѣ протоколъ за подписью уѣздныхъ предводителей и дворянъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на поднесеніе харьковскому губернатору кн. Трубецкому серебряннаго кубка „съ вырѣзаньемъ на ономъ именъ всѣхъ особъ подписавшихся". Губернаторъ отказался и на имя губернскаго предводителя послалъ объ этомъ оффиціальную бумагу. Харьковскій (онъ же полтавскій и черниговскій) генералъ-губернаторъ счелъ долгомъ объ этомъ увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ гр. Блудова, одобрившаго отказъ губернатора. Въ то время существовалъ законъ (отъ 2 Августа 1831 г.), запрещавшій начальникамъ принимать подарки, и этотъ законъ соблюдался строго. Полтавское дворянство рѣшило чествовать и поднести серебрянныя вазы предводителю дворянства Горленку и кобелякскому уѣздному судьѣ П. Потоцкому, но администрація воспрепятствовала этому, въ силу этого зазакона. (Арх. Губ. Правл. 1837. по описи № 388).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**